

Елена Викторовна Падучева — доктор филологических наук, профессор, иностранный член Американской академии наук и искусств.

Окончила Московский университет. С 1957 г. работает во Всероссийском институте научной и технической информации РАН. Кандидатскую диссертацию защитила под руководством Вяч. Вс. Иванова. В 1974 г. опубликовала книгу «О семантике синтаксиса», посвященную проблеме описания вклада синтаксической структуры в смысл предложения; в 1985 г. — книгу «Высказывание и его соотнесенность с действительностью» о теории референции и прагматических аспектах языка. Книга «Семантические исследования», 1996 г., развивает подход к семантике нарратива, продолжающий традиции московско-тартуской семиотической школы и пионерские идеи Якобсона и Бенвениста о речевом и нарративном режиме интерпретации дискурса. В книге «Динамические модели в семантике лексики», 2004 год, отражен опыт работы автора с базами данных по семантике русского глагола. Книга «Русское отрицательное предложение» соединяет лингвистические и логические традиции изучения отрицания.

Studia Philologica

Е. В. ПАДУЧЕВА • РУССКОЕ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Е. В. ПАДУЧЕВА

РУССКОЕ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Studia Philologica

STUDIA PHILOLOGICA

Е. В. ПАДУЧЕВА

РУССКОЕ
ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2013

УДК 811.161.1
ББК 81.031
П 16

Падучева Е. В.

П 16 Русское отрицательное предложение. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 304 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-9551-0657-1

В книге отражены семантические, синтаксические, морфосинтаксические и лексические аспекты структуры отрицательного предложения. Проведено четкое различие между синтаксическим понятием «предикатное отрицание», т. е. отрицание при сказуемом, и семантическим понятием «общее отрицание». Выделены основные синтаксические типы предикатного отрицания: глобальное отрицание, смещенное, кумулятивное и конструкция с предикативными отрицательными местоимениями. Рассмотрена малоизученная конструкция с «радикальным» отрицанием. Из морфосинтаксических проблем большое внимание уделено генитивной конструкции отрицания. Показана ограниченность трансформационного подхода к отрицанию. Продемонстрированы преимущества композиционного подхода.

Книга адресована специалистам в области общей лингвистики, семантики и синтаксиса русского языка, компьютерной лингвистики; преподавателям-русистам, а также аспирантам и студентам филологических факультетов.

ББК 81.031

*В оформлении переплета использована картина
А. М. Родченко «Беспредметная композиция». 1918,
Картинная галерея имени Б. М. Кустодиева, Астрахань*

ISBN 978-5-9551-0657-1

© Языки славянской культуры, 2013
© Е. В. Падучева, 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

*Посвящается памяти моей мамы,
Александры Леонидовны Падучевой, —
страстному ученому-естествоиспытателю*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сокращения и знаки	10
Предисловие	11
<i>Глава 1.</i> Отрицание в логике и в лингвистике.	16
<i>Глава 2.</i> Средства выражения отрицания в русском языке	17
<i>Глава 3.</i> Семантические типы отрицательных предложений: общее и частное отрицание	18
<i>Глава 4.</i> Сфера действия отрицания. Презумпция и ассерция. Снятая утвердительность	21
4.1. Логический подход к презумпциям	21
4.2. Презумпция и ассерция.	24
4.3. Предложения, не имеющие общего отрицания	25
4.4. Прагматический подход к презумпциям и прагматическая презумпция	27
4.5. Презумпция и импликация; фактивные и имплицитивные глаголы.	30
4.6. Снятая утвердительность	32
4.7. «Внешнее» отрицание и проблема подавления презумпций	33
4.8. Презумпция как знание говорящего	35
4.9. Наследование презумпций	37
4.10. Презумпция и смежные явления	38
<i>Глава 5.</i> Синтаксические типы общеотрицательных предложений	41
5.1. Предикатное и присловное отрицание	41
5.2. Общеотрицательные предложения с предикатным отрицанием	43
5.3. Общеотрицательные предложения с присловным отрицанием	44
5.4. Глобальное отрицание в предложениях с глагольно-адвербиальным комплексом	46
5.5. Смещенное предикатное отрицание в предложениях с глагольно-адвербиальным комплексом	54
5.6. Глобальное и смещенное предикатное отрицание в предложениях с кванторными словами	56
5.7. Радикальное отрицание в каузативной конструкции.	60
5.8. Отрицательные местоимения и предложения с кумулятивным отрицанием	71
5.9. Предикативные отрицательные местоимения	72
<i>Эккурс 1.</i> Смещенное отрицание и understatement	74

<i>Глава 6.</i> Генитив отрицания	82
6.1. Генитив субъекта	82
6.1.1. Два класса генитивных глаголов	82
6.1.2. Генитив отрицания и проблема единства дейктического центра высказывания	104
6.1.3. Генитив отрицания в контексте глагола <i>быть</i> : между несуществованием и отсутствием	114
6.1.4. Генитив отрицания и наблюдатель в глаголах типа <i>звенеть</i> и <i>пахнуть</i>	128
6.2. Генитив объекта	135
6.2.1. Референциально значимые аспекты семантики глагола	135
6.2.2. Значения родительного падежа	141
6.2.3. Сфера действия отрицания	146
6.2.4. Эволюция и проблема нормы	148
6.2.5. Референциальный потенциал именной группы	149
6.2.6. Генитивные и аккузативные глаголы	150
6.2.7. Синтаксические факторы	156
6.2.8. Референция и онтология именной группы	158
6.3. Генитив адъюнкта	161
<u>Экскурс 2.</u> О дескриптивном, трансформационном и композиционном подходе к генитиву субъекта	164
<u>Экскурс 3.</u> Генитивная конструкция как грамматический показатель эвиденциальности	177
<u>Экскурс 4.</u> Глагол <i>быть</i> : употребления в значении совершенного вида	186
<i>Глава 7.</i> Имперфектив отрицания	193
7.1. О корреляции отрицания с несовершенным видом глагола	193
7.1.1. Трансформационный и композиционный подход к имперфективу отрицания	193
7.1.2. Грамматическая и лексическая аспектуальность	194
7.1.3. Синхронное значение имперфектива отрицания: состояние ненаступления события	200
7.1.4. Ретроспективные значения имперфектива отрицания	202
7.1.5. Итоги	209
7.2. Имперфектив отрицания в модальном контексте	211
7.2.1. Возможность	212
7.2.2. Необходимость	214
<i>Глава 8.</i> Отрицание и лексическая семантика	219
8.1. Отрицание и ассертивный компонент в лексическом значении глагола	219
8.2. Воздействие отрицания на актантную структуру слова	220
8.3. Местоимения с отрицательной поляризацией	222

8.3.1. Внутрисловное отрицание: отрицание как компонент значения слова	222
8.3.2. Синтаксически автономное отрицание	225
8.3.3. Внутрисловное отрицание	226
8.3.4. Субстантивы и адverbиалы	232
8.3.5. Комментарии к отрицательным контекстам	233
8.3.6. Неотрицательные контексты	234
8.3.7. Примеры ненормативных употреблений	236
8.4. Идиоматическое отрицание и количественные именные группы	238
8.5. Глаголы, допускающие «подъем отрицания» — Neg-Raising	239
8.6. Частицы-двойственники	241
8.6.1. Двойственность	241
8.6.2. Двойственность и глобальное отрицание	244
8.6.3. Двойственность и смежные явления	247
8.7. Отрицание с нестандартной сферой действия	248
<i>Глава 9. Отрицание и малый синтаксис . . . . .</i>	<i>249</i>
9.1. Противопоставительное отрицание	249
9.2. Отрицание в вопросительном предложении	250
9.3. Конструкции с имплицитным отрицанием	252
Заключение	256
Библиография	263
Предметный указатель	279
Лексический указатель	288
<i>Приложение.</i>	
Об инициальном отрицании (А. А. Зализняк, Е. В. Падучева)	290

СОКРАЩЕНИЯ И ЗНАКИ

- МН — момент наблюдения
МР — момент речи
ГК — генитивная конструкция
ИГ — именная группа
КГ — количественная группа
НК — номинативная конструкция
НКРЯ (= Корпус) — Национальный корпус русского языка
НСВ — несовершенный вид
СД — сфера действия
СВ — совершенный вид
Т-категория — таксономическая категория (= акциональный класс)
< — меньше или предшествует; например, $t_1 < t_2$ означает, что t_1 предшествует t_2
> — больше; например, $\forall >$ не означает, что не входит в сферу действия $\forall$
⊃ — семантическое следование; $x \supset 'y'$ означает, что в значение выражения x входит компонент $'y'$
 $\forall$ — квантор общности
 $\exists$ — квантор существования
& — конъюнкция
 $\vee$ — дизъюнкция
 $\equiv$ — эквивалентность
 $\neg$ — отрицание
 $\searrow$ — главный фразовый акцент, нисходящий тон
 $\nearrow$ — второстепенный фразовый акцент, восходящий тон
 $\sphericalangle$ — контрастный фразовый акцент
— — знак отсутствия ожидаемого фразового ударения
* — некорректное сочетание или форма
? — сомнительное сочетание или форма
° — невозможность понимания данного выражения в обсуждаемом значении

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отрицание — незаменимая составляющая человеческой коммуникации. Умение построить высказывание, которое является отрицанием данного, можно считать такой же естественной составляющей языковой компетенции человека, как способность оценить грамматическую правильность предложения или прореагировать на семантическую аномалию.

Отрицание с давних пор было предметом пристального внимания в логике, психологии и философии языка. Изучение отрицания имеет давнюю историю в лингвистике. Новые перспективы в этой области открыло перед лингвистами пришедшее из логики понятие презумпции (она же — пресуппозиция). Осмысленность и неоднозначность предложения, членение семантики слова на семантические компоненты часто раскрывается через его презумпции. Презумпции имеют особую значимость для отрицания: естественное отрицание предложения — это то, которое сохраняет его презумпции; ложная презумпция собеседника вызывает совсем иную реакцию, чем ложное высказывание.

Отрицание связано со всеми аспектами языковой структуры. Оно нетривиальным образом взаимодействует с кванторными словами и модальностью, с лексической семантикой и актантной структурой слова, с синтаксисом и морфосинтаксисом предложения, с его тема-рематическим членением. Все это должно быть принято во внимание при описании отрицательного предложения.

Достижения лингвистики последних лет дали новый импульс исследованию отрицания. Связь лингвистики с логикой и прогресс в лингвистической теории референции, ознаменовавший 70—80-е годы прошлого века, подарили лингвистам понятие денотативного (иначе — референциального) статуса именной группы (ИГ). В экспликацию статусов именной группы вошли компоненты «существование» и «(не)знание». Стали ясны связи между определенностью (т. е. конкретной референцией) и презумпцией существования; ср. инференции типа: конкретно-референтная ИГ $\supset$ 'существует и единствен X такой, что...'; (не)определенная ИГ $\supset$ 'я — говорящий — (не) знаю X-а'.

Большое значение придается в этой книге понятию снятой утвердительности. Ранее было известно, что снятая утвердительность играет роль в сфере неопределенных местоимений; теперь она обнаружила себя в связи с глобальным отрицанием, отрицательной полярностью и двойственностью.

В традиционной лингвистике отрицание оставалось в сфере синтаксиса. В современной теории отрицания важную роль играет лексическая семантика. Достижения лексической семантики (см., прежде всего, Апресян 1974; 2009) открывают подходы к отрицательному предложению, которые ранее были невозможны.

Большие ожидания связаны с развитием онтологии. Стали обыденностью тематические классы имен, а имена разных тематических классов имеют разный референциальный потенциал. Скажем, предпочтительный генитив объекта, выраженного именем свойства (как во фразе *Не люблю высокомерия*), можно связать с ингерентной нереферентностью имен этого типа. Не менее важную роль в структуре отрицательного предложения играют тематические классы глаголов.

Эта книга писалась много лет. Некоторые ее главы являются результатом переработки ранее опубликованных статей. Ряд статей приводится в книге в виде экскурсов к отдельным главам, что позволило не нарушать логику изложения и по возможности избежать повторов в основном тексте. (Что касается экскурсов, то они иногда частично повторяют основной текст, поскольку развивают отдельные его положения.)

В книге девять глав. Главы 1—4 являются вводными — в них излагаются исходные понятия, необходимые для анализа языкового материала. Большое внимание уделяется понятию презумпции, которое позволяет по-новому взглянуть на традиционные проблемы семантики и синтаксиса отрицательных предложений.

Глава 5 посвящена синтаксису отрицательного предложения. Здесь идет речь о предикатном и присловном отрицании (в англоязычных терминах это *sentential negation* и *constituent negation*), о глобальном отрицании, смещенном, кумулятивном отрицании в предложениях с отрицательными местоимениями. Предложения с предикативными отрицательными местоимениями типа *негде, некому* лишь упоминаются, поскольку они исчерпывающим образом описаны в Апресян и др. 2010. Отдельный раздел посвящен конструкции с «радикальным» отрицанием, которое как бы отрицает презумпцию. Экскурс в составе главы 5 посвящен фигуре *understatement*, которая связана со смещенным отрицанием.

Главы 6 и 7 посвящены морфологическим аспектам структуры отрицательного предложения. В главе 6 идет речь о генитиве отрицания, т. е. о конструкции, которая составляет специфику славянских языков, в то же время связывая славянские языки с угро-финскими. Лейтмотивом этой главы является связь семантики бытия и восприятия. Выдвигается идея о том, что генитивная конструкция может выражать присутствие наблюдателя. Фигура наблюдателя вошла в современную семантику из работы Апресян 1986 — в ходе изучения действительских и других эгоцентрических единиц языка и развития идей Бенвениста и Якобсона о роли говорящего в языке.

К главе 6 примыкают три экскурса. Экскурс 2 нужен для того, чтобы показать, что замена именительного падежа субъекта на родительный в русском языке, вопреки установившемуся мнению, не является, по крайней мере в некоторых контекстах, автоматическим правилом. Выбор падежа субъекта определяется, в конечном счете, концептуализацией ситуации говорящим. Возможность разорвать казавшуюся неразрывной связь отрицательного предложения с трансформацией отрицания имела принципиальное значение для достижения успеха в этой области. В свое время именно трансформация отрицания обеспечивала прогресс, стимулируя семантический подход к разным явлениям, происходящим в отрицательном предложении.

Однако в какой-то момент она стала тормозом на пути к пониманию его структуры: были обнаружены отрицательные конструкции, которые не являются отрицанием каких бы то ни было утвердительных, и утвердительные предложения, которые не поддаются отрицанию.

В Экскурсе 3 речь идет о том, что генитивная конструкция может указывать на наличие наблюдателя — при ограниченном круге глаголов, допускающих, но не требующих в отрицательном контексте генитивного субъекта, прежде всего — при глаголе *быть*. Это значит, что в русском языке есть грамматически выраженная эвиденциальность. Разумеется, эвиденциальность не является грамматической категорией русского языка — употребление «эвиденциального» генитива вполне факультативно.

Экскурс 4 не относится к отрицанию непосредственно, но существенно включен в эту проблематику. Дело в том, что в ряде статей о генитиве субъекта постулировалось статическое и динамическое значение у локативного *быть*. Экскурс 4 демонстрирует типологическую обоснованность семантического перехода, который связывает стативное и динамическое значение *быть*. Предварительно обосновывается возможность перфективного употребления глагола *быть* — которая служит предпосылкой его двунаправленного аспектуального значения (т. е. значения перемещения вперед и назад), заявленного в Апресян 2012. Понятие типологически обоснованного семантического перехода (Зализняк 2001) связано с понятием регулярной многозначности по Апресян 1974 (и с ориентацией на динамическую семантику в Падучева 2004), но не совпадает с ним.

В главе 7 речь идет об имперфективе отрицания. Здесь всплывает понятие конативного глагола, которое заставляет вновь обратиться к понятию презумпции. Вторая часть главы 7 касается связей отрицания с модальностью.

Глава 8 посвящена разнообразным лексическим проблемам отрицания. Глава 9 объединяет ряд конструкций, которые можно отнести к малому синтаксису.

В качестве Приложения в конце книги перепечатана работа в соавторстве с А. А. Зализняком, посвященная отрицанию в древнерусском и церковнославянском, которая показывает, что основные понятия и положения книги применимы и за пределами современного языка.

В книге довольно много специальных терминов. Употребление термина часто сопровождается ссылкой на раздел, где этот термин вводится впервые, но если нет, то читатель всегда может воспользоваться Предметным указателем, который предъявит другие контексты его употребления. Термины выделяются либо **полужирным**, либо малыми прописными — капителью. Обычно полужирным выделяется термин, который в данном месте вводится в употребление, а малые прописные просто показывают, что слово или сочетание употребляется как термин; но это различие не проведено последовательно.

Ссылки в книге могут быть на ее главы, например глава 2, и на разделы, например в главу 6 входит раздел 6.1; в раздел 6.1. — разделы 6.1.1, 6.1.2 и т. д. Следующая ступень иерархии — пункт: пункты нумеруются одной цифрой — ссылки на пункт всегда только внутри одного раздела.

Библиографическая ссылка на ту или иную работу, упоминаемую в тексте, дается, как правило, на первое ее издание. Возможные переиздания отмечаются в Библиографии в конце книги. Для переводных книг, однако, ссылка может даваться на русский перевод. Двойной год публикации указывается в тексте в том случае, если есть ссылка на страницу, причем не первого издания или перевода.

Практически все разделы этой книги обсуждались на семинарах и конференциях. Генитивная конструкция отрицания, проблемы отрицания в контексте квантификации интенсивно обсуждались в 1999—2008 годах на семинаре под руководством Барбары Парти в рамках проекта National Science foundation under Grant No. BCS-9905748 «Интеграция лексической и композиционной семантики», а также проекта The Russian Genitive of Negation: Integration of Lexical and Compositional Semantics BCS-0418311; руководители проектов — Барбара Парти и Владимир Боршев. Многими примерами и уточнением формулировок я обязана участникам этого семинара — Барбаре Парти, В. Б. Борщеву, Е. В. Рахилиной, Я. Г. Тестельцу.

Барбара Парти — лингвист высшей квалификации и самый доброжелательный на свете читатель и собеседник. Много в этой книге существует благодаря ее поддержке и сочувствию. Барбаре более чем кому-либо я обязана тем, что в этой книге нет некоторых ошибок, которые могли бы быть.

В текст книги вошли, в переработанном виде, статьи Отрицание и Презумпция, которые обсуждались на Семинаре по русской корпусной грамматике в Институте русского языка под руководством В. А. Плуногяна, см. сайт Проекта Русская корпусная грамматика <http://rusgram.ru/index>. Я благодарна руководителю семинара и всем его участникам, прежде всего — Е. В. Рахилиной, О. Е. Пекелис, Н. М. Стойновой, М. А. Даниэлю, Н. Р. и Е. Р. Добрушиным, А. Б. Летучему, Ю. П. Князеву, М. Д. Воейковой, С. С. Саю.

Многие работы, составившие основу этой книги, обсуждались на семинаре в ИППИ РАН под руководством Ю. Д. Апресяна. Автор благодарен участникам семинара и его руководителю. Ю. Д. Апресян — неизменный адресат всех моих сочинений. В полемике с ним возникали и писались многие разделы про генитив отрицания, которые в конечном счете становились подтверждением его идей. Ю. Д. Апресяну русская семантика обязана понятием наблюдателя — пусть даже этот наблюдатель пошел потом частично своим путем.

Большие заслуги перед русским отрицательным предложением у И. М. Богуславского. Его книга 1985 года сохранила актуальность до сих пор. Статья 2002 года про *уже* у Пушкина в «Медном всаднике» (*Еще он думал, что едва ли с Невы мостов уже не сняли*) послужила импульсом для исследования снятой утвердительности — которая, как уже говорилось, имеет первостепенную важность для многих аспектов семантики морфологии и синтаксиса отрицания.

Своему учителю Вяч. Вс. Иванову я благодарна за внушенную в свое время идею о том, что язык не просто обозначает предметы и явления окружающего мира, а концептуализует действительность, в каком-то смысле — создает мир. В данном случае эта установка помогла преодолеть трансформационный подход к семантике отрицания и уверенно работать в рамках композиционного подхода к отрица-

тельному предложению как к языковой структуре с присущим ей соответствием между формой и смыслом (оставляя производность отрицательного предложения от утвердительного для тех участков, где она действительно имеет место).

Автор глубоко благодарен В. Ю. Апресян, М. Я. Гловинской, Д. О. Добровольскому, Анне А. Зализняк, Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчуку, С. А. Крылову, Г. И. Кустовой, Н. И. Лауфер, И. Б. Левонтиной, О. Н. Ляшевской, Х. Р. Мелигу, Н. В. Перцову, В. А. Плунгяну, Р. И. Розиной, С. Г. Татевосову, Я. Г. Тестельцу, С. М. Толстой, М. В. Филипенко, В. С. Храковскому, А. В. Циммерлингу, А. Д. Шмелеву, Т. Е. Янко, Д. Вайсу, Х. Томмола которые читали начальные варианты моих статей или высказывали принципиально важные соображения по ходу докладов на конференциях. Некоторые вопросы, связанные с историей русского языка, я обсуждала с В. М. Живовым, П. В. Петрухиным и Б. А. Успенским. Книга Б. А. Успенского «Поэтика композиции», Изд-во Искусство: 1970, — это второй источник и составная часть современной концепции наблюдателя.

Пользуюсь случаем выразить благодарность Н. М. Стойновой, которая взяла на себя огромный труд по подготовке рукописи к печати и отчасти ее редактированию, и И. С. Пекуновой, которая помогала в оформлении рукописи и привела в порядок библиографию.

В работе широко используются примеры из Национального корпуса русского языка (сокращенно — НКРЯ или Корпус), сайт в Интернете — <http://www.ruscorpora.ru>. Их можно опознать по тому, что ссылка на источник дается в квадратных скобках. Корпус обозначил новые горизонты в обращении к лексике при решении грамматических проблем. Надо сказать, что перед неискушенным пользователем Корпус не раскрывает всех своих возможностей — я благодарна С. О. Савчук за помощь при поиске нужных данных в Корпусе. За помощь в нелегком порой диалоге с компьютером, большое спасибо М. Н. Толстой и Е. Н. Хасиной. Диффузная благодарность Е. А. Гришиной и моим родственникам — А. А. Зализняку и Анне А. Зализняк.

Я благодарю Г. И. Кустову и Р. И. Розину — моих коллег по проекту «Лексикограф» (<http://lexicograph.ruslang.ru>), соавторов, собеседников и советчиков. Тематическая классификация глаголов, принятая в Национальном корпусе русского языка, зародилась в рамках проекта «Лексикограф». Идея о семантических классах глаголов, допускающих генитивный субъект, в частности о слабо противопоставленных тематических классах «существование» и «восприятие», тоже возникла в ходе работы над этим проектом.

Глава 1

ОТРИЦАНИЕ В ЛОГИКЕ И В ЛИНГВИСТИКЕ

Отрицание — это специализированное языковое средство для выражения идеи о том, что некоторое положение вещей не имеет места: *Клюква не растет на дереве*.

Отрицание есть во всех языках мира: согласно Плунгян 2011: 94—100, отрицание входит в «универсальный грамматический набор». Отрицание плотно интегрировано в систему грамматических категорий и в лексическую структуру языка, нетривиальным образом взаимодействует с грамматическими и лексическими значениями — модальными, аспектуальными, кванторными и другими.

С логической точки зрения отрицание — это оператор, который строит из данного предложения другое, которое истинно тогда, когда данное предложение ложно, и, наоборот, ложно, если данное предложение истинно. Например, предложение *Клюква не растет на дереве* — отрицание предложения *Клюква растет на дереве*.

Для лингвистики этого определения недостаточно — хотя бы потому, что отрицание употребляется не только в утвердительных предложениях, но и в вопросительных или побудительных, которые не могут быть истинными или ложными. В лингвистике определением значения обычно считается толкование: как пишет Р. Якобсон, «значение языкового знака есть его перевод в другой знак — прежде всего, в такой, в котором это значение выражено более полно» (Jakobson 1955).

А. М. Пешковский определяет отрицание как элемент значения, который указывает на то, что связь между компонентами предложения, по мнению говорящего, не существует в реальности. Однако это определение тавтологично, так как само содержит отрицание. По Шарлю Балли, отрицание в предложении указывает на то, что соответствующее утвердительное предложение отвергается говорящим как ложное. Эта формулировка исходит из того, что отрицание — это речевой акт. Между тем отрицание может входить в состав условий, презумпций и других составных частей высказывания, которые не имеют самостоятельной иллокутивной силы (например: *Если он не придет, все пропало*), так что и это определение не годится. Отрицание, вопреки общему представлению, не аналогично утверждению: утверждение — это речевой акт, а отрицание строит пропозицию, которая может использоваться в речевом акте, а может быть частью более сложной пропозиции (о пропозиции см. Lyons 1978 и обзор в Падучева 1985: 34—40, который опирается на Черч 1960: 32).

Остается признать, что отрицание в языке принадлежит к числу исходных, не толкуемых понятий. Такая трактовка принята, например, в Wierzbicka 1996, где отрицание включается в список так наз. семантических примитивов. Ниже, в главе 3, будет показано, что примитивов, соответствующих отрицанию, нужно даже более одного.

Глава 2

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Средства выражения отрицания в разных языках чрезвычайно разнообразны, в частности, синтаксически специфицированы. Например, отрицание при глаголе может отличаться от отрицания при имени; разные видовременные и модальные формы глагола могут иметь разные отрицательные показатели и т. д.; о типологии отрицательного предложения см. Miestamo 2005; ср. также в Паперно 2012 о языках со спрягаемым отрицанием.

В русском языке средства выражения отрицания относительно простые. Есть показатель отрицания с максимально широкой сочетаемостью — частица *не*, ср. *не приехал, не ходи, не Ваня, не русский, не вчера, не на уроке* и т. д. Отрицание выражается также частицей *ни* (*ни на небе ни облачка; ни слуху, ни духу*), отрицательными местоимениями и наречиями на *ни-* (*никто, ни о чем, никогда*), предикативными местоимениями с префиксом *не-* (*негде, некому, не с кем*), словами *нет, нельзя, невозможно* и другими предикативами, а также прилагательными и наречиями с префиксом *не-* (*нежелательно, неженатый, немного*). (Следует иметь в виду, что префикс *не-* может выражать не только отрицание, но и неопределенность, как в словах *некто, некий, некоторый*.) Отрицание выражается словом *нет*, которое является эквивалентом целого предложения, как в ответе на вопрос (*— Хотите чаю? — Нет*) или при эллипсисе (*Она это любит, а я нет*).

Частицы и прочие слова, выражающие отрицание, сами тоже называются **отрицаниями**.

Есть словообразовательные элементы, которые содержат в своей семантике отрицание (*беззлобный*) или, по крайней мере, идею отмены предыдущего состояния (*разлюбить, отклеить*).

В рассмотрении следует включить также имплицитное отрицание в составе значения слов (таких, как, например, *отказаться, воздержаться, лишен*) и конструкций (например, *Много ты понимаешь!* = ‘ты ничего не понимаешь’; *Чтобы я стала с ним связываться!* = ‘я не стану с ним связываться’; *Так я и поверил!* = ‘я не поверил’).

Термин **отрицательное предложение** обычно применяется к предложению, содержащему отрицание при финитном глаголе или предикативе, поскольку именно такое отрицание чаще всего оказывает влияние на структуру предложения в целом. Однако в рассмотрении следует включить также предложения с присловным отрицанием, см. о них в главе 3. Даже отрицание в составе лексического значения слова (**внутрисловное отрицание**) может иметь синтаксические рефлексy, см. раздел 8.4, и потому быть объектом грамматики.

Глава 3

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ: ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ ОТРИЦАНИЕ

В современной лингвистике, как и в логике предикатов, принимается положение о том, что отрицание воздействует всегда на пропозицию. Иначе сказать, **сферой действия** отрицания всегда является пропозиция, а не отдельное слово; о том, как понимаются сочетания *не Ваня* или *не русский*, см. в разделе 5.1.

С семантической точки зрения различается **общее** (полное) и **частное** (неполное) отрицание. Соответственно, предложения делятся на **общеотрицательные** и **частноотрицательные** (Пешковский 1938: 352). Отрицание является общим, если предложение имеет перефразировку с оборотом НЕВЕРНО, ЧТО (IT IS NOT THE CASE THAT), который стоит в начале предложения. Иначе говоря, предложение общеотрицательное, если сферой действия отрицания в нем является все предложение (Jackendoff 1972; Падучева 1974: 145) — естественно, «за вычетом» отрицания. Отрицание частное, если какой-то фрагмент смысла не входит в сферу действия отрицания. Так, в предложении (1) общее отрицание, а в (2) — частное (далее не — сокращение для НЕВЕРНО, ЧТО /НЕ ИМЕЕТ МЕСТА ТО, ЧТО):

- (1) Они не ссорятся *из-за пустяков* = не (Они ссорятся из-за пустяков).
- (2) Дети не спят *из-за шума* = из-за шума не (дети спят).

Предложение с частным отрицанием мыслится как полученное в результате того, что предложение с общим отрицанием вошло, в ходе своего порождения, в сферу действия другого оператора; так, в (2) отрицание входит в сферу действия причинного предлога.

Предложение может быть неоднозначным, потому что допускает интерпретацию с общим и с частным отрицанием (иначе сказать — если отрицание в нем может пониматься с разной сферой действия):

- (3) Она не будет менять свой план *из-за тебя* =
  - (i) ‘ты являешься причиной того, что она не будет менять свой план’ [*из-за тебя* не входит в сферу действия отрицания];
  - (ii) ‘ты являешься недостаточным основанием для того, чтобы она изменила свой план’ [*из-за тебя* входит в сферу действия отрицания].

В устной речи эти два прочтения по-разному интонируются.
Другой пример, из Падучева 1974: 144.

- (4) Такие газопроводы не строят *в течение двух лет* =
  - (i) ‘в течение двух лет не (строят такие газопроводы)’;
  - (ii) ‘не (в течение двух лет можно построить такой газопровод)’.

Уточним, что интерпретации (i) и (ii) предложения (4) различаются не только сферой действия отрицания, но и референцией обстоятельства длительности *два года* — в (i) это конкретный отрезок времени, а в (ii) отрезок охарактеризован чисто количественно.

В логике со времен Аристотеля различается два вида отрицания — обычное, **контрадикторное** (иначе — взаимоисключающее), как в (5), и **контрарное**, как в (6):

(5) Альфред женат — Альфред *не* женат.

(6) Альфред любит современную музыку — Альфред *не* любит современную музыку.

К контрадикторному отрицанию применим закон исключенного третьего: либо *p*, либо *не-p*, третьего не дано; т. е. из двух предложений, связанных контрадикторным отрицанием, обязательно одно истинно, а другое ложно. Два предложения, которые связаны контрарным отрицанием, не могут быть оба истинными, но могут быть оба ложными (поскольку истина, так сказать, «посредине»). Так, относительно Альфреда может быть неверно как то, что он любит современную музыку, так и то, что он ее не любит (*dislikes*). (В Богуславский 1985: 35 утверждается, что неисключающее понимание отрицания свойственно именно предикатам со значением чувства.) См. о контрарном отрицании в английском языке Есперсен 1958: 373; Horn 1989: 505.

Контрарное отрицание, т. е. отрицание с неисключенным третьим, усматривается, в основном, в словах с *не*-приставкой или в антонимических парах, типа *счастливый — несчастный*. (О контрарном отрицании в его связи с антонимией см. Апресян 1974: 285—315.) У русского *не любит* можно различить два понимания: 1) обычное контрадикторное отрицание, когда *не* — частица, и 2) контрарное, когда *не* как бы приставка.

Логическое правило о том, что отрицание отрицания эквивалентно утверждению, обычно не действует в естественном языке: два отрицания не в точности гасят друг друга. Дело в том, что в таких сочетаниях обычно одно отрицание контрадикторное, а другое — контрарное. Так, в предложении (7а) первое отрицание контрадикторное, второе — контрарное, и (7а), конечно, не равно (7б):

(7) а. Альфред *не не любит* современную музыку;

б. Альфред *любит* современную музыку.

По той же причине *Я не доволен* ≠ *Я доволен*. См. также двойное отрицание в примере (8) — который, кстати, опровергает представление о том, что контрарная интерпретация отрицания свойственна только глаголам эмоционального состояния:

(8) И там, на дне души, никто не «не знал, что происходит», никто не «заблуждался». [А. Найман. Славный конец бесславных поколений (1994)]

Далее, если не оговорено противное, речь идет о контрадикторном отрицании. Контрарное отрицание — это отдельный «семантический примитив» в терминах А. Вежбицкой (см. Wierzbicka 1996).

З а м е ч а н и е. В Парти 2007 предложение (б) называется контрарным отрицанием (а):

(а) Альфред работает в РГГУ;

(б) Альфред работает *не* в РГГУ.

Считается, что (б) соответствует ситуации, когда про Альфреда неверно и то, что он работает в РГГУ, и то, что он работает не в РГГУ, — поскольку он вообще не работает. Однако предложение (б) не может быть понято иначе, как с презумпцией ‘Альфред работает в некотором месте’ (см. о презумпциях главу 4). Так что в ситуации, когда Альфред нигде не работает, предложение (б), с ложной презумпцией, естественно считать не ложным, а бессмысленным — или, по крайней мере, вводящим в заблуждение.

В примерах (9), (10) предложения (а) и (б) могут быть оба истинны:

- (9) а. Некоторые члены комиссии идиоты;
 б. Некоторые члены комиссии *не* идиоты.
 (10) а. Можно пойти на концерт;
 б. Можно *не* ходить на концерт.

Очевидно, что предложения в примерах (9) и (10) не являются отрицаниями одного другого: в (9б) и (10б) отрицание не общее, а частное.

В Lyons 1977: 775 рассматриваются сдвиги значения, порождаемые тематическим контрастным ударением (см. об этом Падучева 1985: 118). Так, предложение (11а) имеет импликацию (11в), а (11б) ее не имеет:

- (11) а. Маша ↗ не пришла ↘ ;
 б. Маша не пришла ↘ ;
 в. Пришел кто-то другой.

Предложение (11б) — это ответ на вопрос «Маша пришла?», а (11а) — на вопрос «Пришла ли Маша?». Ясно, что предложение (11а) не является отрицанием никакого утвердительного предложения, т. е. не является общеотрицательным.

Частноотрицательными являются предложения с отрицанием при инфинитиве, подчиненном предикативу или прилагательному:

- (12) а. *Главное* не нервничать. [Роман Сенчин. Квартирантка с двумя детьми (2010)]
 б. *проще* не иметь с Россией дела. [«Итоги», 2003.01.13]
 в. современному человеку *стыдно* не быть в курсе происходящего. [«Отечественные записки», 2003]

Структура предложений (12а,б) обманчива, поскольку начальный компонент выглядит как тема, т. е. логический субъект, и только (12в) показывает, что и в (12а,б) логическим субъектом предложения является отрицаемый инфинитив, а *главное* и *проще* — предикаты.

Есть предложения, у которых отрицание — обязательный компонент их «структурной схемы». Нельзя опустить отрицание в предложении (13) с инфинитивом в модальном значении или в (14) с модальной же определенно-личной конструкцией:

- (13) Тут *не отдохнуть*.
 (14) Тут *не отдохнешь*.
 (15) Как тебе *не стыдно!*

В самом деле, во фразе *Тут отдохнешь!*, с обобщенно-личным значением 2-го лица глагола, усматривается имплицитное отрицание.

Глава 4

СФЕРА ДЕЙСТВИЯ ОТРИЦАНИЯ. ПРЕЗУМПЦИЯ И АССЕРЦИЯ. СНЯТАЯ УТВЕРДИТЕЛЬНОСТЬ

4.1. ЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРЕЗУМПЦИЯМ

Лингвистическая семантика долгое время открещивалась от истинности предложения: она описывала **смысл** языковых выражений (в основном, правда, слов, а не предложений), пользуясь внутриязыковыми семантическими преобразованиями. Ср. уже упоминавшееся определение Якобсона «значение языкового знака есть его перевод в другой знак, прежде всего такой, в котором это значение выявлено более полно» (Jakobson 1955).

Оказалось, однако, что лингвист не может полностью отвлечься от истинности, поскольку истинность /ложность каких-то семантических компонентов в составе предложения может обуславливать о с м ы с л е н н о с т ь предложения в целом, его способность к тем или иным семантическим преобразованиям и другие заведомо существенные семантические свойства — как предложений, так и слов.

Необходимость обращения к истинности в лингвистической семантике показало понятие **презумпция** — важнейшее понятие, которое пришло в лингвистику из логики и стало в лингвистике незаменимым инструментом семантического анализа. Презумпции лежат в основе современной теории отрицательного предложения.

Примечание. Принят также термин **пресуппозиция**; слово *презумпция* — это перевод на русский язык английского *presupposition* и немецкого *Voraussetzung*, которым пользовался Г. Фреге, см. Frege 1892/1977. Мы пользуемся обоими терминами как полными синонимами.

Рассмотрим следующие «странные» предложения.

- (1) Король Франции лыс.
- (2) Иван знает, что Нью-Йорк — столица США.
- (3) Даже Гедель мог бы доказать эту теорему.

Ключом к объяснению аномалии этих предложений является понятие презумпции. На неформальном уровне, семантический компонент в составе предложения является его презумпцией, если истинность этого компонента является необходимым условием осмысленности предложения в целом; или иначе — если ложность этого компонента делает предложение семантически аномальным.

В логике, где главным свойством предложения считается его истинность или ложность, а главным отношением между предложениями — отношение логиче-

ского следования, возникли следующие определения. Определение пресуппозиции по П. Стросону (Strawson 1952).

Определение 1. Предложение Р является **презумпцией** предложения S, если из истинности S следует, что Р истинно, и из ложности S следует, что Р истинно.

Согласно этому определению, предложение с ложной презумпцией не может быть ни истинным, ни ложным — оно лишено истинностного значения.

Позднее было предложено другое определение, эквивалентное определению Стросона, но более удобное для лингвистических применений, см. van Fraassen 1968.

Определение 2. Предложение Р является **презумпцией** предложения S, если из истинности S следует Р и из истинности отрицания S следует Р.

В этом определении зависимость от параметра истинности смягчена — за счет обращения к оператору отрицания. Дело в том, что в этом определении обращение к истинности можно вообще устранить:

Определение 2'. Предложение Р является **презумпцией** предложения S, если Р следует как из S, так и из отрицания S.

Освобождение от необходимости обращения к истинности предложения означает возможность перехода от так наз. сильной семантики к слабой семантике по У. Куайну, Quine 1953: 30; см. об этом Падучева 1985: 48.

Примечание. В основе теста на презумпцию лежит так наз. **семантическое** следствие. Обычное **логическое** следствие подчиняется закону контрапозиции: если из S следует Р, то из ложности Р следует, что S ложно. Между тем по определению презумпции, в случае ложности Р, высказывание S не ложно, а лишено истинностного значения.

Определение 2' позволяет диагностировать презумпцию в предложении (4а):

- (4) а. Иван *жалеет*, что поехал на конференцию в Марокко;
- б. Иван *не жалеет*, что поехал на конференцию в Марокко;
- в. Иван поехал на конференцию в Марокко.

Из (4а) следует (4в), и из его отрицания (4б) следует (4в); из чего мы заключаем, что (4в) — презумпция (4а).

С другой стороны, Определение 2' предлагает тест, позволяющий выявить ложные презумпции предложений (1)—(3), которые делают их странными. А именно, предложение (1) имеет ложную презумпцию (5); для предложения (2) это (6), для предложения (3)—(7):

- (5) Существует <нынешний> король Франции.
- (6) Нью-Йорк — столица США.
- (7) Гедель занимает низкое положение на шкале людей, способных доказывать теоремы.

Отличие предложений (1)—(3) от просто ложных состоит в том, что соответствующие им отрицательные не истинны, а столь же аномальны — поскольку сохраняют ложные презумпции, см. о связи презумпций с семантической аномалией в Апресян 1978.

Презумпции открыл в 1892 году Г. Фреге (Frege 1892/1977), а более полувек спустя они снова привлекли к себе внимание. В Strawson 1964 была подвергнута убедительной критике трактовка, которую Бертран Рассел предлагал для **определенных дескрипций**. Так, Рассел трактовал предложение *Король Франции лыс* как имеющее смысл ‘существует ⟨нынешний⟩ король Франции, и он лыс’ и, следовательно, ложное. Между тем Стросон, следуя Фреге, объявил, что это предложение не ложно, а лишено истинностного значения (иначе — бессмысленно), поскольку содержит ложную презумпцию ‘существует ⟨нынешний⟩ король Франции’.

Свойство презумпций, задаваемое Определением 2', — так называемая **проекция** презумпций под отрицание, т. е. сохранение истинности в контексте отрицания, — играет в лингвистике роль решающего критерия, т. е. теста на презумпцию.

В лингвистических применениях естественно оперировать не предложениями, а семантическими компонентами предложений — **пропозициями** (см. о пропозиции Успенский 1960: 10; Lyons 1977; обзор в Падучева 1985: 34—41). Тест на отрицание позволил выявить презумпции как значимые семантические компоненты многих слов и синтаксических конструкций разных языков, например:

- **фактивных** глаголов и, шире, фактивных предикатов, подробнее см. раздел 4.5; (здесь и далее $\supset$ употребляется как знак семантического следования):

(8) Иван *жалеет* /не жалеет, что уехал $\supset$ ‘Иван уехал’;

(9) *Удивительно* /не удивительно, что он согласился. $\supset$ ‘он согласился’;

- **фазовых** глаголов, типа *перестать*, *продолжать*:

(10) Иван *перестал* /не перестал бить свою жену $\supset$ ‘бил’;

- глаголов **попытки** (например, *удаться*):

(11) Ивану *удалось* /не удалось попасть на концерт Макаревича $\supset$ ‘пытался’;

- **адвербиалов** типа *быстро*, *громко*, *с трудом* (подробнее см. раздел 5.4):

(12) Они разговаривали *громко* /не громко $\supset$ ‘они разговаривали’;

- **временных союзов** типа *до того как*, *после того как*, *с тех пор как* и др.:

(13) *После того, как* Шлезвиг-Голштейн был отторгнут от Дании, между Австрией и Пруссией возник конфликт $\supset$ ‘Шлезвиг-Голштейн был ⟨в некоторый момент⟩ отторгнут от Дании’ (пример из Frege 1892/1977: 209).

Слова, категории и конструкции, которые порождают презумпции, называются **триггерами презумпций** (presupposition triggers). Например, триггерами презумпций являются фазовые глаголы.

Одним из важных видов презумпций являются **презумпции существования и единственности**, которые входят в семантику конкретно-референтных именных групп; ложность этой презумпции делает аномальным вышеупомянутый пример

(1) Король Франции лыс.

Другой принципиально важный тип презумпций — **фактивные презумпции**, см. Kiparsky & Kiparsky 1970. Фактивные презумпции часто возникают у пропозициональных актантов фактивных предикатов, см. примеры (8), (9).

Презумпция может быть встроена в значение отдельного слова. Такую презумпцию часто называют «**категориальной предпосылкой**», противопоставляя ее собственно лексическому значению слова. Например, значение слова *холостяк* включает в качестве презумпции компонент ‘мужчина’ (пример из Апресян 1974: 29). В самом деле, из предложений *Ивлин холостяк* и *Ивлин не холостяк* в равной мере следует, что Ивлин — мужчина.

Связь презумпции с отрицанием, а именно, проекция под отрицание, — одно из самых эффективных и легко проверяемых ее свойств. Однако проекция презумпций происходит не только при отрицании, но и во многих других контекстах. Например, презумпции, порожаемые фазовыми глаголами, сохраняются в таких контекстах, как:

- вопрос:

(14) Иван *продолжает* бить свою жену? $\supset$ ‘бил’;

- условное предложение и некоторые другие обстоятельственные конструкции:

(15) *Если* Иван продолжает бить свою жену ... $\supset$ ‘бил’;

- модальный оператор:

(16) *Возможно*, Иван продолжает бить свою жену $\supset$ ‘бил’;

- глагол мнения:

(17) Все *считают*, что Иван продолжает бить свою жену $\supset$ ‘бил’.

Итак, презумпции проецируются (наследуются) во многих разных контекстах. О наследовании презумпций см. раздел 4.9. Отрицание остается главным тестом на презумпцию, поскольку является наиболее широко применимым оператором.

Отметим, что связь презумпции с отрицанием, так сказать, обоюдная: не только свойство презумпции состоит в том, что она проецируется под отрицание, но и свойство стандартного отрицания состоит в том, что оно сохраняет презумпцию (см. термин СТАНДАРТНОЕ ОТРИЦАНИЕ в разделе 5.2 и его обсуждение в 4.7 и 5.7).

4.2. ПРЕЗУМПЦИЯ И АССЕРЦИЯ

Важная роль понятия презумпции в лингвистике определяется, в частности, тем, что оно вызвало к жизни понятие **ассерции**. Если презумпция — это то, что «само собой разумеется», а потому избегает действия отрицания, то ассерция (утверждаемое) — это, наоборот, то, что ему подвергается. Иначе говоря, ассерция составляет **сферу действия** отрицания — равно как и других семантических операторов (см. о сфере действия отрицания и кванторных слов в Падучева 1974: 85, 144 и о сфере действия в более широком смысле — в Богуславский 1985). Так, в примере (4) из раздела 4.1 *Иван жалеет, что поехал на конференцию в Марокко* ассерция — ‘Иван жалеет’, поскольку именно эта пропозиция подвергается отрицанию при отрицании предложения в целом: *Иван не жалеет, что поехал на конференцию в Марокко*.

Обращение к понятию презумпции открывает путь к более ясному пониманию природы ассерций. Понятие ассерции особенно важно для русского языка, где отрицание чутко реагирует на коммуникативную структуру предложения.

Отрицание — главный, но не единственный контекст, в котором проявляется АССЕРТИВНЫЙ СТАТУС пропозиции, см. об ассертивном статусе в разделе 4.5. Ассерция составляет сферу действия не только оператора отрицания, но также операторов причины, начинательности, условия, модальности — аналогично тому, как не только в контексте отрицания проявляет себя презумпция, см. раздел 4.1.

Примечание. В англоязычный контекст термин «ассерция» не вписывается, поскольку *assertion* — это, прежде всего, речевой акт, а ассерция в русскоязычной семантике — это статус семантического компонента. Как синоним для «ассерция» можно использовать термин «ассертив». В Potts 2005: 6 используется, в точности в значении ‘ассерция’, термин «*at-issue content*»: «I use ‘*at-issue entailment*’ as a cover term for regular asserted content (‘what is said’, in Grice’s terms)».

Средством выявления ассерции может служить фразовый акцент. Так, фраза (18) с акцентно выделенным (рематическим) прилагательным представляет как странное не то, что Иван вообще дал мне телефон, а только то, что дал служебный:

(18) Странно, что Иван дал мне служебный ↘ телефон.

Ассертивные и презумптивные значения играют совершенно разную роль в языковой коммуникации. Если человек сделал утверждение, которое кажется вам ложным (т. е. если ложной является его ассерция), вы можете ему возразить, сказав «Нет, это неверно!». Между тем высказывание с ложной презумпцией не просто неверно — оно ставит вас в тупик, т. е. порождает коммуникативный провал, см. в Potts 2008 о реакции *Wait a minute!* («Минуточку!») как возможном тесте на ложную презумпцию.

4.3. ПРЕДЛОЖЕНИЯ, НЕ ИМЕЮЩИЕ ОБЩЕГО ОТРИЦАНИЯ

Определение презумпции через тест на проекцию под отрицание (Определение 2') было поставлено под сомнение, когда выяснилось, что не любому предложению с триггером презумпции соответствует естественное отрицательное. Были предъявлены другие контексты проекции и введено понятие **гнездо проекций** (Beaver, Geurts 2011), имеющее целью «укрепить» понятие презумпции.

Между тем само по себе отсутствие у предложения простого отрицания (т. е. отрицания, выраженного отрицательной частицей *не* при главном предикате) — это важное свойство его структуры. Невозможность простого отрицания может быть вызвана двумя основными причинами. Обе они заслуживают внимания.

Общее правило для русского языка состоит в том, что отрицание присоединяется к слову, которое соответствует **семантической вершине** предложения, т. е. главному семантическому оператору, который участвует в его построении (Падучева 1974: 154). Отрицание отрицает ассерцию и сохраняет презумпцию. Предложение может не иметь общего отрицания из-за свойств семантического оператора, составляющего его семантическую вершину.

Причина 1. Простое отрицание предложения невозможно, если в нем главным семантическим оператором является слово, значение которого целиком состоит из презумпции — отрицается, как мы знаем, ассерция.

Такова, например, частица *даже*:

- (1) Его *даже* Канкрин считал очень способным человеком. [Ю. Н. Тынянов. Малолетний Витушишников (1933)]

В самом деле,

- (1') НЕ (его *даже* Канкрин считал очень способным человеком) = ???

Присоединить отрицание к *даже* нельзя, а если присоединить отрицание к глаголу, мы получим не отрицание данного предложения, а нечто совсем иное. Дело в том, что презумпция, составляющая значение частицы *даже*, строится на базе той части предложения, которая остается за вычетом *даже*. Если вставить в эту часть отрицание, презумпция заменится на противоположную, а отрицание, как мы знаем, должно сохранять презумпции.

З а м е ч а н и е. Презумпцию, выражаемую словом *даже*, нельзя выявить тестом на отрицание, но ее тестируют другие контексты — например, вопрос или условное предложение, см. раздел 4.1.

Отрицание предложения с презумптивной частицей возможно, если у частицы есть **двойственная**, т. е. как бы антонимичная. Например, *уже*, в самом обычном своем значении, имеет двойственного *еще*, поэтому:

- (2) НЕ (Он *уже* вернулся) = Он *еще не* вернулся (пример из Падучева 1974).

Для *снова* двойственным будет *на этот раз*, для *еще раз* — *больше не*, для *тоже* — *в отличие от*, для *хоть бы* — *даже*. Между тем *даже*, так же как, например, *почти*, не имеет двойственного¹, и потому предложение с этим словом не отрицается, см. подробнее о двойственных в разделе 8.6.

По сходным причинам не поддается отрицанию предложение с вводным словом:

- (3) НЕ (Иван, *к счастью*, сможет прийти в редакцию) = ???

Вводное *к счастью* выражает пропозициональную установку (для которой предложение в целом является пропозициональным актантом), т. е. является главным семантическим оператором в предложении. Но синтаксически оно неспособно присоединять отрицание.

Слова, блокирующие общее отрицание, упоминаются в Падучева 1974: 157—159.

Причина 2. Предложение не имеет общего отрицания, если его главный семантический оператор — конъюнкция (или иначе: если в его семантической структуре более чем один ассертивный компонент). Отрицание имеет в этом случае слишком неопределенный смысл:

- (4) Варвара была *умна и необыкновенно красива*. [А. Балдин. Московские праздные дни (1997)]

В самом деле,

- (4') НЕ (Варвара была *умна и необыкновенно красива*) [= 'то ли не умна, то ли не красива, то ли ни то, ни другое'] = ???

¹ Следует отметить, что отношение «двойственности» не симметрично: так, *даже* является двойственным для *хоть бы*, но не наоборот.

В Horn 1989 об этом феномене говорится как о семантико-синтаксическом рефлексе одного из законов де Моргана (состоящего в том, что отрицание конъюнкции дает серию дизъюнкций).

4.4. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРЕЗУМПЦИЯМ И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРЕЗУМПЦИЯ

В Stalnaker 1972 был предложен подход к презумпциям иной, чем у Фреге-Стросона (см. раздел 4.1). Столнейкер обращает внимание на то, что носителями презумпций являются, строго говоря, не слова и выражения языка, а говорящие, и презумпция высказывания — это то, что должно находиться в общем фонде знаний участников речевого акта, чтобы коммуникация была успешной. Пресуппозиция по Стросону формализует один аспект лингвистически важного феномена — семантическую аномалию. Но у пресуппозиции есть другой аспект: «в пресуппозиции» находится то, что само собой разумеется.

Так возник прагматический подход к презумпциям, в рамках которого было разработано прагматическое определение презумпции, основанное на так наз. принципе общих фоновых знаний (Common Ground Condition), см. Karttunen 1974; Heim 1983. В основе этого определения лежит вовсе не истинность, а «фоновая информация» (background knowledge), общая для говорящего и слушающего, т. е. речевой (а возможно, и не-речевой) контекст высказывания. Это определение презумпции получило признание в формальной, т. е. теоретико-модельной, семантике, см. Partee 1996.

Конечно, прагматический подход к презумпциям соответствует некоторой лингвистической потребности. Так, в основе деления содержания высказывания на отрицаемое и не отрицаемое, как в примере (4) из раздела 4.1 (*Иван жалеет, что поехал на конференцию в Марокко*), лежит противопоставление нового, т. е. важного (в данном случае это пропозициональная установка: сожаление), и того, что предполагается известным или само собой разумеющимся (факт поездки). И эту оппозицию нельзя уточнять, не введя в рассмотрение участников речевого акта. Но с точки зрения лингвистической целесообразности следовало бы не заменять семантическое определение презумпции (с его опорой на аномалию и тестом на отрицание) прагматическим, а различить **семантическую** и **прагматическую** презумпцию (это было сделано в Падучева 1977).

В Stalnaker 1972 предлагается два определения презумпции.

Определение 3. Высказывание Р является презумпцией S, если при нормальных условиях коммуникации говорящий, и утверждая, и отрицая S, считает истинным Р.

Определение 4. Высказывание Р является презумпцией S, если, и утверждая, и отрицая S, говорящий, во-первых, сам считает Р истинным и, во вторых, считает, что его адресат считает Р истинным.

Упоминание говорящего в Определении 3 несущественно. Его можно опустить, и Определение 3 совпадет с тем Определением 2' из раздела 4.1, которое было дано

для семантической презумпции. Прагматической же можно считать презумпцию, задаваемую Определением 4, которое добавляет к условию истинности презумпции условие ее **известности адресату**. Таким образом, в понимании Столнейкера, прагматическая презумпция — это такая семантическая презумпция, которая удовлетворяет условию известности.

Некоторые типы семантических презумпций удовлетворяют условию известности; такова фактивная презумпция, порождаемая глаголом *жалеть* в примере (4) из раздела 4.1. Рассмотрим, однако, предложение со словом *только*:

(1) Сегодня в овощном были *только* яблоки (пример из Падучева 1981).

То, что в овощном были яблоки, — это семантическая презумпция предложения (1). В самом деле, она сохраняется при отрицании: фраза *Сегодня в овощном были не только яблоки* тоже предполагает, что яблоки были. Однако в смысл предложения не входит то, что информация о наличии яблок должна быть известной адресату. Так что семантическая презумпция слова *только* не является прагматической. (К такому же выводу приводит подробный анализ английского *only* ‘только’ в Roberts 2006.)

Вообще, известность часто выражается в языке совершенно отдельными средствами — например, интонационными. Так, имеется специальный интонационный контур, свойственный глаголам мнения (вводящим предположительно новую информацию), который, будучи применен к глаголу знания, снимает свойственное его пропозициональному актанту условие известности:

- (2) а. Я забыл_↘, что у Маши сегодня день рождения — [обычный интонационный контур глагола знания²; есть прагматическая презумпция ‘у Маши сегодня день рождения’];
 б. Я забыл_↗, что у Маши сегодня день рождения_↘ [интонационный контур глагола мнения; придаточное вводит информацию, предположительно новую для адресата].

Глагол *знать* фактивный: его пропозициональный актант несет презумпцию истинности:

- (3) а. Маша *знала*, что Иван улетел в Марокко ⊃ ‘Иван улетел в Марокко’;
 б. Маша *не знала*, что Иван улетел в Марокко ⊃ ‘Иван улетел в Марокко’.

Но фактивный пропозициональный актант может и не нести прагматической презумпции. Ср. два типа интонирования отрицательного предложения с глаголом *знать*, которые были отмечены еще в Schmerling 1971 и в Падучева 1977, — фраза (4б) не предполагает факт полета известным слушателю:

- (4) а. Маша не знала_↘, что Иван улетел в Марокко — ;
 б. Маша не знала_↗, что Иван улетел в Марокко_↘.

В рамках прагматического подхода к презумпциям получен ряд интересных результатов, касающихся применения презумпций к изучению анафоры и связности текста, см. обзор в Beaver, Geurts 2011. В самом деле, есть презумпции, которые

² Знак — выражает отсутствие ожидаемого фразового ударения.

являются одновременно семантическими и прагматическими, и отношение между триггером презумпции и предтекстом может быть подобно отношению между анафором и его антецедентом. Возьмем, например, презумпцию, составляющую смысл частицы *еще*. В «Алисе в стране чудес» Люиса Кэрролла есть эпизод, когда Мартовский заяц возмущает Алису вопросом: «Хочешь еще чаю?» — хотя она никакого чая не пила. Это неуместное *еще* можно уподобить употреблению местоимения без антецедента.

Итак, поскольку не все семантические презумпции удовлетворяют условию известности адресату, мы считаем наличие семантической и прагматической презумпции разными аспектами значения предложения.

Прагматическая презумпция менее устойчива, чем семантическая. Так, глагол *сожалеть* обычно представляет объект сожаления известным адресату; однако имеется формула *сожалеем, что*, специально предназначенная для ввода в дискурс новой информации. В ней прагматическая презумпция отменена:

- (5) Японский император дал по случаю дня своего рождения завтрак, на котором в приветственной речи к иностранным дипломатам сказал: «Мы *сожалеем*, что не наступило еще время для заключения согласно нашему желанию мира на Дальнем Востоке». [«Вести» (1904)]

Понятие прагматической презумпции используется иногда для описания семантики актуального членения. Но оно тут не всегда уместно. Прагматическая презумпция предполагает семантическую, т. е. истинность некоторой пропозиции. Между тем актуальное членение выражает известность, не различая пропозиции с презумпцией истинности и пропозиции со снятой утвердительностью (см. раздел 4.6). Так, в (6а) подчиненная пропозиция не имеет истинностного значения и не входит в общий фонд знаний говорящих; а в (6б) ложна и входит:

- (6) а. Он делает вид[↗], что ему все безразлично[↘] ;
б. Он делает вид[↘], что ему все безразлично — .

Так что параметр известности пропозиции (т. е. ее наличия в общем фонде знаний говорящих) независим от параметра истинности.

Что стало очевидным в свете прагматического подхода к презумпциям, который включил в рассмотрение говорящего, — это относительность понятия осмысленности: предложения (1)—(3) из раздела 4.1 ничуть не бессмысленны для человека, который владеет русским языком, но не знает столицы США, формы правления Франции или величия Геделя. Они, однако, вводят его в заблуждение, заставляя принять как должное некоторую ложную информацию.

Прагматический подход сделал очевидным еще одно обстоятельство. Семантическое определение презумпции, Определение 2', фактически тестирует не презумпцию, а ассерцию. В самом деле, при помощи теста на отрицание с очевидностью выявляется ассерция, поскольку она составляет сферу действия отрицания; а презумпции обнаруживают себя только как проецируемый под отрицание «семантический остаток».

4.5. Презумпция и импликация; ФАКТИВНЫЕ И ИМПЛИКАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Ассертивный статус пропозиции (в Падучева 2004: 92ff — **акцентный статус**) это характеристика, которая определяет поведение того или иного семантического компонента предложения в сфере действия отрицания — равно как и других синтаксических операторов, см. раздел 4.2. Пропозиция финитного глагола обычно имеет статус асертции. А статус подчиненной пропозиции может быть предопределен семантикой подчиняющего глагола. В классической работе Kiparsky & Kiparsky 1970 было введено понятие **фактивного** предиката. Фактивным называется предикат, который гарантирует подчиненной ему пропозиции статус презумпции, т. е. обеспечивает ее истинность как в положительном, так и в отрицательном контексте.

Фактивными являются, например:

- глаголы эмоции: *возмутить, огорчить, взволновать, досадить, задеть, изумить, заинтересовать, опечалить, подавить, поразить, прельстить, обрадовать, смутить, жалеть, сожалеть*;
- глаголы знания: *знать, узнать, признать, помнить, вспомнить, забыть, напомнить, понимать, выяснить, осознать, проверить*;
- глаголы восприятия: *видеть, представлять <мысленно>, показывать*;
- некоторые глаголы речи: *объяснить, информировать, предупредить, подтвердить, сообщить*;
- предикативы с тем же кругом значений: *рад, жаль*.

Зено Вендлер (Vendler 1980) ошибочно связал фактивность глагола с возможностью подчинять косвенный вопрос, см. дискуссию об этом в Булыгина, Шмелев 1997: 385—397. На самом деле, способность подчинять косвенный вопрос лицензируется семантическим компонентом «знание» /«незнание», см. Падучева 2004: 262—268.

В Karttunen 1971 фактивным глаголам были противопоставлены другие классы глаголов, у которых пропозициональный акт характеризуется определенным поведением под отрицанием. Так, Карттунен называет **биимпликативным** глагол, который обуславливает истинность подчиненной ему пропозиции Р и из отрицания которого следует не-Р. В русском языке биимпликативными являются глаголы *суметь, успеть, добиться, удалиться* (англ. *to manage*), *осмелиться, иметь несчастье, счесть уместным* и др.:

- (1) а. Он *добился* того, что статью опубликовали ⊃ ‘статью опубликовали’;
- б. Он *не добился* того, чтобы статью опубликовали ⊃ ‘статью не опубликовали’.

К тому же классу следует, видимо, отнести глаголы *вызвать* и *заставить*:

- (2) а. Иван *заставил* меня написать диссертацию ⊃ ‘я написал диссертацию’;
- б. Иван *не заставил* меня написать диссертацию ⊃ ‘я не написал диссертацию’.

Примечание. Интересно, что глагол *заставлять* (НСВ), в отличие от *заставить* (СВ), не является биимпликативным. Фраза *Он заставлял меня писать диссертацию* ничего не говорит о писании мною диссертации, а ее отрицание, напротив, не означает отсутствия диссертации, т. е. совместимо с ее наличием. Так что поведение глагола

НСВ *заставлять* под отрицанием непоследовательно. Отрицание может воздействовать только на компонент «принятие решения» в семантике акционального глагола, и тогда, наоборот, может даже возникнуть отрицательная импликация ‘действие имело место’; так, фраза (3) в контексте, где она была употреблена, подразумевала ‘я все это прочла’:

(3) С другой стороны, никто *не заставлял* меня все это читать. [«Звезда» (2003)]

У глаголов **отрицательной биимпликации**, типа *забыть*, предложение S несет импликацию *не-P*, а *не-S* — импликацию P:

- (4) а. *забыл* закрыть $\supset$ ‘не закрыл’;
б. *не забыл* закрыть $\supset$ ‘закрыл’.
(5) а. *притворяется*, что болен $\supset$ ‘не болен’;
б. *не притворяется*, что болен $\supset$ ‘болен’.

К тому же классу, что классу *забыть*, относятся глаголы *гнушаться* и *брезговать*: *гнушается* делать P $\supset$ ‘не делает P’; *не гнушается* делать P $\supset$ ‘делает P’:

(6) Бюро, однако же, *не гнушалось* и поиском мелких ворюшек или разоблачением супружеских измен. [«Русский репортер», № 34 (212), 2011]

Л. Карттунен различает биимпликативные глаголы (two-way implicatives) и просто **импликативные** (one-way implicatives), см. более подробную классификацию в Karttunen 2012. В русскую лингвистическую терминологию вошел только класс биимпликативных глаголов, и за ними закрепился термин **импликативные** глаголы. Пропозиция, которая обладает тем свойством, что она является следствием утвердительного предложения, а ее отрицание — следствием соответствующего отрицательного, называется **импликацией**, или **импликативом**, см. пример (1).

Импликатив ведет себя в сфере действия подчиняющих операторов иначе, чем презумпция. Так, в вопросе или условии презумпция, как было сказано в разделе 4.1, наследуется, см. (7), а импликатив — нет, см. (8):

- (7) а. Фишер уронил себя отказом от игры $\supset$ ‘Фишер отказался от игры’;
б. Фишер уронил себя отказом от игры? $\supset$ ‘Фишер отказался от игры’.
(8) а. Ивану удалось устроиться на работу $\supset$ ‘Иван устроился на работу’;
б. Ивану удалось устроиться на работу? [нет такого следствия]

Итак, мы можем различать статусы: ассерция, презумпция, импликатив; в разделе 5.4 нам понадобится еще один ассертивный статус — **рематический модификатор**. См. обзор литературы об ассертивных статусах в Падучева 2004: 93—112.

У придаточного предложения, подчиненного глаголу мнения (*предполагать*, *считать*, *думать*, *что*) или говорения (*говорить*, *сказать*, *утверждать*, *заявлять*, *объявлять*, *настаивать*, *отрицать*, *уверять*), пропозиция с глаголом в индикативе имеет **снятую утвердительность** — подчиненная пропозиция не имеет истинностного значения, так что отрицание не может влиять на ее истинность (см. подробнее в 4.6):

- (9) Я *считаю*, что ему надо отдохнуть.
(10) Вася *сказал*, что живет на Басманной.

Примечание. В Najčová 1975 было введено понятие **аллегации**, которое можно проиллюстрировать на примере дативного дополнения глагола *способствовать*. В (а), где это

дополнение занимает тематическую позицию, оно несет фактивную презумпцию, а в (б), где это дополнение рематично, презумпция отсутствует:

(а) Конечно, ни Иванушка, ни этот клетчатый не толкали под трамвай несчастного председателя МАССОЛИТа, физически, так сказать, *его падению под колеса не способствовал* никто. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)]

(б) Финансовый строй Веймарской республики, сложившийся в результате ноябрьской революции 1918 года, также *не способствовал эффективному функционированию СФВ*, несмотря на создание хорошо разработанной законодательной базы. [«Финансы и кредит» (2003)]

Ср. определение аллегации в Partee 1996: аллегация — это компонент, который является истинным в утвердительном предложении, а в отрицательном может являться истинным или ложным в зависимости от контекста.

Об импликатурах, инференциях и других статусах пропозиций см. раздел 4.10.

4.6. СНЯТАЯ УТВЕРДИТЕЛЬНОСТЬ

Соединение предиката с субъектом требует от предиката (например, глагола) предикативной формы, а предикативная — финитная — форма во многих языках (в частности, в русском) выражает, по умолчанию, изъявительное наклонение, т. е. утвердительную модальность. Нужны специальные средства, чтобы эту модальность снять. По У. Вейнрейху, это показатели «снятой утвердительности», «assertion-suspending devices», см. Weinreich 1963/1970: 173; ср. термин *non-veridicality* в Zwarts 1998; Pereltsvaig 2000; Giannakidou 2002; Karttunen, Zeana 2005.

Так, в предложении *Иванов вернулся в Москву*, пример (1), индикатив глагола выражает утверждение, а та же пропозиция в (2) и в (3) находится в контексте снятой утвердительности и имеет **нейтральную модальность**.

- (1) Иванов *вернулся* в Москву.
- (2) Я не думаю, что Иванов *вернулся* в Москву.
- (3) Если Иванов *вернулся* в Москву, он тебе поможет.

Вейнрейх перечисляет языковые средства «нейтрализации утвердительности» (neutralization of assertiveness, suspension of assertion). Это номинализация, инфинитив, будущее время, императив и другие косвенные наклонения, которые выражают «прямой отказ от ответственности за содержание высказывания» (речь, очевидно, идет об отказе говорящего от ответственности за истинность пропозиции). Вейнрейх упоминает, кроме того, немецкий конъюнктив, турецкий квотатив, пересказывательное наклонение в болгарском.

Контекст снятой утвердительности создают также модальные слова (такие как *может, хочет, должен, необходимо*), в том числе, вводные; отрицание (в том числе внутрисловное, как у *отказываться, запрещать, отрицать*); вопрос, дизъюнкция, целевые и условные союзы; неуверенность, предположительность, нереальность.

О снятой утвердительности идет речь в Падучева 1985: 33, 94, 215—220 — в связи с нереферентными неопределенными (non-specific indefinite) местоимениями типа *какой-нибудь*. Эти местоимения рассматривались — в свете достижений последних лет (см., в частности, Haspelmath 1997 о типологии неопределенных местоимений) — также в работе Падучева 2004а. Нереферентные местоимения практически недопустимы в индикативном контексте (**Он взял что-нибудь*), но свободно употребляются в контексте снятой утвердительности: *возьми что-нибудь, взять что-нибудь, возьму что-нибудь, если он взял что-нибудь, могу взять что-нибудь* и т. д.

В Падучева 2004а отмечен ряд других явлений, тоже порождаемых, как оказалось, снятой утвердительностью: исчезновение семантических актантов у некоторых глаголов в прямой — не параметрической — диатезе; зеркальная симметрия прошедшего и будущего времени; глобальное отрицание и отмена фактивной преппозиции в контексте глобального отрицания.

Понятие снятой утвердительности ставит на новую основу проблему отрицания в глагольно-адвербиальном комплексе и в предложениях с кванторными словами, см. разделы 5.4—5.6. См. о снятой утвердительности также в связи с радикальным отрицанием в разделе 5.7.

В контексте снятой утвердительности пропозиция имеет нейтральную модальность, см. в Падучева 1996: 315ff о снятой утвердительности в связи с семантикой вводных слов.

Термин «снятая утвердительность» подсказан книгой Черч 1960: А. Черч различает «утвердительное употребление предложений, с одной стороны, и, с другой стороны, **неутвердительное употребление** их в качестве ⟨...⟩ частей более длинных предложений» (Черч 1960: 30). В той же книге используется термин *proposition*; он переводится как *суждение* или *пропозиция* и употребляется в значении ‘смысл предложения’ — очевидно, в том числе и неутверждаемого.

4.7. «ВНЕШНЕЕ» ОТРИЦАНИЕ И ПРОБЛЕМА ПОДАВЛЕНИЯ ПРЕЗУМПЦИЙ

Итак, презумпция — это, почти по определению, то, что не поддается отрицанию. Тем не менее, в литературе исследовалась возможность **подавления презумпций в контексте отрицания**. В этой связи было введено в рассмотрение (см., в частности, Kempson 1975) понятие «внешнего отрицания» (external negation), которое не различает в структуре предложения презумпций и ассерций.

Так, если понимать *не* в (1а) как «внешнее» отрицание (т. е. по Расселу, см. раздел 4.1), то (1а) будет иметь смысл (1б), а (1в) не будет аномальным:

- (1) а. Джон *не огорчен* тем, что провалился на экзамене;
- б. ‘Джон либо не провалился, либо провалился и не огорчен’;
- в. Джон *не огорчен* тем, что провалился на экзамене, — он его сдал.

Ясно, однако, что употребление отрицания, представленное примером (1в), не соответствует реальному узусу и допустимо разве что в режиме языковой игры —

для создания **эквивока**. Известны, например, эксперименты этого рода, принадлежащие Льюису Кэрроллу (см. Падучева 1982).

Может показаться, что в каких-то контекстах отрицание, которое подавляет презумпцию, все-таки допустимо. Например, в модальном контексте. Так, предложение (2), в отличие от (1в), не воспринимается как аномальное:

- (2) Джон *не может быть огорчен* провалом на экзамене, потому что он не провалился.

Но дело в том, что в (2) презумпция проваленного экзамена отсутствует в первой части предложения, и только потому первая часть не противоречит второй. На самом деле, пропозицию-аргумент предиката *огорчен* в (2) ‘⟨Джон⟩ провалился на экзамене’ лишает презумптивного статуса не отрицание, а контекст снятой утвердительности предиката *огорчен* — который, в данном случае, порожден модальностью. Отрицание воздействует не на предикат *огорчен*, а на модальный оператор. А модальный оператор погружает в контекст снятой утвердительности предикат *огорчен*.

Ср. также примеры (3) и (4). В (3) пропозициональный актанта глагола *уронить* — презумпция; отказ имеет место и для утвердительного предложения, и для его отрицания:

- (3) а. Отказ от игры *уронил* Фишера в глазах шахматистов $\supset$ ‘Фишер отказался’;
б. Отказ от игры *не уронил* Фишера в глазах шахматистов $\supset$ ‘Фишер отказался’.

А предложения (4а) и (4б), где глагол *уронить* в сослагательном наклонении, не имеют следствием пропозицию, которая соответствует пропозициональному актанту — здесь про отказ неизвестно, имеет он место или нет:

- (4) а. Отказ от игры *уронил бы* Фишера в глазах шахматистов;
б. Отказ от игры *не уронил бы* Фишера в глазах шахматистов.

Но презумпцию, которая соответствует пропозициональному актанту каузативно-го глагола в индикативе, подавляет в (4б) не отрицание, а сослагательное наклонение, которое ставит глагольную пропозицию в контекст снятой утвердительности.

Итак, презумпцию подавляет не отрицание, а снятая утвердительность того предиката, который ее порождает (т. е. триггера пресуппозиции). Отрицание находится в контексте, где презумпция уже подавлена: «Presuppositional inferences are typically subject to cancellation by direct denial only when the presupposition trigger is embedded under some other operator» (Beaver, Guerts 2011).

Никакого «внешнего отрицания», подавляющего презумпцию, нет: для предложения (1а) интерпретация (1б), которая подавляет фактивную презумпцию предиката *огорчен*, — это языковая игра, см. о языковой игре Санников 1999.

В Horn 1989: 137 различается **presupposition-preserving negation** и **presupposition-denying negation** (эти термины используются и в других работах, см. Carston 1998). Первое представлено примерами (5а)—(5в), а второе — примером (5г):

- (5) а. It is odd that he won;
б. It is not odd that he won;
в. Is it odd that he won?
г. It is not odd that he won, for he didn't win.

Однако английское предложение (5г) не менее одиозно, чем русское (1в).

Термин *presupposition-preserving negation* не имеет хорошего перевода на русский язык, но в нем и нет необходимости: в разделе 5.2 мы назовем **стандартным** общим отрицанием предложения такое, которое отрицает его ассерцию и сохраняет презумпции. Ясно, что в предложении (4б) отрицание стандартное: в сфере его действия нет презумпции — она подавлена модальным оператором. Что же касается термина *presupposition-denying negation*, то мы вернемся к нему в разделе 5.7, где будет рассматриваться специальная конструкция, в составе которой отрицание на первый взгляд отрицает презумпцию.

4.8. ПРЕЗУМПЦИЯ КАК ЗНАНИЕ ГОВОРЯЩЕГО

Понятие презумпции (пресуппозиции) внедрило в лингвистику параметр истинности, к которой отношение у лингвистов было всегда настороженное (эту провокационную роль пресуппозиции в свое время с недоумением отметил Роман Якобсон). Но и до сих пор в лингвистике имеет хождение определение пресуппозиции, которое не обращается к понятию истинности, см. Шатуновский 1996; Падучева 2004: 257; Зализняк 2006: 486.

Определение следующее. Семантический компонент Р предложения S называется **пресуппозицией S**, если и S, и отрицание S включает семантический компонент ‘я, говорящий, знаю, что Р’. Так, и утверждая, и отрицая (1а), я знаю, что Иван поехал на конференцию в Марокко:

- (1) а. Иван *сожалеет*, что поехал на конференцию в Марокко;
- б. Иван поехал на конференцию в Марокко.

Определение пресуппозиции, выявляющее ее эгоцентричность (т. е. ориентацию на говорящего, см. об эгоцентричности Падучева 2011а), позволяет дать объяснение некоторым важным семантическим явлениям, которые не видны при логическом определении. Несколько примеров, показывающих эффективность «эгоцентрического» определения пресуппозиции; некоторые из них связаны с поведением пресуппозиций при отрицании.

Пример 1. Почему предложение (2б) аномально — в отличие от (2а)?

- (2) а. Иван не знает, что Маша уехала;
- б. *Я не знаю, что Маша уехала.

Глагол *знать* несет презумпцию истинности подчиненной пропозиции, т. е., в соответствии с «эгоцентрическим» определением презумпции, включает компонент ‘Я знаю, что Р’, и в исходном утвердительном (3а) два семантических компонента:

- (3а) Иван знает, что Маша уехала =
- 1) ‘Иван знает, что Маша уехала’ [ассерция];
- 2) ‘Я знаю, что Маша уехала’ [презумпция].

При отрицании (сохраняющем презумпцию) получаем:

- (2а) Иван не знает, что Маша уехала =
- 1) ‘Иван не знает, что она уехала’ [ассерция];
- 2) ‘Я знаю, что она уехала’ [презумпция].

Ассерция и презумпция предложения (2а) различаются субъектами глагола *знать*. Между тем в предложении (3б), которое является исходным утвердительным для отрицательного (2б), субъекты в ассерции и в презумпции совпадают — подлежащее *я* в обоих компонентах обозначает говорящего. Поэтому у предложения (2б) одна и та же пропозиция должна отрицаться, будучи ассерцией, и сохраняться, будучи презумпцией; отсюда аномалия:

- (2б) *Я не знаю*, что Маша уехала =
 1) ‘Я не знаю, что Маша уехала’ [ассерция];
 2) ‘Я знаю, что Маша уехала’ [презумпция].

Стоит упомянуть, что, поскольку в (3б) ассерция и пресуппозиция совпадают, предложение (3б) семантически беднее, чем (3а):

- (3а) Иван *знает*, что Маша уехала;
 (3б) Я *знаю*, что Маша уехала.

Пример 2 требует обращения к фразовым акцентам в предложениях с пропозициональным актантом. Глагол с пропозициональным актантом может иметь два разных типа фразовых акцентов. Возможен рематический акцент на глаголе, т. е. нисходящее фразовое ударение, и интродуктивный, тематический, — восходящее фразовое ударение:

- (4) а. Иван (*не*) *знает*↘, что приехала Маша — [‘приехала Маша’ — пресуппозиция; данное];
 б. Иван (*не*) *знает*↗, что приехала Маша↘ [‘приехала Маша’ — пресуппозиция; новое].

Рематический акцент на пропозициональном глаголе сообщает подчиненной клаузе фразовую безударность и статус данного, см. (4а). А интродуктивный акцент на глаголе обеспечивает подчиненной клаузе главный фразовый акцент и статус нового, см. (4б).

У глагола знания рематический акцент на глаголе подтверждает исходный презумптивный статус подчиненной пропозиции, и интродуктивный акцент не отменяет его. Различие касается только прагматической презумпции, см. раздел 4.4. Между тем для некоторых глаголов мнения связь с фразовым акцентом более принципиальная. Глагол может иметь фактивную пресуппозицию говорящего при рематическом акценте на глаголе, а при интродуктивном акценте ее утрачивать. Таков, например, глагол *подозревать*, ср. (5а) и (5б):

- (5) а. Иван *подозревает*↘, что деньги взяла Маша —
 [ассерция: Иван имеет некоторые основания считать, что Р
 пресуппозиция говорящего: ‘я знаю, что Р’];
 б. Иван *подозревает*↗, что деньги взяла Маша↘
 [говорящий не имеет точки зрения].

Итак, мы получаем новый пример, подтверждающий эффективность эгоцентрического определения пресуппозиции: субъект 1-го лица делает невозможным для глагола *подозревать* фактивное употребление. Так, в контексте субъекта 1-го лица акцентное противопоставление, демонстрируемое сравнением (5а) и (5б), невозможно:

(6) Я *подозреваю* ↗ , что деньги взяла Маша ↘ .

Говорящий не может подкрепить свою ассерцию своей же пресуппозицией; тем самым интродуктивный акцент остается как единственно возможный.

Другие подтверждения эгоцентричности презумпций см. в Падучева 2004: 265.

4.9. НАСЛЕДОВАНИЕ ПРЕЗУМПЦИЙ

В статье Karttunen 1973 «Пресуппозиции сложного предложения» были предъявлены три типа правил наследования презумпций, т. е. три типа контекстов (за каждым стоит некий сентенциальный оператор), которые могут влиять на статус той или иной пропозиции в составе более сложного предложения.

Первый тип — «дыры»; они пропускают все презумпции исходного предложения. Это контекст, в котором пропозиция не меняет своего статуса. Такой контекст порождает отрицание и ряд других операторов, упомянутых в разделе 4.1, например фактивные предикаты, типа *знать*, *сожалеть*; фазовые глаголы, вопрос или сложное предложение с союзами *и*, *или*, *если*. Так, презумпция слова *опять* сохраняется в (16):

- (1) а. Иван *опять* провалился на экзамене;
- б. Если Иван *опять* провалился на экзамене, он больше не будет сдавать.

А, скажем, сослагательное наклонение не пропускает презумпций, как мы видели в разделе 4.6 — так, (2а) имеет презумпцию ‘Фишер отказался’, а в (2б) ее нет:

- (2) а. Отказ от игры *уронил* Фишера в глазах шахматистов;
- б. Отказ от игры *уронил бы* Фишера в глазах шахматистов.

Другой класс — так наз. «затычки» (plugs); это нефактивные глаголы пропозициональной установки, глаголы говорения, а также слова с эгоцентрической семантикой. Они как бы «перекрашивают» исходную пресуппозицию в своей сфере действия. Так, в (3а) презумпция превосходства учителя над остальными принадлежит говорящему, а в (3б) — самому учителю.

- (3) а. *Даже* учитель с трудом решил эту задачу;
- б. Учитель сказал, что *даже* он с трудом решил эту задачу.

Это явление легко объясняется из эгоцентрического определения презумпции: многие триггеры презумпций являются мягкими (иначе — вторичными) эгоцентриками и подчиняются закону проекции, см. Падучева 2011: в гипотаксическом контексте подразумеваемым субъектом пропозиций, описывающих семантику *даже*, является не говорящий, а субъект подчиняющего предложения. Аналогичную проекцию демонстрирует глагол *воображать*:

- (4) а. Муж Марии *воображает* себя гением [= ‘муж Марии считает себя гением; говорящий не считает, что он гений’];
- б. Мария стыдится того, что ее муж *воображает* себя гением [‘... муж Марии считает себя гением; Мария не считает, что он гений’].

Наконец, третий класс контекстов — так наз. «фильтры»; примеры:

- (5) а. Вода либо не кипела, либо *перестала* кипеть;
 б. Если он отказался, то уже *пожалел* об этом;
 в. Гость молчал, и хозяин *тоже* молчал.

Выделенные слова в (5) являются триггерами пресуппозиций. Но пресуппозиция составляющей предложения не является тут пресуппозицией предложения в целом, причем не за счет того, что она подавляется, как, например, в контексте сослагательного наклонения, а за счет того, что она *насыщается*. При этом пресуппозиция в (5в) тестируется следованием в реальном мире, а предложения (5а,б) касаются альтернативной реальности.

4.10. Презумпция и смежные явления

На фоне бурного внедрения понятия презумпции в лингвистику, в формальной семантике началась борьба с этим понятием, которое неудобно тем, что не формализуется в пределах двузначной логики. В частности, многие типы презумпций (а именно, те, которые не касаются референции именных групп и фактивности пропозиций) были разжалованы в **конвенциональные импликатуры** (см. Karttunen, Peters 1979) и перемещены из семантики в прагматику. Между тем, как уже говорилось, в лингвистической семантике четких границ между собственно семантическими и прагматическими аспектами значения не обозначено. Мы относим к презумпциям первоначальный широкий круг явлений, а понятием «конвенциональная импликатура» не пользуемся.

Иное дело — импликатуры дискурса по Грайсу, Grice 1975. **Импликатура дискурса** (англ. conversational implicature) — это компонент содержания высказывания, который не входит в конвенциональное, т. е. закодированное в языке, значение слов или конструкций, а выводится из него при учете контекста ситуации, с опорой на Принцип кооперации Грайса и вытекающие из него коммуникативные постулаты, см. обзор в Падучева 1985: 42ff. Понятие импликатуры может быть полезно при изучении регулярной многозначности и семантических переходов, см. Экскурс 4.

К импликатурам примыкает понятие invited inference, Geis & Zwicky 1971, буквально — «приглашенная инференция», которое хорошо отражает некоторые аспекты взаимодействия говорящего и слушающего в ходе интерпретации высказывания. Хороший пример инференции (Падучева 1985: 44) — интерпретация союза *если* как выражающего не только достаточное, но и необходимое условие: фраза *Если позовешь — приду* произносится с импликатурой ‘а если нет, то нет’, приглашая адресата к соответствующей инференции.

В последние годы привлекли к себе внимание семантические компоненты предложений, которые проективны (в контекстах, упомянутых в разделе 4.1), но их естественно считать презумпциями, если оставаться с понятием семантической презумпции как условием семантической неаномальности высказывания. Иными словами, была поставлена проблема: все ли «проецируемые» компоненты предло-

жения естественно считать его презумпциями? Например, следует ли проводить различие между презумпциями и значениями (предположительно, проецируемыми), которые выражены нерестриктивным придаточным, аппозитивом, вводным словом, как в следующих примерах:

- (1) Боб, *который ездил в Баку*, пропустил последний семинар (пример из Падучева 1981).
- (2) Боб, *как честный человек*, отказался.
- (3) Боб, *к сожалению*, отказался.

Поискам общих свойств проецируемых значений посвящена большая литература, см. обзор в Roberts et al. 2012. Ключевая работа на эту тему — Potts 2007. В ней ассертивный компонент (= at-issue entailment) противопоставлен не только пресуппозиции, но и тому, что К. Поттс называет conventional implicature. Ниже в изложении его позиции я использую термин **вторичный ассертив** (термин «конвенциональная импликатура» не только омонимичен, но и хуже отражает природу описываемых явлений).

Как и пресуппозиция, вторичный ассертив подвергается проекции, но он не является пресуппозицией. Примеры вторичного ассертива — это именной аппозитив и нерестриктивное придаточное:

- (4) Эд, *который сейчас не в ладах с законом*, уехал во Флориду.

В работе Potts 2007 показано, что вторичные ассертивы сходны и с ассерциями, и с презумпциями, но не тождественны ни тем, ни другим.

Основное отличие вторичных ассертивов от презумпций, как считает Поттс, состоит в том, что они логически и синтаксически независимы от главной ассерции того же предложения. Именной аппозитив, будучи вторичным ассертивом, в отличие от первичного ассертива, т. е. ассерции, и подобно презумпции, поддается проекции в контексты-дыры — в частности, под отрицание; так, в (5) сохраняется, в статусе истинной, пропозиция ‘Эд сейчас не в ладах с законом’, которая входила в (4):

- (5) Эд, *который сейчас не в ладах с законом*, *не уехал* во Флориду.

Итак, пресуппозицию отличает от вторичного ассертива то, что ассертив первичный (т. е. ассерция) семантически зависит от пресуппозиции, а от вторичного ассертива независим. Поэтому ложность вторичного ассертива может не делать предложение в целом бессмысленным или аномальным. И именно семантическая независимость вторичного ассертива от первичного заставляет отличать вторичный ассертив от пресуппозиции.

Правда, вторичный ассертив поддается проекции ровно постольку, поскольку он независим по смыслу от ассерции. Между тем вторичные ассертивы часто бывают семантически зависимы от ассерции. Эта зависимость занимала еще Фреге, который приводит следующий пример, см. Frege 1892:

- (6) Наполеон, *который понял опасность*, грозящую его правому флангу, сам повел свою гвардию на врага.

То, что предложения типа (1)—(3) действительно проходят тест на отрицание, не очевидно и по другой причине. В Падучева 1974: 125—142 подробно обосновывается

(со ссылкой на Quine 1961) тезис о том, что нерестриктивные придаточные содержат в своей семантической структуре двойную ассерцию; а тогда, в свете того, что сказано в разделе 4.3, предложениям с нерестриктивным придаточным не должно соответствовать общеотрицательное.

Есть второе важное отличие вторичного ассертива от презумпции, отмеченное в Potts 2007. Как мы знаем, если триггер пресуппозиции находится в контексте пропозициональной установки, то пресуппозиция имеет подразумеваемым субъектом подлежащее установки, см. примеры (3), (4) из раздела 4.9. Причем то же верно для пропозиционального актанта нефактивного предиката. Между тем аппозитивный атрибут всегда имеет подразумеваемым субъектом говорящего. Ср. пример из Roberts e. a. 2012:

- (7) a. Jane believes that Bill has *stopped smoking* <although he's actually never been a smoker>;
 b. Jane believes that Bill, *who is Sue's cousin*, is Sue's brother.

В (7a) глагол *бросить* <*курить*> является триггером презумпции 'Билл раньше курил'. При этом мнение Джейн о том, что Билл бросил курить, включает презумпцию 'Билл раньше курил', которая, как презумпция, принадлежит той же Джейн, т. е. субъекту установки: говорящий этой презумпции не разделяет. Иное дело, вторичная ассерция 'Билл — кузен Сью' в (7b) — она не подвергается проекции, т. е. принадлежит не субъекту установки, а говорящему.

Отрицание предложений с вводными словами, как в (3), — это отдельная проблема, которая остается за рамками настоящего рассмотрения.

На этом можно закончить с презумпциями и перейти к отрицательному предложению.

Глава 5

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТИПЫ ОБЩЕОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

5.1. ПРЕДИКАТНОЕ И ПРИСЛОВНОЕ ОТРИЦАНИЕ

С синтаксической точки зрения различается **предикатное** отрицание (отрицание при финитном глаголе или предикативе, иначе — **фразовое**, см. Падучева 1974), как в (1), и **присловное**, как в (2):

- (1) Иван *не попал* на выставку.
- (2) *Не все* попали на выставку.

Долгое время лингвисты не могли отказаться от идеи, что класс предложений с предикатным отрицанием совпадает с классом семантически общеотрицательных предложений, а класс предложений с присловным отрицанием — с классом семантически частноотрицательных (о противопоставлении семантически общего и семантически частного отрицания см. в главе 3). Однако этого совпадения нет — имеются все четыре возможности.

- Семантически общеотрицательные предложения с предикатным отрицанием:

- (3) Коля *не придет* = ‘не (Коля придет)’.
- (4) Иван *не повез* жену в больницу = ‘не (Иван повез жену в больницу)’.

- Семантически общеотрицательные предложения с присловным отрицанием:

- (5) Это был *не портрет* = ‘не (это был портрет)’.
- (6) Он решил *не все* задачи = ‘не (он решил все задачи)’.
- (7) Я *не всегда* буду с вами = ‘не (я всегда буду с вами)’.

- Семантически частноотрицательные предложения с предикатным отрицанием:

- (8) Мы с вами долго *не увидимся* = ‘долго не (мы с вами увиделись)’.

- Семантически частноотрицательные предложения с присловным отрицанием:

- (9) Иногда он отвечает *не сразу* = ‘иногда не (он отвечает сразу)’.

Термины предикатное отрицание и присловное отрицание приблизительно соответствуют английским «sentential negation» и «constituent negation». Однако соответствие тут не совсем простое.

В русском языке естественно говорить о «присловном» отрицании, а не об «отрицании составляющей» (constituent negation), поскольку русские синтаксисты традиционно оперируют словами, а не составляющими, как английские. Правда, возникают трудности в контекстах типа *Не в добрый час я ее встретил*, где отрицание относится, конечно, не к одному предлогу *в*, а ко всей составляющей *в добрый час*,

но эти трудности легко обойти. Так что «constituent negation» и присловное отрицание — это примерно одно и то же.

Что же касается перевода на русский язык термина *sentential negation*, то тут дело осложняется тем, что в самой англоязычной лингвистической литературе термин «*sentential negation*» понимается по-разному. В русской лингвистике удалось установить различие между семантически общеотрицательным предложением и предложением с предикатным отрицанием, т. е. отрицанием при сказуемом, которое является синтаксической вершиной предложения. Между тем английский термин «*sentential negation*» употребляется в обоих смыслах — как отрицание, которое является главным семантическим оператором в предложении, и как отрицание при его синтаксической вершине.

В классической статье о семантике отрицания Klima 1964 термин *sentential negation* понимается как общее отрицание в семантическом смысле. В предложениях *No one objected* ‘никто не возражал’, *John ate nothing* ‘Джон ничего не съел’, *Not everyone agreed* ‘не все согласились’, Клима, основываясь, как в то время было принято, только на разного рода синтаксических тестах, проницательно усматривает в этих предложениях семантическое общее отрицание. А Есперсен (см. Jespersen 1924), который ориентируется строго на форму, видит в подобных примерах *constituent negation* (= ‘special negation’), поскольку отрицание стоит не при предикативной вершине предложения, а входит в состав именной группы. При этом, однако, ни один из авторов не вводит отдельных пар терминов для семантической и синтаксической структуры предложения — что, как представляется, заводит англоязычную терминологию в неразрешимый тупик.

В русскоязычной лингвистической литературе иногда используется термин «сентенциальное отрицание». Безопасным можно считать только его употребление в синтаксическом смысле — в качестве синонима для термина предикатное отрицание, поскольку англоязычная терминология склонна в большей мере ориентироваться на синтаксис, чем на семантику.

З а м е ч а н и е. Иногда удобно говорить о **предикативном** отрицании, т. е. об отрицании, которое выражено в предикативной форме: *неверно, что...* Разумеется, это не то же, что предикатное отрицание.

Особый синтаксический тип отрицательных предложений составляют предложения со **смещенным** отрицанием (Падучева 1974; Богуславский 1985), например:

(10) *Я не решил* всех ваших задач ≈ ‘решил не все’.

(11) Микробиология *не возникла* на пустом месте ≈ ‘возникла не на пустом месте’.

Смещенному отрицанию посвящен раздел 5.5.

О **глобальном** предикатном отрицании, т. е. отрицании с широкой сферой действия, см. в разделах 5.4 и 5.6.

Еще один синтаксический тип — предложения с **кумулятивным** отрицанием. Это предложения с отрицательным *ни*-местоимением (быть может, не одним) и сопутствующим отрицанием при глаголе: *Никто не пришел; Он не дал никому ничего сказать*, см. раздел 5.8.

Отдельный семантико-синтаксический тип составляют предложения с **противопоставительным** отрицанием (Богуславский 1985). Противопоставление должно быть выражено эксплицитно, конструкцией *не ..., а*, как в (12а), или отчетливо подразумеваться — так чтобы без уточнения смысл ощущался как неполный, см. (12б):

- (12) а. Он *не* в Париже, *а* в Лондоне;
б. Он *не* в Париже.

Дело в том, что вне конструкции *не ..., а* нет четкой границы между противопоставительным и просто присловным отрицанием. Так, в предложениях *Я не дома* (в прошедшем времени — *Я была не дома*), *Он любит не тебя*, в отличие от предложения (12б), не ощущается неполноты. Далее противопоставительным отрицанием будет считаться только то, которое входит в состав конструкции *не ..., а* и обнаруживает нетривиальные семантико-синтаксические свойства. Противопоставительному отрицанию посвящен раздел 9.1 главы 9.

Относительно мало изученное явление представляет собой **радикальное** предикатное отрицание, см. раздел 5.7.

Следующие разделы посвящены перечисленным выше синтаксическим типам общеотрицательных предложений. Речь идет о том, как построить предложение, которое будет отрицанием данного. При этом ясно, что соответствовать какому бы то ни было утвердительному может только общеотрицательное предложение: в частноотрицательных предложениях отрицается фрагмент смысла, который синтаксически не составляет отдельного предложения. Например:

- (13) Напрасно ты *не* приехал = ‘напрасно (не (ты приехал))’
≠ ‘не (напрасно (ты приехал))’.
(14) Он нас долго *не* замечал = ‘долго <длилось состояние> не (он нас заметил)’.

Что касается частноотрицательных предложений, то их синтаксическая классификация не разработана; они упоминаются лишь попутно — в связи с глагольно-адвербиальным комплексом в разделе 5.4, обстоятельствами длительности в разделе 7.1 или подъемом отрицания, раздел 8.5.

5.2. ОБЩЕОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРЕДИКАТНЫМ ОТРИЦАНИЕМ

Базовое правило для русского языка состоит в том, что в общеотрицательном предложении отрицание присоединяется к слову, которое соответствует **семантической вершине** исходного предложения, т. е. главному семантическому оператору, который участвует в его построении (Падучева 1974: 154).

В простом предложении таким оператором обычно является финитный глагол или предикатив — сказуемое. Тогда общеотрицательное предложение имеет предикатное отрицание. Предложение выражает единую пропозицию; она является ассерцией и отрицается с помощью отрицания при ее предикате:

- (1) не (Он пошел на работу) = Он *не пошел* на работу.
(2) не (Он тебя любит) = Он тебя *не любит*.
(3) не (Он показал жене фотографию) = Он *не показал* жене фотографию.

Предложение (4б) является общим, т. е. полным, отрицанием (4а). В нем есть отрицаемый компонент — (4в); но он и не должен отрицаться, поскольку составляет презумпцию (иначе — пресуппозицию) предложения (4а):

- (4) а. Иван *жалеет*, что поехал на конференцию в Марокко;
- б. Иван *не жалеет*, что поехал на конференцию в Марокко;
- в. Иван поехал на конференцию в Марокко.

По общему правилу, в общеотрицательном предложении отрицается ассерция, но сохраняются презумпции исходного предложения; т. е. стандартное отрицание — это отрицание, сохраняющее презумпции (*presupposition-preserving negation*). О «подавлении» презумпций см. раздел 4.7; о глобальном и смещенном отрицании — разделы 5.4—5.6, о специальной конструкции с радикальным отрицанием — раздел 5.7.

5.3. ОБЩЕОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИСЛОВНЫМ ОТРИЦАНИЕМ

Имеется несколько разрядов слов, которые, не будучи финитным глаголом или предикативом, притягивают к себе отрицательную частицу *не* в семантически общеотрицательном предложении, поскольку являются семантической вершиной исходного.

1. Кванторное слово — это семантический оператор, который включает глагольную предикацию в свою сферу действия, т. е. подчиняет ее. Поэтому у предложения с кванторным словом соответствующее общеотрицательное имеет отрицательную частицу *не* при кванторном слове — именно оно является семантической вершиной предложения (о других возможностях см. в разделе 5.5 о смещенном отрицании):

- (1) *не* (он решил *все* задачи) = Он решил *не все* задачи.
- (2) *не* (*многие* хотят перемен) = *Немногие* хотят перемен.

В самом деле, отрицание при глаголе дало бы в этом случае предложение с частным, т. е., в данном случае, более сильным отрицанием:

- (3) Многие *не хотят* перемен = ‘для многих ⟨верно, что⟩ *не* (они хотят перемен)’.

2. Присоединять отрицание способны некоторые союзы (очевидно, что союз семантически подчиняет соединяемые им глагольные предикации):

- (4) *не* (он пришел, потому что соскучился) = Он пришел *не потому*, что соскучился.

Ср. в Пекелис 2008 попытку ответить на вопрос, почему отрицание присоединяется к союзу *потому* и не присоединяется к *поскольку* или *так как*.

3. Общеотрицательное предложение имеет присловное отрицание, если в исходном утвердительном предложении это слово было **рематичным**, т. е. несло контрастное ударение. Так, у предложения (5а), с естественным делением на тему и рему (см. о коммуникативной структуре высказывания Падучева 1985: 117; Янко 2001), смысл описывается единой пропозицией, и оно имеет предикатное отрицание (5б). А в предложении (6а) существенным фактором является контрастное ударение, ко-

торое расчленяет смысл предложения на две пропозиции — ‘Иван куда-то пошел’ [презумпция] и ‘то, куда он пошел, — это концерт’ [ассерция] (знаки акцентной разметки — согласно Янко 2001):

- (5) а. Иван↗ пошел на концерт↘ ;
 б. Иван↗ *не пошел*↘ на концерт.
 (6) а. Иван пошел на концерт↗ ;
 б. Иван пошел *не на концерт*↗ .

Поэтому общеотрицательным для (6а) будет предложение (6б) с присловным отрицанием. Еще примеры:

- (7) НЕ (он любит тебя↘) = Он любит *не тебя* = ‘не (тот, кого он любит, есть ты)’.
 (8) НЕ (солировать будет Гиндин↘) = Солировать будет *не Гиндин* = ‘не (тот, кто будет солировать, есть Гиндин)’.

Как уже говорилось, нет четкой границы между контрастным рематическим отрицанием и противопоставительным, см. пример (12) из раздела 5.1. Иначе говоря, неясно, когда возникает неполнота и необходимость в продолжении: *не Гиндин, а кто?*

4. Многие адвербиалы (т. е. наречия и наречеподобные сочетания) способны формировать пропозицию, которая составляет семантическую вершину предложения, так что глагольная предикация входит в сферу действия адвербиала. Ср. различие между актантами и сирконстантами в Мельчук 1974 и между аргументами и адьюнктами в трансформационной грамматике. Адьюнкт располагается в семантическом дереве предложения выше, чем глагол. У предложения с адвербиалом соответствующее общеотрицательное будет иметь присловное отрицание при адвербиале:

- (9) НЕ (Иван купил игрушки *на рынке*) = Иван купил игрушки *не на рынке*.
 (10) НЕ (Иван звонил *вчера*) = Иван звонил *не вчера*.

Правда, будучи в тематической позиции, тот же адвербиал может как бы перейти из сирконстантов в актанты глагола и войти в сферу действия предикатного отрицания, так что предикатное отрицание будет иметь широкую сферу действия. Так, предложения (11), (12) семантически общеотрицательные:

- (11) НЕ (Иван купил *на рынке* игрушки) = Иван не купил *на рынке* игрушек.
 (12) НЕ (Иван *вчера* позвонил) = Иван *вчера* не позвонил.

Однако большая часть адвербиалов (в частности, так называемые качественные наречия, или наречия образа действия) не допускает такого синтаксического переосмысления. Так, предложения из (13б) аномальны и не являются общеотрицательными для предложений из (13а):

- (13) а. Он *резко* затормозил; Он *тщательно* оделся; Он *немедленно* ушел; Он *вскоре* сделался негодяем;
 б. *Он *резко* не затормозил; *Он *тщательно* не оделся; *Он *немедленно* не ушел; *Он *вскоре* не сделался негодяем.

Проблеме отрицания в глагольно-адвербиальном комплексе посвящен раздел 5.4.

5.4. ГЛОБАЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ГЛАГОЛЬНО-АДВЕРБИАЛЬНЫМ КОМПЛЕКСОМ

Давно было замечено, что предложения с препозитивным наречием (безударным) часто не имеют хорошего отрицания. Пример из Падучева 1969 (знаком __ помечается отсутствие фразового акцента на том слове, где он мог бы быть):

- (1) а. Он затормозил *резко* ∨ ;
 б. Он *резко*__ затормозил ∨ .
 (2) а. НЕ (Он затормозил *резко* ∨) = Он затормозил *не резко*;
 б. НЕ (Он *резко*__ затормозил ∨) = ???

У предложения (1а) отрицанием служит (2а). А (1б) не имеет хорошего отрицания. И так будет для многих наречий — в частности, для всех наречий образа действия.

Поразительный факт состоит, однако, в том, что в контексте снятой утвердительности (см. раздел 4.6) то же глагольно-адвербиальное сочетание отрицается без затруднений:

- (3) а. *Резко* не тормози;
 б. Главное — не тормозить *резко*;
 в. Он не будет тормозить *резко*;
 г. *Резко* он не тормозит <обычно>;
 д. Могу *резко* не тормозить;
 е. Он обещал *резко* не тормозить;
 ж. Если бы *он резко* не затормозил, произошла бы авария.

В (4а) отрицание находится в контексте снятой утвердительности и абсолютно естественно; а то же глагольно-адвербиальное сочетание вне такого контекста не имеет отрицательного коррелята:

- (4) а. Здесь пока *тщательно не оденешься*, из дому не выйдешь. [Октябрь. 2001 № 1];
 б. НЕ (Он *тщательно оделся*) = 'то ли не оделся, то ли оделся не *тщательно*' = ???

Отрицание глагольно-адвербиального комплекса как целого (в примерах типа (3) или (4а)) можно назвать **глобальным отрицанием**. В принципе, выразить смысл, задаваемый формулой (4б), конечно, можно, см. ниже, — но не с помощью одной только частицы *не*.

Как представить семантическое различие между (1а) и (1б)? В (1а) *резко* занимает ударную позицию, релативную, а в (1б) — безударную: ее можно назвать позицией **релативного модификатора** (в Падучева 1996: 244 в этом значении использовался термин «атрибутивный компонент»; в Падучева 2004: 124 — «атрибут ремь»). Термин «модификатор» — от англ. *adverbial modifier* 'обстоятельство' — предпочтителен: модификатор это и есть атрибут глагольной группы. Итак, мы имеем:

- (1) а. Он затормозил__ *резко* ∨ [*он затормозил* — тема, *резко* — рема];
 б. Он *резко*__ затормозил ∨ [*он* — тема, *затормозил* — рема, *резко* — релативский модификатор].

У предложения (1а), где *резко* — рема, есть простое отрицание (2а), а для (1б), где *резко* — рематический модификатор, отрицание затруднено.

Подчеркнем, что рематическим модификатором может быть только такой адвербиал при глаголе, который не является актантом этого глагола. Для актантов аналогичное просодическое противопоставление невозможно, см. ниже пример (38).

Различие между рематической позицией адвербиала (отрицаемой) и безударной дает себя знать не только в контексте отрицания, но и в ряде других.

- Контекст причины (рассматривался в этой связи в Зализняк 1983):

- (5) а. Ребенок проснулся потому, что вы разговаривали *громко* ∨ ;
 б. Ребенок проснулся потому, что вы *громко* разговаривали ∨ [≠ (5а)].

- Контекст условия:

- (6) а. Если бы они разговаривали *громко* ↗ , я бы услышал;
 б. Если бы они *громко* разговаривали! Они кричали [≠ (6а)].

- Контекст начинательности (пример из Богуславский 1998):

- (7) а. После этого они начали разговаривать *громко* ∨ [до того они разговаривали, но не громко];
 б. После этого они начали *громко* разговаривать ∨ [≠ (7а)].

- Контекст внутрилексменного отрицания (например: *помешать* = ‘не дать’):

- (8) а. Ваше присутствие помешало мне произнести слово «Позор!» *громко* [я произнес, но тихо];
 б. Ваше присутствие помешало мне *громко* произнести слово «Позор!» [я ничего не произнес].

Выявив в поверхностной структуре предложения позицию рематического модификатора, мы получаем все необходимое для описания противопоставлений в плане содержания. В обоих предложениях, т. е. и в (1а), и в (1б), имеется два смысловых компонента — две предикации. В (1а) первый компонент, ‘он затормозил’, — пресуппозиция; второй, ‘торможение резкое’, — ассерция. А в (1б) оба компонента ассертивные, т. е. в предложении две ассерции. Из этих двух компонентов 2-й является определением к 1-му; это рематический модификатор.

Семантические представления для (1а) и (1б):

(1а) = ‘он затормозил’ [презумпция] & ‘торможение резкое’ [ассерция];

(1б) = ‘он затормозил’ [ассерция] & ‘торможение резкое’ [дополнительная ассерция: рематический модификатор].

Есть наречия, которые не допускают двоякой акцентуации. Например, наречие *кстати*, как в *пришел кстати*, всегда ударное. Но большой класс наречий способен к указанному линейно-просодическому контрасту — например, наречия образа действия (*громко смеяться, рассказать подробно, работать дружно, идти быстро*).

Существенно, что одно и то же отношение (модификации, иначе — атрибутивное) может быть задано на семантических составляющих предложения и слова (Богуславский 1985: 30—32; Падучева 1996: 244).

В Богуславский 1985: 30 и в Зельдович 1998 модифицирующему компоненту в семантике предложения (и слова) приписывается особый коммуникативный статус

слабого компонента (который находится в одном ряду с ассерцией и пресуппозицией) — на том основании, что в контексте отрицания этот компонент

- а) не остается истинным, в отличие от пресуппозиции;
- б) не отрицается, в отличие от обычной ассерции.

То есть усматривается необходимость (в соответствии с терминологией, принятой в разделе 4.2) в дополнительном ассертивном статусе. Можно думать, однако, что ассертивный статус компонента-модификатора в (1б) — это все-таки ассерция: дополнительная, при основной, выраженной глаголом. А особое поведение модифицирующего компонента под отрицанием имеет семантическую природу. Так, если ситуация, соответствующая глагольному компоненту (например, *затормозил*), не имеет места, то модифицирующий компонент (*резко*) лишается смысла, ср. бессмысленное **он резко не затормозил*. Семантическая аномалия в контексте отрицания при глаголе возникает потому, что *резко* — наречие образа действия. Другие типы наречий свободно сочетаются с отрицательным глаголом; например, возможно *напрасно он не затормозил, назло не поехал*. А ассертивный статус модифицирующего компонента определяется просодией и порядком слов: он может быть ассерцией, и тогда глагольная предикация — пресуппозиция; может быть дополнительной ассерцией, как в примере (1б). (Есть еще третья возможность, которая будет рассмотрена ниже.) Если модифицирующий компонент имеет семантику слабой степени, он при отрицании выпадает:

- (9) а. не (он слегка простужен) = Он не простужен;
- б. Он слегка простужен =
'он простужен' [ассерция] & 'простуда слабая [дополнительная ассерция]'.

Итак, в семантической структуре предложения с релативным модификатором возникает конъюнкция ассерций, а отрицание конъюнкции, в соответствии с законами логики, дает сложный дизъюнктивный смысл, которого естественный язык избегает (см. раздел 4.3):

- (2б) не (он резко затормозил $\vee$) = 'то ли он затормозил не резко, то ли не затормозил вообще'.

Выразить смысл (2б) на русском языке, конечно, можно — и даже несколькими способами: (2б') отражает семантическую структуру с дизъюнкцией; (2б'') передает дизъюнкцию в виде импликации, а (2б''') — «идиоматически», используя контрастную тему:

- (2б') То ли он не затормозил вообще, то ли затормозил, но не резко;
- (2б'') Если он и затормозил, то не резко;
- (2б''') Резко $\nearrow$ он не тормозил $\searrow$.

Все соответствия, однако, весьма неточные. Так, (2б') добавляет к (2б) компонент 'не знаю, что из двух имело место' — хотя смысл (2б) мог бы иметь в виду и такой человек, который знает, но не хочет говорить. Далее, (2б'''), в соответствии с определением контрастной темы в Падучева 1985: 118, означает: 'резко не тормозил, а тормозил ли не резко — неизвестно'; иначе: 'то ли он не тормозил вообще, то ли затормозил не резко'. Так что предложение (2б''') передает смысл (2б) очень

приблизительно: СВ *затормозил* заменяется на НСВ общефактическое *тормозил*, при котором утрачивается смысл единичного торможения; а сохранение совершенного вида дает практически недопустимое **Резко он не затормозил*.

В то же время, отрицательная частица *не* при глаголе-сказуемом свободно выражает глобальное отрицание глагольно-адвербиального комплекса, если он находится в контексте снятой утвердительности. В этом случае отрицание не требует ни союзов, ни контрастного ударения на наречии, см. примеры (3) и (4а).

Глобальная интерпретация отрицания в контексте снятой утвердительности свойственна большому кругу наречий. См. пример (10) (на базе списка адвербиально-глагольных сочетаний из Филипенко 2003); слева стоят глаголы в будущем времени, которое создает контекст снятой утвердительности; справа — в прошедшем времени:

- (10) а. самостоятельно не *выучит* — ?самостоятельно не *выучил*;
 б. дешево не *продаст* — ?дешево не *продал*;
 в. скоро он не *придет* — ?скоро он не *пришел*;
 г. спокойно он *сидеть* не *будет* — ?спокойно он не *сидел*;
 д. хорошо этот *рояль звучать* не *будет* — ?хорошо этот рояль не *звучал*; и т. д.

Предложные группы с адвербиальным значением подобны наречиям; например, такую же пару образуют *без причины не откажется* и **без причины не отказался*. Мы стараемся ограничиваться наречиями, т. е. однословными адвербиалами, только ради простоты формулировок.

Еще два примера. В (11а), (12а) наречия находятся в контексте снятой утвердительности, и предложение выглядит гармонично; а предложения (11б), (12б), с глаголом в прошедшем времени, в большей или меньшей степени шероховаты:

- (11) а. *Сильно* этот поезд не опоздает = 'не (Этот поезд *сильно* опоздает)';
 б. ?*Сильно*↗ этот поезд не опоздал↘ .
 (12) а. не (Вам эту статью надо *внимательно* прочесть) = Эту статью вам *внимательно* читать не надо;
 б. не (Вы эту статью *внимательно* прочли) = ?*Внимательно*↗ вы эту статью не прочли↘ .

Глобальная интерпретация предикатного отрицания возникает в контексте снятой утвердительности, который создают союзы *чтобы*, *если*, *пока*; частица *разве*; оператор вопроса и другие, см. раздел 4.6.

Если адвербиал Q осмыслен в применении к пропозиции P с предикатным отрицанием (что не всегда так, ср. выше пример **он резко не затормозил*), возникает прямое противопоставление частноотрицательного предложения, вида Q (не P), и предложения с глобальным отрицанием, вида не (Q (P)). Так, в (13) отрицание распространяется только на 'ты пришел', и предложение частноотрицательное: отрицание входит в сферу действия адвербиала. А в (14) — на весь комплекс 'ты пришел напрасно'; это глобальная интерпретация отрицания:

- (13) *Напрасно* ты не пришел.
 (14) Я утром позвоню, чтобы ты не пришел *напрасно*.

Предложение (13) имеет следствие ‘ты не пришел’ и частноотрицательную интерпретацию отрицания, которая возможна в любом контексте. А предложение (14), с глобальной интерпретацией отрицания, которая возможна только в контексте снятой утвердительности, не имеет следствия ‘ты не пришел’.

В контексте, где частноотрицательная интерпретация Q (не P) не имеет смысла, глобальная интерпретация остается как единственная возможность:

(15) Только бы *он громко не закричал*, когда найдет решение.

Глобальное отрицание глагольно-адвербиального комплекса представлено серией примеров (16); подчеркнут сентенциальный оператор, который создает для предикации P контекст снятой утвердительности.

(16) а. если бы я *сдуру* не бросил работу <...>;

б. чтобы *напрасно* не обидеть <...>;

в. чтобы она *вновь* не стала добычей какого-нибудь охотника;

г. Разве ты не бываешь там *каждый день*?

д. пока *окончательно и навсегда* не установилась Советская власть (В. Катаев);

е. Как бы он *нечаянно* не проболтался.

В (17) оператором, снимающим утвердительность, является вопрос, в (18) — отрицание существования, в (19) — сослагательное наклонение.

(17) Ты *случайно* не знаешь его телефон?

(18) а. Нет проблемы, которая бы *всесторонне* не обсуждалась;

б. <...> не было такого, который бы *вскоре* не сделался негодяем.

(19) Не случись эта передышка, не *отказались бы* вожди *всерьез и надолго* от своих теорий (В. Аксенов).

Влияние контекста снятой утвердительности на отрицание глагольно-адвербиального комплекса можно объяснить так. Утвердительная модальность предиката в пропозиции P выделяет ее как отдельную ассерцию. Именно это предопределяет для предложения (16) структуру вида не (P & Q (P)), с конъюнкцией, которая порождает при отрицании неудобный дизъюнктивный смысл. Снятая утвердительность отменяет отдельную ассертивность пропозиции P; структура вида не (P & Q (P)) превращается в структуру вида не (Q (P)), где Q (P) — это едина я п р о п о з и ц и я. Конъюнкция пропадает, поскольку P пропадает как отдельно утверждаемая пропозиция; в результате, глагольно-адвербиальный комплекс отрицается как единое целое.

В отличие от частноотрицательного предложения, в котором адвербиал должен быть осмыслен в применении к отрицательному предикату (а набор таких адвербиалов ограничен, см. Богуславский 1985: 55), глобальное отрицание в контексте оператора снятой утвердительности не предъявляет к адвербиалу никаких специальных ограничений, которые бы определялись именно наличием отрицания; достаточно, чтобы наречие Q сочеталось с предикатом в P. Например:

(20) пока *мало-мальски* не наладится; пока инвалид *вновь* не извлек из своего инструмента вибрирующий звук; пока *заживо* не сгниешь; пока *окончательно* не отупел; если бы не банкет, он бы так *тщательно* не оделся; если бы *периодически* не вспыхивали; если бы *постоянно* не вываливались; если бы я *клятвенно* не пообещал; если бы *вдруг* не пропало солнце; если мы *немедленно*

не уйдем отсюда; иначе бы *хорошо* не получилось; иначе бы он *навытяжку* не стоял; чтобы *сломя голову* не мчаться; не может быть, чтобы он не усмехнулся *исподтишка*.

Ясно, что вне контекста снятой утвердительности сочетания из (20') неприемлемы:

- (20') *тщательно* не оделся, *немедленно* не уйдем, *периодически* не вспыхивали, *клятвенно* не пообещал, *вскоре* не сделался, *неустанно* не взывал, *украдкой* не утер слезу, *поминутно* не прикладывал, *кубарем* не полетел.

Глобальная интерпретация особенно хорошо видна в контексте наречий причины (*сдуру, сослепу, спросонья, в шутку, нарочно, умышленно, нечаянно, случайно, второпях, в спешке, сгоряча, спьяна*) и цели (*напрасно, назло*). Эти наречия, в отличие от наречий образа действия, типа *громко, медленно*, в принципе, могут употребляться при отрицаемом глаголе; так что предложение с глобальным отрицанием семантически противопоставлено частноотрицательному.

Так, у наречия *нечаянно* в контексте снятой утвердительности возникает глобальная интерпретация:

- (21) Я очень боялся, чтобы меня *нечаянно* не приняли за кого-нибудь (М. Арцыбашев);
 (22) Я стал бояться, <...> как бы он *нечаянно* не нажал собачку (В. Каверин).
 (23) <...> чтобы не успеть увидеть своего ребенка и *нечаянно* не полюбить его навсегда (А. Платонов).

Вне этого контекста глобальная интерпретация отрицания при *нечаянно* невозможна или по крайней мере усложнена. У наречия *случайно* глобальная интерпретация отрицания тоже ограничена контекстом снятой утвердительности, см. (24а). А частноотрицательная интерпретация возникает без затруднений, см. (24б):

- (24) а. <...> чтобы их *случайно* не подслушали;
 б. Он лишь *случайно* не попал в аварию.

Частноотрицательная и глобальная интерпретация отчетливо противопоставлены у *второпях*. Наречие *второпях*, так же как *нечаянно, случайно*, в принципе может употребляться при отрицаемом глаголе:

- (25) *второпях* не надел = 'из-за спешки (не надел)'

Ясно, однако, что в (26а) *второпях* относится не к глаголу, как в (25), а ко всему сочетанию «глагол + модификатор»; т. е. это глобальная интерпретация отрицания, и она обусловлена контекстом снятой утвердительности; а в утвердительном контексте в (26б) интерпретация частноотрицательная:

- (26) а. Проследи, чтобы он *второпях не оставил* ключи = 'чтобы не (он из-за спешки оставил)';
 б. Он *второпях не оставил* ключи [= 'из-за спешки не (он оставил)'].

Аналогично в (27):

- (27) а. Как бы он *не надел второпях* мою шляпу [= 'как бы не (из-за спешки он надел)'];
 б. Он *второпях не надел* шляпу [= 'из-за спешки не (он надел)'].

В Пеньковский 2004 рассматриваются два значения *второных*, которые различаются тематическим классом:

1) значение причины: ‘в спешке — по причине спешки — сделал не то, что собирался или должен был’, *второных-1*;

2) значение образа действия: ‘делал в спешке, торопясь’, *второных-2*.

Значения различаются просодией; *второных-1* препозитивно и принципиально безударно, а *второных-2* предпочитает постпозицию и несет фразовый акцент:

(28) а. *второных*— забыл^h [*второных-1*];

б. пообедили— *второных*^h [*второных-2*].

Противопоставление глобального и частного отрицания возможно только для *второных-1*.

Итак, глобальной интерпретации предикатного отрицания в составе глагольно-адвербиального комплекса способствует снятая утвердительность: утвердительная модальность порождает отдельную ассертивность пропозиции Р, а снятая утвердительность снимает эту ассертивность.

Но снятая утвердительность — не единственный фактор, который делает возможным глобальное понимание предикатного отрицания в составе глагольно-адвербиального комплекса. В Богуславский 1985: 31—32 выдвигаются другие условия, при которых сентенциальное отрицание оказывается глобальным, т. е. включает в свою сферу действия адвербиал, семантически подчиняющий эту предикацию. Предложение со структурой Q (P), где P — ситуация, а Q — ее модификатор, может иметь сентенциальное отрицание, если предикация P коммуникативно значима только с модификатором Q; например, если истинность P без Q нерелевантна; или если есть **семантика ожидания** — если заранее ожидается, что P будет иметь место с модификатором Q. Так, глобальную интерпретацию имеет сентенциальное отрицание в (29), (30) (примеры из Богуславский 1985: 60; Падучева 1996: 244):

(29) Трамвай не остановился, *чтобы высадить пассажиров*.

(30) Петров не придет в Москву *для участия в конкурсе*.

В самом деле, семантика ожидания, будучи выражена эксплицитно, позволяет включить в сферу действия предикатного отрицания сколь угодно сложный модификатор, см. Богуславский 1985: 32. Так, предложение (31а) сомнительное, а (31б) нормальное:

(31) НЕ (Добыча угля возросла на 10 млн тонн) =

а. ?Добыча угля не возросла на 10 млн тонн;

б. Добыча угля не возросла на 10 млн тонн, *как ожидалось*.

Это другой способ расширить сферу действия предикатного отрицания за пределы элементарной предикации. В сущности, семантика ожидания и сводится к тому, что компонент Q из модификатора ситуации P переходит в ее обязательные участники. Можно поэтому представить то же явление в синтаксических терминах: сирконстант, если он ожидаемый, т. е. коммуникативно необходимый, становится дополнительным актантом предиката. Соответственно, он входит в сферу действия

предикатного отрицания наравне с актантами. В Богуславский 1985: 54 это явление называется **широкой сферой действия** отрицания.

Примечание. Соответственно, в частноотрицательном предложении, например *Напрасно ты на ней не женился*, **узкая сфера действия** отрицания. Заметим, однако, что не следует усматривать узкую сферу действия отрицания в предложениях, где пропозиция не входит в сферу действия отрицания потому, что имеет статус презумпции. Например, предикатное отрицание в предложении *Я не обиделась на него за отказ* не распространяется на отказ — он имел место. Но предложение имеет нормальную, а не узкую сферу действия. Дело в том, что предложения с узкой сферой действия отрицания — это предложения семантически частноотрицательные; а это предложение общеотрицательное.

Глобальную интерпретацию может иметь в утвердительном контексте (т. е. без снятой утвердительности) наречие *вовремя* (отмечено в Левонтина 2003):

(32) Попугайчика *вовремя* не покормили, и он умер.

У *вовремя* словари различают два значения, временное *вовремя-1* и не чисто временное *вовремя-2*:

вовремя-1 = ‘пока еще не поздно’, ‘не опоздав’, например:

(33) Он сегодня пришел на работу *вовремя*; ⟨...⟩ она было взяла из моих рук монеты, но *вовремя* опомнилась, и мы вышли, ничего не купив (Набоков. Весна в Фиальте).

вовремя-2 = ‘когда это уместно, нужно’, например:

(34) Вы пришли очень *вовремя*; Это было *вовремя* сказанное слово.

В значении 1 *вовремя* не присоединяет отрицания: не допускает присловной интерпретации — если при слове *вовремя* есть отрицание, это может быть только *вовремя-2*:

(35) а. Гость пришел *не вовремя*;
б. *Он пришел на работу *не вовремя*.

Предложение (35б) можно понять только в странном значении ‘когда его там не ждали’ — оно не является отрицанием для *пришел вовремя*, т. е. ‘не опоздав’.

Глобальную интерпретацию *вовремя-1* можно объяснить в коммуникативных терминах: говорить о ситуации Р вне модификатора Q бессмысленно — например, бессмысленно ставить вопрос, покормили ли попугайчика тогда, когда было уже поздно.

Подобную мотивацию допускает глобальная интерпретация отрицания и в других предложениях с обстоятельством времени:

(36) Мне этого *заранее* не сказали.

(37) Я *утром* не позавтракал.

Итак, в глагольно-адвербиальном комплексе имеются следующие возможности размещения и интерпретации отрицания:

А. Предикатное отрицание в сфере действия адвербиала — Q (НЕ Р), как в *Напрасно он не согласился*; частноотрицательное предложение.

Б. Адвербиальное отрицание; глагольная пропозиция имеет статус презумпции — НЕ-Q (Р), как в *Он ответил не сразу*; общеотрицательное предложение.

В. Глобальное предикатное отрицание — не Q (P), в контексте снятой утвердительности, как в *Только бы он сдуру не согласился*, и вне этого контекста, как в *Мне этого заранее не сказали*; общеотрицательное предложение.

Следует подчеркнуть, что все рассмотренные противопоставления в глагольно-адвербиальном комплексе возможны при условии, что адвербиал является сирконстантом, а не актантом глагола. Так, в (38) адвербиал в *Университете* не может быть модификатором глагольной пропозиции; соответственно, для предикатного отрицания невозможна частноотрицательная интерпретация:

(38) Белоконев не работает в *Университете*.

В следующем разделе мы рассмотрим еще один тип предикатного отрицания в глагольно-адвербиальном комплексе.

5.5. СМЕЩЕННОЕ ПРЕДИКАТНОЕ ОТРИЦАНИЕ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ГЛАГОЛЬНО-АДВЕРБИАЛЬНЫМ КОМПЛЕКСОМ

Для начала упростив ситуацию, назовем предикатное отрицание в составе глагольно-адвербиального комплекса **смещенным**, если его можно заменить на отрицание при адвербиале, почти не изменив смысл предложения. Так, предложение (1а), со смещенным отрицанием, приблизительно равнозначно (1б):

- (1) а. План *полностью* не продуман ∨ [смещенное предикатное отрицание];
б. План продуман *не полностью* [адвербиальное отрицание].

Адвербиал, при котором должно было бы стоять отрицание «до смещения», маркируется просодически.

Семантику смещенного отрицания можно мыслить как порождаемую контрастной темой (Падучева 1985: 118). Так, предложение (2б), со смещенным отрицанием, по своей просодии похоже на (2а):

- (2) а. *Раньше* он ее любил ∨ [▷ ‘а теперь — нет’ или ‘а теперь — неизвестно’];
б. План *полностью* не продуман ∨ [▷ ‘продуман не полностью’ или ‘неизвестно, продуман ли хоть сколько-нибудь’].

Смещенная интерпретация предикатного отрицания возникает, прежде всего, в предложениях с наречиями степени. Причем отрицается всегда большая степень (с учетом фразеологически связанных сочетаний; т. е. наречия большой степени для разных глаголов разные, ср. *уйти далеко* и *продлиться долго*):

- (3) Это разграничение *последовательно* не проводилось; *Прямо* он этого не сказал; *Долго* я не сомневался; *Я особенно* не удивился; *Сильно* они от этого не зависят; Ситуация *качественно* не изменилась; Местоположение Эммауса *точно* до сих пор не установлено (А. Мень); Эти вопросы *глубоко* и *всесторонне* не были продуманы (Известия, 2005).

Поскольку смещенное отрицание квазисинонимично адвербиальному, в предложении со смещенным отрицанием должны выполняться два условия: нужно, чтобы было осмысленно Q (P) и чтобы было возможно адвербиальное отрицание.

Для глобальной интерпретации глагольно-адвербиального комплекса в контексте снятой утвердительности достаточно осмысленности Q (P):

- (4) а. Он *быстро* понял;
 б. *Он *быстро* не понял [частноотрицательная интерпретация отрицания невозможна];
 в. Только бы он *быстро* не понял, в чем подвох.

А для интерпретации отрицания как смещенного этого недостаточно. Так, для (5а) глобальное отрицание возможно, см. (5б), а смещенное — нет, см. (5в):

- (5) а. Он *вскоре* понял свою ошибку;
 б. Если бы он *вскоре* не понял свою ошибку, возникла бы опасная ситуация;
 в. *Вскоре он не понял свою ошибку.

Иногда разница между смещенным отрицанием и глобальным кажется незначительной, но она есть. Можно отметить следующие особенности предложения (6), которые заставляют трактовать его отрицание как глобальное, а не смещенное. Во-первых, в (6) не требуется ударения на адвербиале. Во-вторых, (6) совсем не синонимично предложению (7), с частным отрицанием, что было бы естественно, если бы отрицание в (6) было смещенным.

- (6) Почему я тогда *сразу* не ушел?
 (7) Почему я тогда ушел *не сразу*?

Смещенное отрицание в русском языке употребляется гораздо реже, чем в английском или французском. Так, в примерах (8), (9) (из Богуславский 1985: 41) при переводе на русский язык смещенное предикатное отрицание приходится заменить на отрицание при адвербиале:

- (8) Je ne le comprenais pas très bien ‘я не очень хорошо его понимал’.
 (9) I don’t see him often ‘я вижу его не часто’.

Согласно Horn 1989, предложения примера (10) имеют две интерпретации:

- (10) а. *Every man* didn’t win;
 б. *Everybody* isn’t happy;
 в. *All that glitters* isn’t gold.

Для фразы (10в) есть готовый перевод на русский, поскольку это пословица: *Не все золото, что блестит*. А (10а,б) вообще не имеют хорошего перевода на русский язык: отрицание при кванторном слове (например, *Не все люди выиграли*) не будет в точности передавать смысл английского предложения, а отрицание при глаголе (например, *Все люди не выиграли*) звучит не по-русски.

Смещенное отрицание часто употребляется в контексте, где Р ложно уже само по себе, а говорящий пытается скрыть ложность более слабого утверждения, высказывая ложность более сильного; например говорит *точно не знаю* вместо простого *не знаю*. Если это так, т. е. если говорящий сознает, что и более слабое утверждение (т. е. одно Р, без указания на высокую степень) ложно, то это уловка — нарушение постулата информативности Грайса.

Смещенное отрицание не всегда равнозначно отрицанию при акцентно выделенной составляющей. Так, в примере (11) смещенное отрицание расчленяет смысл

предложения на две пропозиции, из которых одна является ассерцией и отрицается: ‘я обвиняю его не в жульничестве’, а другая: ‘я обвиняю его в чем-то другом’ или ‘он виноват в чем-то другом’ составляет презумпцию.

(11) Я не обвиняю его в жульничестве.

См. о смещенном отрицании более подробно в Богуславский 1985: 40—53.

5.6. ГЛОБАЛЬНОЕ И СМЕЩЕННОЕ ПРЕДИКАТНОЕ ОТРИЦАНИЕ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С КВАНТОРНЫМИ СЛОВАМИ

Интересно то, что все смысловые противопоставления, которые связаны с отрицанием в глагольно-адвербиальном комплексе, обнаруживаются и в предложениях с кванторными словами.

Пусть имеется предложение с глагольно-адвербиальной группой, например:

(1) Они смеялись громко.

Оно характеризуется асимметричным соотношением между синтаксическим и семантическим планом. В синтаксическом плане имеется глагол-сказуемое, со своими актантами, и подчиненный ему адвербиал — слово или группа слов. В семантическом же плане этот адвербиал является, наоборот, оператором, который подчиняет себе всю предикацию, образованную глаголом и его актантами (имеет ее своим аргументом).

Эта асимметрия создает конфликт, поскольку порождает два центра, каждый из которых способен притягивать к себе отрицание: сказуемое, **синтаксическая** вершина, и адвербиал, **семантическая** вершина (тут семантика, впрочем, иногда требует поддержки со стороны коммуникативной структуры).

На примере глагольно-адвербиального комплекса мы описали семантический спектр возможных позиций отрицания в ситуации семантико-синтаксического конфликта, см. структуры А, Б и В в разделе 5.4. Теперь рассмотрим по той же схеме другой вариант этого конфликта — предложение с кванторным словом.

В разных языках с разной силой действует тенденция в отрицательном предложении ставить отрицание при глаголе как синтаксической вершине, не уточняя его сферу действия. У Есперсена в «Философии грамматики», см. Есперсен 1958, приводится множество примеров того, что было названо в разделе 5.5 смещенным отрицанием, — в английском языке это явление распространено гораздо шире, чем в русском. Есперсен пишет: «Общая тенденция направлена к употреблению некусного [т. е. предикатного. — *Е. П.*] отрицания даже в тех случаях, где более подходящим было бы специальное отрицание [т. е. присловное. — *Е. П.*]». Примеры Есперсена:

(2) *I don't complain of your words, but of the tone in which they were uttered* [= ‘я жалуясь не на слова, но на тон’].

(3) *We aren't here to talk nonsense, but to act* ‘Мы здесь не для того, чтобы болтать, а для того, чтобы действовать’.

Для (4) признается неоднозначность.

(4) *I didn't go because I was afraid* =

(i) *I went, but the reason was not fear* ‘Я пошел, но причиной был не страх’;

(ii) I didn't go, and the reason for not going was fear 'Я не пошел, и причиной этому был страх'.

Есперсен отмечает роль интонации в выражении различия между обычным и смещенным глагольным отрицанием: «...правда, в устной речи двусмысленность может устраняться интонацией». Его пример:

- (5) а. I didn't call because I wanted to see her (but for some other reason) = 'я не потому позвонил, что хотел ее видеть (а по другой причине)', букв. 'я не позвонил потому, что хотел ее видеть' [смещенное предикатное отрицание];
 б. I didn't call because I wanted to avoid her = 'я не позвонил, потому что хотел избежать встречи с ней' [обычное предикатное отрицание — частное].

Существенно, что во всех примерах смещения отрицания (с синтаксически более низкого слова на более высокое) предложение при обеих позициях отрицания является семантически общеотрицательным; отрицание «логически», в соответствии с ощущением Есперсена, должно было бы присоединиться к этому низко стоящему слову потому, что оно коммуникативно выделено, т. е. является ремой, так что отрицание пропозиции с именно этим словом является по смыслу отрицанием высказывания в целом.

Понятие смещенного отрицания возникло изначально именно на базе предложений с кванторными словами, см. Падучева 1974: 143ff; так, (6а) трактовалось как результат смещения в (6б):

- (6) а. Я не решил всех ваших задач;
 б. Я решил не все ваши задачи.

В (6б), как и в примерах выше, синтаксическое и семантическое подчинение имеют противоположное направление, т. е. ситуация подобна той, что мы видели в разделе 5.4 на примере глагольно-адвербиального комплекса. А именно, в (6б) синтаксической вершиной предложения является глагол, а семантической — квантифицированная именная группа (ИГ), которая ему синтаксически подчинена; в самом деле, квантор — это сентенциальный оператор. Поэтому обе позиции отрицания оправданны.

Смещенному отрицанию в предложениях с кванторными словами в русском языке посвящена статья Klenin 1978; ср. пример из этой работы:

- (7) Не ешь весь сыр = 'ешь не весь' (а не 'не ешь нисколько').

Смещение отрицания — явление капризное; условия, при которых в русском языке предложения со смещенным отрицанием грамматически правильны, до сих пор не до конца понятны. В строчке из пушкинского «Памятника» смещенное отрицание, причем глобальному пониманию отрицания благоприятствует контекст снятой утвердительности — NB будущее время глагола:

- (8) Нет, весь я не умру.

В соответствующей строчке Горация *non omnis moriar* отрицание не смещенное, оно стоит при кванторном слове, с которым соотносится по смыслу.

Кванторные слова со значением общности (∀-кванторы) и существования (∃-кванторы) ведут себя в контексте отрицания по-разному.

Рассмотрим вначале кванторные слова со значением общности, т. е. типа $\forall$.

Пусть в предложении имеется сочетание вида $\forall x P$, где P — глагол, а $\forall x$ — подчиненная ему квантифицированная ИГ, т. е. глагольно-кванторный комплекс. Для такого сочетания имеются все те возможности взаимодействия с отрицанием, которые были описаны в разделе 5.4 для глагольно-адвербиального комплекса.

А. Возможно семантически частноотрицательное предложение с отрицанием при глаголе; соотношение семантических сфер действия — $\forall > \text{не} > P$ (т. е. отрицание входит в сферу действия квантора общности):

(9) *Всем* $\neg$ не хотелось возвращаться домой.

См. пример (10) (из Корпуса), со структурой $\forall > \text{не} > P$. Важную роль здесь играет *почти*, которое усиливает коммуникативное превосходство кванторного слова *все* над отрицанием:

(10) Фитнес-центр *почти всем* не по карману.

Надо иметь в виду, что кванторное слово типа $\forall$, если оно в семантической структуре подчиняет отрицание, может отражаться в предложении как отрицательное местоимение. Неудивительно поэтому, что в (10) *всем* можно заменить на *никому*¹:

(10') Фитнес-центр почти *никому* не по карману.

В предложении, где отрицание стоит при $\forall$, общеприцательном, это исключено.

Предложение (10') нельзя, однако, однозначно квалифицировать как семантически частноотрицательное, поскольку отрицательное местоимение может интерпретироваться также как порождаемое семантической конфигурацией $\text{не} \exists x P(x)$, общеприцательной.

Б. Возможно общеприцательное предложение с присловным отрицанием при кванторном слове; семантическая формула — $\text{не} > \forall > P$:

- (11) а. *Не все* хотели решать задачу;
 б. Решить задачу удалось *не всем*;
 в. Я решил *не все* ваши задачи.

В. Возможно глобальное предикатное отрицание в контексте снятой утвердительности. В примерах из (12) такой контекст создает модальность:

(12) *Всех* не перечислишь; *Всего* не обойдешь; *На всех* не хватит; *Все* не поместятся.

Отрицание при глаголе тут понимается как имеющее широкую сферу действия, включающую кванторное слово; семантическая формула — $\text{не} > \forall(P)$. Так, *Всех не перечислишь* = 'не (можно всех перечислить)'.²

Контекст снятой утвердительности могут, кроме того, создавать союзы *пока*, *если*, *чтобы*, о которых шла речь в разделе 5.4. В таком контексте отрицание как бы приклеивается к союзу, что обеспечивает ему максимально широкую сферу действия:

- (13) Буду молчать, пока *все* не успокоятся = 'пока не будет так, что все успокоились'.

¹ Эту эквивалентность объясняет логика предикатов: $\forall x \neg P(x) \equiv \neg \exists x P(x)$.

- (14) ⟨...⟩ если только *все* не умерли в один день = ‘если только неверно, что *все* умерли в один день’.
- (15) Выставили вино, чтобы *все* не разбежались = ‘чтобы не было так, что все разбежались’.

Так что контекст снятой утвердительности обеспечивает отрицанию глобальную интерпретацию в контексте кванторного слова совершенно так же, как в контексте адвербиала.

Наконец, в предложении с кванторным словом возможно смещенное отрицание. Смещенное отрицание требует особого интонационного контура. Как правило, смещение маркируется просодией — контрастным ударением на *все*, ср. (6а) и (16), где просодия подкрепляется порядком слов:

- (16) *Всех*↗ ваших задач я не решил↘.

Что касается семантики смещенного отрицания, то оно для глагольно-кванторного комплекса столь же парадоксально, как и для глагольно-адвербиального. В чем состоит смысловое различие между предложением (6б) *Я решил не все ваши задачи*, с отрицанием при кванторном слове, и (6а) или (16), с отрицанием, смещенным на глагол? Сочетание *не все* x P (x) порождает импликацию ‘некоторые x не P (x)’. Между тем предложение с отрицанием, смещенным на глагол, не несет такой импликации. Нельзя, однако, не признать, что предложение со смещенным отрицанием без этой импликации должно вводить в заблуждение.

Смещенное предикатное отрицание следует сопоставить не только с присловным, но и с глобальным. Структурное различие между глобальным и смещенным отрицанием демонстрирует пример (17). В (17а), где отрицание смещенное, на кванторном слове обязательно должно стоять усиленное ударение и в равной мере допустим вин. и род. падеж. А в (17б), с глобальным отрицанием, специального ударения не требуется, что естественно, и, что неожиданно, практически исключен генитив:

- (17) а. Он не пропьет *всех*↗ денег (*все* деньги);
 б. Он купит машину, если только не пропьет *все* деньги (*всех денег).

Как мы видели на примере (9), частноотрицательная интерпретация (т. е. структура $\forall > \text{НЕ} > \text{P}$) обусловлена контекстной определенностью, т. е. референтностью ИГ с местоимением *все*, *все*. В (18) именные группы со словами *все*, *все* определенные, конкретно-референтные. Они имеют максимально широкую сферу действия:

- (18) а. *Мы все* этого не хотим;
 б. *Все эти страны* не входят в ОПЕК;
 в. Им *это все* не принадлежит.

Теперь о кванторных словах типа $\exists$. В предложениях с этими словами возможно семантическое противопоставление общего отрицания при кванторном слове и частного отрицания при глаголе; см. известный пример из Есперсен 1958:

- (19) а. *Not many of us wanted the war* ‘Не многие из нас хотели войны’:
 $\text{НЕ} > \exists > \text{P}$ [общее присловное отрицание];
 б. *Many of us didn't want the war* ‘Многие из нас не хотели войны’:
 $\exists > \text{НЕ} > \text{P}$ [частное предикатное отрицание].

Отрицание при кванторе существования возможно только для слов с количественным значением. Слова *какой-то* и *некоторый*, как и все конкретно-референтные, не допускают «сферических» противопоставлений — они имеют всегда максимальную сферу действия.

Что же касается смещения отрицания в предложениях со словами типа $\exists$, то тут следует принять во внимание различие между наречием и прилагательным. Для *много*, как и для *мало*, возможно понимание отрицания как смещенного:

- (20) а. *Много* ↗ народу не придет ↘ [$\approx$ ‘придет немного народу’];
 б. *Мало* ↗ не покажется ↘ [$\approx$ ‘покажется не мало’].

Между тем *многое* и *многие* — это слабоопределенные ИГ: они не допускают противопоставлений, касающихся сферы действия, в частности смещения. Не допускают они и глобального отрицания. Некорректность фразы (21) показывает, что даже контекста снятой утвердительности недостаточно для возникновения у *многое* в контексте предикатного отрицания глобальной интерпретации:

- (21) ⟨...⟩ она [Анна Григорьевна Достоевская], «чтобы *многого не забыть*, обещала завести записную книжку»².

Имеется в виду глобальная интерпретация отрицания — ‘чтобы не оказалось так, что она многое забыла’.

Итак, присловное, предикатное смещенное и глобальное предикатное отрицание различимы в предложениях с кванторными словами совершенно так же, как в предложениях с глагольно-адвербиальным комплексом.

5.7. РАДИКАЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ В КАУЗАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

На фоне всего того, что было сказано в разделе 4.7 о неподавляемости (а значит и неотрицаемости) презумпций, следует отметить, что в русском языке имеется конструкция, в составе которой отрицание на первый взгляд отрицает презумпцию. Эта конструкция была обнаружена в Кустова 1996, а в последнее время внимание было вновь привлечено к этой проблеме, благодаря работе Апресян В. 2013.

Расщепленная каузативная конструкция

В Кустова 1996 (см. также Кустова 2004: 214—231) были рассмотрены две конструкции с каузативным глаголом. Ср. предложения (1а) и (1б):

- (1) а. Его женитьба на служанке *опозорила* семью;
 б. Он *опозорил* семью женитьбой на служанке.

В примере (1а) обычная каузативная конструкция с **событийной** каузацией: каузативный глагол в норме связывает две ситуации; в (1а) это женитьба, **каузатор**,

² Из письма А. Г. Достоевской матери — цит. по: А. Устинов. Путешествие из Петербурга в Ленинград: Послесловие к книге: Л. Цыпкин. Лето в Бадене. М.: НЛЮ, 2003.

и позор, **эффект**. А каузативная конструкция в (1б) была названа в Кустова 2004 **личной**. Особенность каузативной конструкции в (1б) состоит в том, что она является результатом своего рода **расщепления** событийной каузативной конструкции в (1а), см. Падучева 2004: 283. В расщепленной конструкции может действительно возникать подлежащее-лицо и дополнительный агентивный смысл; так, в (2б), в отличие от (2а), Ваня мог иметь целью обрадовать маму:

- (2) а. Ваня приход *обрадовал* нашу маму;
б. Ваня *обрадовал* нашу маму своим приходом.

Но это не обязательно. Предложение (3) (пример из Падучева 2004: 283) может иметь две интерпретации. Интерпретация (i) агентивная; семантическая роль подлежащего — Агенс, ИГ в твор. падеже обозначает его деятельность. А интерпретация (ii) неагентивная; семантическая роль подлежащего — Мишень (т. е. Адресат эмоции):

- (3) Родственники *раздражали* его бесконечными вопросами =
(i) Родственники задавали много вопросов, имея целью его раздражить (разозлить);
(ii) Родственники задавали много вопросов, и это его раздражало.

В примере (4) подлежащее в расщепленной конструкции однозначно неагентивно; каузация неконтролируемая:

- (4) а. Мой проигрыш *огорчил* отца;
б. Я *огорчил* отца своим проигрышем.

Это тем более ясно для примера (5), где дополнение в твор. падеже выражает свойство, а подлежащее — носитель свойства и вовсе не лицо:

- (5) Письма Сельвинского молодым поэтам *удивляют* своей щедростью (← Щедрость писем Сельвинского молодым поэтам удивляет).

Граница между контролируемой и неконтролируемой каузацией может быть размытой. Так, в контексте примера (6) каузация, скорее всего, неконтролируемая: люди, которые вели разговоры об искусстве, не имели цели расстроить Маяковского (при том даже, что они объявляются ответственными за произведенный эффект).

- (6) Его (Маяковского) легко было огорчить. Виноваты литературные бывшие люди. Они *расстраивали* его разговорами о настоящем искусстве. [Л. Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920—1943)]

В событийной каузативной конструкции различаются следующие компоненты. Подлежащее Р, пропозициональный актант, — это **каузатор**; с этой именной группой связана фактивная презумпция — что естественно для каузативного глагола. Сказуемое Q (каузативный глагол) выражает **эффект** (радость, раздражение, позор и проч.), касающийся компонента Y, прямого дополнения.

В расщепленной каузативной конструкции появляется новый компонент — X: в агентивном случае это Агенс, но в принципе это может быть любой участник, обозначенный подлежащим, см. пример (5). Компонент Р, маркированный в расщепленной конструкции твор. падежом, обозначает поступок Агенса, как в (2б), событие, как в (4), или свойство, как в (5), участника-подлежащего. Группа сказуемого Q по-прежнему выражает эффект.

Работа Апресян В. 2013 посвящена глаголам эмоции, на которых расщепленная каузативная конструкция изучена лучше всего, см. Арутюнова 1976: 156—161. Но расщепленная конструкция свойственна и другим каузативным глаголам — таким как *защитить, задержать, затруднить, избавить, испортить, омрачить, помешать, спасти, утомить, унижить, уронить* (ср. *Отказ уронил его* и *Он уронил себя отказом*) и др., см. более подробный перечень в Кустова 1996.

В событийной каузативной конструкции статус пропозиционального актанта Р всегда **презумпция** — Р следует и из данного предложения, и из его отрицания (иначе говоря, в составе событийной конструкции каузативный глагол фактивный):

- (7) а. Ваня приход *обрадовал* нашу маму ⊃ ‘Ваня пришел’;
 б. Ваня приход *не обрадовал* нашу маму ⊃ ‘Ваня пришел’.

Что же касается расщепленной конструкции, то тут ситуация иная.

Радикальное отрицание

Как было обнаружено в Кустова 1996, в расщепленной каузативной конструкции пропозиция, соответствующая актанту-каузатору, может подвергаться отрицанию. В самом деле, отрицание при глаголе в составе расщепленной конструкции может иметь две интерпретации:

- (8) Иван *не порадовал* нас своим возвращением =
 (i) ‘То, что Иван вернулся, нас не порадовало’;
 (ii) ‘Иван не вернулся, тем самым нас не порадовал’.

При интерпретации (i), со **стандартным** отрицанием, отрицается компонент эффект, ассерция утвердительного предложения, а пропозиция Р, каузатор, ведет себя как презумпция, т. е. является истинной и в исходном предложении, и в его отрицании:

- (9) а. Иван *порадовал* нас своим возвращением ⊃ ‘Иван вернулся’;
 б. Иван *не порадовал* нас своим возвращением ⊃ ‘Иван вернулся’.

А отрицание с интерпретацией (ii) можно назвать **радикальным** (в Кустова 1996 оно названо **импликативным**), поскольку оно отрицает не только пропозицию Q, эффект, которая была в (9а) ассерцией, но и пропозицию ‘Иван вернулся’, каузатор, которая составляла в предложении (9а) презумпцию. Путь к радикальной интерпретации отрицания в расщепленной каузативной конструкции можно представить так.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что интерпретация (8ii), в отличие от (8i), предполагает фразовый акцент на пропозициональном актанте:

- (8i) Иван *не порадовал* нас своим возвращением;
 (8ii) Иван *не порадовал* нас своим возвращением .

Следовательно, это отрицание типа смещенного, см. раздел 5.5: отрицание стоит при главном предикате, но отрицается, в первую очередь, пропозиция, которая соответствует пропозициональному актанту, поскольку на нем фразовый акцент.

Однако обычное смещенное отрицание дало бы отрицание акцентно выделенного актанта Р, каузатор, а остаток, т. е. компонент Q, эффект, отодвинулся бы

в презумпцию, т. е. не подвергся отрицанию. Так, предложение *Я не начал книгу с предисловия*, со смещенным отрицанием, означает: ‘я начал не с предисловия’ [ассерция], ‘я начал с чего-то другого’ [презумпция]. Для (8ii) смещенное понимание отрицания дало бы смысл: ‘Иван не вернулся’ [ассерция, которая приняла на себя отрицание], ‘Иван нас порадовал чем-то другим’ [презумпция, которая не отрицается]. Между тем радикальное отрицание отрицает не только пропозициональный актант Р, каузатор, но и сам каузативный глагол, т. е. компонент Q, эффект.

Можно думать, отрицание компонента Q, эффект, возникает за счет контекстной **идентифицирующей импликатуры**: для (8ii) это ‘вернуться — значит порадовать’. Именно в силу этой импликатуры (в дополнение к коммуникативной перестройке) мы получаем второе отрицание и интерпретацию (8ii) ‘не вернулся, тем самым нас не порадовал’. Т. е. в предложении, которое является исходным утвердительным при радикальном отрицании, не только пропозициональный актант Р меняет статус презумпции на статус ассерции, но и компонент Q меняет статус презумпции, который был бы положен ему при чисто коммуникативной перестройке, и становится **импликативом**, см. раздел 4.5:

- (10) Иван *не порадовал* нас своим возвращением $\neg$ =
НЕВЕРНО, что (Иван вернулся, тем самым нас порадовал) =
Иван не вернулся, тем самым нас не порадовал.

В отличие от стандартного отрицания при каузативном глаголе, которое отрицает пропозицию глагола потому, что она ассерция, радикальное отрицание отрицает эту пропозицию только в силу идентифицирующей импликатуры.

Показателен пример (11):

- (11) Мы *не оскорбим* нашего учителя покупным подарком.

Радикальная интерпретация отрицания в (11) — ‘не подарим покупного подарка, тем самым не оскорбим’. Она основана на импликатуре ‘подарить человеку покупной подарок — значит оскорбить его’, так что не подарить покупного подарка — это единственная возможность не оскорбить³. Вне этой импликатуры предложение понимается со стандартным отрицанием.

Итак, в отличие от «внешнего отрицания» (см. раздел 4.7), которое якобы подавляет пресуппозицию утвердительного предложения, сводя ее ко второй ассерции, радикальное отрицание в расщепленной каузативной конструкции не отрицает пресуппозиции. Радикальное отрицание — это отрицание предложения, в котором пропозициональный актант каузативного глагола в результате коммуникативной перестройки получил ассертивный статус. А отрицание пропозиции самого каузативного глагола возникает как следствие идентифицирующей импликатуры, которая может возникать в контексте глаголов с определенной семантикой.

В расщепленной конструкции каузативный глагол утрачивает фактивность как неотъемлемую характеристику. Отсюда неоднозначная интерпретация его приглагольного отрицания.

³ За этот пример я благодарна А. А. Гиппиусу, который обратил внимание на его нетривиальную импликацию.

Примеры

В Кустова 1996 в качестве примера имплицативной (иначе — радикальной) интерпретации отрицания приводится предложение (12а); для сравнения, в (12б) стандартное отрицание, сохраняющее презумпцию:

- (12) а. Он хоть и проиграл в карты целое состояние, но по крайней мере *не опозорил* семью женитьбой на служанке[↘] ;
 б. Он *не опозорил*[↘] семью женитьбой на служанке.

В (12а) для однозначно радикальной интерпретации отрицания требуется контекст, который сместит акцент на компонент Р и как бы склеит две пропозиции в одну. См. однозначно радикальную интерпретацию отрицания в примерах (13)—(16), на которых видно, что отрицание, хотя оно стоит при каузативном глаголе, отрицает, прежде всего, пропозицию Р, выраженную подчиненным существительным в твор. падеже; отрицание предикации самого каузативного глагола порождается идентифицирующей имплицатурой. Так, в (13) отрицается шарканье, в (14) крики и мольбы, в (15) — заем денег; в (16) отрицается наличие пуповины; в примерах ниже пропозиция Р (или ее вершина) подчеркнута (примеры из Русского национального корпуса, <http://www.ruscorgora.ru>):

- (13) Редкие nedovyipisannye родильницы *не тревожат шарканьем*[↘] пустынные коридоры... [Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)]
 (14) Брови его не сдвинуты, и тучи рассеялись, лицо его просветлело и сияет покоем, взгляд его не летит вдаль, и шум городов *не беспокоит* его криками и мольбами[↘]. [Улья Нова. Инка (2004)]
 (15) Занимать денег у Фили Герой не стал — и тем самым остался на равных со старым приятелем, *не испортил* дружбу деньгами[↘]. [М. Чулаки. Примус // «Звезда», 2002]
 (16) Еще один ребенок удивил Бритоголового тем, что вышел самым естественным образом, через родовые пути, но и он *не порадовал* его наличием пуповины[↘]. [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого (2000)]

Для сравнения приведем примеры стандартного отрицания в расщепленной конструкции. Пропозициональный актант Р может быть презумпцией, и тогда он, естественно, не отрицается (следует обратить внимание на то, что в (17)—(20) фразовый акцент не в составе пропозиционального актанта, а на глаголе):

- (17) Воланд рассмеялся громовым образом, но никого не испугал и смехом этим никого *не удивил*[↘]. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929—1940)]
 (18) По крайней мере сын-изверг *не спас*[↘] себя отцеубийством: он был казнен вместе с другими. [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 9 (1816—1820)]
 (19) Кого я уже *не обижу*[↘] дотошностью своего недоброго глаза? [Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975—2003)]

Радикальная интерпретация глагольного отрицания возникает чаще всего в контексте снятой утвердительности, см. раздел 4.6 (утвердительность каузативного глагола может сниматься модальностью, буд. временем, союзами, пропозициональны-

ми установками). В примерах ниже из контекста ясно, что отрицание каузального эффекта, выраженного в пропозиции главного предиката, есть следствие того, что не будет, не может, не должна и т. д. иметь места ситуация, заданная пропозициональным актантом Р — который является ассерцией, т. е. составляет сферу действия всех модальностей. Так, (20) означает: он не испугает хозяйку перепадами настроения, потому что перепадов настроения у него не будет.

- (20) Он *не испугает* хозяйку перепадами настроения $\sphericalangle$, оно всегда приподнято. [«100% здоровья», 2002.12.11]
- (21) Нет уж, что бы там ни было (...), она *не обрадует* узурпатора расспросами $\sphericalangle$ и виду не подаст, насколько ей сейчас тревожно. [Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)]
- (22) Квартирохозяйин мой, почтальон, учится играть на скрипке, потому что любит свою мамашу и не хочет *огорчать* ее женитьбой $\sphericalangle$. «Жена все-таки чужой человек», — говорит он [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 1. (1925)]
- (23) Кстати, чтобы *не обижать* миллионеров предложениями принять причитающиеся им за интервью деньги $\sphericalangle$, исследователи предлагали им возможность внести эти средства в благотворительные фонды. [«Бизнес-журнал», 2004.01.22]
- (24) Потом твой друг возвращает ее, и вы договариваетесь *не тревожить* пространство информированием третьих лиц $\sphericalangle$. [Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть (2011)]

Известный призыв не унижать человека жалостью — это призыв не жалеть:

- (25) Надо уважать человека! Не жалеть... *не унижать* его жалостью... уважать надо! Выпьем за человека, Барон! [Максим Горький. На дне (1902)]

Нетривиальная идентифицирующая импликатура: ‘жалеть — значит унижать’.

Противопоставление стандартного и радикального отрицания в контексте снятой утвердительности демонстрирует пример (26). В (26а), с событийной каузативной конструкцией и стандартным отрицанием, пропозиция Р, которая была презумпцией в утвердительном контексте, оказывается условием, т. е. не имеет истинностного значения.

- (26а) Отказ от игры не уронит $\sphericalangle$ Фишера в глазах шахматистов = ‘если Фишер откажется от игры, он не упадет в глазах шахматистов’.

В примере (26б), с расщепленной конструкцией и радикальным отрицанием, пропозиция Р отрицается, т. е. ведет себя как ассерция:

- (26б) Фишер не уронит себя отказом от игры $\sphericalangle$ = ‘Фишер не откажется от игры, и потому не упадет в глазах шахматистов (а если откажется, то упадет)’.

Хороший тест на радикальное отрицание — невозможность замены расщепленной отрицательной конструкции на событийную. Расщепленная неотрицательная конструкция может быть заменена на событийную, см. пример (2). И расщепленная отрицательная со стандартным отрицанием может, см. примеры (17)—(19). А расщепленная конструкция с радикальным отрицанием не может — поскольку в событийной конструкции отрицание может быть только стандартное, см. пример (7). Так, *она не обрадует узурпатора расспросами* в контексте примера (21) нельзя заменить без изменения смысла на *ее расспросы не обрадуют узурпатора*.

Агентивные каузативы

Радикальная интерпретация свойственна, прежде всего, неагентивным каузативным глаголам. Отсюда внимание к глаголам эмоции: особенностью глаголов эмоции является их преобладающая неагентивность (см. Падучева 2004: 276; там же ссылки на литературу). Основные каузативные глаголы эмоции, такие как *огорчить*, *обрадовать*, *удивить*, в норме не употребляются как глаголы действия: их парный НСВ обозначает не деятельность, а состояние. Однако есть глаголы эмоции, которые допускают употребление в агентивном значении (т. е. в значении контролируемого действия): в несов. виде они обозначают деятельность. Например, *оскорблять*, *обижать*, *развлекать*; сюда же относятся *злить*, *пугать*, *веселить*, о которых идет речь в Апресян В. 2013. Эти глаголы не фактивные: именной группе Р в твор. падеже в их актантной структуре соответствует пропозиция в ассертивном статусе. Эта именная группа обозначает не автономный каузатор эмоции, а своего рода ресурс в распоряжении каузатора-Агенса: это действие, которое он совершает с целью достичь определенного эффекта. Предложение (27а) имеет смысл (27б):

(27) а. Он больше не развлекает меня *анекдотами* =

б. 'НЕ (он по-прежнему рассказывает мне анекдоты, чтобы меня развлечь)'

Отрицание глобальное. Радикальное понимание отрицания — 'не рассказывает, чтобы не развлекать' — в контексте *развлекать* и других агентивных глаголов положительной эмоции — по прагматическим причинам маловероятно. Но при глаголах отрицательного воздействия радикальное отрицание при агентивном каузативе вполне уместно (см. об этом различии Кустова 2004: 224).

(28) Граф же Строганов (...) внимательно слушал каждую [лекцию] с начала до конца, никогда *не оскорбляя профессора преждевременным выходом* из аудитории. [Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания (1897)] [= 'не выходил преждевременно, чтобы не оскорблять']

Итак, в неагентивном случае перефразировка для предложения с радикальным отрицанием 'не произошло Р, тем самым не произошло Q', а в агентивном — 'X не сделал Р, чтобы не произошло Q'.

В предложении (27') именная группа инструментального дополнения может быть понята как определенная, и тогда ее пропозиция получает статус презумпции — рассказывание анекдотов имеет место. Презумпция, естественно, не входит в сферу действия стандартного отрицания: анекдоты рассказываются, но меня не развлекают. Но в этом случае *развлекать* уже не обозначает контролируемого действия. Каузативная конструкция здесь может трактоваться как расщепленная событийная; интерпретация отрицания стандартная:

(27') Он не развлекает меня *своими анекдотами* ≈ *Его анекдоты* меня не развлекают.

Конструкция с каузативным глаголом в агентивном употреблении может не быть результатом расщепления событийной, и тем не менее допускать радикальное отрицание.

Что способствует радикальной интерпретации отрицания?

Как сказано в Кустова 2004: 214, каузативные глаголы, допускающие радикальное отрицание, «не образуют однородного класса». Но глаголы, которые допускают радикальную интерпретацию отрицания, обычно допускают и стандартную.

Интерпретация отрицания может зависеть от денотативного статуса пропозиционального актанта Р (см. об этом в Апресян В. 2013). Так, в примере (29) с глаголом *удивить* пропозициональный актант Р определенный и ведет себя под отрицанием как презумпция, так что интерпретация отрицания стандартная, а в (30), где пропозициональный актант неопределенный, — как ассерция, и интерпретация отрицания радикальная:

- (29) Новый проект *удивил* \ /не *удивил* \ нас своей беспомощностью ⊃ ‘беспомощность имеет место’ [стандартное отрицание].
- (30) а. Новый проект *удивил* нас кое-какими интересными деталями \ ⊃ ‘были детали’;
 б. Новый проект *не удивил* нас какими-либо интересными деталями \ ⊃ ‘не было деталей’ [радикальное отрицание].

Примеры (31), (32) тоже демонстрируют возможность двоякой интерпретации отрицания при одном и том же глаголе.

- (31) а. Он *не помог* \ нам своим советом ⊃ ‘дал совет’ [стандартное отрицание];
 б. Он *не помог* нам советом \ ⊃ ‘не дал совета’ [радикальное отрицание].
- (32) а. На этот раз он *не раздражал* \ меня своими глупыми шутками ⊃ ‘глупые шутки были’ [стандартное отрицание];
 б. Оставь его дома, чтобы он *не раздражал* меня глупыми шутками \ ⊃ ‘чтобы не было глупых шуток’ [радикальное отрицание].

Глагол *спасти* не допускает радикальной интерпретации отрицания в утвердительном контексте, см. (33а). Но в контексте снятой утвердительности отрицание все-таки может распространяться на обе пропозиции:

- (33) а. Он *не спас* семью отказом от наследства ⊃ ‘отказался, но не спас’;
 б. Он *не спасет* утопающего прыжком в воду ⊃ ‘он не прыгнет в воду, чтобы спасти утопающего’.

Пример (34) (из Падучева 2004: 299) показывает, что в контексте снятой утвердительности радикальная интерпретация отрицания возможна даже для агентивного *оскорбить* (в неагентивном употреблении):

- (34) Не *оскорблю* своей судьбы слезой поспешной и напрасной (Б. Окуджава) [= ‘не буду лить слез, тем самым не оскорблю’].

Радикальной интерпретации способствует порядок слов — поскольку он влияет на место фразового ударения, ср.:

- (35) а. Отказом от игры он *не уронит* \ себя [скорее стандартное отрицание: не уронит, если откажется];
 б. Он *не уронит* себя отказом от игры \ [скорее радикальное отрицание: не откажется, тем самым не уронит].

Заметим, что в событийной каузативной конструкции порядок слов не влияет на интерпретацию; пропозициональный актант остается семантической презумпцией в любой позиции — и в тематической, как в (36а), и в рематической, как в (36б):

- (36) а. *Ванина двойка* не огорчила маму ⊃ ‘Ваня получил двойку’;
 б. Маму не огорчила *Ванина двойка* ⊃ ‘Ваня получил двойку’.

Влияние на интерпретацию отрицания оказывает также глагольный вид (ср. об этой роли вида в Апресян В. 2013):

- (37) а. *Я не обременю* его своей просьбой;
 б. *Я не буду обременять* его своей просьбой.

Предложение (37а), с глаголом в сов. виде (будущего времени), допускает и стандартную, и радикальную интерпретацию отрицания, а в (37б), с глаголом в несов. виде, интерпретация отрицания однозначно радикальная. В несов. виде речь идет о действии (просьбе), каузирующий эффект которого (обременение) Агенсу заранее известен, так что предупредить эффект можно только несовершением действия: (37б) значит ‘не буду просить, чтобы не обременять’. А в сов. виде будущее время может пониматься и в значении намерения, и в значении предсказания: моя просьба, будучи сделана, не обременит. Так что сов. вид совместим и с радикальной, и со стандартной интерпретацией отрицания.

Аналогично в (38):

- (38) а. Он *не утомит* тебя разговором ⊃ ‘разговор будет’;
 б. Он *не будет утомлять* тебя разговором ⊃ ‘разговора не будет’.

Каузация и интерпретация

Группа глаголов, в которой Г. И. Кустовой было обнаружено нестандартное отрицание, охарактеризована ею как глаголы **интерпретации** — это глаголы, которые дают **косвенную номинацию** событию (см. о косвенной номинации также Зализняк 1991)⁴. Можно думать, переход от каузальной связи между ситуациями к интерпретативной и лежит в основе перехода от стандартного понимания отрицания к радикальному. Каузальная связь предполагает существование причины, несет презумпцию отдельного существования причины. А интерпретация как бы отождествляет причину и следствие, превращает разные события в разные номинации одного и того же. Это и есть та идентифицирующая импликатура, которая дает возможность отрицать две пропозиции с помощью одной отрицательной частицы.

Можно сказать иначе: идентифицирующая импликатура сводится к тому, что событие Р из достаточного условия ситуации Q становится также необходимым. Этот переход достаточно широко распространен в разных языках, см. Geis & Zwicky 1971. Русский союз *если* обычно понимается в значении ‘если и только если’; например, фраза *Если попросишь, приду* подразумевает ‘а если нет, то нет’, см. Падучева

⁴ Способность самостоятельно употребляться в качестве косвенной номинации самого действия отмечается для глагола *порадовать* в Зализняк, Шмелев 2012.

1985: 44: «Понимание условного предложения как выражающего не только достаточное, но и необходимое условие возникает как следствие постулата информативности» (имеются в виду коммуникативные постулаты по П. Грайсу, Grice 1975, и порождаемые ими импликатуры дискурса, *conversational implicatures*).

То, что было названо идентифицирующей импликатурой каузативной ситуации, может сводиться к убеждению говорящего в том, что Р неминуемо вызовет Q, так что избежать Q можно только не совершив Р. Это объясняет радикальную интерпретацию отрицания в контексте примеров (37б), (38б), где несоев. вид глагола в Q выражает тот факт, что Р — контролируемое действие с предсказуемым эффектом.

О каузативной ситуации с предсказуемым эффектом упоминает Г. И. Кустова — на примере глаголов «косвенного результата», типа *опозорить*, *разорить*, которые связывают две ситуации: контролируемое Р и нежелательное Q. В контексте отрицательного императива несоев. вида таких глаголов «речь идет об определенном и конкретном Р, и избежать Q — целиком во власти X-а (поскольку известно, что Р вызывает Q, достаточно просто не делать Р)» (Кустова 2004: 226). Так, императив от глагола в составе Q — *Не позорь отца / Не разоряй семью* — на самом деле означает ‘не делай Р’ / ‘прекрати делать Р’ (например: *Не женись на служанке, Перестань играть в карты*), поскольку Р приведет к Q.

Идея о связи расширенной сферы действия отрицания с предопределенным эффектом контролируемого действия выдвигается в Апресян В. 2013. Однако каузатор Р может не быть действием (как в примерах (13) или (16)); не быть действием с предсказуемым для Агенса эффектом, как в (8); не быть действием, цель которого состоит в том, чтобы произвести эффект. Так, в примере (34) имеется в виду ‘не буду лить слез, и тем самым не оскорблю’, а не ‘не буду лить слез, чтобы не оскорбить’.

Вообще, интерпретация отрицания не выводится однозначно из семантики каузативного глагола. Радикальное отрицание при каузативном глаголе — это автономная конструкция, с собственным значением, а отчасти и формой.

Радикальное отрицание за пределами каузативной конструкции

В Апресян В. 2010 описано нетривиальное поведение под отрицанием глагола *повезти*, в безличном употреблении. Этот глагол употребляется в двух разных конструкциях (имеется третья, которую мы здесь опускаем). В (39), где пропозициональный актант глагола вводится предлогом *что*, обычное отрицание, сохраняющее презумпцию.

- (39) а. Ему *повезло* √, что он встретил эту женщину = ‘от события Y, которое произошло с X-ом, X-у ⟨было⟩ хорошо’;
 б. Ему *не повезло* √, что он встретил эту женщину = ‘от события Y, которое произошло с X-ом, X-у не ⟨было⟩ хорошо’.

А отрицание в (40) можно трактовать как радикальное:

- (40) а. Ему *повезло* ↗ родиться богатым √ = ‘с X-ом произошло хорошее событие Y, тем самым ему ⟨было⟩ хорошо’;
 б. Ему *не повезло* √ родиться богатым = ‘с X-ом не произошло хорошее событие Y, тем самым ему не ⟨было⟩ хорошо’.

Радикальная интерпретация отрицания возникает за счет того, что каузальная связь между двумя разными событиями, которая ощущается в (39), в предложении (40) вырождается в их идентификацию: каузация одного события другим переходит в разные наименования одного и того же события.

Радикальное отрицание и смежные явления: глобальное отрицание

Итак, радикальное отрицание отрицает пропозицию, которая при других употреблении того же глагола является презумпцией. Похожими свойствами обладает и **отрицание с широкой сферой действия** (Богуславский 1985). (В Падучева 2005 используется в качестве синонима термин **глобальное отрицание**, см. раздел 5.4.)

Отрицание с широкой сферой действия хорошо демонстрируется на предложениях с обстоятельством цели, пример из Богуславский 1985:

(41) Трамвай остановился, чтобы высадить пассажиров.

У предложения (41) есть два разных отрицания — в силу неоднозначности его коммуникативной структуры. При одной структуре в предложении различаются две пропозиции, связанные аргументно-предикатным отношением, причем пропозиция адвербиала является ассерцией, а пропозиция финитного глагола — пропозициональным актантом адвербиала и пресуппозицией. Ей соответствует стандартное отрицание, сохраняющее пресуппозицию. См. (42а) и его отрицание (42б):

(42) а. Трамвай остановился[↗] чтобы высадить пассажиров[↘] =
 [‘трамвай остановился’ — презумпция, ‘цель — высадка пассажиров’ — ассерция];
 б. Трамвай остановился *не* для того, чтобы высадить пассажиров.

При другой интерпретации две пропозиции объединяются в одну (модификатор глагольной пропозиции превращается в актант глагола) — которая и отрицается; это отрицание с широкой сферой действия, иначе — глобальное:

(43) Трамвай *не* остановился, чтобы высадить пассажиров[↘].

В результате обнаруживается следующее сходство между радикальным и глобальным отрицанием. В обоих случаях отрицание расширяет свою сферу действия, потому что две пропозиции сливаются в одну: при глобальном отрицании — за счет превращения модификатора глагольной пропозиции в актант глагола, а при радикальном отрицании — за счет идентификации каузатора и его эффекта.

Итак, имеются следующие варианты интерпретации отрицания в каузативном контексте.

В событийной каузативной конструкции пропозициональному актанту всегда соответствует презумпция, и в этом контексте единственно возможным является стандартное отрицание, которое сохраняет пропозицию каузатор, презумпцию, и отрицает пропозицию эффект, ассерцию (*Его женитьба на служанке не опозорила семью*).

В расщепленной каузативной конструкции возможно, помимо стандартного отрицания, сохраняющего презумпцию, радикальное отрицание, отрицающее и про-

позицию каузатор, и пропозицию эффект (*Иван не порадовал нас своим возвращением*). Радикальное отрицание в контексте агентивного каузатива отличается только тем, что каузатор не просто событие, а действие, сознательный отказ от которого имеет целью предупредить эффект (*Я не буду обременять его своей просьбой*).

Радикальное отрицание является имплицативным — в том смысле, что пропозиция каузативного глагола отрицается не потому, что она ассерция, как в случае стандартного отрицания, а потому, что она имплицатив. Оно является радикальным — в том смысле, что отрицает все-таки и ассерцию.

5.8. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ С КУМУЛЯТИВНЫМ ОТРИЦАНИЕМ

Отрицательными являются местоимения на *ни-*, такие как *никто, ничто, никакой, никоторый, ничей, нигде, никак, никогда, никуда, ниоткуда, нисколько, ничуть, ни за чем*. (Имяются, кроме того, **предикативные** отрицательные местоимения; о них см. раздел 5.9.) В русском языке отрицательное местоимение не может быть самостоятельным средством выражения отрицания (в отличие, например, от английского, где возможны предложения типа *Nobody came* ‘Никто не пришел’ или *He said nothing* ‘Он ничего не сказал’). Предложение с **кумулятивным** отрицанием — это предложение с отрицательным местоимением и отрицанием при финитном глаголе или предикативе.

Предложение с кумулятивным отрицанием является, в семантическом плане, общим отрицанием предложения с нереферентным неопределенным местоимением на *-нибудь* или с местоимением *хоть один*. Присоединение отрицания к такому местоимению дает отрицательное *ни-*местоимение, которое требует отрицания *не* при глаголе:

- (1) а. не (он кому-нибудь написал) = Он никому не написал;
- б. не (ответил кто-нибудь) = Никто не ответил;
- в. не (он заехал хоть (один) раз) = Он не заехал ни разу.

Иными словами, предложение с *ни-*местоимением выражает нереферентность в отрицательной предикации (Рожнова 2009): местоимение на *-нибудь* — это нереферентное неопределенное местоимение, в отличие от референтных неопределенных местоимений на *-то*, ср. англ. термины *specific* и *non-specific indefiniteness* (Падучева 1985: 95; Haspelmath 1997).

Основным носителем отрицательного значения в предложении с кумулятивным отрицанием является *ни-*местоимение: частица *не* при глаголе — это результат своего рода **отрицательного согласования**. В самом деле, предикатное отрицание не требует превращения неопределенного местоимения в отрицательное — предикатное отрицание вполне совместимо с неопределенным, см. пример (2), частноотрицательное предложение. А отрицательное местоимение без предикатного отрицания в русском языке невозможно (Падучева 1974: 148—149), см. (3):

- (2) Если кто-нибудь не поймет ... [$\neq$ ‘если никто не поймет’].
- (3) а. Никто его не видел;
- б. *Никто его видел.

Отрицательное местоимение возможно в безглагольном предложении — отрицательная связка *нет* может быть опущена так же, как обычная:

(4) не (на небе <есть> *хоть* <одна> звездочка) = На небе <нет> *ни* <одной> звездочки.

Кумулятивное отрицание — это нетривиальная особенность славянских языков. Так, например, в английском языке повторение отрицания при глаголе было бы ошибкой, ср. *Nobody saw him* и **Nobody didn't see him*.

З а м е ч а н и е. Местоимения на *ни-* могут иметь специальные употребления, когда отрицание при глаголе не предполагается, как в (5); такое же употребление допускают их экспрессивные синонимы с неместоименной основой, см. (6):

(5) Спор завершился *ничем*; Люди вы свои, и мне жалко, коли вы пропадете *ни за что*. [А. А. Фадеев. Молодая гвардия (1943—1951)]

(6) И там погиб он *ни за грош*, ведь был солдат бумажный. (Б. Окуджава)

Местоимение на *-нибудь* невозможно вне сферы действия отрицания или другого оператора, снимающего утвердительность, — предложение **Кто-нибудь остался* неграмматично, если не предположить, что оно погружено в модальный контекст (Падучева 1985: 94, 217). Так что предложение с кумулятивным отрицанием, в отличие от обычного общеотрицательного предложения, не может трактоваться, в прагматическом плане, как отрицательная реакция на некоторое утвердительное предложение — так, как мы толковали остальные синтаксические типы общеотрицательных предложений. Возможно, однако, употребление предложения с *ни-*местоимением в контексте отрицательного ответа на общий вопрос, содержащий местоимение на *-нибудь*:

(7) — *Кто-нибудь* остался? — *Никого* не осталось.

Так что предложение *Никого не осталось* является общеотрицательным в том смысле, что может быть ответом на общий вопрос («Yes-No question»).

5.9. ПРЕДИКАТИВНЫЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНА

Существует класс так наз. **предикативных отрицательных местоимений**, типа *негде, некому, незачем*, значение которых предполагает предикат (со значением существования), но выявляется он только в прошедшем и будущем времени — *не было где, не будет где*; а в настоящем этот предикат имеет нулевую форму — подразумевается, **нет где*:

- (1) а. *Негде* спать = ‘нет места, где бы можно было спать’;
б. *Некому* работать = ‘нет людей, которые могли бы работать’.

Местоимения этого типа подробно описаны в Апресян и др. 2010.

Конструкцию с предикативными отрицательными местоимениями (далее «*не* + относительное местоимение») можно сопоставить с конструкцией «*мало* + относительное местоимение» (см. о конструкции «*мало* + *ли* + относительное местоимение» в Падучева 2011в):

- (2) а. *Мало где* можно спать = ‘мало есть мест, где можно спать’;
б. *Мало кто* может работать = ‘мало людей, которые могут работать’.

Представляют интерес следующие различия между ними.

1) Конструкция «мало + относительное местоимение» имеет более широкую продуктивность: *не* сочетается только с *кого, чего, где, куда, откуда, зачем, когда*. А *мало* сочетается, кроме того, с *кто, что, какой, чей*:

- (3) На литературные заработки *мало кто* из писателей эмиграции мог прожить. [В. Крейд. Георгий Иванов в Йере (2003)] = ‘мало было писателей, которые могли прожить на литературные заработки’.
- (4) Чтобы отмазать от шестимесячной военной подготовки, *мало какая* семья будет платить несколько тысяч долларов взятки... [«Московский комсомолец» (2003)] = ‘мало есть таких семей, которые...’
- (5) После комы *мало чей* мозг работает так, как работал до комы.

2) В конструкции «мало + относительное местоимение» глагол финитный, и модальность может быть любая. А в конструкцию «*не* + относительное местоимение» входит инфинитив, и единственной доступной для нее модальностью оказывается модальность возможности (о независимых употреблениях инфинитива и выражаемых ими значениях см. Грамматика 1980: 458).

3) Конструкция «мало + относительное местоимение» порождает, тоже идиоматичную, псевдопросительную конструкцию «мало + *ли* + относительное местоимение», см. (6б):

- (6) а. *Мало кто* его видел; б. *Мало ли кто* его видел.

А в конструкции с предикативным отрицательным местоимением частица *ли* возможна в контексте одного только местоимения *нечего*, ср. (7) и (8), (9):

- (7) *Нечего* съесть — Нет ли чего съесть? = Нет ли чего-нибудь съесть?
- (8) *Негде* поспать — *Нет ли где поспать?
- (9) *Некуда* пойти — *Нет ли куда пойти?

Слово *нечего* может выступать в идиоматическом значении ‘незачем’: *Нечего жаловаться* ≈ ‘нет оснований жаловаться’.

Предикативность предикативных отрицательных местоимений дает о себе знать. Так, отрицание в составе именной группы не может давать генитивных рефлексов в дополнении (см. о генитиве объекта в разделе 6.2), а предикативное отрицательное местоимение может:

- (10) ⟨...⟩ что если он [Нащокин] умрет, *не с кем* мне будет в Москве молвить *слова* живого, т. е. умного и дружеского. (А. С. Пушкин. Письмо А. Н. Верстовскому. 1830 г.)

Генитив на месте аккузатива в предложении, где отрицание не при глаголе, а в составе именной группы, — это, скорее, недоразумение. Ср. пример, который приводится в Булаховский 1954: 351 с пометой, что он «заслуживает интереса»:

- (11) Поварня, *какой*, право, и в Петербурге *не у всякого* большого барина увидишь (Журнал путеш. из Москвы в Нижн. в 1813 г. И. М. Долгорукого).

Итак, мы рассмотрели основные синтаксические типы отрицательных предложений. Следующие две главы посвящены морфологии.

Эккурс 1

СМЕЩЕННОЕ ОТРИЦАНИЕ И UNDERSTATEMENT*

Стратегия *understatement* — одно из характерных свойств английского языкового узуса. Ставится вопрос, каковы проявления и аналоги этого явления в русском языке. Исходной точкой является анализ *understatement* в книге Wierzbicka 2006.

Для любой семантической теории принципиальная проблема — выбор метаязыка. Книга Анны Вежбицкой Wierzbicka 2006 посвящена развенчанию мифа о том, что английский язык является универсальным средством выражения мыслей. Главный тезис автора состоит в том, что лексика и грамматика английского языка нагружена культурным багажом («*is heavily loaded with cultural baggage*») и не может использоваться в качестве метаязыка. Книга Wierzbicka 2006 — глубокое проникновение в английскую языковую картину мира. Интересно проследить связи между английской стратегией *understatement* и русским смещенным отрицанием (см. Падучева 1974: 149ff; Богуславский 1985: 40—53).

Термин *understatement* не имеет перевода не только на русский, но и на другие европейские языки: литота, мейозис — лишь отдаленные аналоги. Интересно, что в русском языке широко распространено слово *преувеличение*, в то время как его кажущийся антоним *преуменьшение* имеет довольно специальное значение. Моя задача — понять, какую коммуникативную мотивировку имеет *understatement*, и выяснить, какую роль оно играет в русском языке.

Отправной пункт для Вежбицкой — книга Rihbani 1920. Ее автор — Abraham Mitrie Rihbani, сириец по происхождению, в молодости эмигрировавший в США и ставший, таким образом, носителем двух культур. Представителю англосаксонской культуры неприятно осознавать, что восточный человек говорит много такого, чего не имеет в виду, — рассчитывая при этом, что его будут оценивать на основании того, что он имеет в виду, а не того, что он говорит (цитируются проклятия типа *May God burn the bones of your father; May God exterminate you from the earth* и тому подобное, см. Rihbani 1920: 65).

Для английского узуса существенна идеология точности, считает Вежбицкая. Слова должны нести в точности тот смысл, который говорящий хочет передать с их помощью, не меньше и, главное, не больше.

Для английского языка провозглашаются следующие «культурные скрипты»:

---

* Статья, опубликованная в: «Слово — чистое веселье». Сборник статей в честь А. Б. Пенсковского. М.: ЯСК, 2009. С. 445—454.

(1) Иногда говорят:

all ‘все’ вместо чего-то вроде *many* ‘многие’;
many ‘много’ вместо чего-то вроде *some* ‘несколько’;
none ‘никто’ вместо чего-то вроде *not many* ‘немногие’.
 Так говорить нехорошо.

(2) Иногда люди,

имея в виду *big* ‘большой’, говорят *very big* ‘очень большой’;
 имея в виду *bad* ‘плохой’, говорят *very bad* ‘очень плохой’.
 Так говорить нехорошо.

В русской языковой практике преувеличение — вещь вполне обыденная. Так, я была свидетелем сцены, когда человек, вернувшийся поздно вечером домой из Консерватории, говорит: *Были — все!* Имея в виду, что были очень многие; из тех, к тому же, кого он склонен принимать во внимание².

В русской литературе understatement может использоваться как поэтический прием. Так, в словаре Квятковский 1966 читаем примеры литоты:

- (3) *Не дорого* цену я громкие слова,
 От коих не одна кружится голова. (А. Пушкин)
 (4) Верь, я внимал *не без участия*,
 Я жадно каждый звук ловил. (Н. Некрасов)

Литота часто имеет иронический смысл:

- (5) А теперь воротнички были на всех явно текстильного происхождения, даже если за дату последней стирки трудно было поручиться. (В. Жаботинский. Пятеро)

Однако надо сказать, что и в английском узусе идеал, который Шалтай-Болтай и другие злостные персонажи Льюиса Кэрролла проповедовали Алисе, «Say what you mean!», соблюсти трудно. Явления, которые только вчера были свойственны узусу, сегодня могут стать одним из конвенциональных значений слова. Английское *hardly* вполне аналогично русскому *с трудом*, как в известном

- (6) Свежо предание, а верится *с трудом* (Грибоедов. Горе от ума)
 [*с трудом* ≈ ‘трудно поверить’ ≈ ‘нет оснований верить’ ≈ ‘не верится’].

Идеалы Шалтай-Болтая, независимо от их реальности, представляют лингвистический интерес. Так, важный аспект максимы «Не говори больше того, за что ты готов нести ответственность» состоит в том, что она опирается на понятие **более сильного** и **более слабого** утверждения. Можно было бы подумать, что нужда в understatement возникает тогда, когда для более сильного утверждения у говорящего нет достаточных оснований. Так в примере (7) Алиса переходит от более слабого утверждения к более сильному, по мере того, как она вникает в суть дела:

- (7) Я и не знала, что чеширские коты всегда улыбаются. По правде говоря, я вообще не знала, что они умеют улыбаться. (Л. Кэрролл)

² Вспоминается «Пиковая дама»: *а между тем требовали от нее [Лизаветы Ивановны], чтобы она была одета как и все, то есть как очень немногие.*

Однако это не всегда так. Понятие более сильного и более слабого утверждения возникает в связи с постулатами Грайса (Грайс 1985). Без компонента ‘не знаю’ высказывания с союзом *или* были бы неоправданно слабыми; компонент ‘а если нет, то нет’ усиливает значение *если*, см. этот и другие примеры в Падучева 1985: 43.

Многие устойчивые выражения представляют собой understatement:

- (8) а. *мало не покажется* = ‘будет более чем достаточно’;
 б. *рубашка не первой свежести* = ‘не стиранная давно’.

В примере (9) *не злоупотребляете* = ‘пользуетесь редко’:

- (9) Чем объясняется ваш смокинг, которым вы, насколько я знаю, *не злоупотребляете*? (Г. Газданов. Ночные дороги)

Распространенная коммуникативная стратегия состоит в том, чтобы сделать более слабое утверждение, но такое, из которого более сильное вытекает как импликатура дискурса или даже в силу регулярных механизмов семантической деривации. Возникает своего рода эквивок.

Понятие сильное/слабое утверждение интересно еще и потому, что есть специальные слова и конструкции, семантика которых обеспечивает выстраивание утверждений на шкале степеней силы. Несколько примеров (в основном, на материале из Национального корпуса русского языка).

Пример 1: *мягко говоря*. В одном из своих употреблений *мягко говоря* — это оператор, маркирующий understatement. Этот оператор соответствует коммуникативной стратегии, состоящей в том, что, сообщая адресату нечто плохое, говорящий пытается это завуалировать (или по крайней мере сделать такой вид). Тут имеются следующие возможности.

А. Более слабое (т. е. более мягкое) утверждение формулируется с помощью контрастного отрицания:

- (10) Конечно, настроение это, *мягко говоря*, не улучшает [«Известия», 2002.01.18] = ‘ухудшает’.
 (11) К сожалению, реальные действия официального Таллина такую перспективу пока, *мягко говоря*, не приближают [«Дипломатический вестник», № 5, 2004] = ‘отдаляют’.
 (12) А если туалет где и есть, то его, *мягко говоря*, не афишируют... [«Вечерняя Казань», 2003.01.10] = ‘скрывают’.
 (13) Впрочем, идея с «пролеченными больными», *мягко говоря*, не нова [«Профиль», 2003.04.07] = ‘стара’.
 (14) *Мягко говоря*, не радуют и данные Прокуратуры РФ: в прошлом году было убито более трех тысяч российских детей, а от различных преступлений пострадали еще 94 тысячи детей и подростков [«Советская Россия», 2003.06.15] = ‘огорчают’.
 (15) Лечебные учреждения региона оказывают их, руководствуясь правилами, утвержденными областным управлением здравоохранения, а документ этот, *мягко говоря*, несовершенен. [«Калининградская правда», 2003.06.10]

Возьмем пример (10). В его основе лежит триада (ср. Есперсен 1958: 375):

(ухудшить, оставить как есть, улучшить).

Вместо утверждения первого члена (*ухудшает*), утверждается отрицание третьего (*не улучшает*). Получается более слабое утверждение, поскольку формально говоря, утверждается дизъюнкция: ‘ухудшает или оставляет как есть’. В этом и состоит смягчение утверждения. Оператором (квалификатором) *мягко говоря* говорящий дает, однако, понять, что то, что он сказал, мягче, чем то, что он имел в виду; следовательно, в конечном счете он выразил просто идею ‘ухудшает’, но не прямым, а неким косвенным образом. Аналогично в примерах (11)—(15).

Если отношение между утвердительным и отрицательным высказыванием контрадикторное (т. е. промежуточного нейтрального члена нет), то в чем состоит смягчение, непонятно:

(16) «*Мягко говоря, очень мягко говоря, наши усилия неудовлетворительны*», — огорченно признал Путин, добавив, что особенно его задело «недостаточное внимание властей к населению». [«Известия», 2002.07.01]

Б. Есть другой вариант — построить усиленное противоположное утверждение, и отрицать его. Получается еще большее «смягчение» отрицания, которое (смягчение) тоже нейтрализуется оператором *мягко говоря*:

(17) Сегодня в это время по всем каналам радио я могу услышать только музыку, которая мне, *мягко говоря, не очень близка*. [«Аргументы и факты / Москва», 2001.02.14]

(18) Но при этом / конечно / у нас есть не очень образованные / *мягко говоря* / лица в правоохранительных органах / которые используют эту ситуацию так / как хотят [Беседа о молодежном экстремизме в эфире радиостанции «Эхо Москвы», Москва (2003—2004)] = ‘необразованные’;

(19) Спор антимонополистов с бизнесменами — одно дело, но в связи с грустными данными о деятельности РЭК, которой тут, *мягко говоря, не вполне довольны* несколько лет, возникает вопрос: а нужен ли вообще такой тарифный институт? [«Время МН», 2003]

(20) Так что фискалы, *мягко говоря, не совсем правы* [«Учет, налоги, право», 2004.08.03] = ‘неправы’.

(21) Съемки из космоса показали, что проектировщики выбрали, *мягко говоря, не самый удачный* вариант трассы [«Аргументы и факты / Москва», 2001.04.04] = ‘неудачный’.

Во всех этих примерах семантика оператора заставляет нас иметь дело с двумя высказываниями, упорядоченными по степени силы.

В. Есть употребления, где смягчение касается исключительно стиля: *сказать более мягко* = ‘сказать литературным языком’:

(22) И чаще всего в погоне за удовольствиями, мы *мягко говоря, переедаем* [«Даша», № 52, 2003] = ‘обжираемся’.

(23) Следовательно, *мягко говоря, вводит сенаторов в заблуждение* [«Известия», 2002.06.14] = ‘обманывает’.

- (24) Серьезным претендентом на роль преемника Чехова мог бы оказаться председатель горсовета Сергей Михайлов, если бы не его, *мягко говоря*, натянутые отношения с коммунистами [«Независимая газета», 2003.04.28] = ‘плохие’.
- (25) Кроме того, меня привлекала и возможность отснять все на «цифру», ведь качество копий «Холмса», *мягко говоря*, оставляет желать лучшего — они заезжены едва ли не до дыр [«Известия», 2002.02.11] = ‘плохое’; специальный смягчающий перифраз.

В (26) специальная игра на том, что *мягко говоря* вводит выражение отнюдь не высокого литературного стиля:

- (26) Пока же нет даже приличного ответа на вопрос: почему так возбудилась прокуратура? Те же самые бумаги были в ее распоряжении четыре года назад, когда бизнесмен Рыбин, чьи интересы я представлял, обивал прокурорские пороги и рассылал копии в немислимых количествах во все мыслимые инстанции. Его, *мягко говоря*, посылали. [«Новая газета», 2003.01.15]

Г. В примерах ниже разные прилагательные и глаголы служат для «смягчения» одного и того же смысла — отрицательной оценки. Общий семантический источник отрицательной оценки — несоответствие ожиданию:

- (27) Объяснение, *мягко говоря*, странное: читать документы о взаимоотношениях с Евросоюзом или Германией можно в кремлевском кабинете. [«Известия», 2001.09.17]
- (28) Проект, *мягко говоря*, оригинальный. [«Новая газета», 2003.01.16]
- (29) Кампания началась в маленьком масштабе в основном в связи с настороженным отношением редакций журналов к, *мягко говоря*, оригинальному содержанию иллюстрации. [«Рекламный мир», 2000.03.30]
- (30) Вполне можно ожидать, что результаты этой мыслительной деятельности кремлевских экспертов окажутся, *мягко говоря*, нестандартными. [«Известия», 2001.10.12]
- (31) Как-то я проанализировала свой режим жизни, начиная лет с 14, и, *мягко говоря* удивилась: по-хорошему, меня и близко нельзя было назвать прилежной ученицей /студенткой /работницей. [Запись в LiveJournal (2004)]
- (32) Но вот внешность новых денег с точки зрения их защищенности от подделок, *мягко говоря*, озадачивает. [«Известия», 2002.01.08]
- (33) Однако именно атомщики, *мягко говоря*, скептически настроены к созданию нового свободного рынка. [«Известия», 2002.09.02] [= критически, = отрицательно]

Слово *накладка* (первоначально — из театрального жаргона, на что имеется свидетельство в «Театральном романе» Булгакова) служит специальным смягчителем для любого неправильного или отрицательного хода событий.

- (34) «Подземная» карта предназначена как раз для того, чтобы избежать подобных, *мягко говоря*, накладок при строительстве на всей столичной территории. [«Известия», 2001.12.23]
- (35) В годы кончины «хрущевской оттепели» подобную прозу ожидали, *мягко говоря*, неприятности. Его твердая защита писателей, которые говорили в своих

произведениях правду и только правду, поставила его жизнь и творчество в невыносимые условия травли. [«Работница», 1989]

Д. Особый случай — количественные контексты:

- (36) Хотя некоторые приморские газеты поспешили сообщить, что губернатор «отвоевал» для края 20 процентов забранных квот, это оказалось, *мягко говоря*, преувеличением [«Рыбак Приморья», 2003.01.23] = ‘враньем’.

Пример (37) должен вызвать такое же недоумение, как (16) из раздела А, поскольку *есть* противопоставлено *нет*:

- (37) Разница, *мягко говоря*, есть [«Независимая газета», 2003.06.10] = ‘большая’.

Видимо, говорящий понимает сочетание *разница есть* как ‘есть некоторая разница’, а усилением для *некоторая* будет *большая*.

В (38) *мягко говоря* вводит косвенную номинацию ситуации:

- (38) Виной тому, *мягко говоря*, нестабильная политическая ситуация — в той же Колумбии много лет идет гражданская война, а часть территории страны вообще не контролируется федеральным правительством. [«Известия», 2001.06.19]

Интересный вопрос — как (т. е. какими элементарными и воспроизводимыми семантическими переходами) получается значение отрицательной оценки у слова *неоднозначный*. В примерах (39), (40) слово *неоднозначный* имеет прямой смысл — ‘неодинаковый’:

- (39) В России к абортам относились *неоднозначно*. [«Известия», 2002.09.20]
 (40) Выбор второго ключевого поставщика для IBM PC современниками также оценивался неоднозначно. [Наталья Дубова. «Шахматный» проект // «Computerworld», № 28, 2004]

В то же время в (41) *неоднозначный*, без сомнения, понимается в значении отрицательной оценки:

- (41) Исключения здесь составляют разве что некоторые африканские страны, однако стоит ли нам ориентироваться на их, *мягко говоря*, неоднозначный опыт? [«ПОЛИТКОМ.РУ», 2003.03.18]

Сходный переход от неодинаковости к отрицательной коннотации наблюдается у кванторных слов со значением всеобщности:

- (42) Люди бывают *разные*; Причины бывают *всякие*.

Пример 2: *не то чтобы* P, но Q. Эта конструкция тоже строит шкалу, упорядочивая два высказывания по силе: предикация P задает один полюс, предикация Q размещается на возникающей шкале где-то ближе ко второму из полюсов (ср. англ. *not exactly*, которое рассматривается в Wierzbicka 2006):

- (43) Рене Зеллвегер, похоже, специализируется на изображении ⟨...⟩ девушек под тридцать, жизнь которых *не то чтобы пуста, но не изобилует* интересными событиями. [«Известия», 2002.11.21]
 (44) Последнее время в жизни и деятельности начальника ЦСКА началась какая-то *не то чтобы черная, но уж больно серая* полоса. [«Известия», 2002.05.23]

- (45) У меня уже своя семья, живем *не то чтобы совсем хорошо, но бывает и хуже*, и поэтому я боюсь Бога гневить, видя, сколько вокруг пьющих и гуляющих мужей... [«Вечерняя Москва», 2002.07.18]

Там, где две предикации не выстраиваются в шкалу, их соединение в составе конструкции *не то чтобы...*, *но* вызывает ощущение шероховатости:

- (46) В целом — *не то чтобы сногсшибательная, но чрезвычайно важная* пластинка. [«Известия», 2001.11.12]

Пример 3. Упорядочивание по силе происходит в высказываниях с уступительными союзами:

- (47) Если не пойдешь в музей, купи *хотя бы* каталог.

Пример 4. Упорядочивание высказываний по силе свойственно конструкции со смещенным отрицанием (см. разделы 5.5, 5.6). Ср. две конструкции —

I. Отрицание в сфере действия адвербиала:

$$Q(\text{не-}P) = \text{'не-}P \ \& \ Q(\text{не-}P)\text{'}$$

II. Смещенное отрицание:

$$\text{не-Q}(P) = \text{'то ли } P \ \& \ \text{не-Q}(P)\text{'}$$

Смещенное отрицание близко к глобальному: в предложении с глобальным отрицанием *P* само по себе не отрицается.

Примеры (48)—(51) демонстрируют противопоставление: в (а) предикатное отрицание в сфере действия (СД) адвербиала, частноотрицательная интерпретация; в (б) глобальная интерпретация.

- (48) а. Он *сразу* нас не одобрил $\approx$ ‘с первого взгляда’ [отрицание в СД адвербиала];
 б. Она *сразу* не стала использовать свой диплом (Валерий Попов) [смещенное отрицание].
- (49) а. Он *долго* не приходил; *долго* не отвечал [отрицание в СД адвербиала];
 б. Он *долго* не думал; *долго* не огорчился [смещенное отрицание].
- (50) а. Я *с самого начала* ему не поверил [отрицание в СД адвербиала];
 б. Я *сначала* ему не поверил $\supset$ ‘возможно, потом поверил’ [смещенное отрицание].
- (51) а. Зато продавцы, мальчишки с тележками, какие-то сомнительные личности, что-то доверительно шепчущие и зазывно жестикулирующие, *буквально не дают* прохода. [«Богатей» (Саратов), 2003.03.13] [отрицание в СД адвербиала]
 б. Под действие закона о рекламе подобные ролики *буквально не поддаются*. [«Известия», 2002.02.14] [смещенное отрицание]

Конструкция со смещенным отрицанием характерна для наречий степени; причем отрицается всегда большая степень (тут много фразеологизмов; т. е. наречия большой степени для разных глаголов разные, ср. *уйти далеко* и *продлиться долго*):

- (52) Это разграничение *последовательно* не проводилось; *Прямо* он этого не сказал; он этого *определенно* не сказал; *надолго* не затянулось (*не затянется* — лучше); *долго* не продлится; численность *точно* не известна; Я *точно* не помню; *осо-*

бенно (особо) не удивился; *сильно* не расстроился; *сильно* они от этого не завистят; ситуация *качественно (принципиально)* не изменилась; *далеко* он не ушел; Эти вопросы *глубоко и всесторонне* не были продуманы. (Известия, 2005)

Смещенное отрицание часто употребляется в контексте, где Р ложно уже само по себе, и говорящий пытается скрыть ложность более слабого утверждения за ложностью более сильного, типичный оборот этого рода — *точно не знаю*. Если это так, т. е. если говорящий сознает, что и более слабое утверждение (т. е. одно Р, без указания на высокую степень) ложно, то это **уловка**, основанная на нарушении постулата информативности по Грайсу.

Смещение отрицания свойственно английскому языку в большей степени, чем русскому. Так, в примерах (53)—(57) переводчик тем или иным способом освобождается от английского смещенного отрицания, см. примеры из НКРЯ, Параллельный корпус:

- (53) а. They *didn't seem very impressed*;
б. Им глубоко по фигу.
- (54) а. You should have heard him holler! So we *didn't do too badly*;
б. Так что мы их неплохо отделили.
- (55) а. Mason said: «You *didn't eat much*, Dianne»;
б. Мейзон сказал: «Дайанн, вы практически ничего не съели».
- (56) а. Another spear, a bent one that *would not fly straight*, went past his face;
б. Другое копье, гнущее, оно летело не прямо, а просвистело у самой его головы.
- (57) а. It *will not last long*, thank God;
б. Благодарение богу, скоро все это должно кончиться.

Итак, мы вправе заключить, что understatement в русском языке едва ли имеет целью избежать утверждения более сильного, чем то, за которое говорящий готов нести ответственность. Скорее, это способ построить некое семантически усложненное высказывание, в котором подлинное намерение говорящего представлено в менее однозначной, т. е. в слегка завуалированной, форме. Некоторые конструкции, порождающие understatement, действительно свойственны английскому языку в большей степени, чем русскому. Однако и в русском прием understatement достаточно широко распространен, и едва ли он продиктован стремлением к большей точности выражения — скорее наоборот.

Глава 6

ГЕНИТИВ ОТРИЦАНИЯ

Как отмечает А. М. Пешковский, «особенностью славянских отрицательных предложений является род. падеж на месте вин. ⟨...⟩ и тот же родительный на месте именительного». Из дальнейшего будет видно, что начать следует с проблемы родительного на месте именительного, т. е. с генитива субъекта.

6.1. ГЕНИТИВ СУБЪЕКТА*

6.1.1. Два класса генитивных глаголов

1. Генитивная конструкция: синтаксис или семантика?

В русском языке, как и в других славянских, широко продуктивна генитивная конструкция отрицательного предложения, т. е. конструкция с родительным падежом субъекта и безличным сказуемым, ср. *Возникли сомнения* и *Сомнений не возникло*, *Пришел ответ* и *Ответа не пришло*. Но условия чередования именительного падежа с родительным в отрицательном контексте отнюдь не просты. Почему, например, *Сомнений не возникло* правильно, а **Сомнений не исчезло* — нет?

Проблеме генитивного субъекта посвящена обширная литература. Важная веха — монография Babby 1980, где предлагаются решения в рамках семантических формулировок. Однако в последующих работах возможность семантических решений проблемы генитивного субъекта была подвергнута сомнению. Согласно Апресян 1985, род. падеж субъекта в отрицательном предложении обусловлен «семантически немотивированным или не вполне семантически мотивированным» синтаксическим признаком, который приписывается словам в словаре. Опираясь на богатый материал, собранный исследователями этой проблемы (см., прежде всего, Ицкович 1974; Guiraud-Weber 1984), мы покажем:

— что генитивная конструкция (ГК) в отрицательном предложении имеет четкий семантический инвариант — хотя и не столь простой, как первоначально предполагалось; и

— что условия ее употребления могут быть описаны в семантических терминах.

---

* Переработанный текст статьи, опубликованной в журнале «Вопросы языкознания», 1997, № 2.

Проблемы с генитивной конструкцией могут быть продемонстрированы на следующих примерах. Есть контексты, в которых возможен и род. и им. падеж субъекта, причем мена падежа влечет отчетливое изменение значения, например:

- (1) а. Тьма была крошечная. *Ни одного фонаря* не горело [= ‘не было горящих фонарей, а возможно, не было никаких’];
 б. *Ни один фонарь* не горел [= ‘фонари, возможно, были, но не горящие’].

Однако для многих глаголов генитив субъекта при отрицании обязателен, ср.:

- (2) а. Разницы между ними *не усматривается*;
 б. Никакой метафоричности здесь *не обнаруживается*;
 в. Финансовой катастрофы *не вырисовывается*.

А без противопоставления семантика ГК смазывается. Кроме того, возможна мена падежа, которая не дает ощутимого различия в значении:

- (3) а. *Договоренности* не достигнуто;
 б. *Договоренность* не достигнута.

Так как же согласовать инвариантную семантику ГК с обязательностью родительного падежа в (2) и с синонимией родительного падежа именительному в (3)?

Мы считаем, что генитивная конструкция во всех приведенных примерах — (1а), (2), (3а) — имеет один и тот же смысл; а именно, она маркирует наличие определенного компонента в семантической структуре предложения. В (2) этот компонент возникает в отрицательном предложении как следствие семантики глагола, а в (1) наличие или отсутствие этого компонента есть вопрос свободного выбора говорящего. Им. падеж в (3б) — это вариативность, обусловленная своего рода экспансией именительного: «генитивный» компонент есть в семантике предложения, но им. падеж оставляет его формально не обозначенным¹. Тем самым примеры (2), (3) не противоречат предположению о том, что у ГК имеется семантический инвариант.

Описание условий употребления генитивной конструкции естественно начать с выявления класса глаголов, способных в отрицательном предложении входить в ГК (глаголы этого класса мы назовем **генитивными**)². Мы покажем, что все глаголы генитивного класса имеют общий семантический компонент (точнее, это два компонента, различные, но «родственные»); в семантике генитивного глагола присутствует один из них). В любом случае, список глаголов, не охарактеризованный семантически, не может решить проблему выбора падежа субъекта в отрицательном предложении.

Во-первых, принадлежность глагола к генитивному классу обеспечивает лишь потенциальную возможность генитивного субъекта при этом глаголе. Так, при опре-

¹ В ситуации экспансии мы вправе принимать во внимание только «исконный» вариант, пренебрегая употреблениями типа [?]*Затруднения не возникли*; [?]*Разница не усматривается* [?]*Падение курса не произошло*, хотя они и не исключены.

² Кроме глаголов, в генитивный класс входят предикативы — такие как *видно*, *слышно*, *нужно*.

деленных коммуникативных условиях падеж субъекта у генитивного глагола с отрицанием может быть только именительный, см. (4б):

- (4) а. Реорганизации *не было проведено*;
 б. *Реорганизации *не было проведено* в срок.

В Ицкович 1974; Babby 1980; Guiraud-Weber 1984; Апресян 1985 отмечались и другие параметры контекста, препятствующие генитивной конструкции при генитивном глаголе: одушевленность субъекта; референтность; ед. число. В пункте 3 мы покажем, что все эти факторы существенны ровно постольку, поскольку они препятствуют формированию в отрицательном предложении того смыслового компонента, который маркируется генитивной конструкцией.

Во-вторых, генитивная конструкция может возникать, под давлением контекста, и при не-генитивном глаголе. Такие ее употребления мы трактуем как вынужденные, иначе — форсированные. Вынуждение состоит в том, что семантический компонент, требуемый генитивной конструкцией, отсутствует в семантике глагола, а появляется в предложении лишь под давлением конструкции. Описать форсированные употребления можно только при семантическом подходе.

В Апресян 1985 отмечено, что на употребление ГК влияет частица *ни* — как сама по себе, так и в сочетаниях *ни один*, *никакой*, *ни единый*, *ни малейший* и под. Употребления, обусловленные контекстом «усилительных» отрицательных частиц, мы тоже относим к форсированным. Например, глаголы *находиться*, *присутствовать* в (5), (6) не генитивные, и при отсутствии слов *никакой*, *ни один* генитив субъекта был бы невозможен:

- (5) Никакого атомного снаряда на борту корабля *не находилось* (пример из Ицкович 1974).
 (6) Ни одного административного лица на погребении *не присутствовало*.

Генитивная конструкция дает большой разнобой в оценках грамматической правильности. Например, нам кажутся неприемлемыми предложения из Ицкович 1974:

- (7) а. ?Таких примеров *не рассматривалось*;
 б. ?Афазий и других отклонений от нормы раньше *не изучалось*.

Широкий диапазон различий в оценке говорящими допустимости ГК требует объяснения.

План дальнейшего изложения такой. Пункт 2 посвящен семантическому инварианту генитивной конструкции отрицательного предложения; пункты 3 и 4 — семантике генитивных глаголов в ее отношении к этому инварианту; пункт 5 — условиям, которые препятствуют появлению в семантическом представлении предложения с генитивным глаголом генитивного компонента; в пункте 6 речь идет о форсированных употреблениях ГК за пределами генитивного класса³ и о причинах разнобоя в оценке правильности.

³ Многие примеры этого параграфа взяты из цитируемых лингвистических работ, поскольку они уже стали своего рода обозначением соответствующих проблем.

2. Семантика генитивной конструкции

В отрицательном предложении с генитивной конструкцией обязательно присутствует один из двух компонентов⁴:

I. 'Вещи (X-а) не существует в мире /Месте';

II. 'Вещи (X-а) нет в перцептивном пространстве Субъекта сознания', где X — это предмет или явление, которое обозначается (синтаксическим) субъектом глагола.

Место выражается локативом (если локатив отсутствует, речь идет о существовании в мире). Субъект сознания — это прежде всего наблюдатель, см. раздел 6.1.2. Находиться в перцептивном пространстве Субъекта сознания — значит восприниматься им.

Перцептивное пространство — это либо поле зрения Субъекта сознания, т. е. зона его актуального внимания, либо привычная для него сфера бытия, его «личная сфера» в смысле Апресян 1986. Возможны и другие формы интеллектуального контакта между Субъектом сознания и Вещью — знание, ожидание и даже просто посессивное отношение.

Компонент I называется экзистенциальным, компонент II — перцептивным (о том, что генитивная конструкция может выражать не только существование, но и восприятие, см. Падучева 1992). Так, в примере (8а) за семантику ГК отвечает экзистенциальный компонент, а в (8б)–(8д) перцептивный:

- (8) а. *Существенных изменений* не произошло;
 б. *Коли* на месте не оказалось;
 в. *Деревни* на берегу не видно;
 г. *Хозяина* в доме не чувствуется;
 д. *Новых пассажиров* в купе не появилось.

Совмещение существования и восприятия в значении одной конструкции не удивительно: существование и восприятие связаны отношением регулярной многозначности, см. Кустова 1998; Падучева 2004: 150ff. Язык представляет существование как нахождение в Месте (по умолчанию — в мире); а нахождение Вещи в Месте, входящем в поле зрения Субъекта сознания, равносильно восприятию Вещи Субъектом сознания. Связь местонахождения (в том числе перемещения, т. е. изменения местонахождения) с существованием и восприятием порождает регулярную многозначность в обширных слоях предикатной лексики. Так, Вещь может *появиться* или *исчезнуть* в Месте, составляющем перцептивное пространство Субъекта сознания (это будет перцептивное событие), и в мире (тогда Вещь начнет /перестанет существовать).

В примере (8д) глагол *появиться* может интерпретироваться и как 'начать быть видимым', и как 'начать существовать', поскольку если новых пассажиров не появилось в купе, то их не появилось и вообще: человек, который не вошел, с точки зрения сидящих в купе не называется «пассажир».

⁴ Вещь и Место — это обозначение участников ситуации, описываемой бытийным предложением, равно как и предложением локализации, которое введено в Борщев, Парти 2002.

Связь существования /местонахождения с восприятием имеет в своей основе сходство актантной структуры соответствующих глаголов: в диатезе с закадровым Экспериентом, наблюдателем, падежная рамка глаголов восприятия и местонахождения состоит из одних и тех же двух актантов — это Вещь и Место⁵. В контексте, где актант Место обозначает поле зрения, как в (9б), (10б), или Вещь — наблюдаемую сущность, как в (11б), (12б), глагол с исходным значением начала существования /местонахождения обозначает начало восприятия:

- (9) а. выступил пот на лбу; б. выступили горы *из-за облаков*.
 (10) а. возникли сомнения; б. возникло здание *из темноты*.
 (11) а. представился случай; б. представилось *зрелище*.
 (12) а. открылась школа верховой езды; б. открылась *панорама*.

Та же неоднозначность у глаголов *встретиться*, *найтись* и многих других. Во фразе *На экране появились странные изображения*, где и Вещь и Место имеют перцептивную природу, противопоставление существования, местонахождения и восприятия вообще снимается.

3. Две группы генитивных глаголов: экзистенциальная и перцептивная

Первые сведения о семантике генитивной конструкции и генитивных глаголах были получены в рамках «трансформационного» подхода к отрицанию, т. е. в предположении, что семантический компонент, который кодируется генитивной конструкцией (при нефорсированном ее употреблении), должен входить в семантику генитивного глагола. На самом деле, помимо глаголов, удовлетворяющих этому требованию, т. е. собственно генитивных, есть такие, которые всего лишь совместимы с генитивной конструкцией, квазигенитивные. Так что генитивная конструкция может добавлять в отрицательное предложение свой собственный смысл, отсутствующий в исходном утвердительном. Данный раздел остается в рамках «трансформационного» подхода, но в разделе 6.1.2 будет показано, что от него можно отказаться, расширив класс генитивных глаголов за счет квазигенитивных. За генитивную семантику отрицательного предложения отвечает не только глагол, но и сама ГК.

Итак, допустим, что отрицательное предложение есть результат применения оператора отрицания к исходному утвердительному. Вопрос ставится так: какова должна быть семантика глагола в исходном утвердительном предложении, чтобы при отрицании в нем возник (или мог возникнуть) один из двух указанных семантических компонентов? Именно в этом случае говорящий должен (или может) употребить в своем отрицательном предложении генитивную конструкцию.

Глагол относится к генитивному классу, если его толкование включает экзистенциальный или перцептивный компонент, причем в таком коммуникативном статусе, что при отрицании предложения он подвергнется отрицанию: этот компонент может быть ассерцией или имплицативом, но не может быть пресуппозицией.

⁵ См. в Wierzbicka 1980: 102 о том, что Место — обязательный участник для перцептивного глагола.

Утвердительные аналоги компонентов I и II имеют вид:

I'. 'Вещь (X) существует в мире /Месте'.

II'. 'Вещь (X) находится в перцептивном пространстве Субъекта сознания'.

В обоих случаях имеется в виду, что субъект не выполняет в концепте ситуации никакой другой, более активной роли: все бытийные глаголы относятся к категории состояний (как *не наблюдается*) или происшествий (как *не наступило*).

Соответственно, генитивные глаголы делятся на две группы. Семантика глагола группы I, см. пример (13), включает компонент 'X существует' (или 'X имеет место'), причем в таком коммуникативном статусе, что отрицание предложения даст отрицание этого компонента; т. е. в статусе ассерции или имплицатива:

- (13) а. Существуют безвыходные положения $\supset$ 'X существует';
 б. Были затруднения; Произошла катастрофа $\supset$ 'X имел место';
 в. Возник скандал $\supset$ 'стало: X имеет место';
 г. Требуется справка с места работы $\supset$ 'необходимо: X существует'⁶;
 д. Сигнал повторился $\supset$ 'раньше X имел место, сейчас снова X имел место';
 е. За выстрелом последовал взрыв $\supset$ 'после или в качестве следствия чего-то имел место X';
 ж. Выпал осадок $\supset$ 'части чего-то переместились вниз; тем самым стало: X существует'.

В примере (13') за генитивную конструкцию отвечает глагол группы II, перцептивный:

(13') Отклонений от нормы *не было замечено*.

Способностью иметь генитивный субъект может обладать не глагол, а его пассивная форма. Так, глагол *построить* — как и все другие переходные глаголы — в активном залоге не относится к генитивным, поскольку участник Вещь у него не субъект, а объект:

Y *построил* X из Z =

до t < МР X-а не существовало [презумпция]

в t Y действовал с целью: определенным образом: воздействовал на Z [ассерция]

это вызвало:

в МР существует X [имплицатив].

А в пассивной форме *построить* может иметь генитивный субъект, поскольку трансформация пассива переводит участника X, Вещь, в позицию субъекта:

(14) *Гостиницы не построено*.

Как мы видим, экзистенциальный компонент возникает в отрицательном предложении с глаголом I группы как результат нормального взаимодействия значения глагола с оператором отрицания и семантикой грамматических форм.

В группе II различаются подгруппы IIа и IIб.

⁶ При отрицании слов «модальной» подгруппы существование Вещи не отрицается, а подвергается сомнению.

Группу IIб составляют слова, которые относятся к классу восприятий: *видеться, выражаться, доноситься, встретиться, наблюдаться*. Например: *Мороза не чувствуется, Деревни не видно*. Естественно, генитивными могут быть только такие предикаты восприятия, которые имеют либо пассивное значение, как *заметно*, либо пассивно-возвратное употребление, как *чувствуется*. Наблюдателем тут является Эксперидент — который, однако, не может быть подлежащим, как в исходных диатезах глаголов восприятия (*Лисица видит сыр*), поскольку ГК требует, чтобы позицию субъекта занимал участник Вещь. Но Эксперидент может быть выражен дативом: *Знакомых по дороге нам не встретилось; Рыжиков ему не попало*.

Глаголы группы IIа являются генитивными, поскольку их семантика включает наблюдателя. Но этому наблюдателю не отведено места в актантной структуре глагола. Наблюдатель входит в семантику глаголов проявления признака: *белеть, блестять, звучать*; например: *Не белело вдали знакомых очертаний домов*. К группе IIа относятся некоторые глаголы перемещения, например *прийти* (*Ответа не пришло*), поскольку это перемещение к наблюдателю.

В статье Падучева 1997 к группе IIа были отнесены также локативное *быть* и другие глаголы местонахождения (*Снега на полях уже не лежало*). На самом деле эти глаголы не генитивные, поскольку вне контекста отрицания они наблюдателя не предполагают. Чтобы предложить им правильную трактовку, надо было отказаться от трансформационного подхода к отрицанию, см. об этом раздел 6.1.2.

В экзистенциальной группе генитивная конструкция выражает несуществование Вещи, а в перцептивной — ее отсутствие в поле зрения. У глагола экзистенциальной группы субъект всегда нереферентный, см. пример (8а) из пункта 2. Это вытекает из семантики существования. А в перцептивной группе ничто не мешает субъекту быть референтным, см. (8б).

Подгруппы IIа и IIб различаются тем, что в подгруппе IIа всегда возможна и генитивная, и номинативная конструкция, т. е. противопоставление по наличию / отсутствию наблюдателя, а в IIб генитивная конструкция может быть обязательна. Так, глагол *оказаться* (*Маши дома не оказалось*) означает, что наблюдатель переместился — быть может, фигурально (*Я звонил Маше, но ее дома не оказалось*) — в то место, где фиксировал отсутствие субъекта. Генитивная конструкция при нем обязательна.

Все генитивные глаголы перцептивной группы хоть в каких-то своих употреблениях допускают нереферентный субъект. Глаголы местонахождения *находиться, размещаться, располагаться*, а тем более *присутствовать, участвовать*, не относятся к генитивным.

Границы между группой I экзистенциальной и группой II перцептивной нечеткие. Во-первых, один и тот же глагол часто означает и существование, и восприятие:

- (15) а. Аргументов *не нашлось* = ‘аргументов не возникло, не начало существовать’ [существование];
 б. Нужного лекарства в аптеке *не нашлось* = ‘Вещи нет в перцептивном пространстве Субъекта сознания’ [восприятие; не утверждается, что ее нет в другом месте].

- (16) а. Денег *не осталось* = ‘стало: Вещи не существует’ [существование];
 б. Людей на площади *не осталось* = ‘стало: Вещи нет в перцептивном пространстве Субъекта сознания’ [восприятие; не утверждается, что Вещи нет в другом месте].

Во-вторых, перцептивная группа сближается с экзистенциальной за счет слабых, легко подавляемых семантических компонентов — инференций. В контексте глагола группы Па генитивная конструкция часто добавляет (в случае нереперентного X-а) к отрицанию присутствия /наличия Вещи в Месте инференцию несуществования Вещи в мире: ‘возможно, X-а не существует вообще’. Чтобы отменить инференцию несуществования, надо употребить им. падеж, ср.:

- (17) а. *Письма* не пришло = ‘письма нет в Месте; возможно, его не существует’;
 б. *Письмо* не пришло = ‘письмо существует, но его нет в Месте’.

Это противопоставление возникает в контексте глаголов появления в поле зрения — когда в концепте ситуации фигурируют два пространства: отсутствие Вещи в пространстве, которое составляет поле зрения наблюдателя, в равной мере совместимо с его существованием и несуществованием в другом пространстве — в мире.

В группе Пб дело обстоит иначе. Здесь на базе отсутствия Вещи в поле зрения наблюдателя может возникнуть инференция отсутствия Вещи в Месте: компонент ‘X не воспринимается Субъектом сознания (в Месте)’ усиливается до компонента ‘X-а нет в Месте’. Эта инференция легко подавляется контекстом; так, в (18а) она есть, а в (18б) ее нет:

- (18) а. Деревни *не видно* $\supset$ ‘возможно, ее здесь нет’;
 б. Отсюда деревни *не видно*, надо доплыть до поворота.

Инференция отсутствия имеет когнитивную основу, т. е. возникает в силу самых общих законов мышления: если мы чего-то не видим (не слышим, не ощущаем) — там, где предполагали увидеть, — мы склонны заключить, что этого нет, поскольку восприятие привычно лежит в основе наших знаний о мире.

Возможен и дальнейший переход, от отсутствия в Месте к несуществованию в мире, — такой же, как в группе Па. Например:

- (19) Хозяина в доме *не чувствуется* $\supset$ ‘возможно, его нет в доме’ $\supset$ ‘нет вообще’.

В примере (20) номинативная конструкция несет презумпцию существования Вещи, а генитивная ее отменяет:

- (20) а. *Звуки с улицы* не доносились сквозь двойные рамы [= ‘звуки были, но недоступны восприятию Субъекта сознания’];
 б. *Звуков с улицы* (сюда) не доносилось [возможно, звуков на улице не было].

Во фразе (21а) никаких презумпций; а в (21б) есть презумпция существования новых слов в качестве заранее известного говорящему, и тем самым существующего, множества. Например, речь может идти о словах, записанных на уроке. А предложение (21в) странное, поскольку несет презумпцию существования (и определенность) множества незнакомых слов:

- (21) а. *Новых слов* в тексте не встретилось;
 б. *Новые слова* в тексте не встретились;
 в. *Незнакомые слова в тексте не встретились.

У имен объектов с презумпцией существования, в частности у имен лиц, ГК инференции несуществования в контексте глаголов группы II не порождает. Так, утверждая (22а), говорящий не ставит под сомнение существование Маши. Противопоставление (22а) и (22б) касается только присутствия Маши «здесь»:

- (22) а. *Маши* не видно = ‘Маши нет в поле зрения, и, возможно, ее здесь нет’;
 б. *Маша* не видна = ‘Маши нет в поле зрения, хотя она находится здесь’ [например, Маша могла спрятаться].

Граница между несуществованием и отсутствием размывается в контексте имен массы, когда Субъект сознания может быть одновременно Посессором Вещи. Так, в примере (16а) деньги перестали существовать, поскольку речь идет о деньгах в личной сфере Посессора; то, что эти деньги существуют в другом месте, нерелевантно, поскольку они уже не мои. В (23) из отсутствия Вещи в Месте (которое получается в силу инференции отсутствия) следует ее несуществование, поскольку представляет интерес только тот «объем» Вещи, который мог бы находиться в (перцептивном) пространстве Посессора; т. е. существование Вещи в принципе ограничено рамками личной сферы Посессора:

- (23) *Мороза* не чувствуется [здесь] $\supset$ ‘мороза нет [здесь]’ $\supset$ ‘мороза нет’.

В работе Babby 1980: XXII основной вывод о семантике генитива отрицания формулируется нечетко: род. падеж выражает тот факт, что именная группа находится в сфере действия отрицания. В сущности, это та же формулировка, что у Jakobson и Карцевского: в предложении с родительным субъекта «отрицается само подлежащее», а в предложении с именительным падежом «отрицается не подлежащее, а его деятельность». Эта формулировка не допускает буквального понимания: отрицание — сентенциональный оператор, и его сферой действия может быть только утверждение. Под отрицанием подлежащего эти авторы, очевидно, понимали отрицание существования предмета или ситуации, обозначенных подлежащим (такая гипотеза высказана в Апресян 1985: 295), и речь идет о том самом семантическом компоненте, который возникает в экзистенциальной группе как обязательный, а в перцептивной — в качестве инференции. Однако, как явствует из примеров (15)—(23), свести семантику генитивной конструкции к отрицанию существования нельзя. Глаголы восприятия протаскивают в генитивный класс семантику местонахождения.

Перечень генитивных глаголов (достаточно представительный — в нем более 300 единиц) см. в Приложении «Генитивные глаголы». Как справедливо говорится в Guiraud-Weber 1984, широкая продуктивность вынужденных употреблений генитивной конструкции не оставляет надежды на составление полного списка генитивных глаголов, что повышает ценность семантических формулировок.

Итак, при глаголе перцептивной группы генитив и номинатив отчетливо противопоставлены: номинатив выражает презумпцию существования Вещи, а ге-

нитив свободен от презумпций. Что же касается экзистенциальных глаголов, то они вообще не должны были бы допускать номинативной конструкции отрицания. В самом деле, если из отрицания глагола следует несуществование Вещи, то семантически уместна только генитивная конструкция — если не учитывать «экспансии» им. падежа, когда несуществование Вещи остается невыраженным, см. пример из МАС:

- (24) Побежал в адресный стол узнать о Тамаре. Но ему сказали, что *такая* не значится.

Противопоставление номинатива и генитива, однако, возможно и в контексте глаголов группы I, но имеет иной смысл. Так, экзистенциальные каузативы, типа *строить, совершать*, в пассивной форме выражают возникновение, т. е. начало существования. При них им. падеж допустим — он выражает запланированность данной (еще не существующей) Вещи:

- (25) а. Гостиницы *не было построено*;
б. Гостиница *не была построена* [= 'но была запланирована'].

Глагол *состояться*, казалось бы, тоже бытийный; но он не является генитивным, потому что в его лексическое значение входит запланированность события, выражаемого субъектом:

- (26) Господа, мы должны употребить все усилия, чтобы эта дуэль не состоялась (Чехов, цит. по МАС).

В (27), (28) (примеры из Падучева 1985: 107) недопустим род. падеж, поскольку субъект имеет «гипотетическое существование» в смысле Reichenbach 1947: 274.

- (27) **Установки не было введено в действие* [ввести в действие можно только установку, которая так или иначе существует].
(28) **Заговора не было раскрыто* [чтобы раскрывать заговор, нужно иметь гипотезу о его существовании].

В примере (29), из Guiraud-Weber 1984, я интерпретирую генитив не как генитив отрицания, а как *genitivus partitivus* (см. об этом подробнее в разделе 6.2.2):

- (29) а. Даже *лебеды* не выросло [нисколько];
б. Даже *лебедя* не выросла.

Представляет интерес пример (30):

- (30) а. *Оригинала этого списка* не сохранилось;
б. *Подлинник* не сохранился.

В (30б) говорящий осуществляет референцию к конкретному предмету, который он имеет в виду. Про этот предмет говорится, что он не сохранился, т. е. пропал; а пропажа предмета имеет обязательную презумпцию его существования. Между тем именная группа *оригинал этого списка* в (30а) — дескрипция, которая имеет атрибутивную референцию, см. Donnellan 1966. Генитивная конструкция выражает отсутствие какого бы то ни было объекта, удовлетворяющего дескрипции. В Борщев, Парти 2002 отмечается, что фраза *Ответа не пришло* звучит существенно лучше, чем *Письма не пришло*. В самом деле, *ответ* — это дескрипция, которая

не обязывает говорящего иметь в виду конкретный предмет и легче утрачивает конкретную референцию в отрицательном контексте, чем прямая номинация *письмо*.

Противопоставление номинативной конструкции, несущей презумпцию существования, и генитивной, свободной от презумпций, возможно в модальном контексте:

- (31) а. *Твоя справка* не потребуется; б. *Справки* не потребуется.
 (32) а. *Твои советы* мне не нужны; б. Не нужно мне *твоих советов*.

4. Кажущиеся контрпримеры

В работах Ю. Д. Апресяна (1985; 1995: 34) говорится, что генитивные глаголы если и обладают какой-то семантической общностью, то заведомо недостаточной для однозначного предсказания синтаксического поведения. Приводятся примеры семантически близких глаголов, из которых один допускает генитивную конструкцию, а другой — нет:

- (33) а. Симптомов болезни *не появилось*; б. *Симптомов болезни *не исчезло*.
 (34) а. Старосты на собрании *не было*; б. *Старосты на собрании *не присутствовало*.
 (35) а. Перемен в технической политике фирмы еще *не наступило*;
 б. *Перемен в технической политике фирмы еще *не началось*;
 в. Перемены в технической политике фирмы еще *не начались*.

Наш анализ позволяет дать семантическое объяснение этим различиям. Глагол *исчезнуть* не генитивный потому, что его отрицание несет презумпцию существования Вещи. Глагол *присутствовать* выражает локализацию и, наряду с *находиться*, не принадлежит к числу генитивных. О глаголе *быть* см. в разделе 6.1.2.

Глагол *начаться* тоже не генитивный на семантической основе: *X началось* ≈ ‘X имеет место сейчас и будет продолжаться в течение времени более долгого, чем уже прошло’ (см. о *начаться* Падучева 2004: 179ff). Поэтому *начаться* вообще не допускает отрицания иначе как в контексте, где Вещь запланирована, а запланированность, как мы видели, требует номинатива; в (35в) запланированность подчеркнута словом *еще* с его семантикой ожидания.

Все генитивные глаголы стативны: движение и агентивность несовместимы с пребыванием в генитивной группе. Показателен пример из Боршев, Парти 2002:

- (36) а. *Письма* не пришло;
 б. *Автобуса не пришло.

В (36а), в контексте слова *письмо*, глагол *прийти* имеет стативное значение — он обозначает только появление Вещи в поле зрения наблюдателя; и ГК допустима. А в (36б), в контексте субъекта *автобус* (класс — транспортное средство), глагол обозначает движение и в этом значении не относится к генитивным.

Также недопустимы сочетания:

- (37) *не идет дождя, *не идет дыма.

Глагол *идти* не генитивный, поскольку обозначает не существование, а течение времени; даже в переносных употреблениях у него сохраняется динамический

ореол (исключение — *не идет речи*). Хотя глагол *протекать* генитивный, ср. *Жаль, что здесь не протекает никакой реки*.

Один из парадоксальных генитивных глаголов — *существовать*. Казалось бы, его значение — это и есть экзистенциальный компонент в статусе ассерции; между тем *существовать* часто имеет при отрицании номинативный субъект. Однако все употребления *существовать* с номинативом семантически мотивированы⁷.

В Селиверстова 1977 различается существование в реальном мире и в мире вымысла. Таким же — т. е. отличным от реального мира говорящего — может быть внутренний мир отдельного лица или какой-то другой альтернативный мир, см. (41). В примерах (38)—(41) им. падежом обозначен мир говорящего (в котором Вещь существует), противопоставленный миру Субъекта сознания:

- (38) Для него не существовал общезаводской *распорядок* дня. (В. Панова. Кружилька)
- (39) *Дрязги* не существуют для человека, если только он не захочет их признавать. (Тургенев. Отцы и дети)
- (40) Этот реальный *мир* сейчас не существовал для нее. (Ф. Гладков. Повесть о детстве)
- (41) В географическом смысле *Малая земля* не существует. (Культура и жизнь, 1978, № 1)

В предложениях несуществования у *существовать* есть особый актант — мир несуществования; он выделен в (38)—(41) подчеркиванием и является обязательным — как с точки зрения синтаксиса, так и истинностного значения. Например, (38') не только сомнительно синтаксически, но и явно ложно в ситуации, где (38) было истинно:

- (38') Общезаводской *распорядок* дня не существовал.

Есть другая возможность: номинатив может противопоставлять несуществование в настоящем или будущем существованию той же Вещи в прошлом:

- (42) *Владимир* уже не существовал: он умер в Москве, накануне вступления французов. (А. С. Пушкин. Метель)

Это особенно ясно в контексте примера (43), где номинатив, см. (43а), дает значение 'перестать существовать', а генитив означает полное несуществование:

- (43) а. Я бы дорого отдал, чтобы *они* [мои поэмы] вообще не существовали на свете;
б. Я дорого бы отдал, чтобы *их* [моих поэм] вообще не существовало на свете.

Итак, при большей части генитивных глаголов генитивная конструкция отрицания все-таки выражает, хотя бы в статусе инференции, несуществование Вещи — быть может, в ограниченном мире. Однако есть глаголы и предикативы (перцептивной группы), при которых генитивная конструкция не выражает несуществования: *оказаться, ожидать, предвидеться, обнаружиться, обнаружено*,

⁷ В этом разделе мы использовали прекрасный материал, собранный в Guiraud-Weber 1984: 97—102.

замечено, заметно, видно, слышно. Генитивом тут может быть оформлен однозначно референтный субъект, и ГК в этом случае маркирует только отрицание восприятия⁸:

- (44) *Ивана* не оказалось (не ожидается, не было, не обнаружено, не замечено, не видно, не слышно).

Все остальные генитивные глаголы конкретно-референтного — тем более одушевленного — субъекта в генитиве не допускают:

- (45) а. *Мужиков в деревне* не осталось; б. *Ивана не осталось.
 (46) а. Тебе *рыжиков* не попадалось? б. *Тебе *Ивана* не попадалось?
 (47) а. *Более простых решений* мне неизвестно; б. *Его адреса мне неизвестно.

Исключением противоположного рода являются слова *возможно, желательно, допустимо, исключено, обязательно*, которые не допускают генитивного субъекта в контексте, где семантически ошутим экзистенциальный компонент, ср. **Провала не исключено*, **Справки не обязательно* (хотя *Справки не нужно /не требуется*).

5. Контексты, препятствующие употреблению ГК при генитивном глаголе

Препятствием к употреблению генитивной конструкции является все то, что препятствует возникновению в семантическом представлении отрицательного предложения с генитивным глаголом компонента ‘X-а нет (в мире /в поле зрения наблюдателя /в личной сфере Субъекта сознания)’.

Переходность глагола всегда отмечается как категорическое препятствие для ГК (Пешковский 1956; Ицкович 1974). Этот факт имеет семантическое объяснение: переходный глагол — это обычно глагол действия, и он имеет активный субъект, а ГК требует пассивного — который всего лишь существует или является объектом восприятия. Кроме того, у глагола действия существование Агенса всегда составляет презумпцию (ср. Кеenan 1976), которая, естественно, не поддается отрицанию.

Есть, правда, аргументы в пользу того, что непереходность работает и как формальный признак. Так, *разбиться* и *потерпеть аварию, произойти* и *иметь место* — это семантически почти одно и то же, а генитивность разная:

- (48) а. Никакого судна там *не разбивалось*; б. *Никакого судна *аварии не потерпело*.
 (49) а. Аварии *не произошло*; б. *Аварии *не имело места*.

Другое препятствие — **одушевленность** субъекта; многие глаголы перцептивной группы в контексте одушевленного субъекта требуют им. падежа, хотя при неодушевленном субъекте допускают генитивную конструкцию:

- (50) а. *Деревни* не появилось [вопреки ожиданию];
 б. *Пожарной команды не появилось [надо: Пожарная команда не появилась].

Дело в том, что одушевленный субъект — это активный субъект, и в контексте такого субъекта глагол обычно обозначает действие, ср. Ицкович 1974: 78:

⁸ Во фразе *Иванова в списке не значится* слово *Иванов* — фамилия, а не человек, так что *значится* в этот список исключений не входит.

«Возможность употребления род. падежа находится в обратной зависимости от способности сказуемого выражать активное действие». Активный субъект заставляет понять предложение с данным глаголом как высказывание о действии этого субъекта, а не о его наличии /присутствии. Так, фраза (51б) понимается как ‘друзья ушли’, что и исключает генитив:

(51) а. Друзей у нас *не осталось*; б. *Друзей с нами *не осталось*.

Что же касается экзистенциальной группы, то здесь вообще преобладают глаголы, обозначающие устойчивое положение неодушевленного субъекта Вещи. Чуть ли не единственный глагол устойчивого положения с одушевленным субъектом — *жить*. Он никогда не обозначает активного действия, и одушевленность его субъекта не служит препятствием для ГК:

(52) Знакомых никого в ней *не жило* (пример из Guiraud-Weber 1984).

Вообще, одушевленность существенна лишь в том случае, если речь идет о единичных, индивидуализированных объектах. Во мн. числе имена лиц могут уподобляться именам веществ (mass terms), и одушевленность перестает играть роль (примеры из Guiraud-Weber 1984):

(53) Огни реклам погасли, не осталось *ни покупателей, ни продавцов*.

(54) На такой фабрике не осталось бы *работниц*.

О том, что **референтность** субъекта препятствует ГК, уже говорилось — определенный, т. е. конкретно-референтный, субъект, даже при генитивном глаголе, оформляется номинативом (исключения составляют слова перцептивной группы, упомянутые в пункте 4):

(55) а. *Книги* [подходящей] не нашлось;

б. *Книга* [потерянная] не нашлась.

(56) а. *Знакомых* нам на пляже не встретилось;

б. *Наши знакомые* нам на пляже не встретились.

В контексте глаголов, которые выражают истекающее время — *истечь, миновать, пройти*, — определенный субъект оформляется номинативом, а неопределенный — генитивом:

(57) а. *Кириллин день* еще не миновал;

б. *Дня* не проходило без скандала; *Двух недель* не прошло.

Ед. число субъекта является препятствием для ГК, поскольку навязывает именной группе предпочтительно референтную интерпретацию:

(58) а. НЕ (Принят новый сотрудник) = *Новых сотрудников* не принято;

б. **Нового сотрудника* не принято.

в. *Новый сотрудник не принят.

Фраза (58в), с субъектом в номинативе, тоже неправильна, поскольку человек становится новым сотрудником после того, как он принят.

Напротив, мн. число благоприятствует генитивной конструкции, поскольку превращает имя индивида в имя массы; тем самым генитив получает партитивное значение и дополнительную семантическую мотивацию. О корреляции мн. числа с неопределенностью см. Князев 2007: 88ff.

Препятствием для ГК в контексте генитивного глагола может быть **коммуникативная структура** предложения:

- (59) а. Разницы не усматривается;
 б. *Разницы не усматривается НЕВООРУЖЕННЫМ ГЛАЗОМ $\searrow$.
 (60) а. Уличных звуков сюда не доносится;
 б. *Уличных звуков не доносится СКВОЗЬ ДВОЙНЫЕ РАМЫ $\searrow$.
 (61) а. Формы ед. числа не существует;
 б. *Формы ед. числа не существует ВНЕ ОППОЗИЦИИ ЧИСЕЛ $\searrow$.

В предложениях (59б)—(61б) есть акцентно выделенный модификатор (обстоятельство) и отрицается только этот модификатор, а экзистенциально-перцептивный компонент, отрицание которого могло бы дать ГК, остается неотрицаемым (схожие явления обсуждаются в связи с так наз. definiteness effect в Szabolcsi 1986; Kiss 1995). Это дает объяснение примеру (4) из пункта 1, а также примеру из Апресян 1985: 294.

- (62) *Ни одной болезни не протекает БЕЗ ОСЛОЖНЕНИЙ $\searrow$.

В Guiraud-Weber 1984: 105 отмечается невозможность ГК в контексте обстоятельства образа действия:

- (63) а. Такой мысли *не возникает*;
 б. *Такой мысли *не возникает* НЕОЖИДАННО $\searrow$ [надо: *Такая мысль не возникает неожиданно*].

Понятно, что генитивный глагол дает генитивную конструкцию только в рематической позиции — иначе его пропозиция имеет статус презумпции, см. примеры (59)—(63).

Глагол может не допускать ГК просто потому, что он вообще не допускает отрицания. Отрицательное высказывание ‘не-Р’, как заметил еще Рассел, обычно бывает коммуникативно уместно в ситуации, когда есть ожидание, что Р (например, когда нарушено некое нормальное положение вещей, см. об этом Падучева 1985: 151). При глаголе, семантика которого имплицитно подразумевает случайность, неожиданность наступления события, отрицание звучит странно:

- (64) ?Несчастья *не случилось*; ?Беды *не приключилось*.

Контекст вопроса, косвенного вопроса, условного и сослагательного наклонения снимает эту помеху — Р и не-Р рассматриваются как равновероятные возможности:

- (65") От этого большой беды *не приключится* [*от этого* = ‘если это произойдет’].
 (65''') Пошел узнать, *не случилось ли* несчастья.

Контекст ожидания Р может сделать возможным отрицание (а как следствие — и ГК) для глагола, вообще говоря, неотрицаемого. Так, в (66б) генитивная конструкция уместна, поскольку речь идет о прекращении состояния, еще недавно имевшего место (когда раздавались выстрелы; это выражено словом *больше*):

- (66) а. ?Выстрелов не раздавалось; б. Выстрелов *больше* не раздавалось.

Так что если создан уместный контекст для отрицания глаголов *случиться, раздаться*, то нет препятствий и для генитивной конструкции.

6. Форсированные употребления генитивной конструкции

Нам осталось еще ответить на вопрос об источниках широкого разброса в оценке правильности предложений с ГК разными говорящими. Один источник — это смена языковой нормы, экспансия им. падежа, о которой уже шла речь⁹. Но есть и другой источник — широкая возможность форсированных употреблений (ср. англ. термин *coerced meaning* в Nunberg, Zaenen 1992; Pustejovsky 1991 и др.) генитивной конструкции, т. е. употреблений, требующих мощного контекста, в котором происходит перестройка словарного толкования глагола.

Форсированное употребление ГК допускают глаголы, нормально не имеющие хорошего отрицания. Так, требуется специальный контекст, чтобы стали уместны отрицания предложений из (67а), со схемой толкования ‘Х начал существовать; определенным образом’:

- (67) а. *Разразился* скандал; *Грянул* выстрел; *Воцарилась* тишина; *Открылась* гангрена;
 б. *Скандала *не разразилось*, *Выстрела *не грянуло*; *Тишины *не воцарилось*;
 *Гангрены *не открылось*.

Генитивная конструкция невозможна, но и им. падеж не спасает положения. В семантической структуре предложений из (67а) компонент ‘Х существует’ находится в сфере действия модификатора, который осмыслен только в предположении, что Х существует, см. раздел 5.4 и Падучева 1996: 244. Например, *воцарилась тишина* означает нечто вроде ‘тишина наступила; она носит всеобъемлющий характер’.

Похожий класс составляют глаголы, смысл которых включает — помимо компонентов ‘Х находится в Месте’ и ‘наблюдатель это видит’ — модификатор ‘Х является таким-то /находится в таком-то состоянии’:

- (68) а. Передо мной *простиралась* бескрайняя равнина;
 б. Вместо зуба *зияла* дыра [= ‘была зияющая дыра’];
 в. *Развеваются* флаги;
 г. На его груди *блистали* звезды.

Этот модификатор служит помехой для отрицания при любом падеже субъекта:

- (69) а. *Флаги *не развеваются*; б. *Звезды *не блистали*.

Отрицание глагола с модифицирующим компонентом, а следовательно и генитивная конструкция, становится возможным, если модификатор попадает, вместе со всей ситуацией Р, в сферу действия модальности ожидания (это явление описано в Богуславский 1985: 32). Имеется в виду ожидание того, что если ситуация Р будет иметь место, то в данной модификации. Ожидание соединяет генитивный компонент с модификатором в единую пропозицию, способную отрицаться (см. раздел 5.4):

- (70) а. Ожидаемого скандала *не разразилось*;
 б. Звезд на его груди уже *не блистало*.

⁹ Процесс угасания ГК идет во всех славянских языках, хотя и с разной скоростью. Об употреблении генитивной конструкции в языке Пушкина см. Падучева 2001.

Форсированное здесь отрицание: это оно требует мощного контекста. Когда такой контекст создан, препятствий для употребления ГК уже нет.

Другой пример форсированного употребления ГК. Глаголы *стоять*, *висеть*, *сидеть* при целеполагающем субъекте обозначают деятельность, и ГК невозможна. Однако они могут переосмысляться и, в контексте множественного субъекта, обозначать привычное для наблюдателя устойчивое положение Вещи. Это дает им возможность окказионально употребляться в составе ГК:

(71) У школы *не стояло* детей (ср. *У реки не стояло домов*).

(72) На заборах *не висело* мальчишек (ср. *На стенах не висело ковров*).

К тому же представить ситуацию как устойчивое состояние, длившееся на продолжительном интервале, предшествующем настоящему моменту, значит создать контекст ожидания этой ситуации, оправдывающий отрицание: *На заборах не висело мальчишек* (вопреки обыкновению).

Есть большая группа глаголов, обозначающих движение, — *бегать*, *блуждать*, *крутиться*, *кружиться*, *лезть*, *мчаться*, *плавать*, *ползать*, *проскальзывать*, *проскакивать*, *прыгать* и др.; они легко допускают контекстное примысливание наблюдателя, что приравнивает их к генитивным глаголам перцептивной группы. Так, в примере (73) употребление ГК форсированное:

(73) Между бревнами и по косякам окон *не скиталось* резвых прусаков, *не скрывалось* задумчивых тараканов. (И. С. Тургенев. Хорь и Калиныч)

Генитивный компонент не входит в толкование глагола *скитаться*, хотя и может быть выведен из него в качестве следствия: *скитаться* для определенного вида объектов равносильно 'находиться'. В контексте присутствующего наблюдателя это следствие оказывается главным коммуникативно важным компонентом.

Допустимость генитивной конструкции в таких контекстах оценивается говорящими по-разному. Так, предложения (74), (75), где происходит семантическое выветривание глагола под действием локатива (который семантически не что иное, как типовое имя места действия, обозначаемого данным глаголом), более удовлетворительны, чем (76), (77):

(74) Таких у нас на предприятии *не работает*.

(75) Таких людей у нас в санатории еще *не отдыхало*.

(76) Свечи на столе *не горело*.

(77) *Не прыгало* лягушек на обочине.

Характерный пример форсированного употребления генитивной конструкции — клишированная шутка *Вас здесь не стояло (не сидело)*. Генитив переводит деятельность целеполагающего субъекта — *стоять (сидеть)* — в (потенциально наблюдаемое) местонахождение; на первый план выходит наблюдатель, а субъект предстает как неодушевленный предмет — что и придает высказыванию его уничижительный смысл.

Семантический компонент, лицензирующий ГК, может породиться не за счет «насилия» над значением глагола, как в примерах (73)—(77), а за счет особой референциальной семантики субъекта. В Апресян 1985 отмечено, что частица *ни*, как сама

по себе, так и в сочетаниях — *ни один, никакой, ни единственный, ни малейший* и под., — может обуславливать употребление генитивной конструкции за пределами класса генитивных глаголов. В самом деле, при наличии *ни один* ГК употребляется в контексте глаголов разрушения, нанесения ущерба и прекращения существования:

(78) не разрушено *⟨ни одного дома⟩*; не разбито *⟨ни одной тарелки⟩*.

Дело осложняется тем, что *ни* в составе разных местоимений дает разные наборы таких квазигенитивных глаголов. Коротко остановимся на *никакой* и *ничто*.

Кванторное прилагательное *никакой*, войдя в состав референтной именной группы, может отменить презумпцию существования, связанную с этой группой, и выражать «глобальное» отрицание, когда говорящий не только отвергает рему предложения, но и подвергает сомнению существование его темы. Отсюда возможность ГК за пределами генитивного класса, см. примеры (5), (6) из пункта 1. Выражая речевой акт эмфатического несогласия с собеседником, *никакой* и в номинативе способно отменить презумпцию существования, см. диалог:

(79) — Произойдет катастрофа! — *Никакая катастрофа* не произойдет.

Если воздействие, оказываемое на падеж субъекта словом *никакой*, предсказывается из его лексической семантики, то поведение *ничего* семантически необъяснимо — *ничего* может быть субъектом при таких глаголах, как, например, *кончиться, измениться, перемениться, выясниться, болеть, интересоваться, чудиться; конечно, забыто, спрятано, начато* и др. (отнюдь не генитивных):

(80) а. *Ничего* не кончилось; б. *Войны не кончилось.

(81) а. *Ничего* не болит; б. *Головы не болит.

Ничего может нарушать даже непреложный для всех остальных слов закон о несовместимости ГК с переходностью, пример из Guiraud-Weber 1984:

(82) Его *ничего* не интересуется.

Экспансия *ничего* в семантически не предусмотренную область может быть объяснена на уровне морфологии. Поскольку слово *ничего* употребляется только в отрицательном контексте, у него в значении вин. падежа почти всегда выступает родительный (*Я ничего не вижу*), и это положение закрепилось в парадигме. С другой стороны, для русского языка на протяжении всей его истории актуально правило о том, что у слов среднего рода им. падеж совпадает с винительным. В результате *ничего* приобрело, особенно в разговорном языке, функцию не только вин., но и им. падежа — что и объясняет примеры (80)—(82)¹⁰.

Итак, мы можем заключить, что генитивная конструкция имеет четкий семантический инвариант. Лексические границы генитивной конструкции отрицания в своей основе задаются классом генитивных глаголов, лексическое значение которых либо не включает презумпции существования своего субъекта, либо маркирует присутствие в ситуации наблюдателя. Что касается предложений с квазигенитивным

¹⁰ Это решение предложил А. А. Зализняк.

глаголом, типа локативного *быть*, то они допускают ГК с перцептивной семантикой, которая не наследуется от глагола, а порождается самой генитивной конструкцией, см. раздел 6.1.2.

Наш анализ позволяет, в конечном счете, дать мотивировку всем компонентам генитивной конструкции: и безличность, и род. падеж ущемляют в правах синтаксический субъект, который либо нереферентен, либо оттирается на задний план вторгшимся в ситуацию наблюдателем. Трактовка, предложенная для глаголов в пассиве (см. пример (14) в пункте 3), позволяет надеяться на возможность переноса семантических формулировок с субъектного генитива на объектный, ср. Timberlake 1975.

Принадлежность к генитивному классу можно вывести из семантических свойств глагола, которые должны быть фиксированы в его словарном описании независимо от проблемы ГК. В русском языке, где генитивная конструкция в ряде контекстов грамматически обязательна, наличие генитивного компонента в толковании слова (или, в случае форсированного употребления, совместимость с этим компонентом) должно быть отмечено, если мы хотим достичь интерактивности словаря и грамматики. Но и для других языков «генитивный» класс глаголов не может не быть семантически релевантным (ср., например, данные о венгерском языке в Kiss 1995).

Приложение

Генитивные глаголы

В нижеследующих списках глаголы приводятся в форме наст. или прош. времени 3-го лица (или среднего рода) ед. числа. Глаголы, составляющие видовую пару, фигурируют как отдельные единицы; так, *останавливаться* — генитивный глагол, а *остановиться* — нет, ср. *Иностранных туристов у нас в гостинице еще не останавливалось* и **Иностранных туристов не остановилось*; генитивный глагол *улавливаться* (*Различия не улавливается*) не имеет парного СВ. Если глагол допускает генитивный субъект только в пассиве, он и приводится в пассивной форме — сов. и несев. вида. Возвратные глаголы трактуются как словарные единицы, отдельные от мотивирующих невозвратных. Несев. вид дается только для тех возвратных глаголов, которые не имеют, помимо возвратного, также и пассивного употребления; например, для *припомнилось*, *образовалось* парный несев. вид приводится, а для *обнаружилось* — нет, поскольку есть видовая пара *обнаружено* — *обнаруживается*.

Квазигенитивные глаголы, такие как *быть*, *висеть*, *лежать*, перечислены в одном ряду с собственно генитивными.

Список делится на две части. В первую входят слова, для которых возможность вхождения в ГК подтверждена примерами реального употребления в текстах (парный глагол противоположного вида мог быть добавлен, не будучи документирован). Во второй части глаголы с соответствующей семантикой были подобраны по словарю, а допустимость ГК проверялась на информантах.

1

не белеет <ли парусов на горизонте>; *не блистает* <теперь бриллиантов в ее прическе>; *не бывает* <здесь песчаных бурь>; *не было, нет* <такой возможности>; *не введено /вводится* <ограничений на вывоз валюты>; *не ведется* <наблюдений; строительных работ>; *не взято* <обязательств>; *не виднеется* <ли вдали

жилья); не видно (деревни); не внесено /вносится (ценных предложений); не водится (уток в этом пруду; за ним этого греха); не возбуждается /возбуждено (дела); не возникло /возникает (особых проблем); не всплыло (трупов убитых бойцов); не всыхивает (ни искорки); не встретилось (На кладбище не встретилось глазам никого, Серг.-Цен.); не выдалось (ни одного теплого дня); не выделено /выделяется (средств на оборудование); не выкопано (сточных канав); не вынесено (постановления); не вытало (осадка; счастливого жребия); не выписано /выписывается (даже газет); не выпущено /выпускается (книг по лингвистике); не выработалось /вырабатывается (привычки); не выражалось (тревоги); не высказывалось (таких мнений); не выступило /выступает (ни капли крови из сосуда); не вышло (бы ошибки); не выявилось (способностей); не выяснилось /выясняется (подробностей); не дано /дается (названия); не держится (Слуг в доме не держалось); не доносится (звуков); не допущено (грубых промахов) /не допускается (ни малейших отступлений); не досталось /достается (билетов); не достигнуто (договоренности) /не достигается (нужного эффекта); не дошло /доходит (сведений); не живет (знаменитых людей); не заведено /заводится (дела); не завелось (друзей; мышей; денег); не задано /задается (лишних вопросов); не затевается (ли новых развлечений); не заметно (сдвигов); не замечается /замечено (Вани среди присутствующих); не запечатлелось (подробностей); не запланировано /планируется (палисадника); не зарегистрировано /регистрировалось (вспышек); не звучит (пышных речей); не значится (его в списке; этих расходов в смете); не идет (дороги по берегу; О колокольне речи не шло); не издается (книг); не имеется (возражений); не исходит (запаха); не кроется (ли подвоха); не куплено /покупается (еще муки на зиму); не лежит (газет на журнальном столике); не мелькнуло (ни искры интереса) /мелькает; не наблюдается (оживления в экономике); не набралось /набирается (тридцати человек); не набрано (команды); не названо /называется (имен); не найдено (желающих); не накоплено /накапливается (материалов); не наложено /накладывается (запрета); не наладилось /налаживается (дружбы); не намечено /намечается (поездки); не написано /пишется (еще таких романов); не наступило (поворота); не начато /начинается (строительства); не нашлось /находится (Думаешь, на тебя управы не найдется?); не нужно (его согласия); не обеспечивается (точности); не обнаружено /обнаруживается (отклонений); не обнаружилось (Вани); не обозначилось (тенденции); не образовалось (корки) /образуется (форм пассива); не обращено /обращается (достаточного внимания); не объявилось /объявляется (добровольцев); не ожидается (зарплаты; Вани); не оказалось (препятствий); не оказано /оказывается (должного уважения); не опубликовано /публикуется (сводок); не осталось /остается (сомнений; следов); не открыто /открывается (детских учреждений); не открылось /открывается (Ни просек ни полян не открывалось за стволами, Трифонов); не отметилось (момента в памяти) /отмечается (отклонений); не отпечаталось /отпечатывается (следов); не ощущается (враждебности); не передалось (ему отцовских склонностей); не перепало (нам любви ни на грош); не повторится (такого безобразия); не подвернулось /подворачивается (возможности); не подведено /подводится (итогов); не поддерживается (связей с внешним миром); не подня-

то /поднимается <вопроса>; не поймано <новых бабочек>; не показалось /показывалось <изображений на экране>; не полагается <обуви>; не положено <тебе халата>; не получилось /получается <разговора>; не получено <сведений>; не понадобится <белья>; не попало <арбузов в магазин>; не попало /попадает <нужного примера>; не последовало <ответа>; не поставлено /ставится <вопроса>; не построено /строится <гаража>; не поступило /поступает <сведений>; не потрачено /тратится <денег>; не появилось /появляется <новых лиц>; не предвидится <улучшений; конца>; не предоставлено /предоставляется <общежития>; не предполагается <затрат>; не предпринято /предпринимается <попытки>; не представлено <доказательств>; не представилось /представляется <случая>; не предстоит <подлинного выбора>; не предусмотрено /предусматривается <ограничений на подписку>; не прибавилось /прибавляется <ума>; не прибыло <обещанных платформ>; не приведено /приводится <данных>; не привязывалось <ко мне никогда такой хвори>; не придается <значения>; не приложено /прикладывается <усилий>; не применяется <удобрений>; не принято /принимается <решений; мер>; не принято <у нас таких чаепитий>; не приснилось /снится <такого успеха и Элвису Пресли>; не пришло <мне в голову такой мысли> /приходит; не пришло /приходит (Не приходит на нашу станцию таких поездов); не пробивается (Ни одной травинки вокруг него не пробивалось); не пробито /пробивается <туннеля>; не проведено /проводится <электричества; мероприятий>; не проектируется <новых самолетов>; не производится <таких деталей> /произведено <подсчетов; вскрытия>; не происходит /произошло <существенных изменений>; не пролилось <ни капли крови>; не пролито /проливается <слез>; не проложено /прокладывается <новых дорог>; не проникло /проникает <света>; не прошло <дня> /проходит <там дороги>; не прячется <ли за печкой тараканов>; не растет <травы>; не родилось /рождается <таких смельчаков>; не рождено <еще на свет такого гения>; не сдано /сдается <в эксплуатацию новых печей>; не сделано /делается <поправки на возраст>; не сидит <галок на заборах>; не сказано /говорится <нужных слов>; не сквозит <тревоги>; не скитается (Между бревнами и по косякам окон не скиталось резвых прусаков); не скрывается (Между бревнами <...> не скрывалось задумчивых тараканов); не случилось /случалось <неприятностей>; не слышится /послышалось <привычного шума>; не слышно <победных труб>; не собрано /собирается <сплетен>; не соблюдено /соблюдается <таможенных формальностей>; не содержится <прямого приглашения>; не создано /создается <условий>; не состоит <больных спидом на учете>; не сохранилось /сохраняется <следов; дома>; не спрашивается <желания>; не стоит <подписи на документе; у дороги таких домов>; не существует <безвыходных положений>; не сформировалось /формируется <рефлекса>; не шито /шьется <мешков>; не таится <в нем ничего привлекательного>; не требуется <точности>; не уделено /уделяется <внимания>; не улавливается <энтузиазма в голосе>; не упало <ни одного волоса с ее головы>; не упоминается <имен>; не усматривается <даже трещинки>; не установилось <дружбы> /устанавливается <ограничений>; не уцелело <свидетелей>; не фиксируется /зафиксировано <колебаний>; не числится <его по спискам; за ним грехов>; не чувствуется /почувствовалось <перемен>; неизвестно <простых решений>.

2

[?]не бегаёт ⟨по двору мальчишек⟩; [?]не бежит ⟨в траве ручейков⟩; [?]не блестяло ⟨В овраге не блестяло теперь битого стекла⟩; не блуждает ⟨ли по земле других таких несчастных⟩; не бродит ⟨котов по помойкам⟩; не брошено ⟨вызова⟩; не вернулось /возвращается ⟨обратно никаких писем⟩; [?]не ведёт ⟨Хорошей дороги на ферму не вело⟩; не взойшло ⟨нового светила⟩; не висит ⟨картин на стенах; игрушек на елке⟩; не воздвигается /воздвигнуто ⟨памятника⟩; не вошло /входит ⟨Не входило еще в наш порт таких кораблей⟩; не вселилось /вселяется ⟨новых жильцов⟩; [?]не встало ⟨новых зданий⟩ /стоит ⟨на столе кувшина с цветами⟩; [?]не вывелось /выводится ⟨больше утят⟩; не выглянуло ⟨из тумана новых вершин⟩; не выезжало ⟨ли из подворотни иностранной машины?⟩; не выходило ⟨ли подозрительных людей⟩; не вылезало ⟨из норки полевых мышей⟩; не вылилось ⟨ни капли из бутылки⟩; [?]не вынырнуло ⟨из мглы белух зданий⟩; не выросло ⟨даже лебеды⟩; не вырвалось ⟨вздоха⟩; не выскочило ⟨на экране нужной цифры⟩; не высовывается ⟨ли из ящика листа бумаги⟩; не вытекает ⟨такого следствия⟩; не вытекло /вытекает ⟨ничего из крана⟩; не выходит ⟨отсюда никаких путей⟩; не вьется ⟨флагов над судами⟩; не въезжало ⟨машин через эти ворота; давно новых жильцов⟩; [?]не горит ⟨Все было по высшему разряду, разве что свечей не горело⟩; [?]не грохотало ⟨телег по мостовой; водопада⟩; не гремело ⟨по этому поводу победных маршей⟩; не ездило ⟨машин по улицам⟩; не желтело ⟨на ветках яблок⟩; [?]не жужжит ⟨пчел над лугом⟩; не забежало /забегает ⟨Не забежало ли собак на участок?⟩; [?]не завивается ⟨больше белокурого локона над бровями⟩; не загорелось /загорается ⟨почему-то звезд на небе⟩; [?]не залезло /залезает ⟨теперь мальчишек в огород⟩; не застряло /застревает ⟨ли в щели горошины⟩; не звенело ⟨теперь музыки по ночам⟩; не зеленело ⟨бутылок на столе⟩; не зимует ⟨теперь у нас птиц⟩; не капнуло /капает ⟨ли сюда чего-нибудь⟩; не краснело ⟨на ветке яблок⟩; не кружилось ⟨хлопьев снега⟩; не крутилось ⟨в голове ни одной полезной мысли⟩; не легло ⟨на стол белоснежной скатерти⟩; [?]не лезло ⟨пены из пивной кружки⟩; не летало ⟨по крайней мере самолетов над головой⟩; не мерцало ⟨огоньков в тумане⟩; не мокло ⟨привычного белья на веревке⟩; [?]не мчалось ⟨машин по улицам⟩; не нависло /нависает ⟨угрозы⟩; не назрело /назревает ⟨пока новых противоречий⟩; не настало ⟨потепления⟩; не неслось ⟨бешеных воплей из лаборатории⟩; не ночевало ⟨таких людей⟩; не обрушилось ⟨бы еще более страшных бед⟩ /обрушивается; [?]не опустилось /опускается ⟨вертолетов⟩; не отделяется /отделилось ⟨слюны⟩; не отдыхает ⟨таких людей в нашем санатории⟩; не переводится ⟨детских сказок⟩; не плавает ⟨ли чего-нибудь подозрительного поблизости⟩; [?]не погружилось ⟨желанного троса⟩; не подходит ⟨к ферме хороших дорог⟩; не ползает ⟨змей по берегу⟩; не порхает ⟨бабочек по лугам⟩; не приехало /приезжает ⟨туристов на базу⟩; [?]не приземлилось /приземляется ⟨больше парашютистов⟩; [?]не присоединилось /присоединяется ⟨Хоть бы ко всем его несчастьям не присоединилось болезни!⟩; не пристало ⟨ли какой ниточки к его платью⟩ /пристает; не причалило /причаливает ⟨к нашему берегу корабля с алыми парусами⟩; не пробежало /пробегает ⟨собак; таких мыслей в голове⟩; [?]не провалилось /проваливается ⟨больше никого в нашу яму⟩; не проглянуло /проглядывает ⟨ли где голой земли⟩; не проживает ⟨здесь Ивановых⟩; не прорвалось /прорывается ⟨солнечного луча⟩; не прорезалось ⟨еще зубов⟩; не прорисовывается ⟨знакомых контуров⟩; не просвечивает ⟨ли голого тела⟩; не проскользнуло /про-

скальзывает (ни тени иронии); не проскочило /проскакивает (даже намека); не произошло (желания); [?]не простиралось (уже широких равнин за окном); не проступило /проступает (знакомых очертаний); не протекает (ли там какой-нибудь реки); не проявилось (особых талантов); не прыгало (больше лягушек по обочине); не пылает (костров; прежнего румянца на щеках); не разбито /разбивается (лагеря); не развеивается (флага); не развелось /разводится (мух); не развилось (дурных наклонностей); не раздалось (призывного клича); [?]не распустилось (новых цветков); [?]не разразилось (бы скандала); [?]не расходится (ли кругов по воде); [?]не расцвело (цветов на лугу); не реализовано /реализуется (ни одной возможности); не реализовалось; [?]не ревело (коров на лугу); [?]не резвится (детей на лужайке); [?]не решено /решается (проблем); [?]не сбегает (школьников с лестницы); [?]не свалилось (бы кирпича на голову); [?]не сверкает (звезд); не светится (больше надежды в ее глазах); не сидит (рыбаков на льду); не сияет (на небе звезд); не скакало (лягушек по обочине); не скользит (лодок по воде); не скопилось (ли толпы на площадке) /скапливается; не следует (из ваших слов такого вывода); не служит (такого в нашем полку); [?]не созрело (еще слив); не сошло (на него благодати); [?]не сохнет (белья на веревке); [?]не сыпется (больше муки из мешка); не течет (реки под горой); не толпится (студентов у ворот); не торчит (ли у него ручки из кармана); не хранится (документов); не ходит (по улицам шумных компаний).

6.1.2. ГЕНИТИВ ОТРИЦАНИЯ И ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ*

1. Наблюдатель в генитивной конструкции с глаголом *быть*

Родительному субъекта в отрицательном предложении посвящена большая литература, и к началу 80-х годов считалось, что генитивом выражается субъект бытийного предложения (см. Арутюнова 1976: 212, 225; Babby 1980 и др.). Книга Леонарда Бэбби называлась *Existential Sentences and Negation in Russian* 'Бытийное предложение и отрицание в русском языке'. Бытийные предложения — это такие, в которых существование утверждается или является следствием (они противопоставлены обычным, у которых существование объекта, обозначенного подлежащим, составляет, при нормальном для них порядке слов, пресуппозицию, см. раздел 4.5):

- (1) а. В этом лесу водятся волки — В этом лесу волков не водится;
- б. У нас возникли сомнения — Сомнений у нас не возникло.

Но генитивный субъект возможен и при глаголах совсем не бытийных — прежде всего, при глаголе *быть* в локативном значении, как в примере (2). И это *быть* долгое время представлялось двойным исключением из семантически мотивированных правил выбора падежа субъекта при отрицании:

- (2) а. Коли не было в Москве↘;
- б. Коли не↘ было в Лондоне.

* Переработанный текст статьи, опубликованной в: Известия РАН. Серия литературы и языка, 2006, № 4, 3—10.

Во-первых, в значении локативного *быть* нельзя усмотреть смыслового компонента ‘X существует’ (в отрицаемом статусе, ассертивном или имплицативном), который обязателен для бытийного глагола как глагола утверждения существования; прямо наоборот, локализация объекта связана с ПРЕЗУМПЦИЕЙ его существования, которая сохраняется при отрицании:

- (3) а. Геологическая партия *была* на базе $\supset$ ‘Геологическая партия существует’;
 б. Геологической партии *не было* на базе $\supset$ ‘Геологическая партия существует’.

Во-вторых, генитивная конструкция — с глаголами бытийной группы — предполагает нереферентный субъект, см. Арутюнова 1976; а у локативного *быть* субъект может быть конкретно-референтным, как *Коля* в примере (2).

В Падучева 1992 было обращено внимание на то, что генитивный субъект бывает не только в бытийных предложениях, т. е. в предложениях с бытийным глаголом, но и в предложениях с глаголами восприятия, такими как *наблюдаться, ощущаться, слышатся, чувствоваться, доноситься, найтись, обнаружиться, ожидать, отмечаться, регистрироваться, слышаться, сниться, фиксироваться, оказаться, выискаться, прощупываться, нащупываться* и др. (к ним примыкают краткие прилагательные — *виден, слышен*). Эти глаголы генитивные, т. е. в принципе могут давать генитивную конструкцию; но в своем исходном значении они относятся не к экзистенциальным, а к перцептивным: в их актантную структуру входит участник, который наследуется от невозвратных *чувствовать, ощущать, наблюдать* с Экспериментом-подлежащим. Генитивные глаголы появления, типа *найтись, появиться*, тоже в своем исходном значении скорее перцептивные, чем экзистенциальные.

Другое дело, что под отрицанием у этих глаголов может возникать вторичное значение отсутствия или несуществования — в силу продуктивного семантического перехода от невосприятия к отсутствию, а возможно даже к несуществованию. Так что генитив несет импликацию несуществования:

- (4) а. *Наблюдается* приток иностранного капитала;
 б. *Не наблюдается* притока иностранного капитала $\supset$ ‘его нет’.

Однако в предложениях с семантикой восприятия генитивная конструкция может иметь референтный субъект и выражать не несуществование, а НАБЛЮДАЕМОЕ ОТСУТСТВИЕ в Месте:

- (5) Секретаря на месте *не оказалось* $\supset$ ‘секретаря не было’.
 (6) Маши в зале *не видно* $\supset$ ‘Маши в зале нет’.

А тогда можно предположить, что в контексте локативного *быть* генитивная конструкция отрицания тоже выражает наблюдаемое отсутствие: генитив означает, что в ситуации отсутствия находится наблюдатель. В самом деле, предложение (2б) понимается почти как ‘Коли не было видно в Лондоне’: либо говорящий сам находился в Лондоне, либо знает от того, кто там находится или был. Недаром (2б) кажется носителю русского языка (которому нормально не находиться в Лондоне) менее естественным, чем (2а), которое предполагает наблюдателя в Москве: (2б) требует специального контекста. Отдельно отметим неслучайное (см. Падучева 2004: 431) различие в просодии между (2а) и (2б).

Разница в том, что в (5), (6) перцептивное значение выражено в глаголе и дублируется конструкцией, а в (2) выражено только конструкцией.

Генитивная конструкция приравнивает наблюдаемое отсутствие к несуществованию. Можно постулировать следующие семантические переходы:

- (I) вижу $\supset$ есть (здесь) [законное заключение];
- (II) не вижу $\supset$ нет (здесь) $\supset$ нет вообще [семантическая деривация].

Как уже говорилось (см. раздел 6.1.1), регулярная многозначность существования /восприятие свойственна не только семантике генитивной конструкции. Она же характеризует и лексическую семантику многих слов русского языка; например:

- (7) *появиться* = 1) начать быть видимым;
2) начать быть в Месте;
3) начать существовать.
- (8) *исчезнуть* = 1) перестать быть видимым;
2) перестать быть в Месте;
3) перестать существовать.

Эти семантические переходы были выявлены в ходе работы над системой «Лексикограф», см. Кустова 2004: 337ff; Падучева 2004: 150ff.

Итак, в семантике конструкции с генитивным субъектом локативного *быть* обнаруживается наблюдатель: Субъект восприятия, занимающий определенное место в пространстве ситуации.

Наблюдатель может быть не Субъектом восприятия, а Субъектом сознания, который мыслит себя в определенном месте (*Как жаль, что меня не было с вами*). Между Субъектом восприятия и Субъектом сознания нет четких границ; так, *обнаружиться* может и пропавший носок, и незаурядная эрудиция Берлиоза.

Семантика генитивной конструкции как целого, т. е. падеж субъекта и семантика глагола, позволяет идентифицировать концепт «наблюдаемое отсутствие»: это определенная семантическая конфигурация, повторяющаяся в значении как слов, так и грамматических категорий, которую русский язык последовательно кодирует в семантике отрицательного предложения генитивом. Судя по тому, с какой последовательностью русский язык держится за генитив, «наблюдаемое отсутствие» является одним из концептов, значимых для русской картины мира.

Концепт «наблюдаемое отсутствие» позволяет выявить общность в семантике генитива и связанных с ним глаголов. Есть пространство (это может быть пространство восприятия, сознания и просто личная сфера субъекта или говорящего), соперничающее с миром — в том смысле, что генитив может обозначать как несуществование в мире, так и отсутствие в этом пространстве.

2. В поисках ненаблюдаемого отсутствия

В каком-то смысле понятие «наблюдаемое отсутствие» является тавтологией. В самом деле, отсутствия нет в природе: в мире нет отрицательных ситуаций (см. Russell 1940); отсутствие кто-то должен засвидетельствовать, ср. парадокс, на который указала в свое время Анна Вежбицкая: *Я вижу, Джона здесь нет*.

Так что вопрос «А бывает ли ненаблюдаемое отсутствие?» более чем уместен. Наличие перцептивного компонента (и соответствующего ему наблюдателя) в семантике отрицаемого локативного *быть* можно считать несомненным фактом. Труднее оказалось найти контекст, где бы наблюдаемое и ненаблюдаемое отсутствие были противопоставлены. В Падучева 2005 приведен такой пример:

(9) (Петя встречает маму своего одноклассника Вани.)

Петя: Почему *Вани* не было в школе?

Мама: *Ваня* не был в школе, потому что мы ходили к врачу.

В реплике Пети генитив: Петя был в школе и засвидетельствовал Ванино отсутствие; а Ванина мама, которая не была свидетелем отсутствия, употребляет номинативную конструкцию.

Тут можно возразить, что в реплике мамы *быть* имеет другое значение — не статическое ‘быть’, а динамическое: ‘побывать’. В статье Падучева 1992 утверждалось, что есть две лексемы, соответствующие локативному *быть*, — лексема *быть* 1, **стативная**, и лексема *быть* 2, **динамическая**, точнее — событийная. Можно сказать, что в реплике мамы употреблена лексема *быть* 2, т. е. *быть* значит, приблизительно, ‘побывать’, а во фразе Пети, с лексемой *быть* 1 и генитивной конструкцией отрицания, есть подразумеваемый наблюдатель.

Но почему, собственно, не может быть так, что значение *быть* стативное, а наблюдатель не находится в месте отсутствия? Совместимо ли вообще стативное *быть* с субъектом в номинативе? Т. е. возможно ли чистое противопоставление наблюдаемого отсутствия (которое выражается генитивом) и ненаблюдаемого, при котором субъект в номинативе?

Пример стативного *быть* с номинативным субъектом был впервые предложен В. Б. Борщевым — в ходе семинара по генитиву отрицания под руководством Барбары Парти и в продолжение исследований, отраженных, в частности, в Борщев, Парти 2002:

(10) *Я* не был в зале, когда выключили свет.

Этот пример показывает, что у *быть* в стативном значении таки может быть номинативный субъект.

Предложение (10) с номинативом субъекта абсолютно нормально, в том числе и для старшего поколения; более того, генитив звучал бы тут неуместно. В самом деле, говорящему, который и есть главный наблюдатель, в общем, незачем мыслить себя в зале, где его нет. Так что в (10) нет того семантического фактора, который отвечает за генитив, — нет наблюдателя «ситуации отсутствия». Остается только понять, в каких контекстах отрицание *быть* стативного не требует генитивной конструкции.

В аспектологии используется, не всегда в точности в одном и том же смысле, термин момент наблюдения, Гловинская 1982: 126. В Падучева 1986 момент наблюдения был сопоставлен с точкой отсчета по Рейхенбаху и представлен как временная позиция наблюдателя — в смысле Апресян 1986. В совершенном виде наблюдатель всегда ретроспективный, а в несовершенном наблюдатель синхронный при актуально-

длительном значении и РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ при общефактическом в прошедшем времени (в будущем — проспективный).

В предложении (11), где нет обстоятельства времени, синхронный момент наблюдения устанавливается дейктически — как настоящее время наблюдателя, который находится в Месте. И именно это, т. е. присутствие наблюдателя, объясняет генитивную конструкцию с перцептивным (иначе — эвиденциальным) значением:

(11) *Отца* не было на море [генитив, лексема *быть* 1, актуально-длительное значение].

Между тем в предложении (12) момент наблюдения фиксируется обстоятельством времени — включенным, см. о противопоставлении включенных и объемлющих временных показателей в Падучева 1996: 168. Включенное обстоятельство времени а) однозначно фиксирует синхронного наблюдателя; б) требует контекста ситуации, которая была бы протяженной и гомогенной, т. е. статической. Это и создает базу для актуально-длительного значения, предполагающего синхронную позицию наблюдателя. Но мотивировки для генитивной конструкции, т. е. наблюдателя в ситуации отсутствия, в этом случае нет:

(12) *Отец* не был на море, *когда там началась гроза*.

В самом деле, ОБЪЕМЛЮЩЕЕ обстоятельство времени совместимо с любой позицией наблюдателя (об объемлющих и синхронных наблюдателях в семантике объемлющих и включенных локализаторов времени см. Падучева 1996: 167—191):

- (13) а. Я сегодня гулял (ретроспективная позиция наблюдателя);
 б. Я сегодня буду гулять (проспективная позиция наблюдателя);
 в. В прошлом месяце я болел (синхронная позиция наблюдателя).

Так что существенно, что в примере (12) включенный временной показатель: он обеспечивает синхронного наблюдателя, актуально-длительное значение и то, что перед нами лексема *быть* 1.

Интересен пример (14) — в нем вводное *следовательно* показывает, что говорящий делает высказывание об отсутствии НЕ на основе личного свидетельства, т. е. НЕ на основе своего пребывания в месте; отсюда законный номинатив:

- (14) Мы имеем письмо Лермонтова из Пятигорска от 18 июля, следовательно, *он в это время не был в отряде*. [П. А. Висковатый (Висковатов). Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова (1842)]

З а м е ч а н и е. В Падучева 1992 в рамках трансформационного подхода к генитиву отрицания предполагалось, что семантика стативного *быть* сама по себе предполагает наблюдателя, так что стативное *быть* — генитивный глагол. На самом деле стативное *быть* не является квазигенитивным глаголом. Оно всего лишь допускает употребление в генитивной конструкции отрицания — которая и выражает присутствие наблюдателя. Чтобы обосновать эту точку зрения, надо было показать, что стативное *быть* может употребляться не только в генитивной, но и в номинативной конструкции, — оставаясь при этом в актуально-длительном значении. Сказанное верно и для глаголов положения в пространстве (*лежать* и др.): это квазигенитивные глаголы; они не предполагают наблюдателя в неотрицательном контексте и всего лишь допускают употребление в генитивной конструкции отрицания.

Итак, в примерах (10), (12), (14) статическое *быть* имеет номинативный субъект, и номинатив выражает тот факт, что наблюдатель не находится в Месте. Однако пример (12) хрупкий. Стоит чуть изменить его, и он разрушится. Так, в контексте (10') более уместен генитив субъекта. В самом деле, зал, в отличие от дома, не является для говорящего естественным местопребыванием; между тем человек может мыслить себя в своем доме даже тогда, когда его там нет:

(10') *Меня* не было *дома*, когда выключили свет.

И тот факт, что в (10) субъект в 1-м лице, тоже играет принципиальную роль — предложение (15а) большинство информантов старшего поколения признает неправильным, поскольку заведомо предпочтительно (15б), с генитивным субъектом:

(15) а. ?*Коля* не был в зале, когда выключили свет;

б. *Колы* не было в зале, когда выключили свет.

Так в чем же дело, почему столько условий должно совместиться, чтобы статическое *быть* можно было употребить без генитива, который выражает присутствие наблюдателя?

Возьмем отрицательное предложение с локативным *быть*:

(16) *Колы* не было в Москве, и я томился от скуки).

В нем две дейктических категории: 1) падеж (генитив) требует наблюдателя отсутствия; 2) несовершенный вид глагола *быть* в актуально-длительном (синхронном) значении требует наблюдателя синхронности.

В самом деле, синхронную перспективу (которая является общепризнанной для актуально-длительного значения несов. вида) можно представить как синхронную позицию наблюдателя — синхронная точка зрения предполагает какого-то носителя этой точки зрения (см. Падучева 1986). Но тогда получается, что семантика предложения с отрицаемым стативным *быть* предполагает двух наблюдателей. Один наблюдатель, Субъект восприятия, отвечает за генитив (в тех локативных отрицательных предложениях, которые подобны перцептивным); это полноценный наблюдатель, занимающий определенное место в пространстве ситуации. Но есть еще другой наблюдатель, который отвечает за синхронное значение вида. Очевидно, пример (10) такой редкий именно потому, что в нем есть наблюдатель, требуемый семантикой вида, но он не является, однако, наблюдателем ситуации отсутствия: в противном случае субъект был бы в генитиве. Иными словами, наблюдатель, который требуется семантикой вида, **не** должен находиться в ситуации отсутствия — иначе был бы генитив. А тогда где же ему быть?

Остается заключить следующее. Примеры типа (10) столь редки потому, что предпочтительны такие концептуализации, при которых одно и то же лицо отвечает одновременно за все дейктические параметры предложения.

Можно сформулировать принцип единства дейктического центра — как критерий при выборе концепта ситуации: **нормально, чтобы субъектом временного и пространственного дейксиса было одно и то же лицо.**

Пример (10) замечателен тем, что он дает лингвистическое свидетельство различия двух наблюдателей: один — полноценный, занимающий место — вытекает

из семантики генитивной конструкции (пространственный дейксис); другой — который реализует метафору «момент наблюдения» — порождается семантикой синхронного (актуального) значения несов. вида (временной дейксис).

В принципе, вместо фразы (10) я могу сказать:

(10'') Меня не было в зале, когда выключили свет.

Я выражу при этом не в точности то значение, которое хотел, но близкое к нему и, во всяком случае, не вступающее с ним в противоречие. Такое часто бывает с грамматическими значениями, а также со значениями, которые принадлежат к доминантам модели мира данного языка, см. аналогичные соображения по поводу русской неопределенности в Падучева 1996а.

Однако бывают случаи, когда семантическая конфигурация «наблюдаемое отсутствие» говорящему отчетливо не нужна; и тогда он может отступить от принципа единства дейктического центра, лишив наблюдателя временного дейксиса пространственной локализации. Ср. пример (17):

- (17) а. На собрании в Москве 31 октября 1958 года, где обсуждалось исключение Б. Пастернака из Союза писателей за публикацию за границей романа «Доктор Живаго», *Е. Эткинд* не был. (Ефим Эткинд: переписка за четверть века, СПб., 2012: 262);
б. На собрании в Москве ⟨...⟩ *Е. Эткинда* не было.

Цитируемая фраза принадлежит комментатору. Сказать *На собрании в Москве* ⟨...⟩ *Эткинда не было* — означало бы для говорящего быть или мыслить себя на собрании или, на худой конец, иметь там доверенное лицо — что явно в намерение комментатора не входило.

Итак, если предложение требует дейктической пространственной локализации для каких-то упоминаемых в нем сущностей, то синхронный наблюдатель, который входит в семантику вида, в силу принципа единства дейктического центра, предпочитает находиться там же.

3. Время и место

Приведу еще два примера, подтверждающих положение о единстве дейктического центра как критерии нормальной концептуализации, т. е. о том, как связаны между собой время и место.

Пример 1. В (18) обстоятельство времени *когда-то* является благоприятным контекстом для ретроспективного (общефактического) понимания несов. вида; наблюдатель в настоящем. А в примере (19) (по мотивам Groenn 2004) есть обстоятельство места в тематической позиции; это локализует наблюдателя в том месте, где происходило действие. Но это значит **и в том же времени**; поэтому ретроспекция исключена. Наблюдатель в (19) синхронный, и значение несов. вида актуально-длительное — дальше может идти перечисление присутствовавших и прочие подробности события (что было бы неестественно для (18)):

(18) Я *когда-то* читал Ч «Бориса Годунова» [наблюдатель в настоящем].

(19) В этом доме Пушкин *когда-то* читал «Бориса Годунова» Ч [наблюдатель в прошлом].

Ретроспективный потенциал наречия *когда-то* (такой же ретроспективный потенциал у слова *раньше*, см. Падучева 1986) подавляется — в угоду принципу единства дейктического центра. Пример (19) тем самым подтверждает важность принципа единства дейктического центра с новой стороны: интерпретируя предложение, мы выбираем как наиболее естественную ту интерпретацию, которая дает единый дейктический центр.

Пример 2. В книге Дымарский 2001: 258 идет речь о том, что предметом специальной заботы Набокова в «Машеньке» является неопределенность временной локализации. Приводится следующий отрывок (курсива в набоковском тексте, конечно, нет):

- (20) В этой комнате, где в шестнадцать лет выздоравливал Ганин, и зародилось то счастье, тот женский образ, который, спустя месяц, он встретил наяву. В этом сотворении участвовало все, — и мягкие литографии на стенах, и щебет за окном, и коричневый лик Христа в киоте, и даже фонтанчик умывальника. Зарождавшийся образ стягивал, вбирал всю солнечную прелесть этой комнаты, и, конечно, без нее он никогда бы не вырос. В конце концов это было просто юношеское предчувствие, сладкие туманы, но Ганину *теперь* казалось, что никогда такого рода предчувствие не оправдывалось так совершенно. И целый день он переходил из садика в садик, из кафе в кафе, и его воспоминание непрерывно летело вперед, как апрельские облака по нежному *берлинскому* небу.

Именно указание на место позволяет читателю уловить сдвиг во времени: то, что *теперь* обозначает текущий момент вспоминающего, а не вспоминаемого, понимается из того, что небо над головой Ганина *берлинское*.

Этот пример подтверждает принцип единства дейктического центра: при интерпретации мы исходим из того, что все эгоцентрические элементы предложения ориентированы на один и тот же субъект: этот субъект должен находиться в определенное время в определенном месте — в примере из Набокова изменение места указывает на изменение времени.

Тезису о единстве дейктического центра не противоречит пример (21) (на базе Богуславский 1996: 246), где прош. время отсчитывается от момента речи, а референциальный момент для *накануне* — уже не от момента речи, а от времени события *улетела*:

- (21) Зина *улетела* в Лондон, хотя еще *накануне* врачи настаивали на операции.

Тут речевой режим, наблюдателем является говорящий; прош. время отсчитывается от наст. момента говорящего; а кроме того, событие в прошлом (*улетела*) фиксирует некую дополнительную точку отсчета; от нее затем отсчитывается *накануне*. Это не значит, что говорящий должен находиться одновременно в двух временных точках или перемещаться из одной в другую.

4. Наблюдатель в генитивной конструкции с глаголом *быть*

Существенное свойство наблюдателя, ответственного за перцептивный (он же — эвиденциальный, см. Экскурс 3) компонент в семантике генитивного субъекта, состоит в том, что он имеет локализацию в пространстве — он находится в Месте

(или, во всяком случае, имеет Место в своем поле зрения) или в своей личной сфере (понятие личная сфера говорящего — из Апресян 1986). Этим он отличается от наблюдателя, который входит в семантику вида и который не имеет определенной пространственной локализации.

В Апресян 1986 был предложен тест, который демонстрирует присутствие наблюдателя в лексической семантике глагола *показаться*. Этот наблюдатель проявляет себя в ограничениях на замену 3-го лица на 1-е при определенном режиме интерпретации предложения. Выстраивается следующая триада:

- (22) а. На дороге показался всадник;
 б. *На дороге показался я;
 в. Он говорит, что именно в этот момент на дороге показался я.

Предложение (22а), с 3-м лицом субъекта, нормально. При замене 3-го лица на 1-е возникает аномальное (22б). Очевидно, аномалия возникает из-за того, что говорящий оказывается субъектом восприятия самого себя, притом на отдаленном расстоянии. Однако аномалия имеет место только в рамках канонической коммуникативной ситуации — которую мы склонны предполагать для изолированного предложения (22а). В гипотаксическом контексте, см. (22в), аномалия пропадет — очевидно, потому, что подразумеваемым субъектом восприятия оказывается теперь не говорящий, а субъект матричного предложения (поскольку имеет место гипотаксическая проекция, см. Падучева 2011).

Как легко видеть, в семантику отрицательного предложения с генитивным субъектом глагола *быть* наблюдатель входит ровно в таком же смысле, в каком он был продемонстрирован на глаголе *показаться*, — как участник, занимающий определенное место в денотативном пространстве ситуации. Для предложения с генитивной конструкцией отрицания выстраивается аналогичная триада:

- (23) а. *Вани* нет дома; б. *Меня нет дома;
 в. Ему сказали, что *меня* нет дома.

Предложение (23б) не то чтобы аномально, но подразумевает интерпретацию, так сказать, в духе несобственной прямой речи. В самом деле, в прямом понимании оно противоречиво: содержит утверждение говорящего о том, что его нет дома, и одновременно пропозицию (в каком-то неассертивном статусе), что он находится дома в роли наблюдателя этого отсутствия. Опять-таки, в (23в) аномалия пропадает, поскольку подразумеваемый субъект наблюдения (находящийся в доме) тут не говорящий, а субъект матричного предложения. Таким образом, присутствие наблюдателя в (23а) доказывается тем же приемом, каким оно было доказано в (22а).

В гипотаксическом контексте генитивный субъект 1-го лица более чем естествен:

- (24) — Вы видели, что *меня* там не было, коли сами там были. [Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)]

Принципиальное свойство наблюдателя, ответственного за эвиденциальный компонент в семантике генитивного субъекта, состоит в том, что он имеет локализацию в пространстве. Он находится в Месте — или, во всяком случае, имеет Место

в своем поле зрения или в своей личной сфере¹¹. Релевантность личной сферы демонстрирует пример (25) из Падучева 1992; предложение (25б) ничуть не аномально, но для человека, у которого Париж — постоянное место жительства, т. е. входит в его личную сферу. При этом наблюдатель уже не субъект восприятия, а субъект сознания (Падучева 1996: 262ff):

(25) а. *Меня* не было в Москве; б. *Меня не было в Париже.

Фраза (26б) — это тоже генитив наблюдаемого отсутствия (пример из Зализняк 2003). Но наблюдатель не я (который мыслю себя в Месте, поскольку это Место входит в мою личную сферу, как в (25а)), а люди, которые будут в Месте завтра; это они меня не увидят:

(26) а. *Я* завтра на работе не буду;
б. *Меня* завтра на работе не будет.

Как мы видим, генитивная и номинативная конструкция обе возможны в контексте *быть* и имеют разный смысл.

Аномальность (27б) можно объяснить тем, что естественно предположить наблюдателя отсутствия *в доме*, но не в родовом и неопределенном Месте *за городом*.

(27) а. Вани не было *дома* две недели;
б. *Вани не было *за городом* две недели.

По той же причине исключена генитивная конструкция в ситуации примера (28). Женщине, которая стоит в очереди в сбербанк, звонит мобильник. Очевидно, это клиент, которому нужна какая-то справка. Она говорит:

(28) — Не могу Вам ответить сейчас, меня нет *в офисе*.

Ясно, что это ошибка: ей надо было сказать: «Я не в офисе», поскольку нет правдоподобного кандидата на роль наблюдателя ее отсутствия в офисе.

Предложения (29а) и (29б) могут удивить тем, что в (29а) генитив, который нельзя заменить на номинатив, а во втором, напротив, предпочтителен номинатив:

(29) а. Алла почти плакала прямо здесь, на сцене: *ее не было в списке лауреатов*. [Алексей Беляков. Алка, Аллочка, Алла Борисовна (1998)];
б. Хотя *наша губерния не была в списке* голодающих, но в самом городе все же было очень сурово и, пожалуй, голодно. [А. С. Макаренко. Педагогическая поэма (1933)]

Можно думать, дело в том, что (29а) описывает ситуацию, когда человек только что не нашел себя в списке (ср. понятие «неожиданное наблюдение», unexpected observation в Lazard 1999), а в (29б) описывается скорее свойство субъекта, чем его местонахождение. Генитив не исключен, но с эвиденциальным приращением.

Следует подчеркнуть, что эвиденциальное приращение лучше всего демонстрируется на референтном субъекте. В контексте неопределенной ИГ разницы

¹¹ Понятие личная сфера говорящего — из Апресян 1986, где оно иллюстрируется, в частности, таким примером: говорящий может употребить прош. время в предложении *Володя любил гулять в летнем саду* не потому, что сомневается в том, что Володя жив или сохранил эту привычку, а только потому, что Володя выбыл из его личной сферы. Ср. в Fillmore 1968 понятие home based factor.

между генитивной и номинативной конструкции может почти не быть, см. пример из Апресян 1980: 104.

- (30) а. *Сведений* о продвижении войск не поступало;
 б. *Сведения* о продвижении войск не поступали.

З а м е ч а н и е. В Апресян 2012: 47 по поводу предложения (31а), со стативным значением *быть*, утверждается, что «сохранение подлежащего в форме им. ⟨падежа⟩ в отрицательном предложении разрывает семантическую связь между утвердительным и отрицательным предложениями»; иными словами, утверждается, что отрицательным для (31а) может быть (31в), но не (31б):

- (31) а. Отец был на море[↘];
 б. *Отец* не[↘] был на море;
 в. *Отца* не[↘] было на море.

Постулируется наличие у стативного *быть* уникальной способности «менять свое аспектуальное значение в отрицательном предложении при сохранении обычной формы подлежащего» — с актуально-длительного на общефактическое. Однако множество и разнообразие примеров, демонстрирующих семантическую мотивацию выбора номинативного vs. генитивного субъекта при локативном *быть*, заставляют усомниться в наличии у *быть* этого свойства: видовое значение *быть* остается актуально-длительным при номинативе субъекта в примерах (10), (12), (14) и других. В определенном контексте оно останется таковым и в предложении (31б).

6.1.3. ГЕНИТИВ ОТРИЦАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛАГОЛА БЫТЬ:

МЕЖДУ НЕСУЩЕСТВОВАНИЕМ И ОТСУТСТВИЕМ*

Случай в раю.

— Господи, тут к вам атеисты!

— Скажите им, что меня нет.

1. Локативное и экзистенциальное значение глагола *быть*

В разделе 6.1.2 мы исходили из того, что у глагола *быть* есть экзистенциальное (иначе — бытийное) и локативное значение. Джон Лайонз, сопоставляя эти значения у англ. глагола *to be*, пишет, что они «мало чем отличаются друг от друга» (Lyons 1968/1978: 413). Его примеры (предложение (1а) локативное, (1б) — бытийное):

- (1) а. *Coffee will be here in a moment* ‘Кофе будет здесь через минуту’;
 б. *There will be coffee here in a moment* ‘Через минуту здесь будет кофе’.

Для русского языка проблема различения бытийных и локативных предложений оказывается, однако, весьма острой, поскольку бытийность связана со свойственной русскому языку генитивной конструкцией отрицания.

* Переработанный текст статьи *Locative and existential meaning of Russian быть*, опубликованной в *Russian linguistics*, 2008, Volume 32, Number 3, 147—158.

Генитивная конструкция считается законной при бытийном значении *быть*:

(2) — Здесь есть *волки*? — Нет, *волков* здесь нет;

Однако генитив может возникать и при локативном значении:

(3) — *Петя* здесь? — Нет, *Пети* здесь нет.

Вот что говорится по этому поводу в Арутюнова 1976: 214—215: «Бытийное построение локальных предложений имеет общеотрицательное значение: *Петя здесь?* — *Нет, Пети здесь нет* = ‘Петя не находится здесь’. Если бы локальные предложения не пользовались отрицанием *нет*, то в них общее отрицание для форм настоящего времени не отличалось бы от частного отрицания, относящегося к локализатору, т. е. предложение *Петя не здесь* могло бы означать и 1) *Петя не находится здесь*, и 2) *Петя находится не здесь* (а в другом месте). Язык, однако, дифференцировал эти смыслы, включив в систему форм локальной предикации отрицание *нет*, заимствованное у бытийных предложений».

Суммируем точку зрения Н. Д. Арутюновой в виде следующих трех положений.

(а) Генитивная конструкция является законным способом выражения общего отрицания в локативном предложении: *Пети здесь нет* — это отрицание для *Петя здесь*.

(б) Генитивная конструкция отрицания в предложении с глаголом *быть* является бытийной.

(в) Допускается, что в локативном предложении может использоваться при отрицании конструкция, которая свойственна бытийному.

Пункт (а) не вызывает сомнений. Но пункт (в) звучит абсурдно: как это может быть, чтобы предложение с одним смыслом, локативным, «заимствовало», в каких бы то ни было целях, конструкцию с другим смыслом, бытийным?

Можно показать, что конструкция отрицания в локативных предложениях типа *Пети здесь нет*, являясь генитивной, не является, в семантическом плане, бытийной. Мы исходим из установленного ранее (см. раздел 6.1.1) факта, что **конструкция с генитивом отрицания обслуживает не только бытийные предложения**. Так что возражение будет направлено и на пункт (б). Иными словами, задача — показать, что генитив отрицания в локативном предложении типа (3) ни в коей мере не исключение; что, напротив, он соответствует неким общим — и в своей основе семантически мотивированным — правилам выбора падежа субъекта при отрицании.

Примечание. Генитив отрицания связывает с бытийностью не только Н. Д. Арутюнова, но и Л. Бэбби: «⟨...⟩ it is only the subject of existential sentences that is regularly marked genitive when negation is introduced» (Babby 1980: 101). Ссылаясь на Н. Д. Арутюнову, Л. Бэбби говорит про локативные предложения с глаголом *быть* следующее: «they are so close to existentials syntactically that Russian grammar simply treats them the same with respect to genitive marking»; при этом если для бытийного *быть* генитивное маркирование семантически законно, то для локативного оно является следствием «автоматического синтаксического правила» (Babby 1980: 124). Развивая семантический в целом подход к генитиву отрицания, Бэбби считает локативное *быть* исключением. Мы покажем, что оно таковым не является.

Класс бытийных предложений может задаваться по-разному. Например, можно назвать предложение *Пети здесь нет* бытийным, отвергнув пункт (а), и тогда задачу надо ставить по-другому. Так что прежде всего следует выявить признаки, отличающие бытийные предложения от локативных, независимо от генитива отрицания, — или по крайней мере договориться о том, что считать отличительными критериями бытийности. В противном случае утверждения, апеллирующие к термину «бытийное предложение», не имеют смысла¹².

Далее в пункте 2 рассматриваются формальные различия между бытийным и локативным предложением, а в пункте 3 — особая разновидность бытийного, посессивное предложение. Пункт 4 посвящен тому немногому, что можно сказать об общей семантике бытийности, а пункт 5 — контекстным различиям между бытийным и локативным предложением, которые оказываются, напротив, достаточно содержательными. После этого в пункте 6 я возвращусь к проблеме связи генитивной конструкции отрицания с бытийностью и с другими семантическими компонентами, порождающими эту конструкцию. Пункт 7 касается пограничных случаев.

2. Формальные признаки бытийного предложения

Исходим из того, что в бытийных и локативных предложениях одни и те же участники (актанты) — Вещь и Место (Боршев, Парти 2002; те же участники в Levin & Rappaport Novav 2005).

1. Морфология. У бытийного предложения форма наст. времени — *есть*. У локативного — нулевая:

- (4) а. Телефон *есть* на кухне [бытийное предложение];
 б. Твой мобильник (**есть*) на кухне [локативное предложение].

2. Референция именной группы Вещь. В локативном предложении в роли Вещи возможна (и чаще всего бывает) конкретно-референтная ИГ, в старой терминологии — определенная; в частности, это может быть имя собственное. В бытийном предложении ИГ Вещь только неопределенная, скорее всего, нереферентная (non-specific indefinite):

- (5) а. *Коля* был в Лондоне [локативное предложение].
 б. В магазине, несмотря на ранний час, были *покупатели* [бытийное предложение].

Это свойство бытийных предложений общепризнано, см. Арутюнова 1976; Babby 1980: 67, 144; Chvany 1975: 48 и др.

В самом деле, определенная ИГ несет презумпцию существования, а в бытийном предложении существование Вещи утверждается. Такое сочетание должно привести в утвердительном предложении к тавтологии, а в отрицательном — к противоречию, т. е. в любом случае к аномалии. Можно думать, именно на этом основании

¹² Здесь я во многом опираюсь на сопоставление бытийных предложений с локативными, проведенное в Partee, Borschev 2007.

мы признаем предложение (4б), с определенной ИГ Вещь, локативным, а (4а) — бытийным.

Контекст бытийного *быть* заставляет интерпретировать ИГ Вещь как неопределенную, даже если по структуре она могла бы соответствовать уникальному объекту:

- (6) а. В Переделкине есть музей Пастернака;
б. Музей Пастернака есть в Переделкине.

Независимо от порядка слов, оба предложения примера (6) гласят (быть может, вопреки истине), что такие музеи есть и в других местах. Есть примеры, которые якобы противоречат этому ограничению на статус ИГ Вещь. Они рассматриваются в пункте 4.

От собственно бытийных предложений следует отличать интродуктивные (Арутюнова 1976: 221—223); в них именная группа Вещь может быть конкретно-референтной:

- (7) Есть за границей контора Кука. (С. Я. Маршак. Мистер-Твистер)

3. Таксономия именной группы Место. Что касается участника Место, то тут надо ввести следующее разграничение. В принципе, Местом для бытийного предложения может быть любая ИГ, которая задает участок пространства:

- (8) В моей комнате есть кондиционер; В зале есть иностранцы.

Однако в классе бытийных предложений есть особый подкласс — предложения существования; именно ими задаются пресуппозиции существования — основа лингвистической теории референции. У *быть* в значении существования ИГ Место — это всегда мир в целом; и если участник синтаксически не выражен, то подразумевается, что это мир:

- (9) Есть реки, которые летом пересыхают [*есть* — подразумевается ‘есть в Мире’].

И наоборот, мир не может быть Местом для локативного предложения. Так что если Местом является мир, то предложение допускает только бытийное понимание: локативное исключено. Во всяком случае, обстоятельство *в мире* не сочетается со словом *находиться*. Из двух примеров, которые выдает Корпус, оба неправильные:

- (10) а. Известно, что по неиспытанным для нас судьбам Божиим, разныя в мире *находятся* веры, и всякой народ к вере естественную имеет привязанность. [Платон (Левшин), архиепископ Московский и Калужский. Слово при действии свягата миропомазания (1773)];
б. Сверх запасов, зафиксированных ЛБМ и МИА, в мире *находится* более 4 млн тонн алюминия, которые в основном нигде не зафиксированы. [«Металлы Евразии», 2004]

Глагол *находиться* в (10а) и (10б) надо заменить на *иметься* или *быть*, и это будет *быть* существования.

Коммуникативную структуру нельзя отнести к числу конституирующих признаков бытийного предложения — она может варьироваться (коммуникативная пара-

дигма бытийного предложения представлена в Падучева 1985: 130—131). Например, Место может быть и темой и ремой:

- (11) а. *На веранде* [↗] есть кресло [↘] ;
 б. Кресло [↗] на веранде есть [↘] .

Бэбби (Babby 1980: 101, со ссылкой на Арутюнова 1976: 238) приводит примеры, которые якобы показывают, что мена коммуникативной структуры (порядка слов) переводит бытийное предложение в локативное (или наоборот):

- (12) а. На столе были *книги и журналы* [ИГ Вещь неопределенная] [бытийное предложение];
 б. *Книги и журналы* были на столе [ИГ Вещь скорее определенная] [локативное предложение].

На самом деле, в примере (12) при изменении коммуникативной структуры меняется определенность именной группы Вещь, а определенность, как мы знаем, исключает бытийное понимание предложения. От определенности субъекта и зависит, локативной или бытийной будет интерпретация предложений примера (12).

Итак, мы остаемся при трех формальных признаках, характеризующих бытийное предложение, в отличие от локативного. И каждый имеет лишь ограниченную различительную силу: морфология служит различителем только в наст. времени; ограничение на референциальный статус Вещи (в бытийном предложении только неопределенный или нереферентный) снимается при интродуктивном употреблении, см. также оговорки в пунктах 4 и 5; ограничение на таксономию участника Место действует только в случае собственно экзистенциальной разновидности бытийного предложения. Поэтому область неоднозначности остается.

Н. Д. Арутюнова относит к бытийным, и справедливо, предложения типа (13), где тематический компонент не Место, а Множество (NB: ИГ Вещь неопределенная):

- (13) *Среди его учеников* есть талантливые = ‘некоторые из его учеников талантливы’.

Эта конструкция однозначно бытийная и в дальнейшем не рассматривается.

3. Посессивные предложения с глаголом *быть* как разновидность бытийных

Поскольку отношение принадлежности не имеет локализации в пространстве, в посессивных предложениях нет участника Место. Есть Посессор, выражаемый предложной группой с предлогом *у*:

- (14) а. *У царя Мидаса* ослиные уши;
 б. *У Маши* есть брат.

Показатель места может служить однозначным признаком того, что предложение локативное, а не посессивное, пример из Арутюнова 1976: 285.

- (15) *Где у тебя* документы?

Бэбби (Babby 1980: 100) тоже считает обязательность участника Место одним из отличий локативного предложения от бытийного.

С семантической точки зрения Посессор и Вещь посессивного предложения часто составляют семантически единую группу — с посессивным отношением между Посессором-Местом и Вещью-Обладаемым; в (14а) это *ослиные уши царя Мидаса*, в (14б) — это *брат Маши*. Иными словами, в локативных и бытийных предложениях участники (обычно) денотативно независимы один от другого (см. о денотативной зависимости Падучева 1985: 151), а в посессивном предложении Обладаемое часто денотативно зависимо от Посессора, и потому имеет редуцированную диатезу, ср. невозможное **У Маши есть брат Наташи*. Предложение *У Маши есть ее брат* правильное, но не посессивное.

Посессивное отношение выражается не только предлогом *у*; так, в (16) значение *быть* тоже посессивное — о чем свидетельствует незаполненная валентность слова *обаяние* и ИГ *его обаяние*, лежащая в основе всей конструкции:

(16) *В нем* есть какое-то обаяние.

С другой стороны, предлог *у* не всегда выражает посессивное отношение; так, предложение (17) не посессивное, поскольку *у вахтера* — Место:

(17) Ваш пропуск *у вахтера*.

Если Посессор — одушевленный, в предложении с посессивным *быть* возможно обстоятельство цели:

(18) У меня есть *для этого* дача.

Посессивное предложение — это разновидность бытийного. Но со своими особенностями. Посессивные предложения могут иметь нулевую форму глагола *быть* в наст. времени, см. (14а). Кроме того, в посессивном предложении возможна референтная ИГ Вещь — например, в контексте обстоятельства цели:

(19) Даже когда взрывается дом, президент не должен за это отвечать, *для этого* есть *Грызлов, Патрушев*, они за это деньги получают. [«Известия», 2002.12.16]

В дальнейшем изложении мы будем опираться на некоторые общие свойства отношения локализации, которые сформулируем как аксиомы.

Аксиома 1. Всякий физический объект должен где-то находиться. Точнее, находится в каком-то физическом же пространстве.

Аксиома 2. Есть сущности, которые могут занимать только одно место в физическом пространстве (например, города, дома).

Аксиома 3. Есть сущности, которые не имеют локализации в пространстве (например, сомнения, желания, идеи).

Вещи, которые не допускают локализации в пространстве, могут быть субъектами посессивных бытийных предложений, ср. *У меня было сомнение*. Если Вещь в контексте глагола *быть* не допускает пространственной локализации, то значение *быть*, независимо от того, какую форму глагол имеет в наст. времени, однозначно бытийное: *У меня сомнение*. В самом деле, в локативном предложении Место — обязательный участник.

4. Семантика бытийного предложения

Перейдем теперь к **семантическому** различию между локативным и бытийным предложением. Оно с трудом поддается истолкованию.

Обычно считается, что различие между локативным и бытийным предложением в том, что в локативном существование Вещи входит в пресуппозицию, а бытийное предложение *утверждает* существование Вещи в данном Месте.

Однако это верно лишь для случая, когда речь идет о существовании в мире. Если же речь идет о конкретном Месте (и, к тому же, о конкретной Вещи, хотя бы и неопределенной), то различие между существованием в этом Месте и местонахождением в нем же может оставаться на смысловом уровне неясным, см. пример (44).

Есть предложения с глаголом существования и конкретно-референтным субъектом, которые нормально функционируют в речи, не теряя презумпции существования и единственности, вопреки ограничению на референтность Вещи в бытийном контексте. Например:

(20) В XIV веке *Перемышль* уже существовал.

(21) *Его* больше нет на свете.

(22) *Дома, в котором я родился*, больше нет.

Эти предложения вводят в рассмотрение два мира (точнее, два временных среза мира), и презумпция существования объекта в одном мире не противоречит его возможному несуществованию в другом.

В предложении (23) имя собственное употребляется не в значении имени собственного (пример был предложен в свое время Ю. Д. Апресяном):

(23) Жизнь имеет смысл, пока существует *Эверест*.

Здесь, очевидно, *Эверест* значит ‘такая <замечательная> гора, как Эверест’. Т. е. имя собственное понимается как ИГ не только неопределенная, но даже не-референтная.

Отличить существование от местонахождения можно с помощью следующего теста: отрицание местонахождения Вещи в данном месте предполагает ее наличие в другом (см. Аксиому 1), тогда как отрицание существования не дает оснований для такого предположения. В самом деле, если сказано (24), то непонятно даже, что может быть в другом месте:

(24) В доме нет *кошки*.

Бытийное значение трудно охарактеризовать семантически потому, что бытийная конструкция — с формой *есть* глагола *быть* в наст. времени — имеет в разных контекстах разный смысл. Мы рассмотрим несколько формально различных конфигураций (пользуясь, в основном, примерами из Арутюнова, Ширияев 1983) и попытаемся проследить, в каждом случае, какие семантические коннотации есть у бытийной конструкции в противоположность локативной.

5. Разбор примеров

• Пример (25) обнаруживает отчетливую разницу значений — в локативном предложении возникает, при определенной коммуникативной структуре, интерпретация ИСЧЕРПЫВАЮЩЕГО ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ (Sgall, Hajičova 1977; Падучева 1985: 118), а в бытийном — нет:

- (25) а. В комнате книжный шкаф и письменный стол [больше ничего нет];
 б. В комнате *есть* книжный шкаф и письменный стол.

Про предложения типа (25а) в Арутюнова, Ширяев 1983: 87 говорится, что в них «перечислением исчерпывается всё “предметное содержание” данной области».

Итак, особенность бытийной конструкции в предложении (25б) сводится к семантике **неисчерпывающего** перечисления. Это значение бытийной конструкции мы назовем собственно экзистенциальным; ср. пример (13), который показывает связь бытийных предложений с частноотрицательными в аристотелевской логике.

В контексте, где ИГ Место связана квантором всеобщности, локативная и бытийная конструкция противопоставлены так же, как в примере (25). Предложение (26а) понимается, с обычной для языка гиперболизацией, как ‘всюду одни жулики’; а (26б) — в экзистенциальном и более утешительном значении — ‘есть среди прочего’:

- (26) а. Всюду жулики; б. Всюду *есть* жулики.

• Предложение (27а) по форме локативное; но семантически оно сближается с бытийным (27б):

- (27) а. В этом дворе *сторожевая собака*;
 б. В этом дворе *есть сторожевая собака*.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что (27б) имеет значение наличия (его более эксплицитно выражает глагол *иметься*, Падучева 2004: 433—436; NB хорошо известную семантическую связь между ‘быть’ и ‘иметь’). Значение наличия в (27б) обусловлено тем, что ИГ Вещь включает семантику ПРЕНАЗНАЧЕНИЯ, функции: она предполагает какое-то использование — кем-то. (В Partee, Borschev 2007: 175 в связи с похожими примерами говорится о понятиях ‘availability’, ‘at our disposal’.) Правда, то же значение — в случае именной группы с этой семантикой — возникает и в локативной конструкции в (27а). Отсюда близость значений (27а) и (27б). Обе конструкции возможны, поскольку ИГ Вещь неопределенная. Семантическое противопоставление локативного и бытийного предложения в этом контексте ослаблено. Однако ненулевая форма глагола *быть* позволяет считать предложения наличия разновидностью бытийных предложений; сближение с локативными происходит за счет контекстных «приращений» в локативном.

• Предложение (28а) локативное. Однако интерпретации исчерпывающего перечисления здесь не возникает:

- (28) а. В огороде *свинья*;
 б. В огороде *есть свинья*.

Предложение (28а) нормально в ситуации, когда свинью надо как-то выдворить. А предложение (28б) на первый взгляд аномальное. Однако оно может быть уместно в контексте, где наличие свиньи может быть для чего-то полезно, и тогда в примере (28) то же противопоставление локативного и экзистенциального значения, что в (27).

• Отдельную проблему составляют предложения, где ИГ Вещь включает показатель количества:

(29) а. В этой реке *масса* /много /множество рыбы;

б. *В этой реке есть *масса* /много рыбы.

Почему невозможно (29б), с формой *есть* глагола *быть*, которая выражала бы бытийное значение? Можно думать, предложение (29б) бытийное, а *есть* невозможно из-за того, что ИГ Вещь включает показатель количества — ненулевая форма глагола *быть* обусловлена позиционно. Остается вопрос, противопоставлены ли (29а) и (29б) по смыслу как локативная и бытийная конструкция, т. е. является ли предложение (29а) локативным.

Предложение (30б) лучше, чем (29б), поскольку оно выражает не локализацию, а availability:

(30) а. В моем кошельке *масса* /много /денег;

б. В моем кошельке есть *масса* /много /денег ⟨. Возьми, сколько надо⟩.

Но в контексте собственно экзистенциального предложения, когда Место — это мир, форма *есть* при подлежащем — количественной группе тоже исключена:

(31) В мире много зла; б. ?В мире *есть* много зла.

Так что хотя форма наст. *есть* глагола *быть* — главный признак бытийного предложения, оказывается, что и он может отказать. Но лишь в контексте, где бытийность четко выражена референцией именной группы.

• Если Вещь не предметная, более обычна локативная структура, ср. (32) и (33).

(32) а. В квартире беспорядок; б. *В квартире *есть* беспорядок.

(33) В зале собрание; В клубе танцы.

Однако в некоторых контекстах возможно противопоставление:

(34) а. На улице дождь; б. Посмотри, *есть* дождь?

Итак, семантические различия между бытийными и локативными предложениями, в принципе, есть, хотя и разные в разных контекстах.

6. Бытийность и генитивная конструкция отрицания

Наша цель при отграничении локативного предложения от бытийного состояла в том, чтобы выяснить роль бытийности в выборе между генитивной и номинативной конструкцией отрицания.

Я отвергаю решение Н. Д. Арутюновой, состоящее в том, что бытийная конструкция отрицания используется в контексте локативного предложения «для того, чтобы» отличить общее отрицание от частного, и предлагаю другое. Дело в том, что бытийность не является **единственным** семантическим источником генитив-

ного субъекта: генитивная конструкция отрицания может употребляться и в других контекстах и иметь другие коннотации.

Известно до десятка классов глаголов генитивных глаголов (т. е. глаголов, которые могут иметь при отрицании генитивный субъект, см. раздел 6.1.1): глаголы бытия, наличия, возникновения, появления, проявления, исчезновения, обнаружения, выявления (при этом всегда остается остаток — глаголы, не вошедшие ни в один класс), см. Babby 1980: 128—129, со ссылками на Габучана, Гвоздева, Янко-Триницкую, Адамца и др. Из них глаголы появления, проявления, исчезновения, обнаружения, выявления — это глаголы с семантическим компонентом восприятие. А глаголы восприятия (*ожидаться, доноситься, слышаться, наблюдаться, отмечаться, регистрироваться, фиксироваться*) уже в Ицкович 1982 отмечены и сами по себе как лицензирующие генитивную конструкцию.

Отсутствие в поле восприятия, наряду с несуществованием, входит в число компонентов в семантике глагола, создающих семантическую основу генитивной конструкции. Эти компоненты могут входить в состав разного рода семантических конфигураций. Так, *X-а не возникло* = ‘X не начал существовать’; *X-а не требуется* = ‘не необходимо, чтобы X существовал’; но *X-а не наблюдается, не чувствуется* = ‘X не находится в поле восприятия’; *X-а не попало, не встретилось* = ‘X не вошел в поле восприятия’. Глагол движения является генитивным, если это появление в поле зрения наблюдателя (*Ни одной подлодки не всплыло*). Глагол *появиться* может иметь, в разных контекстах, и тот и другой компонент: *не появилось нужного препарата* = ‘не начало быть’; *не появилось домов на горизонте* = ‘дома не начали быть видимы’.

Чтобы свести генитивные глаголы к бытийным, Бэбби должен, вопреки всякой очевидности, отнести к бытийным такие глаголы, как *оказаться, обнаружиться, сниться, найтись* (Babby 1980: 74) — хотя, казалось бы, что такое *найти*, как не ‘начать видеть’; что такое *сниться*, как не ‘видеться во сне’.

Что же касается глагола *быть*, то в бытийном отрицательном предложении генитив выражает отрицание существования, а в локативном, где генитивом обозначен референтный субъект, генитив выражает наблюдаемое отсутствие.

Рассмотрим еще пример, который служит аргументом в пользу присутствия наблюдателя в конструкции с генитивным субъектом локативного предложения (подобный пример, но с глаголом в прош. времени рассматривался, с иных позиций, в Partee, Borschev 2002):

(35) а. *Вани нигде нет*; б. *Ваня нигде*.

В разборе примера (35) используется Аксиома 1. Предложение (35а) имеет вполне естественный смысл — оно означает, грубо говоря, ‘Вани нет ни в одном из мест, где я пытался его найти’. (Как сказано в Арутюнова, Ширяев 1983: 93, «нигде нет лучше всего ассоциируется с ситуацией поиска».) Ясно, что предложение (35а) дейктивно; его семантика предполагает говорящего — в роли наблюдателя или Субъекта сознания. Что же касается предложения (35б), то, исходя из его формы, оно должно было бы иметь смысл (36):

(36) ‘не существует такого места, что Ваня находится в этом месте’.

Но этот смысл противоречит Аксиоме 1: Ваня — физический объект и должен занимать какое-то место в физическом пространстве. Так что предложение (35б) в своем прямом значении аномально.

Что касается аномального предложения (35б), то мы не должны удивляться тому, что его исходное утвердительное (т. е. то предложение, отрицанием которого оно является), (37), тоже слегка аномально; в самом деле, его истинность является прямым следствием Аксиомы 1, и потому тавтологично:

(37) Ваня где-нибудь (находится).

Интересно, что для (35а) вообще никакого исходного утвердительного подобрать нельзя. Дело в том, что того компонента смысла, который касается наблюдателя, не могло быть в исходном утвердительном предложении: он порождается смыслом генитивной конструкции отрицания.

Пример (38) (из Падучева 1985: 107) апеллирует к Аксиоме 2. На ее основе можно объяснить, почему (38б) вполне соответствует норме, а (38а) аномально:

(38) а. ?*Тегусигальпы* нет в Никарагуа;
б. *Тегусигальпа* не в Никарагуа.

Строго говоря, фраза (38а) не аномальна, а не имеет прямого смысла. Она может обрести смысл, например, в ситуации поиска Тегусигальпы на карте — тут в толковании возникнет то же *найти*, что в толковании предложения (35а).

В Babby 1980: 19, 61 приводятся примеры, где субъектная ИГ неопределенная (квантифицированная), а падежом при отрицании может быть не только генитив, но и номинатив:

(39) а. У меня отказали голосовые связки. Пробовал кликнуть жену — *ни один звук* не вырвался из гортани; *б. ни одного звука* не вырвалось из его гортани).

(40) а. Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы *ни одно письмо*; *б. ни одного письма* не протиснулось в щель).

Предложения (а) и (б) в примерах (39), (40) описывают ситуации, которые различаются позицией наблюдателя. В (39) наблюдатель — это сам говорящий; для него звуки существуют у него внутри и не могут вырваться наружу. Если перевести предложение в 3-е лицо, то говорящий-наблюдатель окажется снаружи, движение будет направлено **к нему** и генитив станет более чем естественным. То же в (40): номинатив соответствует движению **от** наблюдателя; если наблюдатель внутри и увидит письмо только если оно «протиснется» **к нему**, можно употребить генитив.

7. Местонахождение и существование как компоненты семантического разложения полнозначных глаголов

Важную роль семантики восприятия в генитивном маркировании субъекта признает А. Тимберлейк, который вводит понятие феноменологического глагола — это глагол, описывающий явление, которое может быть наблюдено. Отсюда возможные *Не горело фонарей*, *Не белело парусов*. Все глаголы положения, очевидно, относятся к классу феноменологических, ср. *Не висело картины* (Timberlake 2004: 300—312).

Тимберлейк приводит список перцептивных глаголов и предикатов восприятия (куда входит *заметно, видно, слышно, чувствоваться, доноситься, оказаться, обнаружиться, последовать, появиться, найтись*), не видя, однако, разницы между существованием и местонахождением: «With perceptuals, existence is determined relative to the field of perception of the observer» (Timberlake 2004: 303—304). Тимберлейк говорит о существовании в поле зрения наблюдателя, хотя, казалось бы, в поле зрения наблюдателя предмет не **существует**, а **находится**.

В Levin & Rappaport Hovav 1995: 244 по поводу примера (41) говорится: «... the verbs are used statively to describe the **existence** of a physical object at a particular location».

- (41) The railway tracks *run* along the stream ‘Железнодорожные пути *проходят* вдоль реки’.

Можно думать, в русской языковой картине мира различие между несуществованием и наблюдаемым отсутствием более существенно, чем в других языках. Однако и в русском это различие может быть смазано.

Обратимся к генитиву отрицания в контексте глаголов типа *белеть*. В Борщев, Парти 1998 утверждалось, что генитив отрицания в этом контексте выражает отрицание существования. В Падучева 1997 говорилось, что отрицается в этом контексте не существование, а локализация; генитив был объяснен — как и в контексте глагола *быть* — присутствием наблюдателя (семантика восприятия у глагола *белеть* отмечается в толковых словарях, начиная со словаря Ушакова). Существенно, однако, что в контексте глагола *быть* генитив возможен при конкретно-референтной ИГ, между тем при *белеть* генитив возможен только для неопределенной ИГ, см. (42). В случае определенности — номинатив, см. (43):

- (42) а. На горизонте белеют *паруса*;
 б. Посмотри, не белеет ли *парусов* на горизонте.
 (43) а. Посмотри, не белеет ли *Колин парусник* на горизонте;
 б. *Посмотри, не белеет ли *Колиного парусника* на горизонте.

Невозможное (43б) при возможном (42б) все-таки не означает, что надо отдать предпочтение тому анализу, который предполагает здесь существование: на интуитивном уровне отрицается локализация. Однако к способности наблюдателя (в контексте *белеть* общепризнанного) объяснять генитив следует отнестись с осторожностью: казалось бы, если генитив выражает наблюдаемое отсутствие в контексте определенной ИГ при глаголе *быть*, то он должен быть возможен и при *белеть*.

З а м е ч а н и е. Бэбби (Babby 1980: 27) противопоставляет *быть* всем остальным генитивным глаголам на том основании, что генитив при *быть* возможен и в том случае, если субъект — имя лица (и шире, конкретно-референтной ИГ). В самом деле, *быть* входит в один класс с *обнаружиться, оказаться* — глаголами перцептивного класса, которые тоже допускают генитив при ИГ лица. Уже при *найтись* генитивный субъект с именем собственным лица невозможен.

Есть еще одно свидетельство того, что различие между существованием и локализацией и в русском языке не всегда отчетливое. В Борщев, Парти 2002 пример (44)

приводится как иллюстрация зависимости падежного маркирования субъекта от-рицаемого глагола *быть* от структуры перспективы. Мы предложим этому примеру альтернативную интерпретацию — он покажет отсутствие ясного различия между несуществованием и отсутствием:

- (44) а. ⟨Я пошел в киоск за газетами.⟩ *Газеты* не поступили;
 б. ⟨Я пошел в киоск за газетами.⟩ *Газет* не поступило.

Наблюдатель возникает тогда, когда требуется объяснить генитив у определенной субъектной ИГ, потому что неопределенная ИГ обычно дает бытийное предложение, где генитив не требует объяснений. Но анафора и тематичность не гарантируют определенности ИГ Вещь в предложении (44'), которое было исходным для отрицательных предложений примера (44). Ведь не поступили не те газеты, за которыми я пошел:

- (44') не (газеты поступили).

Статус ИГ *газеты* в предложении *Газеты поступили*, исходном утвердительном для (44а) и (44б) (видимо, также и для самих (44а) и (44б)), родовой. Возможны следующие варианты трактовки падежа в (44).

Вариант 1, локативная трактовка и для (44а) и для (44б). Перефразировка для *не поступили* = 'не начали находиться (в результате перемещения)'. В таком случае номинатив в (44а) не требует объяснений; он сохраняет — а может быть и педалирует — компонент «перемещение» в семантике глагола. А генитив в (44б) можно трактовать как выражающий партитивность: *газет не поступило* = 'газет не поступило несколько'. Наблюдатель не выражен в семантике предложения (44б) однозначно, поскольку для объяснения генитива тут достаточно партитивности.

Вариант 2, бытийная трактовка для (44б): генитив выражает отрицание наличия, 'availability', а для (44а) трактовка по-прежнему **локативная**. Значение наличия в очень сильной степени предполагает участника Заинтересованное лицо; оно, естественно, может быть и наблюдателем. Хотя для объяснения генитива достаточно бытийного значения.

Разница между несуществованием и отсутствием, столь ясная в других контекстах (ср. *У меня нет мобильного* и *Тут нет моего мобильного*), в примере (44) стирается: бытийная и локативная трактовка для (44б) неразличимы: то ли газеты не начали быть в наличии (у кого-то), бытийная пропозиция, генитив отрицания, то ли просто газеты не начали находиться в киоске, в некотором количестве: локативная пропозиция, генитив партитивный; NB, мн. число *газеты* — это имя массы (mass term). Так что генитивная конструкция однозначно маркирует наблюдателя только в контексте конкретно-референтного субъекта, который не допускает бытийной интерпретации предложения.

8. Участник Место

Выбор генитивной или номинативной конструкции может зависеть от участника Место (см. Апресян 1992).

- Квантифицированный участник Место.

Наблюдатель дает возможность противопоставить значение предложений с квантифицированным участником Место в генитивной и номинативной конструкции.

- (45) а. *Вани* нигде не было;
б. *Ваня* нигде не был.

Предложение (45а), со статическим *быть*, понимается как ‘Вани не было ни в одном из мест, где наблюдатель его искал’, см. пример (35) выше; а (45б), с динамическим *быть* и номинативным субъектом, не предполагает синхронного наблюдателя в Месте.

В контексте (45а) можно заменить прош. время на наст., и мы получим пример (35), а в контексте (45б) наст. время невозможно. В Экскурсе 4 объясняется, почему это так, т. е. почему в контексте динамического *быть* невозможно наст. время.

В примере (46), где субъект неодушевленный, опять-таки, род. падеж объясняется присутствием наблюдателя. Чтобы представить смысл предложения, надо включить наблюдателя в актантную структуру:

- (46) Ни в одном номере телевизора *не было* = ‘телевизора не было ни в одном из тех мест, где наблюдатель проверял его наличие’.

Номинативная конструкция невозможна. Хотя при другом, синонимичном, глаголе допустим и номинатив:

- (46') Ни в одном номере телевизор *не стоял* /телевизора *не стояло*.

- Родовой участник Место.

Генитивная конструкция невозможна в контексте родового участника Место — в примере (47) (= (11) из 6.1.2) группа *на море* однозначно понимается как конкретно-референтная:

- (47) Отца не было *на море*.

Генитивная конструкция невозможна в контексте квантифицированного участника Время — ни при родовом, ни при конкретно-референтном участнике Место. Возможна только номинативная:

- (48) а. *Отца никогда не было в Москве;
б. *Отца никогда не было *на море*.

- (49) *Отец* никогда не был в Москве.

- Естественно, участник Место, в котором присутствует наблюдатель, не может быть неопределенным, поэтому невозможен генитив в (50а):

- (50) а. *Коли где-то не было; б. *Коля* где-то не был.

- Место типа *на свете, на земле, в мире* не выражает локализацию; оно маркирует у *быть* значение существования, а не локализации. Отсюда ГК.

- В Perelmutter 2005 отмечается особая роль географических названий при выборе падежа субъекта: в контексте, где ИГ Место — это собственное имя (чуждое субъекту), предпочтителен номинатив:

- (51) Он бывал везде: и на Рейне, и на Ганге (...). И не был он только *на Днепре*. (И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок)

Это тоже можно объяснить фигурой наблюдателя. Субъект отсутствия не мыслит Место входящим в свою личную сферу — иначе оно получило бы какое-то дейктическое наименование.

• Наоборот, *дома* — это дейктическое обстоятельство места, и оно предполагает наблюдателя. Поэтому в предложении (52) нельзя заменить генитивную конструкцию на номинативную, сохранив стативное значение *быть*:

(52) а. Никого не было *дома*; б. *Никто не был *дома*.

• Место может исключать присутствие в нем говорящего (а значит, генитивную конструкцию) из-за синтаксической структуры фразы. В этой связи интересно наречие *давно*. Место, где говорящий давно не был, едва ли входит в его личную сферу. Поэтому генитивная конструкция тут нормальна для субъекта 2-го и 3-го лица и странна для 1-го:

(53) а. Ты /он давно *не был* в Москве; б. Тебя /его давно *не было* в Москве.

(54) а. Я давно *не был* в Москве; б. *Меня давно *не было* в Москве.

Итак, мы показали, что провести границу между бытийным и локативным предложением хоть и трудно, но можно.

Генитивная конструкция в контексте бытийного и локативного *быть* имеет разную нагрузку. В контексте бытийного *быть* она просто дублирует бытийную семантику глагола, а в контексте локативного *быть* генитив может выражать присутствие наблюдателя.

6.1.4. Генитив отрицания и наблюдатель в глаголах типа *звенеть* и *пахнуть* *

Генитивная конструкция отрицания служит одним из аргументов в пользу семантического подхода к синтаксису — подхода, который исследует возможности предсказания синтаксических ограничений из семантики, см. Wierzbicka 1988. Существенные продвижения в этой области стали возможны благодаря успехам лексической семантики, см., прежде всего, Апресян 1974.

Семантическая концепция генитивного субъекта в отрицательном предложении была обоснована в Babby 1980, где, однако, способность иметь генитивный субъект признавалась только за экзистенциальными — бытийными — глаголами. Позднее было установлено, что генитивными (т. е. способными иметь генитивный субъект) являются не только бытийные глаголы, но и такие, которые в своем исходном значении являются глаголами восприятия, см. Падучева 1992; 1997. Это, например, глаголы *чувствоваться*, *ощущаться*, *наблюдаться* (к ним примыкают краткие прилагательные типа *виден*, *слышен*). Эти глаголы генитивные (т. е. в принципе могут давать генитивную конструкцию), но в своем исходном значении они относятся не к сфере бытия, а к сфере восприятия: в их актантную структуру входит участник, унаследо-

* Переработанный вариант статьи, опубликованной в: Язык как материя смысла. Сборник статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007. С. 164—171.

ванный от невозвратных глаголов *чувствовать, ощущать, наблюдать*, у которых подлежащее — Эксперимент, субъект восприятия. Таких слов в генитивном классе очень много. Это генитивные глаголы перцептивной группы.

Генитивные глаголы появления, типа *найтись, появиться*, тоже в своем исходном значении скорее перцептивные, чем экзистенциальные.

У генитивного глагола *оказаться* (как во фразе *Секретаря на месте не оказалось*) также есть участник Эксперимент: а именно, наблюдатель, т. е. Эксперимент, который не имеет выражения на синтаксическом уровне, см. о наблюдателе Апресян 1986 (в Падучева 2000 наблюдатель трактуется как Эксперимент за кадром, не входящий в актантную структуру слова).

Из деления генитивных глаголов на два класса вытекает важное следствие. Дело в том, что в контексте экзистенциальных глаголов обычно уместен только генитивный субъект; между тем в контексте глаголов восприятия возможны и генитивная конструкция, и номинативная, которые семантически противопоставлены. В Babby 1980 семантическое противопоставление генитивной и номинативной конструкции демонстрируется как раз на примере глагола *прийти*, который в определенных контекстах означает не движение, а появление — т. е. вхождение в поле зрения:

- (1) *Ответа* не пришло [возможно, его и не было].
- (2) *Ответ* не пришел [ответ был послан, но не дошел].

Глагол *прийти* формирует два пространства: можно существовать в одном и не находиться в другом. Для глагола *возникнуть* такое противопоставление невозможно.

Идею о роли наблюдателя в семантике генитивного субъекта в отрицательном предложении подтверждают слова типа *белесть, торчат*, которые тоже способны давать генитивную конструкцию отрицания (*Посмотри, не белеет ли парусов ни горизонте*). Словари фиксируют в семантике этих глаголов перцептивный компонент, но в актантной структуре глагола субъект восприятия не представлен. Т. е. это именно наблюдатель — Эксперимент за кадром.

Сказанное не означает, однако, что наблюдатель, присутствующий в толковании глагола, всегда дает генитив субъекта при отрицании. Ю. Д. Апресян (2005) настаивает на том, что не всегда, и приводит важные примеры, которые ставят перед семантическим подходом к генитиву субъекта новые задачи. Один пример я разберу — это позволит уточнить прежние формулировки и укрепить семантическую концепцию генитива отрицания.

Статья Апресян 2005 предлагает нашему вниманию семантический класс глаголов проявления — свойства или процесса. В значение этих глаголов, согласно Ю. Д. Апресяну, «входит указание на то, что данное свойство или процесс актуально воспринимается каким-то наблюдателем». Наряду с глаголами типа *белесть*, которые выражают зрительное проявление, и типа *греметь*, которые выражают звуковое проявление, к этому классу отнесены: глагол *горчить* (вкусовое проявление); глаголы *греть, жечься, колоться* (тактильное проявление) и глаголы *благоухать, пахнуть*,

вонять, смердеть (обонятельное проявление). Все эти глаголы предполагают наблюдателя. Но если глаголы типа *белеть* и типа *греть* являются генитивными, то ни *горчить*, ни *греть*, *жечься*, *колоться*, ни *пахнуть*, *вонять*, *смердеть* таковыми не являются:

- (3) *Творога не горчит; *Шубы не греет; *Крапивы не жжется; *Рыбы не пахнет.

Следует уточнить условия, при которых глагол с имплицитным наблюдателем принадлежит к перцептивной группе генитивных глаголов. После этого уточнения станет ясно, что глаголы проявления по своей семантической и/или коммуникативной структуре неоднородны. В результате мы увидим, что отличие глаголов звука и зрительного проявления, генитивных, от остальных глаголов проявления, не генитивных, является семантически мотивированным.

Генитивные глаголы перцептивной группы не только содержат перцептивный компонент — и, соответственно, имеют актантную структуру с участником-Экспериментом (будем считать это Условием Ноль), — но и удовлетворяют следующим дополнительным условиям.

Условие 1. Участник Объект восприятия, Перцепт (см. в Talmy 2000: 99—172 о глаголах эманации, фиктивном движении и участнике Перцепте), у глаголов перцептивной группы должен быть, как у всех генитивных глаголов, синтаксическим субъектом предложения.

Условие 2. Предложение с этим глаголом (исходное, не отрицательное) должно допускать коммуникативную структуру, в которой Перцепт не является Темой предложения, а образует с глаголом единую нерасчлененную рему.

Условие 3. Должна быть возможна инференция от невосприятия к отсутствию.

Если перцептивный компонент является в составе толкования глагола асертивным (как у глаголов *наблюдаться*, *чувствоваться*, *слышаться*), то при отрицании отрицается вхождение Перцепта в поле зрения наблюдателя. Далее работает инференция доверия к органам чувств, которая дает переход от невосприятия к отсутствию. Так, в примере (4) во фразе (4а) соблюдаются все условия, включая нулевое, и под отрицанием возникает генитивная конструкция:

- (4) а. *Наблюдается* спад интереса к беллетристике;
б. Не *наблюдается* спада интереса к беллетристике.

Если же перцептивный компонент не асертивный (как у глаголов звукового или зрительного проявления), то семантическая деривация имеет более сложный характер, но инференция от невосприятия к отсутствию все равно осуществляется:

- (5) а. На погонах *блестели* звезды — ‘были звезды, они блестели, и наблюдатель это видел’;
б. Звезд на погонах *не блестело* — ‘наблюдатель не видел звезд’ ⊃ ‘их не было’.
(6) а. *Гремели* победные марши — ‘гремели марши, и наблюдатель это слышал’;
б. *Не гремело* победных маршей — ‘наблюдатель не слышал маршей’ ⊃ ‘их не было’.

В неотрицательном варианте проявление объекта должно быть свидетельством его существования (наличия).

В контексте отрицания у (5а), (6а) сначала повышается статус компонента «восприятие звука/ света» (так что отрицается восприятие), а затем семантический переход от невосприятия к отсутствию дает фразы (5б), (6б), с генитивным субъектом.

Теперь рассмотрим те подклассы глаголов проявления, которые не являются генитивными.

Глагол тактильного проявления — *горчить* (например, в контексте *Творог горчит*). В его семантику входит наблюдатель, который оценивает вкусовые качества Перцепта. Так что нулевое условие соблюдено. Соблюдено и Условие 1: Перцепт является синтаксическим субъектом глагола. Но не Условие 2: в нормальном контексте Перцепт *творог* будет именно темой предложения *Творог горчит*. В самом деле, фраза *Горчит творог* с нерасчлененной коммуникативной структурой, может быть понята только в значении идентификации — она отвечает на вопрос «Что горчит?».

(7) — Ватрушка почему-то горькая. — Наверно, *горчит творог*.

Это и не удивительно: *горчить* — это, с точки зрения акциональной классификации, глагол свойства, и его единственной нормальной коммуникативной структурой является такая, где носитель свойства — тема, см. Арутюнова 1976. О том, что *горчить* — глагол свойства, свидетельствует, в частности, то, что фраза *Творог горчит* не допускает ни обстоятельств места, ни времени. См. противопоставление процесс /свойство в примере (8). Имеется две лексемы со значением испускания дыма — одна может означать в том числе и свойство, другая — только наблюдаемый процесс:

(8) а. Печь *дымит* [свойство];

б. За рекой *дымятся* заводские трубы [процесс].

Теперь о глаголах «тактильного проявления». Что касается глагола *греть*, то на первый взгляд кажется, что он попал в класс проявлений по ошибке, поскольку он обозначает воздействие, и его участники — Каузатор и Пациенс. Правда, как было показано в статье Кустова 1998, в том случае, если объектом воздействия является живое существо, которое способно воспринимать /ощущать воздействие, участник Пациенс является одновременно Экспериментом, и тогда нулевое условие соблюдено. Однако поскольку глагол *греть* переходный, о возможности его вхождения в конструкцию с генитивным субъектом речи нет: не соблюдается Условие 1.

Что же касается глаголов *жечься*, *колоться*, то это декаузативы от глаголов *жечь*, *колоть* — того же класса, что *греть*. Мешает этим глаголам быть генитивными Условие 2: они, так же как *горчить*, обозначают свойство и тоже имеют коммуникативную структуру, в которой их Перцепт является темой: фраза *Жжется крапива* (в отличие от *Белеют паруса* или *Звенят женские голоса*) не может быть понята с интродуктивной коммуникативной структурой, при которой тактильное проявление крапивы могло бы быть свидетельством ее существования /наличия. Если *Белеют паруса* нормально как интродуктивное предложение (т. е. как предложение введения в рассмотрение, см. Янко 2001: 139), то *Жжется крапива* мо-

жет быть понято только как предложение идентификации: оно отвечает на вопрос «Что жжется?».

Остаются глаголы *пахнуть*, *благоухать*, *вонять*, *смердеть* — «обонятельного проявления». Начнем с глагола *пахнуть*, который легко преодолевает все простые барьеры. В самом деле, он удовлетворяет Условию ноль — у него есть наблюдатель за кадром; в предложении (9) он даже выражен дативом (в противоречии с современной нормой):

(9) Увы, теперь поля, леса и дороги *пахнут* автору слабо. [Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)]

Соблюдается Условие 1 — Перцепт выражен субъектом:

(10) Розы приятно *пахнут*.

И даже Условие 2. В самом деле, Перцепт глагола *пахнуть* не обязательно тема. Так, в (11) субъект-Перцепт несет ударение конца фразы:

(11) — Липы $\searrow$ *пахнут*, слышишь? — спросила она. [И. Грекова. Летом в городе (1962)]

По своему акциональному классу *пахнуть* аналогичен глаголам звука: хотя он и может быть свойством, как *горчить*, но чаще всего распространение запаха концептуализируется, аналогично распространению звука, как процесс: глагол *пахнуть* сочетается с обстоятельствами времени-длительности (*После этого в кухне долго еще пахло рыбой*) и с обстоятельством места (*В автобусе пахло бензином*).

Глагол *пахнуть* не удовлетворяет только Условию 3: его семантика не дает оснований для инференции от невосприятия к отсутствию. Но почему? Почему нет инференции от ‘не пахнуть’ к ‘не находиться’, которая сделала бы глагол *пахнуть* генитивным? Как мы знаем, глаголы звука относятся к числу генитивных, т. е. у них эта инференция работает:

(12) а. Не грохочет *пушек* за рекой;

б. Не гремит *пушечных выстрелов* над головой.

Так чем же *пахнуть* отличается от глаголов звука?

Казалось бы, между *звенеть* и *пахнуть* полная аналогия: в одном случае Вещь испускает звук, в другом — запах. Почему же глагол *звенеть* генитивный, а *пахнуть* — нет? Дело в том, что *пахнуть* и *звенеть* различаются актантной структурой.

• У глагола *звенеть* именная группа в субъектной позиции может обозначать и Вещь, как в (13а), и (испускаемый ею) Звук, как в (13б):

(13) а. Звенят *бокалы*;

б. Звенела *музыка* в саду; Вдали звенели *голоса*.

По этому поводу в Рахилина 2008 говорится, что в предложениях типа *Не гремело победных маршей* глагол звука выражает не столько звук, сколько «звучащее бытие».

Между тем субъект глагола *пахнуть* не может обозначать Запах:

(14) *Пахла гарь.

Так что конструкции, подобной (13б), которая является предпосылкой бытийного значения, у *пахнуть* нет вообще. Но это еще не всё.

• У *пахнуть* Вещь и ее Запах разъединены — от Вещи может исходить запах другой Вещи. Т. е. Вещь и Запах — это два разных участника, и они выражаются

разными членами предложения. Так, Источник запаха может быть выражен номинативом, как в (15), и предложной группой *от* + твор., как в (16); а Запах всегда выражается твор. падежом:

(15) *Коньяк* [Вещь, Источник запаха] пахнет *клопами* [Запах].

(16) *От него* [Вещь, Источник запаха] пахнет *водкой* [Запах].

Дело в том, что у глаголов звука характер звука выражается инкорпорированным участником: это *звон у звенеть*, *гром у греть* и т. д. А у глагола *пахнуть* участник Запах не инкорпорированный, ему соответствует отдельный синтаксический актанта.

Источник запаха и Запах могут находиться в разных местах. Так, из (17) нельзя заключить, что розы на террасе:

(17) На террасе *пахнет* розами.

Иными словами, обстоятельство места при *пахнуть* обозначает место, где чувствуется запах, а не место, где находится Источник запаха. Из фразы (18) мы ничего не можем заключить о том, где находилась сама квашеная капуста (возможно, ее не было вообще, а запах был от чего-то другого):

(18) В сыром воздухе *пахло* квашеной капустой.

Именно тот факт, что при глаголе *пахнуть* обстоятельство места не характеризует местонахождения Источника запаха, т. е. Вещи, и является причиной того, что глагол *пахнуть* не генитивный: чтобы возникло значение наблюдаемого отсутствия (выражаемое генитивом), как минимум нужно, чтобы у глагола были участники Вещь и Место.

Этот вывод подтверждается сравнением *пахнуть* и *благоухать*. В число синтаксических актанта глагола *благоухать* не входит участник Запах, вместо него — инкорпорированный частный вид запаха — ‘благоухание’. Отсюда два следствия:

1. У *благоухать* обстоятельство места характеризует местонахождение Источника звука:

(19) На его газоне *благоухают* розы.

2. Глагол *благоухать* допускает генитивную конструкцию:

(20) Не *благоухает* больше роз на его газоне.

Итак, различие по генитивности между *пахнуть* и *звенеть* отражает различие в структуре их значения и, соответственно, в их актантажной структуре. Для выбора падежа субъекта в отрицательном предложении не нужно приписывать глаголу *пахнуть* специальный синтаксический признак, который отличит его от *звенеть* и других генитивных глаголов. Достаточно того, что у *пахнуть*, в отличие от *звенеть*, нет бытийной модели управления, которая включала бы Источник (запах) и его Место.

Таким образом, примеры, предъявленные в Апресян 2005, подтверждают вывод, ранее сделанный на других глаголах, о том, что генитивность глагола предсказывается из его семантики. Глаголы проявления составляют лингвистически релевантный класс постольку, поскольку их актантажная структура включает наблюдателя; но они не однородны в том отношении, которое существенно для генитивности.

Класс глаголов проявления является подклассом выделяемого в Levin 1993: 233 класса глаголов эмиссии; последний включает также глаголы эмиссии материальных частиц, в частности глагол *дымиться*. Не удивительно, что глагол *дымиться*, как и *звенеть*, генитивный:

- (21) а. Не *дымилось* больше заводских труб за рекой;
 б. Не *дымились* больше заводские трубы за рекой.

Генитив в (21а) означает, что, возможно, и сами трубы перестали существовать, а номинатив в (21б) выражает наличие труб, но отсутствие дыма.

Отличие испускания звука от испускания запаха — в том, что испускание звука требует каузатора, который воздействует на Источник, а в ситуации запаха каузатор исключен (наличие запаха является ингерентным свойством Источника), так что предлогом *от* оформляется совсем другой участник.

Глагол *пахнуть* позволяет поставить еще один вопрос. Почему Запах выражается твор. падежом? В Грамматике 1980: 27 твор. падежу при глаголах типа *пахнуть* приписывается восполняющее значение; в перечне Анны Вежбицкой (Wierzbicka 1980а), самом полном из существующих описаний твор. падежа, творительный падеж отсутствует.

Можно было бы подумать, что в основе этого твор. падежа лежит конструкция с внешним посессором и расщеплением валентности, см. Кибрик 2000. В самом деле, у глаголов звука это именно так:

- (22) *Солдаты* грохочут *сапогами* < *Сапоги* солдат грохочут.
 (23) *Кони* звенели *уздечками* < *Уздечки* коней звенели.

Однако такие примеры, как (15), показывают, что в случае *пахнуть* никакой изначально единой именной группы с общепосессивным отношением нет. Так что вопрос о семантической роли участника в твор. падеже глагола *пахнуть* остается без ответа.

З а м е ч а н и е. В Апресян 2005 приводится еще один интересный пример в пользу не полной мотивированности генитива отрицания. Это пара глаголов *остаться* — *сохраниться*; они близки по смыслу, тем не менее в контексте *сохраниться* субъект допустим в обоих падежах, а при *остаться* — только в генитиве:

- (24) а. Других улик *не осталось*; б. *Другие улики *не остались*.
 (25) а. Других улик *не сохранилось*; б. Другие улики *не сохранились*.

На самом деле эта пара отлично демонстрирует различие между двумя группами генитивных глаголов, — группой I, бытийной, и группой II, перцептивной.

Значение *остаться* — в том значении, которое имеется в виду, неагентивном, — описывается двумя компонентами: ‘количество X-а убывает’ (пресуппозиция); ‘в момент речи X имеется (в определенном количестве)’ (ассерция). Примеры (из МАС): *осталось 20 метров*; *осталось пятно снега*; *осталось только одно место*; *осталась ли хоть капля совести*. Ясно, что при отрицании в этом контексте с обязательностью возникает компонент ‘X-а не существует’ — он и кодируется генитивом. Отсюда запрет на номинативную конструкцию в (24б): поскольку субъект в (24) относится к типу МАССА/множество, возникает дополнительное партитивное значение, которое поддерживает генитив.

А у *сохраниться* субъектом может быть и индивид. Вещь не сохранилась — значит, в исходном прямом понимании, что некий субъект ее сначала хранил, а потом потерял из виду. Это глагол перцептивной группы. В силу регулярной многозначности *не сохранилась* может означать и ‘перестать существовать’. Но, так или иначе, компонент «восприятие» дает, в контексте *сохраниться*, возможность противопоставить номинатив и генитив, отсутствующую у чисто экзистенциальных глаголов, таких как неагентивное *остаться*. Предложения (25а) и (25б) оба допустимы и имеют разный смысл: номинатив в (25б) выражает просто отсутствие, а генитив в (25а) — наблюдаемое отсутствие.

Итак, класс глаголов проявления признака позволяет поставить изучение связей между наблюдателем и генитивом отрицания на более четкую основу.

Глагол *пахнуть*, при несомненном наличии наблюдателя в его семантике, не является генитивным. Это, однако, никак не противоречит нашей концепции генитива отрицания. Участник наблюдатель способен давать генитивный субъект, если семантика глагола обеспечивает ему актантную структуру локативного типа — с участниками Вещь и Место. Такая структура может развиваться на базе глагола *звенеть*, но не на базе глагола *пахнуть*, у которого в дополнение к участнику Вещь есть участник Запах, и обстоятельство места локализует не Вещь, а Запах.

6.2. ГЕНИТИВ ОБЪЕКТА*

6.2.1. РЕФЕРЕНЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛА

Еще во времена Пушкина употребление генитива объекта при отрицании считалось обязательной нормой — и Пушкин ее признавал; в известном сочинении «Опровержение на критики» (А. С. Пушкин, Сочинения в десяти томах, т. 7) он отстаивал право на вин. падеж только в контексте не непосредственно подчиняющего отрицательного глагола (как в сочетании *два века в два века сорить не хочу*):

Я не могу вам позволить начать писать ... *стихи*, а уж конечно не *стихов*.

Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю.

Видимо, отзвуком этой перепалки с редактором стали строки в «Египетских notes», где говорится:

⟨...⟩ признаться: кроме права ставить винительный падеж вместо родительного и еще кой-каких так называемых поэтических вольностей мы никаких особенных преимуществ за русскими стихотворцами не ведаем ⟨...⟩.

---

* В основу этого раздела положена статья в журнале «Вопросы языкознания», 2006, № 6, 21—44.

Пушкин признавал необходимость генитива теоретически:

Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательною частицею, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: я не пишу *стихов*.

А практически он эти нормы расшатывал — в строчке *два века ссорить не хочу* дело, конечно, не в длине цепочки зависимостей, ср.

- (1) а. *не могу писать стихов;
б. не могу сказать ответа.

И процесс пошел — в сторону, намеченную Пушкиным (и его «стихотворческими вольностями»).

Действительно, на протяжении последних двух столетий видно, как прямые падежи, именительный и винительный, наступают на генитив (см. об этом в Mustajoki, Heino 1991). В контексте примера (2) норма старшего поколения требует генитива, см. (2а); а аккузатив в (2б) свидетельствует о наступлении новой нормы:

- (2) а. Она не несет за это *ответственности*;
б. Если что-то будет найдено при повторном обыске, она *ответственность* не несет. (Известия, 2005)

Национальный корпус русского языка показывает для современного языка примерно одинаковую цифру — больше ста употреблений — и для *не несет ответственности* и для *не несет ответственность*.

Так же обстоит дело с другими устойчивыми сочетаниями с абстрактным именем; стали возможны¹³:

- (3) не обращает *внимание*, не создали *условия* (в значении мн. числа), не возбуждает *жалость*, не привлекает *внимание*, не придает *значение*.

Ясно, что здесь нет смысла устанавливать норму: и то и другое допустимо. Задача лингвистики — в том, чтобы понять, как обстоит дело.

До последнего времени основная часть исследований этой проблемы была направлена на описание условий употребления генитива и аккузатива: как можно сказать и как нельзя. В Mustajoki, Heino 1991 перечислено больше трехсот генитивных и аккузативных «факторов» (релевантных контекстов) со статистикой по каждому. Это великолепный материал, который может служить отправной точкой для дальнейших исследований — в несколько ином направлении. Задачу нужно поставить по-другому. А именно, начать с семантических противопоставлений, выражаемых генитивом, и попытаться понять, какие смысловые оппозиции сохранились, а какие утратились: перестали /перестают осознаваться носителями языка.

Иными словами, задача в том, чтобы отличить семантически мотивированный выбор от вариативности, которая характерна для ситуации смены нормы. В принци-

¹³ Что касается генитива субъекта, то он тоже убывает. Так, А. М. Пешковский (Пешковский 1938: 334) считает допустимым предложение *Второй роты не приходило*, в которой даже нынешнее старшее поколение расценит родительный падеж как неуместный.

пе, чистая синонимия языку не свойственна. Но в ситуации, когда норма меняется, возможны варианты выражения смысла, разница между которыми стилистическая, возрастная, но не смысловая. Т. е. важно выяснять, сохранились или утратились семантические различия, лежащие в основе прежней нормы. Если их нет, то либо один из вариантов победит, либо возникнет новая норма.

Мы считаем возможным говорить о генитиве отрицания как едином понятии, хотя в традиционных грамматиках они описываются в разных разделах: генитив субъекта попадает в раздел о безличном предложении. А. М. Пешковский (Пешковский 1938: 334) пишет, однако, говоря о предложениях *Не слышалось никакого звука* (Тург.), *Ни облачка на небе не бродило* (Жуковск.), *Ожидаемой помощи не приходило* (Пушк.) и др.: «Предложения эти безличны только при отрицании. По устранении отрицания они переходят в личные <...>, причем на месте родительного оказывается подлежащее. Таким образом, отсутствие подлежащего здесь связано именно с родительным, а сам родительный — с отрицанием, как в оборотах *не вижу сестры*, *не читаю книги*, и т. д.». Из этого отрывка видно, что А. М. Пешковский считает безличность глагола в контексте генитивного субъекта обусловленной генитивом, т. е. как бы вторичной, что позволяет нам рассматривать конструкции с генитивным субъектом и с генитивным объектом как параллельные и связанные одна с другой.

Тем не менее генитив субъекта и генитив объекта — это две разные сферы употребления генитива. Что касается генитива субъекта, то тут поиски семантической мотивированности выбора падежа, можно считать, увенчались успехом; см. обзор литературы — в Partee, Borschev 2002; 2004. Возражения по поводу семантических обоснований генитива (см. Апресян 1985; 2005) до сих пор удавалось снимать — что, как кажется, способствовало сближению разных концепций.

Литература о генитиве отрицания огромна. (Пер Рестан 1960; Ицкович 1974; Timberlake 1975; Babby 1980; Апресян 1985; Mustajoki, Heino 1991 задают наиболее существенные вехи.) В основном она посвящена генитиву объекта. И прежде всего — сочетаемости: возможен в такой-то позиции генитив или невозможен; или в трансформационных терминах: возможна или невозможна и обязательна или не обязательна замена аккузатива на генитив при добавлении отрицания в таком-то контексте.

Пионерская работа Babby 1980 поставила во главу угла генитив субъекта, представив при этом выбор падежа субъекта как семантическую проблему, — подход Бэбби можно трактовать как семантический. В центре внимания Бэбби семантические причины, которые заставляют говорящего выбирать тот или иной падеж. Отдельная заслуга Бэбби — в том, что, сдвинув фокус внимания с объекта на субъект, он поставил семантическую задачу, как выяснилось, более простую: генитив субъекта допустим при небольшом классе глаголов — в котором семантическую мотивированность выбора гораздо легче проследить.

К началу нулевых годов мы имели достаточно стройную семантическую картину генитива субъекта, см. обзор литературы в Падучева 2005 и в Partee, Borschev, Paducheva e.a. 2012. И это создало базу для семантического подхода к генитиву объекта. Относительно простая семантика генитивного субъекта проливает свет

на более сложную семантику генитива объекта. Отметим несколько наиболее существенных моментов.

Связь лингвистики с логикой и прогресс в лингвистической теории референции, ознаменовавший 70—80-е годы прошлого века, подарили лингвистам понятие РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО (денотативного) СТАТУСА именной группы (ИГ) и экспликацию статуса через существование и знание. Компоненты «существование» и «(не)знание» вошли в экспликацию статусов именной группы. Стали ясны связи между определенностью (т. е. конкретной референцией) и ПРЕСУППОЗИЦИЕЙ (презумпцией) существования; ср. инференции типа:

конкретно-референтная ИГ $\supset$ 'существует и единствен X такой, что ...';

(не)определенная ИГ $\supset$ 'я — говорящий — (не) знаю X-а'.

Вошло в лингвистическую практику понятие СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ, без которого сейчас немислимо описание не только кванторных, но и обычных слов в языке. Получило общее признание понятие презумпции (пресуппозиции).

Выяснилась специфическая роль, которую играет в семантике лексики компонент «восприятие». Есть очевидная импликатура:

вижу X $\supset$ 'X существует'.

Например: *я вижу слезы* $\supset$ 'слезы есть'. Интересно, однако, что семантический переход может идти и в обратную сторону: одно из активно действующих правил семантической деривации —

не вижу X-а $\supset$ 'X-а не существует'.

Так, *энтузиазма не наблюдается, улики не обнаружилось* $\supset$ 'его /их нет', см. Падучева 2004: 150.

Компонент «восприятие» входит в семантическую структуру самых разных глаголов — в частности, под видом наблюдателя (см. о наблюдателе Апресян 1986). Наблюдатель мыслится как один из участников ситуации — как воспринимающий субъект в ранге За кадром. С помощью наблюдателя решилась загадка локативного *быть*: на примере глагола *быть* была осознана важность концепта НАБЛЮДАЕМОЕ ОТСУТСТВИЕ в русской языковой картине мира — наряду с наблюдаемым признаком (у *белеть*), наблюдаемым движением (у *мелькать*) и др. Наблюдаемое отсутствие будет одним из ключевых понятий и в конструкции с генитивом объекта.

Для проникновения в семантику генитива объекта первостепенное значение имеют успехи, достигнутые за последние годы лексической семантикой (работы Ю. Д. Апресяна, Анны Вежбицкой, Ч. Филлмора, Б. Левин, М. Раппапорт-Ховав). Одни и те же компоненты — существование, восприятие, знание — выявляются при лексическом разложении генитивного глагола и при грамматическом анализе семантики генитива. Именно этим компонентам обязаны своей генитивностью глаголы создания, местонахождения, обладания, перемещения. Тем самым стала понятна роль лексического класса глаголов в конструкции с генитивным субъектом; выяснилась природа взаимодействия референциальных и лексико-семантических аспектов структуры предложения с генитивным субъектом в отрицательном предложении.

Осознана внутренняя связь семантики генитивного глагола с семантикой генитивной конструкции: она может быть представлена как семантическое согласование. (Отдельно следует говорить об употреблении генитивной конструкции субъекта в контексте негенитивных глаголов типа *быть, лежать*, при которых наблюдатель возникает из семантики генитивной конструкции.)

Уже в 80-е годы были выявлены ограничения на референциальный статус актанта у некоторых глаголов и глагольных классов (см., в частности, Булыгина 1982; Падучева 1985: 103—105). Теперь ясно, что связь между референциальным статусом участника и семантикой глагола предопределена наличием в толковании глагола и в семантике статуса одних и тех же смысловых компонентов: компоненты существование, восприятие, знание входят и в семантику глагола, и в экспликацию статусов. Так, компонент «существование» входит в семантику глаголов создания; поэтому:

- (4) а. Y построил $X \supset$ 'Y сделал так, чтобы X существовал';
 б. Y не построил X -а $\supset$ 'X-а не существует'.

Перцептивный компонент входит в семантику глаголов обладания и перемещения; поэтому:

- (5) а. Y получил $X \supset$ 'X вошел в поле зрения Y-а';
 б. Y не получил X -а $\supset$ 'X-а нет в поле зрения Y-а'.
 (6) а. X пришел $\supset$ 'X вошел в поле зрения Y-а';
 б. X -а не пришло $\supset$ 'X-а нет в поле зрения Y-а' (где X — предмет).

В современной семантике большое место занимает онтология: стали реальностью тематические классы глаголов и имен¹⁴. В Restan 1960; Timberlake 1975; Klenin 1978; Mustajoki, Heino 1991 была убедительно описана роль оппозиции «конкретный vs. абстрактный объект»¹⁵. У имен разных тематических классов разный РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ. Скажем, предпочтительный генитив объекта, выраженного именем свойства (как во фразе *Не люблю высокомерия*), естественно связать с ингерентной нереперентностью абстрактных имен (впрочем, возможно и другое объяснение — через партитивную семантику генитива, см. примеры (4), (5) в разделе 6.2.2).

Итак, повторим. В основе нашего подхода к генитиву объекта лежит следующая гипотеза: **смысловые компоненты, которые определяют семантику генитивного субъекта отрицаемого глагола, входят также и в семантику генитива объекта**. Следует ожидать, что генитив объекта в отрицательном предложении может, аналогично генитиву субъекта, выражать несуществование или маркировать отсутствие объекта в поле зрения наблюдателя или, шире, в его личной сфере.

Семантика генитива субъекта определялась простым правилом: в контексте глагола существования генитив выражает несуществование, а номинатив — определенность, т. е. конкретную референцию субъекта; в контексте предиката восприятия

¹⁴ В работе используется таксономия, отраженная в Национальном корпусе русского языка; см. также о таксономических разработках в рамках системы «Лексикограф» в Кустова 2004; Падучева 2004.

¹⁵ В Корпусе это оппозиция «предметное vs. не предметное имя».

генитив не обязательно выражает несуществование; он может выражать всего лишь отсутствие Вещи в поле зрения:

- (7) а. *Машу* не видно [Маша здесь, но наблюдатель ее не видит];
 б. *Маши* не видно [наблюдатель не видит Маши, и, скорее всего, ее здесь нет].

Для генитива объекта правило выбора падежа сложнее: несомненна зависимость от большого числа условий, которые не всегда поддаются семантическому истолкованию. Самая общая идея та же: аккузатив маркирует определенность, конкретную референцию, а генитив выражает нереферентность, неопределенность или неизвестность. Однако оговорок, уточнений и стилистических оттенков, обусловленных меняющейся нормой, здесь гораздо больше.

Итак, намечается следующий общий план исследования генитива объекта. При отрицании предложения с переходным глаголом может меняться референциальный статус объектной ИГ. Например, в (8а) ИГ *машину* неопределенная, но референтная. Однако *машина* в (8а) выделена из класса ей подобных объектов только тем, что Джон ее купил. Так что в отрицательном предложении (8б) ИГ объекта может быть нереферентной, и это выражается генитивом:

- (8) а. Джон купил *машину*;
 б. Джон не купил *машины*.

Смысловые компоненты именной группы, эксплицирующие ее референциальный статус, — это существование, восприятие, известность (знание). Так что существенными в семантике глагола — с точки зрения возможного взаимодействия со статусом ИГ в контексте отрицания — должны быть именно эти три компонента. С этой точки зрения мы и будем смотреть на классы глаголов, допускающих генитив объекта.

Лингвистические понятия определенность и неопределенность нуждаются в уточнении. Определенность не обязательно предполагает референтность: она не обязательно связана с пресуппозицией существования Вещи (см. в Падучева 1977 о возможности сведения определенности к **прагматической** презумпции известности, отличной от обычной, т. е. семантической, презумпцией существования. Это объясняет генитив в примере (9), где объектная ИГ не референтна — несмотря на определенность (выраженную указательным местоимением); письма не существует:

- (9) *Этого письма* он не написал.

С другой стороны, пресуппозиция существования и единственности — это нечто меньшее, чем определенность. Именная группа является определенной, если, употребляя ее в высказывании, говорящий имеет в виду какой-то объект. Между тем в случае **атрибутивной** референции (по К. Доннеллану, Donnellan 1966) есть пресуппозиция существования и единственности, но нет референции к какому бы то ни было объекту в поле зрения или личной сфере говорящего, см. Падучева 1985: 96; Шмелев 1996: 103ff.

Традиционный термин неопределенность имеет еще менее ясный смысл; за ним скрывается по крайней мере три разных понятия: нереферентность (отсутствие пре-

суппозиции существования и единственности — как у ИГ *машины* в (8б)), отсутствие в поле зрения и незнание. Некоторые классы глаголов кодируют эти компоненты в своем лексическом значении. Так, в семантику глагола создания входит идея существования; отсюда неререферентность ИГ *письмо* в (10а); глаголы восприятия, обладания и отчасти движения лексикализуют идею вхождения объекта в поле зрения наблюдателя, как в (10б); семантикой незнания можно объяснить генитив объекта, возникающий в отрицательных предложениях с глаголами знания, см. (10в):

- (10) а. не написал *письма*;
 б. не получил *ответа*;
 в. не знаю *этой женщины*.

В контексте глаголов восприятия, знания, создания, обладания и отчасти движения (вхождение объекта в поле зрения наблюдателя) именная группа особым образом взаимодействует с семантикой глагола.

6.2.2. ЗНАЧЕНИЯ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

Начнем с того, какие вообще значения может выражать падеж.

1. Ролевая информация. Ролевая семантика эксплицируется компонентом /компонентами толкования глагола, см. Апресян 1974: 125; Jackendoff 1990. Так, в *разбил топор* слово *топор* — объект воздействия, а в *разбил топором* — орудие. Ролевую информацию родительный падеж выражает ограниченно — при глаголах с лексикализованной партитивностью (*прибавилось хлопот, недостает тепла* [‘в некотором количестве’], *недобрал одного балла* и проч.) или с лексикализованным отрицанием (генитив объекта у глаголов *лишить, избежать* можно связать с отрицанием в их семантическом разложении: *лишил X-а* = ‘каузировал X-а не иметь’; *У избежал X-а* ⊃ ‘У не имеет контакта с X-ом’).

Однако такое прямое влияние отрицательного компонента на падеж объекта имеет место далеко не всегда; так, *игнорировать, скрывать* управляют аккумулятивом:

- (1) а. не упоминает *Машу /Маши* — игнорирует *Машу / *Маши*;
 б. не показывает *Машу /Маши* — скрывает *Машу / *Маши*.

2. Коммуникативный ранг. Например, падеж противопоставляет позицию Субъекта, центральную, периферийной (ср. *сад кишит змеями* и *змеи кишат в саду*); позицию Объекта, тоже центральную, периферийной (*заткнул вату в щель* — *заткнул щель ватой*). О ранговых противопоставлениях, выражаемых генитивом, см. Тестелец 2001: 419ff; Падучева 2004: 58. При глаголах с перцептивным компонентом генитивный субъект — это объект восприятия.

3. Квантификация и референциальный статус. Именно это основная стихия генитива. Для субъекта в отрицательном предложении противопоставление номинатив /генитив отражает, прежде всего, референциальный статус участника, см. раздел 6.1.1. Так, в (2а) ИГ *ответ* в номинативе, и она референтная определенная: ответ существует, послан; в (2б) ИГ *ответа* генитивная и неререферентная — возможно, его и не было:

- (2) а. *Ответ* еще не пришел;
 б. *Ответа* не пришло.

Можно думать, что генитив объекта, как и генитив субъекта, служит прежде всего для выражения референциального статуса ИГ. А именно, генитив объекта в отрицательном предложении выражает нереферентность, а аккузатив маркирует определенную ИГ — референтную:

- (3) а. *Ответ* мы не получили;
 б. *Ответа* мы не получили.

4. Партитивное значение генитива. Генитив субъекта может иметь партитивное значение, т. е. обозначать некоторое количество, часть: для так наз. 2-го родительного партитивное значение является единственным (*Чаю у нас нет*), а для обычного — одним из возможных (например, генитив имеет партитивное значение в контексте *Соли у нас нет*, но не *качество соли*). В утвердительном предложении партитивное значение в субъектной ИГ выражается в русском языке ограниченно — в основном, в контексте глаголов с лексической партиitivностью: *Работы прибавилось*. Нельзя сказать **В чашке осталось воды*, хотя с семантической точки зрения это безупречно. Но в отрицательном контексте, когда предложение уже и без того безличное, генитив в партитивном значении употребляется широко, ср. пример, который приводится в Guiraud-Weber 1984 (с другой интерпретацией):

- (4) Даже *лебедя* не выросла [родовая ИГ] — Даже *лебеды* не выросло [партитивная].

В своем предисловии к Babby 1980 Б. Комри усматривает в примерах типа (5) выраженное генитивом различие в сфере действия отрицания:

- (5) а. *Трава* здесь не растет;
 б. *Травы* здесь не растет.

Между тем есть более простое объяснение. Различие между (5а) и (5б) определяется тем, что (5б) — это отрицание для (6б), с осмысленным, но грамматически недопустимым партитивом; а (5а) — отрицание для нормального (6а):

- (6) а. *Трава* здесь растет;
 б. **Травы* здесь растет.

В составе объектной ИГ для род. падежа нет синтаксических препятствий, род. падеж в партитивном значении употребляется (в контексте имен массы) гораздо более свободно — как в утвердительном предложении, см. (7), так и в отрицательном, см. (8):

- (7) а. Положи *соли* [‘некоторое количество’];
 б. Положи *соль* [нет указания на количество].
 (8) а. Не клади *соли* [‘никакого количества’];
 б. Не клади *соль* [нет указания на количество].

Приняв во внимание партитивное значение генитива в отрицательном предложении, мы существенно расширяем возможности семантических объяснений. Ср. известный пример из Томсон 1903:

- (9) а. Кошка не ест *ветчины* [только вообще];
 б. Кошка не ест *ветчину* [сейчас или вообще].

Аккузатив может быть понят и в родовом смысле, и в конкретно-референтном — применительно к данному куску в данном акте еды, как в (9б). А партитив, как в (9а), который, как всякий показатель количества, выражает неопределенность (Падучева 1996: 188), несовместим с актуальным — конкретно-референтным — значением несомн. вида. Единственное возможное понимание для (9а) — с узуальным значением вида (и с родовой, а не партитивной интерпретацией ИГ объекта). Партитивное значение у генитива *ветчины* при актуальном понимании вида глагола исключено в отрицательном (9а) так же, как в утвердительном **Кошка ест ветчины*.

Одно и то же слово может пониматься как индивид и как имя массы. При этом если слово понимается как имя массы (например, *солнце* — в значении ‘солнечный свет’), то обязателен генитив, ср.

- (10) Я не вижу *солнце* — Они месяцами не видят *солнца*.

Партитивное значение возникает не только в контексте имени массы, но и в контексте счетного имени во мн. числе: имеется очевидное сходство между именем массы и мн. числом счетного имени (широко обсуждаемое в формальной семантике, см. Bach 1986). В Падучева 1997 говорится, в связи с генитивом субъекта, что «множественное число способствует генитивной конструкции, поскольку превращает индивидуальное имя в имя массы; тем самым генитив получает партитивное значение и дополнительную семантическую мотивировку».

Кроме того, согласно Есперсен 1958: 229, абстрактные имена метафорически категоризируются как имена массы. Возможно, именно это служит объяснением предпочтения генитива (в партитивном значении) в контексте этих имен:

- (11) не проявил *внимания*, не оценил *доверчивости*.

5. Генитив и лексическая семантика глагола. Имеется несколько релевантных лексических классов.

а) Взаимодействие «по существу» между лексической семантикой глагола и генитивом объекта имеет место в контексте глаголов **восприятия**. В Падучева 1997 было обосновано деление глаголов, допускающих генитивный субъект, на два класса: бытийные (типа *возникнуть*) и восприятия (типа *чувствоваться*, *наблюдаться*). Если в классе бытийных глаголов генитив субъекта в отрицательном предложении выражает нереперентность, то при глаголе восприятия это всего лишь отсутствие в поле зрения; так, в (12) генитив не подвергает сомнению существование Маши:

- (12) *Маши* дома не оказалось.

Генитив объекта подтверждает обоснованность этого деления. Глаголы восприятия обнаруживают несколько характерных особенностей в этом плане.

У глаголов восприятия генитив объекта-лица может выражать, как и генитив субъекта, не отмену презумпции существования лица, а всего лишь инференцию его отсутствия в данном месте. Так, фразой (13б) я не только сообщаю, что не видел Маши, но и даю понять, что Маши там, возможно, не было. А в (13а) ничего такого нет:

- (13) а. Я был в Лондоне, но не видел *Машу* [$\approx$ ‘не повидался’];
 б. Я был в Лондоне, но не видел там *Маши* [возможно, ее там не было].

Фраза (14) тем более означает не только ‘не вижу Машу’, но и ‘Маши здесь нет’ — не только невосприятие, но и отсутствие:

- (14) Что-то я не вижу *Маши*.

Агентивность глагола (преднамеренность действия) тоже может играть роль:

- (15) а. Я не встретил *Машу* [если имел в виду встретить];
 б. Ты *Маши* не встретил? [если случайно].

Итак, в случае генитивного имени с незыблемой референтностью отрицание восприятия отрицает также местонахождение, но не распространяется на существование. Аккузатив, напротив, показывает, что нахождение Вещи в Месте не отрицается:

- (16) Из-за тумана мы не видим на том берегу *деревню*.

Однако в контексте «менее референтных» имен генитив при глаголе восприятия может отменять и презумпцию существования: (17) и (18) — не что иное, как мягкий способ сказать, что рвенция /оснований нет:

- (17) Что-то я не вижу в вас *рвеня*;
 (18) Не вижу *оснований* так поступать.

В (19) несуществование является «законным» семантическим следствием ненаблюдаемости:

- (19) не обнаружили *следов* пребывания человека.

При этом неважно, употребляется ли генитив в значении восприятия или ментальном:

- (20) не вижу $\approx$ не усматриваю *прогресса*.

В Hunyadi 1981: 54 на примерах типа (21) говорится, что противопоставление генитива и аккузатива имеет экзистенциальные коннотации:

- (21) а. Я не вижу *карандаши*;
 б. Я не вижу *карандашей*.

Точнее, однако, говорить здесь не о коннотации несуществования, а о коннотации отсутствия Вещи в данном месте. Именно эта коннотация связана с глаголами восприятия, и генитив выражает ее как в случае нереперентного термина *карандаши* в (21б), так и референтного *Маши* в (14).

Иногда противопоставление отсутствия и несуществования стирается; например, когда речь идет о Вещи, которая и не может существовать иначе как в данном Месте; или если существование Вещи в другом Месте нерелевантно. Например, когда говорят об отсутствии денег, обычно имеют в виду деньги в своем кармане. Генитив остается, однако, и там, где существование не подвергается сомнению, а отрицается только восприятие:

- (22) Никто не заметил ее *букета*.

Аспектуальный класс глагола тоже играет роль — стативность способствует генитиву:

- (23) а. *Этого процесса* никто не видел [глагол состояния; инференция несуществования];
 б. *Этот процесс* никто не исследовал [глагол действия; пресуппозиция существования].

Итак, генитив объекта при глаголах восприятия имеет особый — более богатый — спектр значений. Он может выражать отсутствие объекта в поле зрения, отсутствие объекта в данном месте и даже несуществование (в мире вообще).

Предложение (24) имеет два понимания:

- (24) *Этой демонстрации* никто не видел =
 i. с пресуппозицией существования [генитив синонимичен аккумулятиву];
 ii. с инференцией несуществования [возможен только генитив].

б) Другой класс со специальным значением генитива объекта — глаголы **знания**. При глаголе знания определенная ИГ может — а иногда и должна — быть оформлена генитивом:

- (25) Я *этого* (*это) не знаю.

Принципиальный характер имеет пример (26). Вин. падеж в (26а) подтверждает определенность, выраженную в составе именной группы местоимением *этот*; но тогда можно подумать, что генитив в (26б) противоречит определенности. Между тем это не так. Употребляя генитив, говорящий всего лишь исключает объект из своей личной сферы (один из вариантов конфигурации «наблюдаемое отсутствие»):

- (26) а. Я не знаю *эту женщину*;
 б. Я не знаю *этой женщины*.

Так что аккумулятив выражает определенность, но определенность не обязательно выражается аккумулятивом. Различие между (27а) и (27б) в том, что в (27а) говорящий включает Вещь в свою личную сферу, а в (27б) — нет:

- (27) а. Я не знаю Машу Трофимову;
 б. Я не знаю Маши Трофимовой.

в) Генитив объекта употребляется в контексте **интенциональных** глаголов: глаголы *ждать, желать, ждать, искать, хотеть, (по)просить, (по)требовать* (возможно, также *найти*) допускают как генитив, так и аккумулятив объекта.

В грамматиках русского языка не проводится различия между генитивом отрицания и генитивом интенциональных глаголов (проблема возможных связей между генитивом отрицания и объектным генитивом интенциональных глаголов была поставлена в Partee, Borschev 2004). Между тем в контексте глаголов *ждать* и *искать* уже в утвердительном предложении нереферентная ИГ почти обязательно оформляется генитивом; так, в (28а) аккумулятив и референтная ИГ; в (28б) — генитив, нереферентная:

- (28) а. ждать *Машу*;
 б. ждать *изменения ситуации*.

Генитив объекта при интенциональных глаголах, хотя бы и в отрицательном предложении, поскольку он не обусловлен отрицанием, остается за рамками рассмотрения.

6. Генитив и грамматический вид глагола. Имеется очевидная корреляция между генитивом отрицания и несов. видом глагола; генитив может быть вполне естествен при несовершенном, но не при совершенном виде глагола:

(29) а. ?Я не *разбил* чашки; б. Я не *разбивал* чашки.

(30) а. ?Я не *съел* ветчины; б. Я не *ел* ветчины.

И наоборот, аккузатив может быть неуместен при сов. виде:

(31) а. Мы не *получили* письмо; б. ?Мы не *получали* письмо.

Генитив невозможен в будущем времени. Будущее время несов. вида исключает генитив в партитивном значении — не только при единичном, но и при узуальном значении вида:

(32) а. Он не ест каши; Он никогда не ел каши;

б. Он не будет есть *каши.

(33) а. Ваше отсутствие не тормозило работу (работы);

б. Ваше отсутствие не будет тормозить работу (*работы).

(34) а. Я не стирала полотенце (полотенца);

б. Я не буду стирать полотенце (*полотенца).

В сов. виде запрета нет:

(35) а. не решит задачу (задачи);

б. не будет решать задачу (*задачи).

О несов. виде в контексте отрицания и генитива отрицания см. в главе 7.

6.2.3. СФЕРА ДЕЙСТВИЯ ОТРИЦАНИЯ

В литературе о генитиве отрицания получила распространение идея о том, что генитив выражает сферу действия отрицания, см. подробное изложение этой точки зрения, и фактически ее опровержение, в Partee, Borschev 2002.

В предложениях с конкретно-референтными определенными ИГ можно считать сферу действия отрицания всегда максимальной (пресуппозиция существования и единственности выходит из-под отрицания по правилу о пресуппозициях, а не сферы действия). Так что речь может идти только о предложениях с кванторными словами в составе ИГ. В Partee, Borschev 2002 отвергается предположение о том, что оппозиция им. и род. падежа в именных группах с *ни один* выражает различие в сфере действия. В самом деле, в примерах (1а) и (1б) генитив выражает различие в перспективе (т. е. в позиции наблюдателя), а сфера действия отрицания в обоих предложениях одинаковая — максимальная:

(1) а. *Ни один студент* не был на лекции;

б. *Ни одного студента* не было на лекции.

Каждое кванторное слово требует, однако, отдельного кропотливого анализа. В Timberlake 1975 приводится два примера с другими кванторными словами¹⁶, ко-

¹⁶ Близкие примеры обсуждаются в Klenin 1978.

торые интересно рассмотреть в данной связи (эти примеры обсуждаются в Partee, Borschev 2004, со ссылкой на Timberlake 1975).

Пример 1:

(2) Ты еще *многого* не знаешь.

В логической структуре, которую естественно сопоставить этому предложению, отрицание находится в сфере действия квантора *существует много*. Если заменить род. падеж на винительный, мы получим предложение (3):

(3) Ты еще *многое* не знаешь;

которое отличается по смыслу от (2) тем, что имеет значение слабой определенности (Падучева 1985: 90—91): ‘я, говорящий, знаю, что именно ты не знаешь, а ты, слушающий, нет’. Сфера действия квантора остается неизменной, так что генитив сферы действия не выражает.

Пример 2:

(4) Всё ↗ знать невозможно ↘ .

Отрицание этого типа названо смещенным (см. 5.6) — частица *не* стоит при глаголе, но по смыслу отрицание воздействует на кванторное слово, см. пример смещенного отрицания из Падучева 1974: 143.

(5) Он не решил всех ↘ ваших задач ≈ ‘он решил не все ↘ ваши задачи’;

В таком случае

(4) ≈ ‘не все можно знать’.

Что касается генитива в предложении со смещенным отрицанием, то он факультативен (хотя и предпочтителен); так, если взять не слово *невозможно*, а квазисинонимичное ему *нельзя*, то при нем допустимы оба падежа, без ошутимого различия смысла:

(4') а. *Всего* знать нельзя;

б. *Всё* знать нельзя.

В контексте *невозможно* генитив неуместен:

(4'') а. *Всего знать *невозможно*;

б. *Всё* знать *невозможно*.

Описать различие между *невозможно* и *нельзя* таким образом, чтобы из него предсказывалось ограничение на генитив, мы не можем. Ясно только, что и в (4'a) генитив не выражает изменения в сфере действия отрицания.

Примеры взаимозаменяемости генитива и аккузатива в контексте слова *всё*:

(7) а. *Всего* не перестираешь; б. *Всё* не перестираешь.

(8) а. *Всего этого* я не знал; б. *Всё это* я не знал.

Интересно, что если в (9) заменить *всё* на *ничто* (в соответствии с законом логики, который отлично работает в естественном языке — $\forall x \neg P(x) \equiv \neg \exists x P(x)$), генитив становится обязательным:

(9) *Всё это* я не знал ≈ Ничего *этого* я не знал.

Короче говоря, в предложениях с *ни*, *много* и *всё* противопоставление генитив vs. аккузатив сферы действия квантора не выражает; равно как и в предложениях с *ника-*

кой; так, *Не читаю я никакую газету* = *никакой газеты*. Квантифицированные именные группы составляют особую проблему, и здесь они не рассматриваются.

И еще одно ограничение: мы не касаемся падежа объекта, подчиненного не непосредственно отрицаемому глаголу, а находящемуся при нем инфинитиву, как в *не может связать двух слов, не хочет сравнивать два века*. Тут совмещен референциальный эффект от личного глагола и инфинитива, что приводит в действие совершенно новые факторы, которые надо исследовать отдельно.

6.2.4. ЭВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМА НОРМЫ

Начиная с XIX века в русском языке идет процесс убывания объектного генитива. Норма меняется, семантика противопоставления утрачивается. Как следствие — вариативность, см. Guiraud-Weber 2002. Поэтому интерпретация данных, полученных из корпусов и из ответов информантов, — это отдельная задача.

Мы исходим из того, что в русском языке генитив объекта, как и генитив субъекта, на какой-то момент получил определенную семантику, носителем которой сейчас является более старшее поколение. Грубо говоря, генитив выражает либо нереферентность, либо отсутствие Вещи в поле зрения или в личной сфере говорящего, а аккузатив выражает конкретную референцию.

Современное состояние определяется этой «семантической нормой» и двумя родами отклонений.

Отклонение 1, пережиток. Семантическая норма требует аккузатива (поскольку в утвердительном предложении объект был референтной ИГ и отрицание не отменяет референтности: *уговорил /не уговорил Машу*); генитив — пережиток старой нормы. Так, в (1) современная норма требует оформления определенной ИГ *своей тещи* аккузативом; старая дает немаркированное употребление генитива, безразличное к определенности:

(1) Ипполит Матвеевич не любил *своей тещи*. (Ильф и Петров. Двенадцать стульев)

Здесь варьирование падежа есть следствие неустойчивости нормы; аккузатив выражает (для носителя средней нормы) определенность, а генитив снимает смысл о - в о е противопоставление по определенности. Кроме того, генитив вызывает то характерное стилистическое ощущение старомодности, которое обычно возникает от устаревшей нормы (см. об истории употребления генитива объекта в Крысько 1997).

Отклонение 2, инновация. В данном контексте семантическая норма требует генитива, который выражал бы нереферентность, см. (2а); а аккузатив в (2б) — это результат наступления новой нормы, в которой семантика нереферентности, выражаемая генитивом, утрачена (или по крайней мере утрачивается):

(2) а. Она не несет за это *ответственности*;

б. Если что-то будет найдено при повторном обыске, она *ответственность* не несет. (Известия, 2005)

Выявлять семантику генитива объекта нужно исходя из существования этих трех хронологических слоев: семантической нормы, старой генитивной нормы и наступающей аккузативной.

На первый взгляд кажется, что достаточно различить две вещи: семантическое противопоставление аккузатив — генитив и вариативность, т. е. отсутствие противопоставления. На самом деле не совсем так. Там, где речь идет о сохранении старой нормы, аккузатив однозначно выражает одну из двух возможностей — определенность; а генитив может употребляться не только в своих основных значениях (нереферентность, отсутствие в поле зрения), но и как немаркированный падеж, пример (1) выше. Если же речь идет о наступлении новой нормы, то генитив имеет свои основные значения, а аккузатив снимает противопоставления.

6.2.5. РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕННОЙ ГРУППЫ

Итак, для объекта, как и для субъекта, решающим фактором, определяющим предпочтение генитива объекта перед аккузативом, является нереферентность и наблюдаемое отсутствие. Для индивидуальных имен правило выбора падежа в первом приближении следующее. Если объектом в утвердительном предложении была конкретно-референтная ИГ, то в отрицательном она останется таковой, и объект будет в аккузативе. Если же в отрицательном предложении ИГ не соотнесена с конкретным объектом в поле зрения говорящего, следует ожидать генитива.

Референциальный статус ИГ в предложении определяется двумя факторами (см. Timberlake 1975; Klenin 1978):

- 1) референциальный потенциал имени;
- 2) референциальные предпосылки глагола относительно референции имени.

Начнем с имени. Поскольку квантифицированные ИГ мы исключили из рассмотрения, то референциальные свойства именной группы могут зависеть только от такономии имени. Следует различить следующие тематические классы имен.

Имена класса ЧЕЛОВЕК (например, имена собственные) максимально индивидуализованы; лицо — самый референтный индивид; отсюда разный выбор падежа при одном глаголе:

- (1) а. не брала с собой сумку /сумки; б. не брала с собой дочь /дочери.
- (2) а. Он не отдал мне ключ /ключа; б. Он не отдал мне дочь /дочери.

Принадлежность имени к классу ЧЕЛОВЕК объясняет аккузатив в (3); что же касается (4), то, возможно, здесь играет роль то, что часть тела (*лицо*) — это часть.

- (3) Я еще толком не рассмотрел *эту самую Катрин* в черной замшевой куртке и мужском черном берете с красным треугольником у виска (...), а в прихожую уже вошел молодой человек. [В. Слипечук. Зинзивер (2001)]
- (4) Этот зонтик был у какой-то дамы, я видел ее вместе с Куколевым накануне его убийства, но *лица* не рассмотрел. [Л. Юзефович. Дом свиданий (2001)]

У имен класса ЖИВОТНОЕ тоже высокая референтность, но меньшая, так что допустимо не только (5а), но и (5б), даже если собака одна и определенная:

- (5) а. не взял собаку; б. не взял собаки.

У предметных имен не лица референциальный статус зависит от контекста. Наименования, построенные на основе функции (назначения) предмета, теряют ин-

дивидуальность и легко переходят в родовой статус; так что генитив возможен даже в случае единственности объекта:

(б) не взяла с собой *свою палку* /*своей палки*; не взяла *ключ* /*ключа*.

Функциональность собаки объясняет и генитив в (5б).

Непредметные имена свойств и состояний (*малодушие, уныние*) (абстрактные по Timberlake 1975; Mustajoki, Heino 1991) максимально нереферентны.

В Mustajoki, Heino 1991 используется, при дистрибутивном анализе генитива объекта, более дробная классификация имен. Например, различаются абстрактные имена с позитивным значением (*удача, успех, слава*) и с негативным (*порок, трата, малодушие*), поскольку позитивные статистически чаще употребляются в генитиве. Однако скорее всего это различие обусловлено тем, что слова *удача, успех, слава* употребляются, в основном, в контексте глаголов приобретения (*добился успеха*), которые принадлежат к числу генитивных.

6.2.6. ГЕНИТИВНЫЕ И АККУЗАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Генитив субъекта получил убедительную семантическую трактовку после того, как удалось связать семантику генитивной конструкции с лексической семантикой генитивного глагола: под отрицанием генитивный глагол может выражать: а) несуществование Вещи, б) ее отсутствие в поле зрения, в) неизвестность. Но именно эти компоненты и составляют семантику генитивной конструкции отрицания. Так что можно говорить о своего рода семантическом согласовании между грамматической семантикой падежа и лексической семантикой глагола. Попытаемся сделать то же самое для генитива объекта.

Разделим переходные глаголы на два класса. Глаголы групп G.1—G.5 генитивные — в том смысле, что могут иметь под отрицанием генитивный объект. Это глаголы создания, восприятия, знания, обладания, движения (к наблюдателю). Их семантика такова, что отрицание высказывания с этим глаголом означает, что объект либо не существует, либо не входит в поле зрения субъекта, либо в его сферу сознания, либо в его личную сферу.

Глаголы групп A.1—A.3 аккузативные. Они, напротив, предсказывают референциальный статус ИГ объекта как конкретно-референтный. Определенность (конкретная референтность) ИГ в исходном предложении сохраняется в отрицательном и оформляется аккузативом.

Если в случае генитива субъекта достаточно было выявить как семантически специфичный только класс генитивных глаголов, то здесь полезно иметь в виду оба класса. В обоих классах у глагола могут быть вторичные употребления, при которых он переходит из одного класса в другой.

Генитивные глаголы

G1. Глаголы создания. Создание — это каузация существования; возникает новая, ранее не существовавшая Вещь. Отрицание глагола с такой семантикой означа-

ет, что Вещь не существует; эта неререферентность ИГ объекта и выражается генитивом. Примеры:

- (1) не вырыли *каналы*, не составляли *библиографии*, не будет доставлять *затруднений*, не писал *мемуаров*, не перечислить всех *примеров* этого рода, не дает *поводов* (успокаиваться), не сделал *попытки*, не ставит *запятой* (перед «что»), не готовила *обеда*, не пекли *пирогов*, не снимали *копии* с этого документа, не создали *условий*.

Создание понимается достаточно широко. Например, у глагола *выбрать* объект обозначает Результат, и такой объект тоже оформляется при отрицании глагола генитивом:

- (2) *не выбрали старосты*; *не выбрал* себе по сердцу хозяйшки.

Но глагол создания совместим и с вин. падежом; вин. падеж может выражать присутствие предварительного образа Вещи в сознании Агенса:

- (3) не написал *статью* ⟨, которую хотел написать⟩.

G2. Глаголы восприятия — *видеть*, *слышать*, *чувствовать*, *замечать*. С генитивностью глаголов восприятия мы знакомы по генитиву субъекта. Они допускают противопоставление вин. и род. падежа в одном и том же контексте.

а) Если падеж винительный, то отрицается только восприятие — говорящий допускает, что Вещь присутствует в Месте.

б) Если генитив, то возникает, в дополнение к утверждаемому отрицанию восприятия, инференция отсутствия Вещи в Месте или в личной сфере субъекта:

- (4) не вижу *Маши* $\supset$ *Маши* здесь нет.

Про предложение (5) в Апресян 1985 говорится, что в нем генитив дублирует идею неизвестности, выраженную в отрицаемом глаголе:

- (5) Я не слышал *этой сонаты*.

Другие примеры:

- (6) а. Майор как будто не слышал *этой фразы*. [Г. Матвеев. Зеленые цепочки (1945)]

б. Майор никогда еще не слышал *эту песню*. [В. Белов. За тремя волоками (1965)]

- (7) Я не знал, кто такой Ленин, никогда не слышал *этой фамилии*. [Б. Ефимов. Десять десятилетий (2000)]

В (8) генитив, поскольку музыка — имя массы:

- (8) Больше месяца не слышал *этой музыки*. [Э. Казакевич. Звезда (1946)]

В (9) ИГ одушевленная, и дополнение в аккумулятиве:

- (9) Тогда почти никто не слышал *эту группу*, но знатоки говорили, что круто. [«Звезда», № 6, 2001]

Если имя абстрактное, то генитив предпочтителен:

- (10) Я нигде не встречал такого *безразличия*.

Генитивное поведение глагола *читать* можно объяснить его принадлежностью к глаголам восприятия. См. пример (11), где ИГ с указательным местоимением, не-

смотря на определенность (и, следовательно, конкретную референцию), стоит в генитиве:

(11) Ни при какой погоде /Я *этих книг*, конечно, не читал (С. Есенин).

G3. Глаголы знания (*знать*, *понимать*, *помнить*). Генитив подчеркивает идею неизвестности, незнания, уже выраженную в отрицаемом глаголе. Поэтому в контексте глагола знания возможен генитив, исключенный, например, в контексте глагола воздействия:

- (12) а. Я не понимаю *этой женщины*;
б. *Я не прогоняю *этой женщины*.

Объект глаголов *знать*, *понимать*, *помнить* часто является именем параметра:

- (13) а. не знает *имени, названия, автора*;
б. не понимает *причин, преимуществ, ценности, отличия*;
в. не помню *фамилии*; Рита сказала, что не помнит *телефона*. [Ю. Трифонов. Предварительные итоги]

Глагол *знать* генитивный также и в выветренных употреблениях, где он, в контексте отрицания, выражает просто несуществование (*Искусство не знает титулов* = ‘в искусстве нет титулов’):

- (14) Искусство не знает *титулов* и *рангов*, — горячо возразила я. [С. Довлатов. Дорога в новую квартиру]
(15) Я, честно говоря, не знаю *заведений* подобного формата ни в Москве, ни на Западе. [«Известия», 2002.10.13]

Восприятие концептуализуется как нахождение в поле зрения; а знание — как нахождение в сознании или памяти, т. е. в том или ином пространстве, составляющем личную сферу субъекта.

Контекст глагола знания дает возможность выбора падежа:

- (16) а. Он не знает *дороги* к партизанам,— ответила мать. [А. Рыбаков. Тяжелый песок]
б. Вы не знаете *дорогу* к яме? [А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975—1977)]

G4. Глаголы обладания. При глаголах обладания широко употребляется генитив объекта. В утвердительном предложении с глаголом обладания ИГ объекта референтная: Вещь входит в мир /в поле зрения /в личную сферу субъекта. Соответственно, в отрицательном предложении Вещь остается за пределами поля зрения:

- (17) не достал *билета*, не купил *машины*, не имею *дачи* (*возможности, жены, данных, разрешения*), не будет доставлять *затруднений*, не перечислял *примеров* другого рода, не приобретешь *подруги*, не дает *привилегий*, не нашел *Маши*, не получили *писем*.

Пример (18) демонстрирует роль определенности:

- (18) а. Вчера мне не дали *это письмо* [письмо в руках];
б. Вчера мне не передали *этого письма* [письмо далеко].

Таким образом, генитивность глаголов обладания тоже объясняется конфигурацией «наблюдаемое отсутствие». Характерно совмещение значений несуществования, в (19б), и отсутствия в личном пространстве, в (19а), у глагола *получить*:

- (19) а. не получил *ответа*;
 б. В результате она так и не получила *диплома*. [С. Довлатов. Чемодан (1986)]

Г5. Глаголы перемещения (а именно, каузации перемещения). Объект будет в генитиве, если в результате перемещения Вещь должна войти в рассмотрение, т. е. в личное пространство говорящего:

- (20) не вернул *словаря*, не взял своих *книг*.

Если движение не в сторону говорящего, то выбирается аккузатив:

- (21) не покинул *столицу*, не перешел *улицу*, не перенесли *ящики* в коридор, не перетаскивали *шкаф* в соседнюю комнату.

Двойкий падеж объекта глаголов перемещения известен и по субъектному генитиву, ср. пример из Babby 1980:

- (22) *Ответ* из полка не пришел — *Ответа* из полка не пришло.

Итак, генитив объекта свойствен глаголам, у которых утвердительная форма выражает возникновение Вещи в мире, появление ее в поле зрения или в сознании наблюдателя. В этом случае отрицание означает, что объекта нет — опять-таки, в мире, в поле зрения или в сознании. Иными словами, под отрицанием в семантике глагола возникает компонент 'не существует /не вижу /не знаю'. Он и выражается, плеонастически, род. падежом. На этом фоне аккузатив, если он возможен, выражает определенность, знакомство говорящего с объектом.

Общее значение генитива в контексте пяти классов генитивных глаголов состоит в том, что Вещь либо не существует в мире, либо отсутствует в поле зрения /личном пространстве: это своего рода подтверждение локалистской теории падежа.

З а м е ч а н и е. В Ицкович 1982: 41 родительный в примерах (а)—(г) признается употребленным «на месте ожидаемого винительного». Между тем, при учете лексического значения глагола генитив в этих примерах полностью соответствует норме и никак не противоречит ожиданию. В (а) глаголы создания, в (б) — восприятия, в (в) — перемещения, в (г) — знания:

- (а) не воссоздает *картины*; не описывает *этого события*; не напишет ей *письма*;
 (б) не различишь *дороги*; не видеть *трупов*; не услышал *ответов*;
 (в) не приглашал *делегаций*; не посетил *музея*;
 (г) не помнил родной *матери*.

Аккузативные глаголы

А.1. Глаголы физического воздействия (такого как удар, давление, прикосновение, изменение положения, обработка). Воздействие, *hic et nunc*, предполагает определенный объект, поэтому при отрицании преобладает аккузатив:

- (1) Почему ты не побил *Ваню*? Он не погладил *рубашку*; Не гаси *фонарь*; *Один орех* я не расколел.

Генитив в (2) звучит как устаревшая норма:

- (2) не открыли *дверей*.

В классе глаголов физического воздействия следует различить собственно воздействие и уничтожение (каузацию несуществования). Исходное утверди-

тельное предложение с глаголом уничтожения означает прекращение существования. Тем самым отрицательное предложение с глаголом в СВ оказывается в каком-то смысле тавтологичным: оно утверждает то, что составляет его пресуппозицию, ср. странное *Он не отравил женщину*. Поэтому в таких предложениях почти обязательно возникают импликатуры (например, ‘известно, что собирался’, или ‘ожидалось’, и т. д.) — иначе предложение звучит странно, см. Падучева 1996: 55.

Несов. вид способствует подавлению конкретной референтности. Генитив в этом случае выражает отрицание не только действия, но и существования /присутствия его объекта в поле зрения предполагаемого деятеля:

(3) Я не разбил *чашку* — Не разбивал я <никакой> *чашки*.

Интересно, что объект глаголов уничтожения, несмотря на свою пресуппозицию существования, все-таки может быть выражен генитивом — особенно при несов. виде, как в (4а) и (5); иными словами, у глаголов уничтожения генитив семантически не мотивирован — они ведут себя аналогично глаголам создания:

(4) а. Террористы не взрывали *газопровода*;

б. Они не построили *газопровода*.

(5) Он соизмерял сегодняшние события с историческими фактами, цитируя Павла Рябушинского: «Господа социал-демократы, не разрушайте *здания*, в котором мы живем». (Время МН, 2003.07.31)

То же явление наблюдается в классе ментальных глаголов. Ср. *забыть* и *помнить*. Генитивность глагола *помнить* семантически мотивирована: *не помнить* выражает отсутствие в памяти, что соответствует конфигурации «наблюдаемое отсутствие». Однако генитивным является также глагол *забыть*, с пресуппозицией существования объекта, которая сохраняется при отрицании:

(6) Никогда не забуду *выражения* растерянности и вместе с тем готовности к сопротивлению, которое было написано у него на лице, когда он выскочил на поверхность воды. (Ф. Искандер. Мой кумир)

(7) И вот тут, мне кажется, чрезвычайно важно, чтобы русский народ сейчас не забыл *сознания* единства, не забыл *ликования* о том, что все слились в единое чувство. (Антоний, митрополит Сурожский. О событиях в Москве 19—22 августа 1991 г.)

Такую же пару составляют *найти* и *потерять*: при *не найти* генитив семантически мотивирован, а генитивный эффект у *не потерять* (*не терял времени, надежды, самообладания*) — это своего рода выравнивание по аналогии.

Аналогично с фазовыми глаголами, ср. *назначить* и *отменить*: у *не назначить* генитив семантически мотивирован, а генитивный эффект у *не отменить* (*не отменил собрания*) — нет.

Итак, при общем сходстве условий употребления генитивного субъекта и генитивного объекта, имеется отличие: у генитивного объекта уменьшается доля непосредственной семантической мотивированности падежа — в пользу аналогического выравнивания. Системные расхождения между субъектом и объ-

ектом (в субъекте — семантика, в объекте — аналогия) демонстрируются примерами:

- (8) а. *Сомнений *не рассеялось*; б. Его приход *не рассеял* сомнений.
 (9) а. *Собрания *не отменено*; б. Он *не отменил* собрания.
 (10) а. *Договора *не было нарушено*; б. Они *не нарушили* договора.

Таким образом, стратегии выбора генитива для субъекта и объекта все-таки различны: в сфере субъекта генитив семантически мотивирован гораздо более последовательно, ср. различную генитивность глаголов *возникнуть* и *исчезнуть*.

A2. Глаголы эмоции (а именно, каузации эмоционального состояния). Объект при таком глаголе, как правило, относится к классу лицо. Пресуппозиция существования остается неизменной при отрицании, так что падеж объекта винительный:

- (11) Сообщение *не испугало (обрадовало, взволновало, обидело, рассердило, возмутило)* Марию.

Глаголы эмоционального состояния допускают объект (не-лица) в генитиве:

- (12) *не люблю громкой музыки; не люблю этих книг.*

A3. Глаголы речи. Если объект — имя лица, то падеж только винительный.

Примеры глаголов, обладающих этим свойством:

- (13) вдохновить, вознаградить, воспеть, восславить, высмеять, допросить, заверить, инструктировать, назначить, настроить, научить, обвинить, обидеть, обмануть, обругать, описать, упрекнуть, оповестить, оправдать, (от)пустить, оскорбить, осудить, отменить, очернить, поблагодарить, поддержать, поддразнить, пододзвать, пожалеть, позабавить, позвать, поздравить, познакомить, поправить, попросить, похвалить, предостеречь, предупредить, приветствовать, пригласить, приговорить, призвать, проклясть, простить, разоблачить, расспросить, спросить, убедить, уверить, уволить, умолять.

Глаголы речи с перлокутивным компонентом аккузативные, см. (14а); и только объект, который не является именем лица, может быть и в генитиве:

- (14) а. Она *не простила* Машу;
 б. Мать *не простила мне моего замужества.*

Генитив в (15) можно трактовать как имеющий партитивное значение; *молодежи* = ‘никого из молодежи’:

- (15) Почему *не пригласили молодежи?*

Перечисленные глаголы концептуализуют ситуацию как воздействие. Если же семантика глагола может трактоваться как перемещение или помещение объекта в поле зрения (соответствующая семантическая деривация иллюстрируется глаголами *добавить, обронить, выступить, склонять, сыпать*), то возможен генитив. Ср. глагол *упомянуть*, который означает введение в поле зрения:

- (16) Он *не упомянул твоей подруги.*

Итак, аккузатив объекта выражает пресуппозицию существования и единственности.

6.2.7. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

При выборе падежа объекта в отрицательном предложении играют роль, помимо семантики глагола и референциального потенциала имени, и другие факторы.

Одно из первых различий, которое нужно провести, — между обычным отрицанием и контрастным, т. е. отрицанием, входящим в состав оборота *не ..., а* (см. подробнее в главе 9). Контрастное отрицание исключает генитив:

- (1) **Газет он не читает, а просматривает* (пример из Богуславский 1985).

Следует принять во внимание еще два специальных типа отрицания. Первое — это смещенное отрицание (см. раздел 5.5). В (2) отрицание смещенное (и на кванторном слове обязательно должно стоять усиленное ударение); оно совместимо и с вин., и род. падежом:

- (2) Он не пропьет *всех* денег [или *все* деньги].

Второй тип — глобальное отрицание в контексте снятой утвердительности, см. раздел 5.4. В таком контексте генитив практически исключен:

- (3) Он купит машину, если только не пропьет *все деньги* (*всех денег).

- (4) Игора душили полиэтиленовым пакетом, пока он не терял *сознание* (*сознания).

Некоторые примеры запрещенного генитива, обсуждаемые в Timberlake 1975 и Mustajoki, Heino 1991, на самом деле объясняются глобальным отрицанием:

- (5) Если бы я не потерял *очки* (*очков), не пришлось бы покупать новые.

- (6) Я бы его не испугался, если бы он не держал в руке *пистолет* (*пистолета).

- (7) И Илья, внезапно обессилев, опустился на пол спортивного зала и завертел бессмысленно головкой, пока вдруг не рассмотрел *что-то* маленькое и круглое под штангой. [Д. Липскеров. Последний сон разума]

Препятствием для генитивного объекта служит утвердительное предположение (см. в этой связи раздел 9.2):

- (8) Не держал ли он в руках *газету*? (не *газеты*) (пример из Mustajoki 1985).

В примере (9а) вопрос тоже содержит утвердительное предположение, и выбирается аккузатив; без этого предположения, в (9б), обычное отрицание и генитив:

- (9) а. Не знаешь, *пенсию* не дадут? б. *Пенсии* не дадут.

Сочетание *чуть не* не делает предложение отрицательным, отсюда неуместность генитива в (10):

- (10) *Я *чуть не* разбил рюмки.

Препятствием для генитива объекта служит наличие у глагола другого соподчиненного, особенно творительного предикативного (Restan 1960; Равич 1971; Timberlake 1975 и др.):

- (11) а. Я не считаю *квартиры* [= не принимаю во внимание];

- б. Я не считаю *квартиру* своей собственностью.

Правда, в (12) возможен генитив, несмотря на наличие соподчиненного; впрочем, аккузатив был бы тут более уместен:

- (12) Вы не отличаете *таланта* от ремесленной работы.

Как было показано в разделе 6.1.1, одно из условий генитива субъекта состоит в том, что глагол не может входить в сферу действия адвербиала: он должен занимать рематическую позицию в тема-рематической структуре предложения. Так, в (13б) ремой является адвербиал, а отрицаемый компонент составляет пресуппозицию, и потому не подвергается отрицанию:

- (13) а. *Реорганизации* не было проведено;
 б. *Реорганизация* не была проведена в срок (*Реорганизации не было проведено в срок).

То же самое касается и генитива объекта — в (14) из-за наличия рематического адвербиала предикация с финитным глаголом оказывается пресуппозицией и не подвергается отрицанию:

- (14) а. не переходи *улицу* (*улицы) в ЭТОМ МЕСТЕ;
 б. не закончили *работу* (*работы) до ТЕМНОТЫ.

То же в (15):

- (15) а. *Дверей* не закрывай; б. *Двери* плотно не закрывай.

В Mustajoki, Heino 1991 перечислено множество генитивных и аккузативных «факторов», по каждому из которых проведено статистическое обследование. Работа содержит богатый материал и пищу для размышлений. Некоторые факторы, однако, сводимы одни к другим и могут не рассматриваться как отдельные.

- Согласно статистическим данным Mustajoki, Heino 1991, генитив объекта преобладает у местоимения *это*. Можно думать, дело в том, что *это* чаще всего имеет antecedентом непредметное имя, и у него те же референциальные свойства, что у непредметных имен.

- Вопросительные предложения и императивы обнаруживают процент аккузативов, превосходящий норму (в императивах 52,8 % на фоне средних 37,1 %). Объяснение может состоять в том, что вопрос и императив свойственны преимущественно разговорной речи, где продвинута норма. Вообще, вопросительные предложения столь разнообразны по семантике, что статистика тут бесполезна для семантики.

- В Mustajoki 1985 (см. также Guiraud-Weber 2002) обсуждаются устойчивые сочетания типа *не обращает внимания, не играет роли*, с генитивным объектом. Едва ли, однако, это отдельный «генитивный фактор». Генитив в этих сочетаниях является следствием непредметности и, соответственно, нереферентности имени в составе сочетания. Так, в *не морочь голову*, где имя относится к предметному таксономическому классу ЧАСТЬ ТЕЛА и имеет референт, напротив, возможен только аккузатив. Устойчивые сочетания — безусловно важный момент в условиях меняющейся нормы. Однако имеет смысл отличить те употребления, которые не соответствуют семантической норме потому, что остались от старого узуса (как *не сносить головы*), от тех, которые, напротив, являются «ростками нового», как *не несет ответственность, не создали условия, не возбуждает жалость, не обращает внимание, не привлекает внимание, не придает значение*.

- Не является отдельным фактором глагол *иметь* — достаточно знать, что это глагол обладания.

- Партитивность связана с усиленным отрицанием: возникает смысл ‘даже части нет’. Это объясняет предпочтение генитива в контексте частиц *и, даже*, которые отмечены в Mustajoki 1985 как отдельный фактор.

- Предпочтение аккузатива в контексте *еще не* и *так и не* Mustajoki 1985: 158 объясняется семантикой ожидания или нахождением объекта в общем поле зрения говорящих, следствием чего является определенность:

- (16) а. Я *еще* не достал *билеты* (²*билетов*) на «Щелкунчик»;
 б. Я не достал *билетов* на «Щелкунчик».

Семантика ожидания как фактор, объясняющий генитив субъекта, была продемонстрирована в разделе 6.1.1. Так, в (17а) есть импликация ‘строительство гостиницы было запланировано’ или о ней шла речь; а в (17б) ничего такого нет:

- (17) а. *Гостиница* не построена; б. *Гостиницы* не построено.

Итак, можно считать подтвержденной исходную гипотезу о сходстве семантики генитива объекта и субъекта. Падеж объекта (как и субъекта) в отрицательном предложении коррелирует с референциальным статусом ИГ. Если в исходном утвердительном предложении ИГ не была конкретно-референтной, при отрицании возникает семантический компонент ‘объект не существует’, который и выражается генитивом, см. (18а); генитив конкретно-референтного объекта выражает конфигурацию «наблюдаемое отсутствие»:

- (18) а. написал *письмо* — не написал *письма* [объекта не существует];
 б. вижу *Машу* — не вижу *Маши* [объект отсутствует в поле зрения].

6.2.8. РЕФЕРЕНЦИЯ И ОНТОЛОГИЯ ИМЕННОЙ ГРУППЫ

Референциальный статус именной группы лишь отчасти выражен в ее собственной структуре; в существенной степени он предопределен тематическим классом и аспектуальной семантикой глагола. Например, у переходного глагола эмоции объект лицо имеет конкретно-референтный статус и при отрицании выражается аккузативом:

- (а) обидел *Ваню*; (б) не обидел *Ваню* (*Вани).

Онтологическая природа имени в составе объектной (как и субъектной) ИГ тоже играет роль при выборе падежа. Так, имена массы в отрицательном предложении обычно имеют генитив — в партитивном значении. Рассмотрим два класса именных групп — (I) индивидуальные (конкретно-референтные) и (II) имена массы.

I. Если ИГ объекта индивидуальная, определенная, и ее таксономический класс — лицо (например, это собственное имя), а глагол не имеет специально генитивной семантики, то в отрицательном предложении объект будет в аккузативе:

- не побил *Ваню* (*Вани); не оскорбил *дочь* (*дочери).

Генитив в контексте глаголов восприятия, знания, обладания, перемещения выражает семантическую конфигурацию, которую мы назвали «наблюдаемое отсутствие». Это та самая конфигурация, которая была выявлена в качестве семантиче-

ской основы генитива у глагола *быть*. Но при непереходном глаголе наблюдатель вынужден был ютиться за кадром; между тем, если глагол переходный, как в случае генитива объекта, то наблюдателем может быть лицо, обозначенное подлежащим:

- (1) а. *Вани не было* в школе [конфигурация «наблюдаемое отсутствие»; наблюдатель за кадром];
 б. Петя *не нашел Вани* в школе [конфигурация «наблюдаемое отсутствие»; наблюдатель — субъект].

В контексте глаголов знания наблюдаемое отсутствие (объекта или факта) — это неизвестность:

- (2) а. Я так и не узнал *конца* этой истории [▷ ‘я, говорящий, не знаю, чем она кончилась’];
 б. Он так и не узнал *конец* этой истории [▷ ‘я, говорящий, знаю конец’].

Конфигурация «наблюдаемое отсутствие» больше, чем традиционная определенность, говорит о природе конкретной референции; она выявляет общность концептов отсутствие и несуществование (не существует — в мире, отсутствует — в личном пространстве).

Показателен пример (3). В (3а), где аккузатив, речь идет, скорее всего, о книгах, которые находятся в пространстве говорящего — в его личной сфере; а в (3б) генитив выражает «наблюдаемое отсутствие» объекта в поле зрения /личной сфере:

- (3) а. *Твои книги* мне не нужны; б. Мне не нужно *твоих книг*.

В (4) мы имеем то же противопоставление:

- (4) а. Он так и не прочел «Капитанскую дочку»;
 б. Он не прочел «Капитанской дочки».

Получил объяснение генитив в именных группах с местоимением *этот*. Сама по себе определенность не предопределяет выбора падежа: ИГ вида «*этот* + существительное», предположительно определенная, может быть нереперентной (*не написал этого письма*) или входить в конфигурацию наблюдаемого отсутствия (*не знаю этой книги*). В обоих случаях мы имеем законный генитив.

Промежуточную референцию имеют имена предметов, предназначенных для выполнения какой-то функции. Они допускают и аккузатив и генитив, но смысловое противопоставление пока не удается идентифицировать:

- (5) Жена не отдала мне *ключи /ключей* от гаража.

II. Если объект — имя массы, то генитив выражает партиитивность, см. пример (9) в разделе 6.2.2. Возьмем в качестве контекста для ИГ родового статуса *не люблю* и близкие *не терплю, не пью, не ем*. Генитив дает акцент на количественном аспекте партиитивного значения, а аккузатив противопоставляет данную субстанцию другим:

- (6) а. не ем *ветчины* — ‘несколько’;
 б. не ем *ветчину* — ‘в противоположность другим видам еды’.

То же для абстрактных имен, которые концептуализуются как массы:

- (7) а. не люблю *громкой музыки*;
 б. не люблю *современную музыку* [в противоположность другим видам музыки].

Примеры генитива в партитивном значении у абстрактных имен:

- (8) а. не получил *удовольствия*, не услышал в голосе *жалости*, не проявил *сочувствия*;
 б. не даете мне *работы, основания, возможности, права*.

Именно в этом контексте ощутимо наступление аккумулятива.

В заключение вернемся к семантической общности генитивов субъекта и объекта.

— Наше исследование подтвердило целесообразность семантического подхода к генитиву отрицания: выявить семантические оппозиции, которые могут быть выражены меной падежа, оказывается легче, чем сформулировать правила допустимости вин. или род. падежа в том или ином контексте.

— Подтвердилась референциальная основа семантики генитива. Эта основа для объекта и для субъекта одна и та же: генитив объекта, как и генитив субъекта, в случае индивидуального термина выражает либо нереферентность, либо наблюдаемое отсутствие. В контексте имен массы генитив объекта (как и субъекта) выражает партитивность.

— Подтвердилась роль лексической семантики как основы семантической интерпретации генитива. Другое дело, что для генитива субъекта достаточно было различить два класса глаголов — бытийные и восприятия, тогда как для генитива объекта классов значительно больше: устойчивый генитивный эффект дают глаголы создания, восприятия, знания, обладания, перемещения.

— Единообразное толкование лексических и референциальных значений показало, что имеется семантическое согласование между глаголом и именной группой. Существование/ несуществование, присутствие /отсутствие, восприятие/ невосприятие, знание/ незнание входят и в лексическую семантику глагола, и в референциальную семантику именной группы. В сфере генитива объекта в полную силу проявили себя как генитивный класс глаголы знания (в сфере субъекта они почти не были представлены), что позволило поставить в связь семантику незнания в глаголе и неопределенность-неизвестность в именной группе.

— До последнего времени работы о генитиве не касались семантики отрицания. Сейчас известно несколько разных видов отрицания: помимо обычного предикатного (семантически общего) отрицания, есть отрицание контрастное, а также смещенное и глобальное. Эти различия существенны и для выбора падежа объекта.

При общем сходстве лексической базы генитивного субъекта и объекта, имеются и различия. Так, субъект глагола уничтожения, см. (9а), не может быть в генитиве, поскольку отрицание сохраняет презумпцию существования Вещи (*сомнений*); между тем в позиции объекта презумпция существования Вещи не препятствует генитиву, см. (9б):

- (9) а. *Сомнения* не рассеялись (*Сомнений не рассеялось);
 б. Он не рассеял *моих сомнений*.

Вообще, семантическая мотивированность субъектного генитива более последовательна, чем объектного. Подтверждением является, в частности, то, что у переходного глагола и его антонима генитивный эффект часто одинаковый, ср. *помнить* и *забыть*; *найти* и *потерять*, тогда как у *возникнуть* и *исчезнуть* он противоположный.

6.3. ГЕНИТИВ АДЬЮНКТА

Чередование «генитив — аккумулятив» в морфосинтаксисе обстоятельства времени (и меры) изучен меньше, чем генитив субъекта и объекта. Имеется статья Franks, Dzivirek 1993, где генитив времени и меры предлагается рассматривать как генитив партитивный, и статья Borovikoff 1997, где утверждается, что генитив времени и меры (т. е. адьюнкта) «приписывается тем же правилом, что генитив дополнения /подлежащего (т. е. аргумента)».

На первый взгляд может показаться, что генитив обстоятельства времени действительно подобен генитиву объекта. Так, для (1а) отрицанием будет (1б), для (2а)—(2б):

- (1) а. Он прочел *две книги*; б. Он не прочел (и) двух книг.
 (2) а. Он сидел *две минуты*; б. Он не сидел (и) двух минут.

Однако на самом деле между генитивом обстоятельства времени и генитивом субъекта /объекта (т. е. генитивом адьюнкта и генитивом аргумента) есть принципиальные различия. Так, генитив объекта категорически несовместим с генитивом субъекта в одном предложении, ср. пример на базе того, который приводится, в другом варианте, в разделе 6.1.2 — вместо (а) надо сказать (б):

- (а) *Никаких российских самолетов воздушного пространства Грузии не нарушало;
 (б) Никакие российские самолеты воздушного пространства Грузии не нарушали.

А генитив обстоятельства времени вполне совместим с генитивом субъекта, см. (3), и даже с генитивом объекта, см. (4):

- (3) *Ивана* и *недели* не было в Москве; Его и *часа* не было на работе.
 (4) Он и *минуты* не держал *книги* в руках.

В статье Franks, Dzivirek 1993 генитив обстоятельства времени, как в примерах (1б) или (3), (4), называется генитивом партитивным — что идет вразрез с общепринятой терминологией — как справедливо утверждает в Borovikoff 1997. В самом деле, генитив партитивный возможен у имен массы, абстрактных имен и имен во множественном числе, причем в контексте ограниченного круга глаголов. Кроме того, он никак не связан с отрицанием. В Franks, Dzivirek 1993 речь идет, на самом деле, о количественных именных группах (КГ), возможно, с опущенным *один*, а термин партитивность употребляется в специальном смысле: конструкция имеет значение ‘меньше, чем X’, т. е. ‘часть X’ — ее можно назвать **квазипартитивной**. При этом выбор имен и числительных ограничен так, что КГ обозначает малое количество.

Имеется еще одно существенное различие между генитивом обстоятельства (т. е. адьюнкта) времени и генитивом аргумента (о том, что обстоятельство времени не является аргументом глагола, см. Fowler, Yadroff 1993): в контексте обстоятельства мена аккузатива на генитив может выражать семантическое противопоставление, касающееся сферы действия отрицания. А именно, аккузативный адьюнкт имеет **широкую** сферу действия — в нее входит вся пропозиция, включая отрицание; предложение частноотрицательное: отрицание входит в сферу действия адьюнкта, см. (5а), (6а). А генитивный адьюнкт имеет **узкую** СД: он входит в СД отрицания, предложение имеет семантическое общее отрицание, см. (5б), (6б) (примеры этого рода рассматривались в Падучева 1974: 147 и в Богуславский 1985):

- (5) а. Водопровод не работал *двое суток* [аккузатив] =
 ‘в течение двух суток не (водопровод работал)’;
 б. Водопровод не работал *и двух суток* [генитив] =
 ‘не (водопровод работал хотя бы двое суток)’.
- (6) а. Иван не был дома *месяц* = ‘в течение месяца не (Иван был дома)’;
 б. Иван не был дома *и месяца* =
 ‘не (Иван был дома <хотя бы> месяц)’ = ‘Иван был дома <даже> меньше месяца’.

Количественная группа может получать в контексте отрицания семантическое приращение ‘меньше, чем’ не только будучи обстоятельством времени, т. е. адьюнктом. Это значение возникает и у аргументной КГ, см. (7), и заведомо — у КГ в функции обстоятельства меры при параметрическом глаголе, см. (8), (9):

- (7) Он за всю жизнь не прочел *(и) трех книг*.
 (8) Рыба не весит *(и) двух килограмм*.
 (9) Пиджак не стоит *двух тысяч* = ‘стоит меньше’.

Если количественная группа является аргументом, она обычно имеет узкую СД; частица *и* (она здесь означает ‘даже’) в этом случае не обязательна; и генитив тоже, ср. Богуславский 1985: 27.

Однако при соответствующей акцентировке аргументная КГ может иметь и более широкую сферу действия, чем отрицание (падеж КГ может быть и винительный, и родительный):

- (10) *Две ошибки /двух ошибок* он не заметил = ‘имеются две ошибки, которых он не заметил’.

В разделе 8.4 «Идиоматическое отрицание и количественные именные группы» рассматривается просодический механизм, в силу которого уменьшительное приращение может возникать у количественной ИГ и при отсутствии частицы *и*, причем без ограничения на малое количество.

Так или иначе, количественное обстоятельство времени — это единственная синтаксическая группа, у которой противопоставление «аккузатив — генитив» может выражать сферу действия отрицания, см. пример из Богуславский 1985: 54. Предложение (11) неоднозначно, в (i) отрицание входит в СД адвербиала, предложение частноотрицательное, а при (ii) предложение понимается как общеотрицательное:

- (11) Установка не работала *три года* =
 (i) ‘в течение трех лет установка не работала’;
 (ii) ‘установка работала меньше трех лет’.

Однако предложение (11'), где обстоятельство длительности в генитиве, однозначно общеотрицательное:

- (11') Установка не работала *(и) трех лет*.

И еще один существенный момент. В контексте, где имя в составе количественной группы обозначает очень малый промежуток времени, может показаться, что частица *и* синонимична *ни*, см. (12а) и (12б):

- (12) а. Он не держал книгу в руках *и минуты*;
 б. Он не держал книгу в руках *ни минуты*;
 в. НЕ (Он держал книгу в руках *хотя бы* минуту).

Однако (12а) и (12б) не равны по смыслу. Предложение (12б) выражает смысл (12в), т. е. предложение (12б) общеотрицательное. А предложение (12а) содержит конструкцию со значением ‘меньше, чем’, квазипартитивную, и является частноотрицательным. Хотя разница по смыслу может быть минимальная (разве что частица *и* вносит эмфатическую добавку ‘и это мало’), ср. известную строчку Маяковского (13а) и пародию Андрея Альбертина (13б):

- (13) а. Мне *и рубля* не накопили строчки;
 б. Мне *ни рубля* не накопили строчки.

Ср. пример из Богуславский 1985: 54; отрицание входит в сферу действия обстоятельства *три года* и включает в свою сферу действия обстоятельство, *НВ* генитив, — *пяти часов в сутки*:

- (14) Он три года не спал *и пяти часов* в сутки.

Количественная ИГ может не допускать квазипартитивного понимания ‘меньше, чем’, и тогда *ни* допустимо, а *и* — нет:

- (15) а. Он не был там *ни разу*;
 б. *Он не был там *и разу*.

В примерах (16)—(19), наоборот, конструкция однозначно квазипартитивная, и *ни* невозможно:

- (16) С тех пор *и (*ни)* года не прошло.
 (17) Он не жил там *и (*ни)* года.
 (18) Хотел объехать целый свет, и не объехал *(*ни) сотой доли* (Грибоедов. Горе от ума).
 (19) Помилуй, мне *и от роду нет (*ни) году* (Крылов. Волк и ягненок).

Интересно, что проклитика *и* может отрываться от КГ, т. е. подвергаться скремблингу.

Итак, генитив адьюнкта (а именно, обстоятельства времени) — это конструкция со своей особой семантикой и синтаксисом. Она отличается и от генитива партитивного, и от генитива аргумента.

Эккурс 2

О ДЕСКРИПТИВНОМ, ТРАНСФОРМАЦИОННОМ И КОМПОЗИЦИОННОМ ПОДХОДЕ К ГЕНИТИВУ СУБЪЕКТА*

Генитив субъекта в отрицательном предложении в русском языке не перестает быть предметом внимания, см., в частности, Babby 1980; Апресян 1985; 1995; Падучева 1992; 1997; Борщев, Парти 2002. Дискуссия не затихает, и есть основания вернуться к этому вопросу — с новыми аргументами.

Речь идет о генитивной конструкции (сокращенно — ГК), т. е. о конструкции с генитивным субъектом и «безличным» — несогласованным — глаголом отрицательного предложения. Обычный номинативный субъект и согласованное сказуемое — это номинативная конструкция (НК). Мы называем субъектом того участника, который выражен в утвердительном предложении и в номинативной конструкции подлежащим. В генитивной конструкции он выражается род. падежом.

Участников ситуации (актантов) у глагола в генитивной конструкции мы называем — термины из Борщев, Парти 2002 — Вещь (субъект) и Место (локатив):

- (1) а. Песчаных бурь-Gen [Вещь] здесь [Место] *не бывает*;
- б. Людей-Gen [Вещь] на площади [Место] *не осталось*.

Участник Место обязательный; только абстрактные Вещи не локализируются в пространстве:

- (2) Сомнений-Gen [Вещь] *не возникло*.

Конструкция с генитивным субъектом интересна не только сама по себе: на примере этой конструкции можно продемонстрировать важные достижения лингвистики последних десятилетий, которые способствовали проникновению в ее суть. Главное, что интересно сопоставить, — это дескриптивный подход, который формулировал правила употребления ГК, и семантический, который пытается дать особенностям употребления семантическое обоснование.

1. ДЕСКРИПТИВНЫЙ ПОДХОД

Изучение генитивной конструкции начиналось в рамках синтаксиса: речь шла о том, как можно сказать и как нельзя; традиционная (да и структурная) грамматика сводила дело к ограничениям сочетаемости.

---

* Переработанный вариант статьи «Еще раз о генитиве субъекта при отрицании», опубликованной в журнале «Вопросы языкознания», 2005, № 5, 84—99.

Можно различить два аспекта проблемы. Первый вопрос — какие глаголы в принципе допускают ГК? (Они получили название *г е н и т и в н ы х*, см. Падучева 1997.) Второй — при каких условиях генитивный глагол все-таки не допускает при отрицании генитивную конструкцию?

В рамках дескриптивного подхода был выявлен целый ряд закономерностей, которые мы разделим на три группы: 1) ограничения на глагол; 2) ограничения на именную группу субъекта; 3) ограничения, касающиеся общей структуры предложения (в том числе — локативной группы). Ниже эти ограничения иллюстрируются примерами. Для удобства отсылки мы сопоставим им специальную нумерацию. Номер примера первой группы начинается с буквы V (от *Verb*, глагол); номер примера второй группы — с буквы N (от *Noun*, имя); номер примера из третьей группы — с буквы G (от *General*).

1. Глагол

Глагол в ГК должен быть генитивным:

(V.1) а. Сомнений *не возникло*; б. *Сомнений *не исчезло* [надо: *Сомнения* не исчезли].

(V.2) а. Старосты [Gen] на собрании *не было*;

б. *Старосты [Gen] на собрании *не присутствовало*.

(V.3) *Перемен* в технической политике фирмы *не наступило* /*не началось.

Генитивный глагол непереходный:

(V.4) а. Аварии *не произошло*; б. *Аварии *не имело места*.

2. Имя

Определенность субъекта — препятствие для ГК:

(N.1) а. *Книги* <подходящей> не нашлось; б. *Книга* <потерянная> не нашлась.

(N.2) а. *Газет* не поступило; б. *Газеты* не поступили (пример из Борщев, Парти 2002).

(N.3) а. *Следов* высокоорганизованной материи не обнаружено;

б. *Следы высокоорганизованной материи не обнаружены (Ицкович 1974: 59).

Ед. число субъекта — препятствие для ГК:

(N.4) а. *Грамот* не найдено; б. ?*Грамоты* не найдено.

Одушевленность субъекта — препятствие для ГК:

(N.5) а. *Деревни* не появилось; б. *Пожарной команды не появилось.

(N.6) а. *Ответа* не пришло; б. *Автобуса не пришло (пример из Борщев, Парти 2002).

(N.7) *Второй роты не приходило (пример из Пешковский 1938: 335).

Местоимения *никакой*, *ни один* расширяют класс генитивных глаголов:

(N.8) *Никакого* Беннета в гостинице *не оставалось*; *Никакого* атомного снаряда на борту корабля *не находилось* (примеры из Ицкович 1974: 56, 59).

3. ОБЩЕЕ

Субъект в исходном утвердительном предложении должен быть ремой:

- (G.1) а. *Ответ* пришел — *Ответ* не пришел;
 б. Пришел *ответ* — *Ответа* не пришло.

Корреляция генитива с видом (по Апресян 1980: 70):

- (G.2) а. *Отца* не было на море [актуальное значение несов. вида, ГК];
 б. *Отец* не был на море [общефактическое значение несов. вида, НК].

Эллипсис Места возможен при ГК, но не при НК:

- (G.3) а. *Иванова* не было; б. *Иванов не был [надо сказать, где не был].

ГК требует конкретно-референтного Места:

- (G.4) а. Иван еще не был *в таком театре*; б. *Ивана еще не было *в таком театре* (пример из Апресян 1992: 521).

Генитив и возвратное местоимение:

- (G.5) а. *Иван* не был в *своей* комнате;
 б. *Ивана не было в *своей* комнате (пример из Chvany 1975).

Глагол в ГК должен нести на себе фразовое ударение, см. пример (63) из 6.1.1:

- (G.6) а. *Такой мысли* не возникает[↘];
 б. *Такой мысли не возникает неожиданно[↘] [надо: *Такая мысль* не возникает неожиданно].

КРАТКИЕ КОММЕНТАРИИ

1. Глагол. А. М. Пешковский (Пешковский 1938: 334) писал: «Какие именно непереходные глаголы употребляются в таких оборотах, сказать трудно». Примеры (V.1)—(V.3) демонстрируют причудливость границ класса глаголов, участвующих в ГК: из близких по смыслу глаголов — *возникнуть* и *исчезнуть*, *быть* и *находиться*, *начаться* и *наступить* (они были сопоставлены в Апресян 1985) — первый генитивный, а второй — нет.

Непереходность глагола как обязательное условие ГК была известна давно. Пример (V.4) показывает, что это условие, хотя, возможно, и допускает семантическое обоснование, работает и как чисто синтаксическое: предложения (V.4а) и (V.4б) практически синонимичны, но предложение (V.4б), где глагол формально переходный, аграмматично. Нарушения этой закономерности встречаются, см. пример, предложенный П. Аркадьевым (устное сообщение):

- (3) *Никаких российских самолетов воздушное пространство Грузии не нарушало (из речи министра иностранных дел Сергея Иванова).

Но они только подтверждают правило.

2. Имя. Предположим, что глагол принадлежит к числу генитивных (т. е. в принципе допускает ГК). Те или иные свойства именной группы субъекта могут, однако, быть препятствием для ГК. Эти свойства:

— определенность субъекта, см. примеры (N.1)—(N.3); если субъект неопределенный, ГК возможна;

— ед. число субъекта, см. (N.4): при множественном числе ГК часто бывает возможна там, где она невозможна при единственном;

— одушевленность субъекта, см. (N.5): при неодушевленном ГК возможна, а при одушевленном — нет. Пример (N.6б) показывает, что понятие одушевленности не вполне адекватно существу обсуждаемого явления; к этому примеру мы еще вернемся. Пример (N.7) А. М. Пешковский приводит как допустимый, что свидетельствует, скорее всего, об изменении языковой нормы.

Если примеры (N.4)—(N.7) сужали класс реально допустимых контекстов для ГК, то пример (N.8) демонстрирует обратное: слова *никакой, ни один* делают возможной ГК в контексте а) негенитивного глагола (*находиться* не генитивный глагол) и б) определенного субъекта. В самом деле, что может быть более определенным, чем собственное имя (*Беннет*)!

В Ицкович 1974: 59 говорится: «предпочтению родительного падежа способствует наличие при существительном слова *никакой*». Но почему? Какая тут связь? Дескриптивный подход не только не отвечает на этот вопрос, но даже и не ставит его. Тот же вопрос возникает применительно к определенности, числу, одушевленности субъекта.

3. *Общее.*

— в ГК Вещь должна быть ремой, см. пример (G.1): тематическая позиция Вещи, как правило (об исключениях см. ниже), дает при отрицании НК;

— пример (G.2) демонстрирует феномен, который в Апресян 1995: 521 представлен как корреляция генитивного субъекта с видовым значением глагола: при актуальном значении несов. вида — ГК, при общефактическом — НК;

— в ГК возможен эллипсис локатива, при номинативном субъекте — нет (G.3);

— ГК требует определенности участника Место, пример (G.4); это ограничение описано в Апресян 1995: 521;

— пример (G.5), из Chvany 1975, показывает, что генитивный субъект не может быть антецедентом возвратного местоимения;

— глагол в ГК должен нести на себе фразовое ударение, пример (G.6), из Guiraud-Weber 1984.

Опять-таки, все это взывает к объяснению: почему так?

2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Семантический подход исходит из того, что генитивная конструкция имеет определенный смысл. Чтобы обосновать этот подход, нужно доказать, что ограничения сочетаемости, представленные примерами (V.1)—(G.6), предопределены семантикой ГК.

Допущение, которое сторонники семантического подхода не формулировали явно, — установка на «трансформацию отрицания». Предполагается, что смысл от-

рицательного предложения с генитивной конструкцией — это общее отрицание исходного утвердительного. Иначе говоря, предполагается, что в отрицательном контексте при определенных условиях требуется замена именительного падежа на родительный. Т. е. то, что отрицание предложения требует генитивной конструкции (и замены обычного номинативного подлежащего на генитивное) вытекает из семантики этого предложения и семантики ГК.

В разделе 3 это допущение будет снято.

2.1. РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТРУКЦИИ С ГЕНИТИВНЫМ СУБЪЕКТОМ

Дескриптивный подход формулировал основное ограничение на именную группу в составе ГК как определенность (Ицкович 1974; Апресян 1985). С возникновением теории референции определенность именной группы была представлена как презумпция существования денотата. Так наметилась перспектива описания семантики ГК как основы предсказания ее допустимости. Первая гипотеза состояла в том, что генитив выражает не существование Вещи. Отсюда запрет на определенность субъектной группы: под отрицанием такая группа сохраняет свою презумпцию существования, которая противоречит семантике генитивной конструкции.

Я следую общему духу концепции Бэбби, состоящему в поисках семантической основы генитивной конструкции. Генитивные глаголы — это такие, которые без отрицания утверждают существование Вещи: «they establish reference». Иными словами, в семантику этих глаголов входит компонент ‘существует’ в ассертивном (или имплицативном) статусе:

(4) *Сомнение возникло* = ‘начало существовать’ $\supset$ существует’.

Тогда под отрицанием возникает компонент ‘не существует’ — он и кодируется генитивом. Иначе говоря, субъект должен быть в генитиве, если предложение отрицает существование Вещи. Тем самым мы сразу получаем объяснение для примера (V.1):

(V.1a) *Сомнений не возникло* [$\supset$ ‘сомнений нет’; ГК].

(V.1б) *Сомнения не исчезли* [‘сомнения были и есть’; НК].

Л. Бэбби исходил из того, что генитивный субъект при отрицании возникает только у бытийных предложений (то же повторено в Babby 2001, где говорится: «the NP argument (...) is assigned Gen only when the sentence is existential»). Это допущение обеспечило основной прорыв в понимании семантики ГК, но само по себе оно неверное: есть много генитивных глаголов и предикативов, отрицание которых не затрагивает презумпции существования Вещи.

В Падучева 1992; 1997 было предложено уточнение — имеется не одна группа генитивных глаголов, а две: (I) бытийные глаголы — с семантическим компонентом ‘Вещь существует’; (II) глаголы восприятия — с компонентом ‘Вещь находится в поле зрения наблюдателя’.

В бытийной группе генитивных глаголов ГК выражает отрицание существования Вещи:

- (5) а. В Белоруссии либеральных газет *не осталось*;
 б. *В Белоруссии либеральные газеты *не остались*.

И род. падеж субъекта тут семантически обязателен. Другое дело, что узус допускает вариативность — номинатив «агрессивен» и может вытеснять семантически законный генитив:

- (6) а. *Договоренность* не достигнута ≈ б. *Договоренности* не достигнуто.
 (7) а. *Приказа* не отдано ≈ б. *Приказ* не отдан.

Примеры генитивных глаголов бытийной группы:

- (8) не ведется, не наступило, не вспыхивает, не выпускается, не построено, не написано, не сохранилось...

В перцептивной группе генитивных глаголов (и предикативов) генитив выражает отсутствие Вещи в поле зрения; существование Вещи не отрицается:

- (9) Хозяйки в доме *не чувствуется* [возможно, она и есть].

Участник Вещь может быть даже назван собственным именем. Так, в (10) заведомо не отрицается существование Маши:

- (10) Маши тут *не видно*.

Если в бытийной группе генитивная конструкция при отрицании обязательна, пример (5), то в перцептивной группе, как правило, обе конструкции — ГК и НК — возможны и семантически противопоставлены, см. пример (20) из 6.1.1:

- (11) а. Звуков с улицы *не доносится* [глагол выражает отсутствие Вещи в поле зрения; ГК не отрицает существования Вещи в мире];
 б. Звуки с улицы *не доносятся* [глагол выражает отсутствие Вещи в поле зрения; НК выражает существование Вещи в мире].

В бытийной группе ГК выражает несуществование Вещи, а НК невозможна; в перцептивной группе НК выражает существование Вещи, а ГК его не отрицает. Примеры генитивных глаголов и предикативов перцептивной группы:

- (12) обнаружиться, ожидать, оказаться, виднеться, выражаться, доноситься, доходить, встретиться, замечаться, найтись, обнаружено, замечено, выявлено, зафиксировано, заметно, видно, слышно.

Деление глаголов на эти две группы нечеткое. Этому есть целый ряд причин.

1. Регулярная многозначность ‘существовать’ — ‘быть видимым’. Например:

- (13) а. Ваня *появился* [= ‘Вещь начала быть в поле зрения наблюдателя’];
 б. *Появились* новые лекарственные препараты [= ‘Вещь начала существовать’].

Выходит, глагол *появиться* входит в обе группы. Поскольку это регулярная многозначность, она повторяется в других глаголах. Например, те же два значения есть у *возникнуть*, *найтись* и др., см. Падучева 2004: 439.

2. Отсутствие в поле зрения часто несет инференцию-инсинуацию несуществования:

- (14) Интереса к его трудам *не замечено, не наблюдается* [возможно, его нет].

Трудно отрицать, что *наблюдаться, замечаться* — это глаголы восприятия. Между тем Бэбби, не отличая ассерцию от инференции, относит предложения с этими глаголами к бытийным — что, конечно, неправомерно. Ср. также:

- (15) а. Ответа *не пришло* [= ‘не появилось в поле зрения’];
 б. Денег *не получено* [= ‘не появилось в поле зрения /в наличии’].

3. Многие бытийные глаголы имеют перцептивный компонент; например, глаголы типа *белеть* (Апресян 1986). Но их ассертивный компонент бытийный, см. анализ, предлагаемый в Borschev, Partee 1998:

- (16) не (На горизонте белели паруса) = *Не белело парусов на горизонте* =
 а) ‘парусов не было’ [ассерция];
 б) ‘паруса обычно белого цвета’ [компонент общего фона знаний].

Есть глаголы, которые становятся восприятиями в своем производном значении. Так, значение перемещения легко переходит в значение появления в поле зрения, и глагол попадает в группу восприятий, как в примере *Ответа не пришло*. Опять-таки, Бэбби необоснованно относит эти глаголы к бытийным.

Итак, границы между группами нечеткие. Однако, не различив эти два типа генитивных глаголов, нельзя описать вклад генитивной конструкции в семантику отрицательного предложения. Взять хотя бы то, что в бытийной группе ГК обязательна, а в перцептивной группе ГК и НК семантически противопоставлены.

В перцептивной группе участник Место обязателен; противопоставляются два пространства — одно, где субъект восприятия /сознания не видит или не имеет Вещи, и другое — где она, быть может, существует:

- (17) а. *Компенсация* не выплачена [НК]; б. *Компенсации* не выплачено [ГК].

В бытийной группе такого противопоставления двух пространств, как правило, нет. Впрочем, глагол *существовать*, казалось бы, типично бытийный, допускает противопоставление двух пространств и как следствие — противопоставленность ГК и НК; это решение предложено в Падучева 1997 на базе материала, предъявленного в Guiraud-Weber 1984.

Итак, мы выявили связь между семантикой генитивного глагола и референцией имени. В бытийной группе имя всегда нереферентно: нереферентность имени порождается, при отрицании бытийного глагола, компонентом ‘Вещь существует’ в толковании глагола, примеры (V.1) и (5). А у глагола перцептивной группы субъект может быть и референтным, пример (10). Впрочем, и в перцептивной группе субъект ГК чаще бывает нереферентный, см. (5а), (11а), (14).

Через референцию получает семантическое объяснение большая часть ограничений, приведенных в разделе 1.

Определенность, как уже говорилось, составляет препятствие для ГК, поскольку определенность — это конкретная референция, т. е. презумпция существования, которая сохраняется при отрицании. Отсюда НК при генитивном глаголе в примерах (N.16), (N.26).

Так, в (N.26) *газеты* — это определенный, ожидаемый набор газет; а в (N.2а) имеются в виду газеты вообще, противопоставленные, например, журналам. В при-

мере (N.3) НК исключена: если следов не обнаружено, значит, их нет, и НК, которая несет презумпцию их существования, неуместна.

Тематичность Вещи — препятствие для ГК, поскольку тематическая позиция влечет определенность, а следовательно — референтность; Вещь в ГК должна быть Ремой, см. пример (G.1).

Следует подчеркнуть, что тематичность Вещи препятствует генитивной конструкции лишь постольку, поскольку порождает определенность и конкретную референцию. Пример, который приводится в Борщев, Парти 2002 (с иной интерпретацией¹), показывает, что предупоминание может давать тематичность, но не обеспечивать определенности; не поступили не те газеты, за которыми я пошел, здесь нет кореферентности, отсюда генитив в (а):

- (18) а. <Пошел в киоск за *газетами*.> *Газет* не поступило;
б. <Пошел в киоск за *газетами*.> *Газеты* не поступили.

В предложениях с субъектом родового статуса тематичность роли не играет: предложение *Лосей здесь не водятся* может быть отрицанием как для *Лоси здесь водятся*, так и для *Здесь водятся лоси*.

То, что **ед. число** — препятствие для ГК, не совсем точно. Скорее, мн. число благоприятно — опять-таки потому, что способствует нереферентному пониманию субъекта, пример (N.4); ср.:

- (19) а. *Людей* на площади не осталось; б. [?]*Человека* на площади не осталось.

Кроме того, дело в том, что мн. число может пониматься как имя массы (mass term), и ГК в пассиве поддерживается партитивным значением генитива, ср.

- (20) *Бревен* [GenPl] не привезено — [?]*Бревна* [GenSg] не привезено.

Субъектный *genitivus partitivus* свободно употребляется только в отрицательном контексте, так что генитив субъекта и партитив хотя и связаны, но не тождественны (ср. Апресян 1985) — партитивность в семантике субъекта сама по себе не дает генитива, см. (21б):

- (21) а. Не налил *вина* — *Вина* не налито;
б. Налил *вина* — *Вина налито.

Одушевленность: субъект-лицо позволяет глаголу иметь агентивное значение. В примере (N.5б) *появиться* — глагол действия. Между тем генитивные глаголы, в обеих группах, стативны; так, в перцептивной группе Вещь должна быть только объектом восприятия. В (N.6б) автобус приходит, *двигаясь*, поэтому ГК невозможна; а в (N.6а) Вещь (*ответ*) просто начинает быть в Месте, и предложение звучит нормально. Предложение (N.7) невозможно (по современным нормам) по той же причине: рота *движется*.

У *присутствовать*, пример (V.2), невозможен генитивный субъект, поскольку присутствующий субъект — всегда одушевленный — так или иначе участвует в со-

¹ В Борщев, Парти 2002 для объяснения НК в (б) используется понятие «центр перспективы».

в соответствующем мероприятии (Падучева 2004: 431), т. е. в какой-то степени агентивен. О *начаться* и *наступить* см. подробно в Падучева 2004: 431.

Ударность генитивного глагола, пример (G.6), нужна для того, чтобы пропозиция с генитивным глаголом имела ассертивный статус: только тогда отрицание будет воздействовать на существование /присутствие в поле зрения; в противном случае пропозиция с генитивным глаголом окажется в презумпции и не будет отрицаться. Смысл (G.6b): неожиданно не возникает, а так — пожалуйста.

Кванторное прилагательное *никакой*, пример (N.8), выражает так наз. «внешнее» отрицание (Kempson 1975), когда отрицается не только ассерция, но и презумпция — в том числе презумпция существования у собственного имени: *никакого Беннета*. В контексте *никакой* презумпция пропадает и в номинативе: *Никакой Беннет не останавливался*.

Обязательную непереходность генитивного глагола, казалось бы, можно объяснить тем, что у переходного глагола субъект часто имеет презумпцию существования. Однако пример (V.4) показывает, что запрет на переходность носит структурный характер.

Остались примеры и (G.2)—(G.4), которые требуют погружения в лексическую семантику.

2.2. ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ГЕНИТИВНОГО ГЛАГОЛА

Обратимся к примеру (G.2). Глагол *быть* всегда являлся камнем преткновения при семантическом подходе к ГК. Различаются глагол *быть* бытийный, в наст. времени форма *есть*, и *быть* локативный, см. Lyons 1968; Арутюнова 1976 и др. В контексте бытийного *быть* ГК законна, бытийное *быть* — генитивный глагол.

Однако субъект глагола *быть* в отрицательном предложении стоит в генитиве даже и тогда, когда *быть* употреблено в значении местонахождения.

(22) ⟨Я зашел к Ване, но⟩ *Вани* не было дома /*Ваня не был дома.

В статье Падучева 1992 утверждалось, что есть две лексемы, соответствующие локативному *быть*, — лексема *быть* 1, **стативная**, и лексема *быть* 2, **динамическая**. У лексемы *быть* 1 предполагался встроенный наблюдатель в Месте (аналогичный наблюдателю в семантике глагола *показаться*, обнаруженному в Апресян 1986) — который и порождает генитивный субъект.

Отсюда вытекало, что ГК в контексте лексемы *быть* 1 имеет то же значение, что у других генитивных глаголов перцептивной группы, — отсутствие Вещи в поле зрения наблюдателя или Субъекте сознания. В перцептивной группе генитив субъекта не обязательно ставит под сомнение существование Вещи: однозначно референтный субъект может быть оформлен генитивом — тогда ГК маркирует отрицание восприятия, но не существования.

Различие между *быть* 1 и *быть* 2 усиливается при квантификации:

(23) а. *Я никогда* в этом доме не был; б. *Меня никогда в этом доме не было.

- (24) а. Я *никогда* в этом доме не буду [= 'никогда не приду'];
 б. Меня в этом доме *никогда* не будет [сейчас я мыслю себя в этом доме];
 ср. *Ноги моей в этом доме не будет.*

Глагол *быть* не единственный, который в контексте ГК обрастает наблюдателем; то же происходит с глаголами *лежать, висеть, стоять* — при неодушевленном субъекте, когда они не обозначают деятельность:

- (25) а. *Дневника* на столе не лежало;
 б. *Телевизора* на тумбочке не стояло;
 в. *Картины* на стене не висело.

У глаголов *белеть, блестеть, звучать* наблюдатель общепризнан, и их вхождение в класс генитивных глаголов очевидно. Особенность *быть* 1 состоит в том, что его наблюдатель ясно виден только в отрицательном контексте: он порождается в большей степени семантикой ГК, чем глагола.

Глаголы *толпиться, вертеться, крутиться, околачиваться, тереться, топтаться* (упомянутые в Апресян 1995: 521) допускают ГК и являются генитивными в том же смысле, что *быть* 1. С другой стороны, глаголы *находиться, пребывать* не генитивные и не допускают наблюдателя.

Итак, мы получили объяснение для примера (G.2): в (G.2a) и (G.2б) две разные лексемы глагола *быть*; в (G.2a) лексема *быть* 1, наблюдаемое местонахождение, которая относится к генитивному классу, а в (G.2б) — лексема *быть* 2, двунаправленное перемещение, не генитивная.

З а м е ч а н и е. Лексема *быть* 1 имеет все три времени и оба основных видовых значения в прош. времени, ретроспективное речевое и синхронное нарративное:

- (26) а. Иванова *нет* в Москве [наст.];
 б. Я пошел на берег, но отца *не было* на море [прош. нарративное];
 в. Этого человека раньше здесь *не было* [прош. речевое];
 г. Иванова *не будет* в Москве долго [буд.].

А у *быть* 2 есть только форма прош.

Не следует, однако, думать, что наблюдателя в примерах типа (G.2a) можно вывести из аспектуальной семантики глагола *быть*. В утвердительном предложении актуальное (синхронное) и общефактическое (ретроспективное) значение, действительно, различаются тем, что актуально-длительное значение, в отличие от общефактического, предполагает синхронного наблюдателя; в *Отец был на море а)* есть наблюдатель при актуально-длительном значении; б) отсутствует наблюдатель при общефактическом значении. Но в отрицательном — *Отца не было на море* — наблюдатель присутствует при обоих видовых значениях (т. е. и при речевом и при нарративном значении прош. времени); это значит, что его порождает генитивная конструкция, а не вид.

Была попытка представить значение двунаправленного перемещения у *быть* 2 как двунаправленное видовое значение *быть*. Но двунаправленное значение в НСВ допускают глаголы типа *открыть, выехать, зажечь* (они обозначают действие, результат которого может быть легко аннулирован противоположно направленным действием или событием), и все эти глаголы парные. Глагол *быть* был бы единственным непарным стативным глаголом НСВ с двунаправленным видовым значением. Следовательно, значение

двухнаправленного перемещения у *быть* (= 'побывать, т. е. прибыть и отбыть') — это лексический сдвиг: лексема *быть* 2 — это глагол движения. Интересно, что стативное *быть* легко приобретает значение движения при прибавлении приставок: *прибыть*, *отбыть*, *выбыть*, как и *побывать*, — приставочные глаголы движения. См. о двухнаправленном перемещении у *быть* Эккурс 4.

Различив статическое *быть* 1 и динамическое *быть* 2, мы получаем объяснение и для ряда сочетаемостных ограничений.

Эллипсис локатива возможен в (Г.3а), где ГК и *быть* 1. Но не при *быть* 2. Дело в том, что в (Г.3а) подразумевается 'здесь': Место фиксирует наблюдатель.

Лексема *быть* 1 требует *референтного Места*, поскольку в этом Месте должен находиться наблюдатель, отсюда аномалия в примере (Г.4б).

Здесь необходимо, однако, уточнение — на базе примеров, предложенных Б. Парти и В. Б. Борщевым (устное сообщение). Во фразе (27а) локализатор не является конкретно-референтным при одном из возможных пониманий (дом может быть не только один для обоих, но и свой для каждого), а у (27б) единственно возможное понимание — с нереперентным локализатором:

- (27) а. Ни Кати ни Лены не было *дома*;
 б. Никого из них не было *на своем месте*.

Такое понимание возникает в контексте дистрибутивности, когда имеется распределяющее множество Вещей, и для каждой Место может быть **свое**. Так что не обязательно, чтобы локализатор был референтным; достаточно дистрибутивной единственности (Падучева 1985: 157; Шмелев 1996: 86).

Как показывают эти примеры, в контексте множественного субъекта у локализатора возникает характерная прибавка 'свой': в (а) на смысловом, а в (б) — и на поверхностном уровне. Дело в том, что у локализатора активизируется его посессивная валентность. Только локализаторы с такой валентностью и допускают дистрибутивную (не конкретно-референтную) интерпретацию в контексте множественного (в частности, квантифицированного) субъекта.

3. КОМПОЗИЦИОННАЯ СЕМАНТИКА ГЕНИТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Наш семантический подход был «стихийно трансформационным». Предполагалось, что смысл отрицательного предложения с ГК складывается из смысла отрицания + смысл исходного утвердительного: в отрицательном контексте происходит замена им. падежа на родительный. Однако дело обстоит не так.

Рассмотрим отрицательное высказывание само по себе. Одна и та же ситуация может иметь разные **концептуализации** — вопрос в том, куда помещает себя наблюдатель. Пример (на базе Арутюнова, Ширяев 1983: 91).

- (28) Вопрос: Твой брат дома? [разговор на пороге дома; говорящий в Месте]
 Ответ 1: Нет, *моего брата* нет √ дома.
 (29) Вопрос: Твой брат дома? [разговор в Университете; говорящий не в Месте]
 Ответ 2: Нет, *мой брат* не дома √.

В ситуации примера (28) более естественна генитивная конструкция, в (29) — номинативная. Наблюдатель не встроен в лексическую семантику лексемы *быть* стативной. Он выражается самой генитивной конструкцией. Причем говорящему, в ряде случаев, предоставляется выбор между генитивной или номинативной конструкцией; все зависит от того, какой концепт он хочет сопоставить ситуации — будет он включать в нее наблюдателя или нет.

Так что стативное *быть* на самом деле не предполагает наблюдателя, а всего лишь совместимо с ним. Оно допускает употребление не только в генитивной конструкции, которая выражает присутствие наблюдателя, но и в номинативной, которая его не выражает, — оставаясь при этом в актуально-длительном значении, т. е. сохраняя синхронный момент наблюдения. Наблюдателя выражает не лексема *быть* 1, а генитивная конструкция.

Итак, смысл отрицательного предложения в общем случае складывается не из двух частей, а из трех: отрицание + смысл исходного утвердительного предложения + смысл конструкции. В конечном счете выбор конструкции определяется концептом, который сопоставляет ситуации говорящий.

Классического наблюдателя в примере из Апресян 1986 с глаголом восприятия *показаться* можно интерпретировать как участника, ставшего жертвой диатетического сдвига — при рефлексивизации у глагола может исчезать адресат, ср. пример из Падучева 2004: 240:

- (30) а. Она *выразила* ему свое презрение;
б. На ее лице *выразилось* презрение (*ему).

Так что в актантной структуре глагола *показаться* можно видеть участника, не выразимого на поверхности: участника за кадром. (Аналогичный уход Эксперента в наблюдателя возможен и без рефлексивизации, ср. *обнаружить* в контексте *не обнаруживал признаков жизни*.) Однако не всякий наблюдатель — участник: семантика глагола *белеть*, например, включает наблюдателя, но не обеспечивает ему места в актантной структуре.

Наблюдатель в семантике вида не обязан занимать определенную позицию в пространстве. Это скорее не наблюдатель, а Субъект сознания. При пространственном дейксисе весь смысл наблюдателя в определенности его пространственной позиции.

Что же касается наблюдателя в составе ГК, то он имеет пространственную локализацию: он находится (или мыслит себя) в ситуации отсутствия. В то же время, генитивная конструкция не обеспечивает ему места в актантной структуре. См., в Экскурсе 3 о том, что генитив субъекта при отрицании можно трактовать как своего рода диатетический сдвиг.

Итак, были рассмотрены три сменявших друг друга подхода к семантике ГК. Каждый следующий подход не отменял предыдущего, а дополнял его, сохраняя в определенном смысле свою значимость.

Предположение о наблюдателе в семантике лексемы *быть* 1 возникло как следствие подхода к отрицательному предложению с позиций трансформации отрицания: если наблюдатель есть в отрицательном предложении, он должен быть и в исходном утвердительном — иначе откуда ему взяться? Однако это предположение пришло в противоречие с фактами — лексеме *быть* были приписаны свойства, которыми она не обладает. Преимущества композиционного подхода к значению перед трансформационным очевидны — оказалось, что генитивная конструкция при *быть* может быть результатом свободного выбора.

Эккурс 3

ГЕНИТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

КАК ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ*

До недавнего времени грамматическая категория эвиденциальности (иначе — засвидетельствованности) была известна русистам разве что из работы Jakobson 1957, с ее ярким разделом о пересказывательном наклонении в болгарском языке. Но начиная с середины 90-х годов поток публикаций об эвиденциальности становится лавинообразным¹. Расширяется и спектр языков, в которых представлена эта грамматическая категория. В данной работе ставится вопрос, нельзя ли усмотреть грамматически выраженную эвиденциальность и в русском языке.

Из лекций Вяч. Вс. Иванова на филфаке МГУ в 50-е годы в нашем сознании твердо закрепились мысли, что любое явление сколь угодно экзотического языка, в принципе, можно продемонстрировать и на русском материале. В данном случае, однако, есть основания рассчитывать на нечто большее. Речь пойдет о собственной русскому языку (а отчасти и другим славянским) морфосинтаксической конструкции — генитиве отрицания. С одной стороны, рассмотрение этой конструкции в типологической перспективе, а именно, на фоне языков с грамматической эвиденциальностью, позволит раскрыть в ней дополнительное содержание. С другой стороны, для семантики грамматической эвиденциальности может оказаться полезным то, что известно о подробно описанных близких фактах русского языка.

1. НАБЛЮДЕННЫЙ ФАКТ

Согласно Мельчук 1998; Aikhenvald 2004; Плунгян 2011, к семантической зоне эвиденциальности относятся показатели, указывающие на источник информации о сообщаемой ситуации; иначе — на путь доступа говорящего к информации. Различаются показатели прямого доступа, т. е. прямой эвиденциальности, когда говорящий сам видел или был участником события (экспериментив), и разные виды непрямого доступа (репортатив, инферентив и прочее).

---

* Сокращенный вариант статьи, опубликованной в журнале «Русский язык в научном освещении», 2 (26), 2013 год.

¹ Статья Lazard 1999 начинается словами: «Evidentiality seems to be currently in fashion». О неожиданном взрыве интереса к эвиденциальности см. также Макарец 2009.

Для русского языка до последнего времени упоминались только **лексические** показатели **непрямой эвиденциальности**, см. в Булыгина, Шмелев 1993 о *кажется, видимо*; в Храковский 2007 об *оказывается*; в Letučij 2008 о *как будто* и др. Однако в Падучева 2004: 467—468 был приведен пример, где прямая эвиденциальность в русском языке выражена грамматически²:

- (1) а. *Бутылки* не было в холодильнике;
 б. *Бутылка* не была в холодильнике.

Высказывание (1а), с генитивным субъектом, скорее всего, было сделано человеком, который, открыв холодильник, не обнаружил там бутылки. В Падучева 1992 было показано, что генитивный субъект в отрицательном предложении с глаголом *быть* в локативном значении несет информацию о присутствии наблюдателя в Месте. Т. е. генитивный субъект означает, что речь идет не просто об отрицании местонахождения, а о наблюдаемом отсутствии, иначе говоря — об отсутствии, которое засвидетельствовано говорящим.

На этом основании можно сказать, что предложение (1а) с генитивным субъектом выражает прямую эвиденциальность. Что же касается предложения (1б) с подлежащим в номинативе, то это может быть заключение об отсутствии Вещи в Месте, сделанное по косвенным данным (бутылка теплая), может быть знанием, полученным от третьих лиц. Во всяком случае, номинативная конструкция не включает показателя непосредственно наблюдаемого отсутствия, т. е. не маркирует прямой эвиденциальности.

В примере (1а) субъект восприятия (иначе — свидетель) — говорящий. Но субъекта восприятия не всегда можно идентифицировать однозначно. Так, в примере (2) ни из (2а), ни из (2б) не следует однозначно, что Петька сам был на елке и засвидетельствовал отсутствие Ольги. Однако (2а) и (2б) безусловно отличаются от (2в). В самом деле, (2в) никак не означает, что отсутствие засвидетельствовано кем бы то ни было, а тогда ясно, что (2а) и (2б), напротив, подразумевают свидетеля:

- (2) а. Петька подтвердил, что Ольги не было на елке у Шмелевых;
 б. Ольги не было на елке у Шмелевых;
 в. Ольга не была на елке у Шмелевых.

Предложение (1а) с генитивным субъектом отличается от предложения (1б) с номинативным субъектом значением грамматических форм вида и времени. При генитивном субъекте значение вида актуально-длительное, т. е. момент наблюдения синхронный, и прош. время интерпретируется, скорее всего, в нарративном режиме — фраза повествует о прошлом, как если бы оно проходило перед глазами. А при номинативном субъекте значение вида общефактическое: момент наблюдения ретроспективный, и прош. время интерпретируется в речевом режиме, оно выражает предшествование моменту речи, см. о режимах интерпретации Падучева 1986; 1996: 286ff; Апресян 2003. Эвиденциальное приращение в (1а) не вытекает из этих различий, а является отдельным семантическим компонентом значения этого предложения.

² Идею эвиденциальной трактовки генитивной конструкции в контексте локативного *быть* предложил Я. Г. Тестелец — в ходе семинара по генитиву отрицания под руководством Барбары Парти в 2003 году.

2. ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ И КОНТРОЛЬ

Следует отметить, что в примерах с маркированной эвиденциальностью часто обнаруживается еще одно противопоставление — между контролируемостью и неконтролируемостью ситуации со стороны субъекта предложения. А именно, субъект, выраженный именительным падежом, является контролером ситуации, а субъект в родительном падеже таковым не является. Иными словами, генитив превращает подлежащее из субъекта действия в объект восприятия, т. е., в каком-то смысле, в пациенс. Так, фраза (2в) *Ольга не была на елке* описывает некий акт, контролируемый субъектом, а фраза (2б) *Ольги не было на елке* фиксирует ситуацию глазами внешнего наблюдателя, который не обязательно видит в ней целеполагающего субъекта.

Можно думать, что отрицательное воздействие наблюдателя (в широком смысле — включая субъекта сознания) на агентивность субъекта носит весьма общий характер.

В Санников 1989: 169—170 было сформулировано следующее различие между союзами А и НО (в одном из контекстов их употребления):

- (3) а. День был дождливый, *но* Коля не взял зонт;
б. День был дождливый, *а* Коля не взял зонт.

В. З. Санников считает, что союз НО указывает на зависимость между двумя компонентами предложения и выражает некий ненормальный ход событий; а союз А представляет события как независимые одно от другого.

В статье Падучева 1997 различие между союзами А и НО (для данного контекста их употребления) было описано более подробно. Оба союза предполагают субъект сознания (который осознает противоречие, а именно, в случае союза НО — ненормальный ход событий, а в случае союза А — ненормальное сочетание ситуаций). Но у союза НО этим субъектом сознания является денотат подлежащего второго предложения, который осознанно отступает от нормы, а у союза А субъект сознания — говорящий, который лишь констатирует отклонение от нормы. Так что в контексте НО «в ситуации имеется агенс, который, вообще говоря, мог бы контролировать наступление ситуации», и «союз НО означает, что ненормальный ход событий был результатом сознательного выбора этого субъекта»; а союз А не дает возможности представить ненормальность как результат сознательного выбора со стороны Агенса — ненормальность совместного наступления двух событий осознается только говорящим.

Но в таком случае мы вправе констатировать следующее общее свойство генитива субъекта и союза А: и там и там Агенс, попадая в сферу наблюдения или в сферу чужого сознания, отчасти утрачивает свою автономную агентивность.

В статье Зализняк, Микаэлян 2005, которая развивает идею Падучева 1997а, справедливо сказано, что союз А отнимает у субъекта контроль над ситуацией. Но это в точности то же самое, что делает с субъектом генитив — отнимает агентивность, превращая субъекта-Агенса в объект восприятия.

Следует отметить, что субъектом, теряющим агентивность, может быть, в частности, и первое лицо. В самом деле, как неоднократно отмечалось, на себя в прошлом говорящий смотрит как на третье лицо:

- (4) а. Погода была дождливая, *но* я не взял зонт [субъект контролирует ситуацию];
 б. Погода была дождливая, *а* я не взял зонт [субъект не контролирует ситуацию].

Здесь уместно обратить внимание на функциональную общность разных употреблений генитива: генитив, противопоставленный номинативу локативного *быть*, маркирует некую ролевую неполноценность этого субъекта³; в экзистенциальных контекстах генитив маркирует референциальную неполноценность субъекта, см. Partee e.a. 2012.

Разумеется, различие в контролируемости работает только в случае субъектов, которые действительно могут контролировать свое перемещение. В примере (1а) — про бутылку в холодильнике — контролируемость не проходит, а наблюдаемость остается. Так что эвиденциальное противопоставление остается как общее для всех контекстов употребления генитивной конструкции при референтном субъекте.

В контекстах, где номинатив выражает контролируемость, в прош. и буд. времени может возникать импликатура перемещения (контролируемого), и *быть* может быть понято в динамическом значении *быть* 2. Так что стативное значение у *быть* в составе номинативной конструкции (значение *быть* 1) гарантировано только при эксплицитном показателе включенного времени, как в примере (12) из раздела 6.1.2 — *Отец не был на море, когда там началась гроза.*

3. ЭВИДЕНЦИАЛЬНОЕ ПРИРАЩЕНИЕ ПРИ ДРУГИХ ГЛАГОЛАХ

Эвиденциальное приращение обратило на себя внимание, прежде всего, в контексте локативного *быть*. Но оно возможно и при других глаголах локализации в пространстве:

- (6) а. Этого портрета здесь раньше *не висело* [наблюдатель находится здесь сейчас и был или мыслил себя здесь раньше];
 б. Этот портрет раньше *не висел* в кабинетах членов фракции КПРФ [не предполагается наблюдателя].

Предложение (7а) известно как пример языковой игры; но суть приема состоит как раз в ранее описанном отрицательном воздействии наблюдателя на агентивность субъекта — глагол *стоять*, который в контексте субъекта-лица должен был бы относиться к акциональному классу деятельности, трактуется как стативный, поскольку человек трактуется как предмет:

- (7) а. *Вас* здесь *не стояло*;
 б. *Вы* здесь *не стояли*.

³ Барбара Парти (устное сообщение) предположила, что генитиву субъекта в отрицательном предложении можно дать диатетическую трактовку.

Генитив наблюдаемого отсутствия можно усматривать также в контексте глаголов движения. Так, в (8а) генитив, он маркирует движение К наблюдателю, а в (8б) наблюдатель расположен скорее в точке отправления, а не в точке прибытия, и генитив был бы неуместен:

(8) а. На город за время войны *не упало* ни одной бомбы. [А. Иличевский. Перс (2009)]

б. Ребята следили, чтобы ни одно зерно *не упало из* кузовов машин.

См. также примеры на базе Babby 1980:

(9) а. Ни одной подлодки *не всплыло*;

б. Ни одна подлодка *не всплыла*.

(10) а. Ни одного звука *не вырвалось* из его гортани;

б. Ни один звук *не вырвался* у меня из гортани.

В предложении (11а) номинатив, поскольку наблюдатель расположен там, откуда метаются в цель, так что движение направлено ОТ наблюдателя, а не К нему. С другой стороны, можно сказать (11б); тогда наблюдатель находится в том месте, КУДА летят пули /стрелы, т. е. движение К наблюдателю, и тут генитив.

(11) а. Ни одна стрела *не попала* в цель;

б. Ни одной пули в меня *не попало*.

В (12) (пример на базе Babby 1980) генитив следует, скорее, считать неуместным, и именно потому, что трудно предположить наблюдателя, по направлению к которому было бы направлено движение:

(12) ?Зажегся зеленый свет, но ни одной машины *не тронулось с места*.

В примерах (8)—(12) именная группа квантифицированная. Но эвиденциальное приращение от генитива такое же, как в случае конкретно-референтного субъекта в (6), (7).

4. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА ГЕНИТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Номинативное и генитивное предложения с глаголом *быть* различаются, помимо всего прочего, наиболее естественной для них коммуникативной структурой. А именно, номинативный субъект (например, *ни одно зерно* в (8б)) является, в смысле коммуникативной структуры, отдельной темой предложения, а генитивный субъект, как в (13), не является — уж скорее темой будет Локатив, т. е. Место⁴:

(13) На город не упало ни одной бомбы.

Иными словами, номинативный субъект может отличаться от генитивного еще и тем, что он выражает тему предложения. Ясно, что это возможное коммуникативное различие, равно как и акциональное, описанное в разделе 4, не отменяет эвиденциального компонента генитивной конструкции, а лишь поддерживает его.

⁴ Ср. о коммуникативной структуре бытийных предложений в Арутюнова, Ширяев 1983 и в Borschev, Partee 2002b.

В Борщев, Парти 2002 и ряде других используется понятие СТРУКТУРА ПЕРСПЕКТИВЫ, близкое к коммуникативной структуре⁵: предложение в генитиве утверждает, что в Месте не было Вещи (конкретной или какого-то типа), а предложение в номинативе — что конкретная Вещь не была в Месте. В одном случае речь идет про Место, а в другом — про Вещь.

5. ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ КАК ЭГОЦЕНТРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Согласно общепринятым определениям, эвиденциальный показатель маркирует источник информации, на основании которого *говорящий* делает *утверждение* о соответствующей ситуации. Так, в Мельчук 1998: 199 дается следующее определение грамматической эвиденциальности: «Категория эвиденциальности маркирует источники информации, выражаемой говорящим во время речевого сообщения». Это определение вызывает ряд вопросов.

Первый вопрос — почему речь идет только об *утверждениях*? Разве невозможны показатели эвиденциальности, скажем, в контексте *вопроса*, который не есть сообщение информации? Некоторые идеи в этом направлении уже были высказаны. Так, есть статья Cohen, Krifka 2011, где речь идет о семантике эвиденциальных показателей в разных типах речевых актов. Здесь, безусловно, есть интересные задачи. Ср., например, слова *явно* и *очевидно*, которые оба выражают, лексически, прямую эвиденциальность, но *очевидно* допустимо в вопросе, а *явно* — нет:

(14) а. Вы, *очевидно*, не читали эту книжку?

б. *Вы *явно* не читали эту книжку?

Второй вопрос касается фигуры *говорящего*. Показатель эвиденциальности — это эгоцентрик. Многие (хотя и не все) эгоцентрические (иначе — индексальные) слова и категории, которые в своем первичном употреблении ориентированы на говорящего, могут употребляться также в контекстах, где подразумеваемым или потенциальным носителем пропозициональной установки является вовсе не говорящий, см. Падучева 2011б. Так, есть НЕКАНОНИЧЕСКИЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СИТУАЦИИ, например НАРРАТИВ, где говорящего нет вообще, а есть его заместители — это может быть повествователь или персонаж, причем для понимания текста существенно, кто именно. Есть гипотаксический контекст (embedded position).

Вопрос о синтаксической подчинимости (embeddability) эвиденциальных показателей был поставлен в Schenner 2012, где говорится: «embedded evidentials (...) may give rise to unexpected readings and provide interesting challenges to many pure-

⁵ В Borschev, Partee 2002 используется метафора НАБЛЮДАЮЩЕЙ КАМЕРЫ, которая близка к понятию наблюдателя. Но наблюдающая камера предлагается как объяснение генитива отрицания для всех предложений с генитивным субъектом, в том числе — для бытийных. Между тем наблюдатель отвечает за генитив только в контексте локативного *быть* и ряда других глаголов с референтным или квантифицированным объектом. Скажем, в предложении *Сомнений не возникло*, с нереперентным субъектом, нет наблюдателя, и семантическая мотивировка генитива — несуществование, а не наблюдаемое отсутствие.

ly root-clause-informed approaches to evidentials». О подчинимости вводных слов см. Падучева 1996а: 310—320; Potts 2005 и др. Эта проблематика концентрируется вокруг понятия *main clause phenomena*, см. Aelbrecht, Haegeman, Nye 2012.

Тут можно вернуться к тому же речевому акту вопроса: известно, что вопрос во многом переносит ориентацию эгоцентриков с говорящего на слушающего (см., например, Падучева 1996: 268). Так что употребление эвиденциальных показателей в контекстах, где подразумеваемый носитель пропозициональной установки не совпадает с говорящим, заслуживает внимания.

Короче говоря, эвиденциальный показатель — это эгоцентрик, и он должен быть рассмотрен на фоне того, что нам уже известно о других эгоцентрических элементах языка. В языках с описанной грамматической категорией эвиденциальности эвиденциальный показатель ориентирован исключительно на говорящего, т. е. ведет себя как первичный, чистый эгоцентрик. Теоретически не исключено, что показатели грамматической эвиденциальности действительно являются первичными эгоцентриками и подразумевают именно говорящего. Но это надо доказать. Ясно, что для русских эвиденциальных показателей это не так. Например, *явно* в примере (25б) — первичный эгоцентрик и не допускает вопросительной проекции, а субъект *очевидно* — вторичный и ее допускает. Русская конструкция с генитивом наблюдаемого отсутствия показывает, что эвиденциальный показатель может вести себя как вторичный эгоцентрик, т. е. подвергаться разным видам проекции.

В работах Friedman 2005; Friedman 2012 предложена схема грамматически выраженных эвиденциальных противопоставлений, характерная для целого ряда балканских языков, которая существенно отлична от традиционной. Это так наз. «балканский тип» эвиденциальности, который выдвигает на более центральное место (ад)миративность. Существенно, что в работах Виктора Фридмана приводятся данные о том, что семантика эвиденциального показателя может быть разной в утверждении и в вопросе; в диалоге и в нарративе. Иными словами, эти работы прокладывают путь к рассмотрению эвиденциального показателя как полноценного эгоцентрика.

Стоит заметить, что дейксис тоже поначалу связывали только с говорящим. Один из трех примеров вторичного дейксиса, т. е. дейксиса, ориентированного на наблюдателя, в Апресян 1986 — это глаголы типа *белеть*. Между тем ранее, в статье Булыгина 1982: 15, про эти глаголы говорилось, что они дают «эффект соприсутствия» говорящего и «могут функционировать только в предикациях, описывающих конкретную, “актуальную” ситуацию, в которой находится (или в которую помещает себя) говорящий». Возможно, и эвиденциальность перестает однозначно связываться с говорящим по мере того, как в рассмотрение включается более широкий круг фактов, в частности, лексические показатели эвиденциальности.

В типологии наблюдателей, предлагаемой в Fontanille 1989, предусматривается «не персонифицированный» наблюдатель, как «концептуальный центр» повествования, не воплощенный ни в каком лице. Представляется, однако, что там, где контекст

не предоставляет естественного наблюдателя отсутствия, генитивная конструкция может показаться употребленной неуместно⁵:

- (15) Несмотря на полученное приглашение присутствовать на трибуне, *меня там не было*, и выступление Ленина я не слушал: я спал, или — вернее — дрых до трех часов пополудни. [Ю. П. Анненков. Дневник моих встреч (1966)]

Итак, мы можем заключить, что значение эвиденциальности (или, что то же, засвидетельствованности, наблюдаемости) может быть выражено в русском языке не только лексическими, но и грамматическими средствами — генитивной конструкцией отрицания. Правда, в ограниченном контексте — у небольшого числа стативных и моментальных глаголов, которые допускают генитивную конструкцию с конкретно-референтным субъектом.

Разумеется, эвиденциальность не является в русском языке грамматической категорией: маркировка присутствия наблюдателя, даже при отрицании в составе упомянутого ограниченного класса глаголов, не является обязательной — предложение (2в), с номинативной конструкцией, может быть употреблено и в том случае, если Петька сам был на елке и мог засвидетельствовать отсутствие Ольги. Тем более нельзя сказать, что номинативная конструкция выражает косвенную эвиденциальность: фраза (16) может быть сказана и в таком контексте, когда информация, сообщаемая говорящим, является его прямым знанием, а не заключением по косвенным данным.

Следует также отметить возможную особенность статуса русского эвиденциального показателя. В языках с грамматической эвиденциальностью показатель прямого доступа обычно выражает максимальную степень ответственности говорящего за достоверность информации и является немаркированным членом эвиденциального противопоставления. Между тем в русском языке ссылка на тип доступа, в том числе и на прямой доступ («Я сам видел»), скорее снижает достоверность информации:

- (16) Шеварднадзе проезжал по улицам Тбилиси стремительно, его автомобиль с четырех сторон облепляли (*сам видел*) машины охраны. [П. Сиркес. Труба исхода (1990—1999)]

В самом деле, в русском языке, как и во многих других, действует постулат о том, что в утвердительном высказывании с индикативным наклонением говорящий несет эпистемическое обязательство: высказывание Р влечет ‘я знаю, что Р’ или ‘я считаю, что Р’ — в зависимости от типа предикации Р. Так, если предикация Р носит оценочный характер, то реализуется второй вариант. Отсюда известный парадокс Мура (Моогге 1993): высказывание *Она красива, но я так не считаю* аномально — поскольку *Она красива* значит, вообще говоря, ‘я считаю, что она красива’.

⁵ Впрочем, возможно другое объяснение неуместности генитива в этом контексте: естественно было бы сказать «несмотря на полученное приглашение, я не пошел», т. е. предпочтительность номинативной конструкции можно объяснить ее большей агентивностью, см. пункт 2.

Грамматически выраженная наблюдаемость в русском языке тем более не увеличивает степени достоверности информации.

Так или иначе, можно думать, что в типологии способов выражения эвиденциальности пригодится тот опыт, который накоплен исследователями русского языка в сфере эгоцентрической семантики. Русский язык демонстрирует родство понятий прямая засвидетельствованность и наблюдаемость, однако бросается в глаза следующее. В русском языке наблюдатель — это вторичный эгоцентрик: роль наблюдателя может выполнять, в разных режимах, не только говорящий, но и другие лица. Между тем в существующих описаниях грамматической эвиденциальности ее субъектом может быть только говорящий. Так ли это на самом деле, т. е. действительно ли субъект грамматической эвиденциальности является первичным (жестким) эгоцентриком, следовало бы проверить.

И второе. В русском языке наблюдатель, т. е. субъект восприятия, проявляет себя почти так же, как субъект сознания. И в самом деле, имеется естественный семантический сдвиг, по которому глагол со значением 'видеть' в русском (как, впрочем, и во многих других языках) употребляется также в значении 'понимать', ср. известный пример Анны Вежбицкой *Я вижу, Джона здесь нет*. Между тем в языках с грамматической эвиденциальностью это семантическое сближение, видимо, не должно иметь место, если наблюдаемое и выведенное как следствие (или просто известное) грамматически противопоставлены.

Экскурс 4

ГЛАГОЛ *БЫТЬ*: УПОТРЕБЛЕНИЯ В ЗНАЧЕНИИ СОВЕРШЕННОГО ВИДА*

1. Два значения локативного *БЫТЬ*: СТАТИВНОЕ И ДИНАМИЧЕСКОЕ

Русские предложения с локативным *быть* и конкретно-референтным субъектом подвергались в последнее время тщательному анализу в рамках проблемы генитива отрицания, поскольку локативное *быть* опровергает заключение, сделанное в Babby 1980, о том, что генитивный субъект заменяет номинативный в экзистенциальных отрицательных предложениях, предположительно имеющих нереферентный субъект.

Вернемся к много раз упоминавшемуся примеру из Апресян 1980: 65, который показывает, что генитивом может быть оформлен и референтный субъект локативного *быть*:

(1) Отец был на море.

(1a) *Отца* не было на море [генитивный субъект].

(1б) *Отец* не был на море [номинативный субъект].

В Падучева 1992 утверждалось, что есть две лексемы, соответствующие локативному *быть*, — стативное *быть*, с предпочтительно генитивным субъектом, и динамическое *быть*, у которого субъект только номинативный. Различие в выборе падежа объяснялось тем, что лексическое значение стативного *быть* включает встроенного синхронного наблюдателя в ситуации отсутствия. Иными словами, предполагалось, что (1б) означает просто, что отец не был на море, а (1a), с генитивом, гласит, что этот факт был кем-то засвидетельствован — (1a) выражает наблюдаемое отсутствие.

Поскольку было установлено, что семантическая сфера восприятия семантически родственна сфере существования (см., например, Падучева 2004: 150), семантический подход к генитиву субъекта не терял силы: генитив отрицания в контексте стативного *быть* мог служить подтверждением того, что язык трактует отсутствие в поле зрения так же, как отсутствие в мире, т. е. несуществование.

2. СТАТИВНОЕ *БЫТЬ* С НОМИНАТИВНЫМ СУБЪЕКТОМ

Однако позднее эти формулировки оказалось необходимо уточнить: стало ясно, что лексическая семантика стативного *быть* сама по себе, т. е. вне контекста отрицания, синхронного наблюдателя ситуации отсутствия не включает: наблюдатель вы-

---

* Переработанный вариант доклада на конференции Семантический спектр славянского вида, см. Padučeva 2013.

ражается не лексической семантикой стативного *быть*, а генитивной конструкцией отрицания, см. Падучева 2005, а также раздел 6.1.2 и Экскурс 3.

Итак, стативное *быть* допускает субъект в номинативе и в генитиве, и они могут быть семантически противопоставлены. У динамического *быть* субъект только номинативный. Дальше нас будет интересовать динамическое *быть*.

3. ДИНАМИЧЕСКОЕ *БЫТЬ* С НЕАГЕНТИВНЫМ СУБЪЕКТОМ

Динамическое *быть* усматривается в Апресян 1992; Апресян 2012. В Падучева 1992 субъект динамического *быть* считался одушевленным (то же в Perelmutter 2005; Timberlake 2004; Апресян 2012), и это было одним из отличий динамического *быть* от стативного. В самом деле, со многими обстоятельствами места неодушевленный субъект в номинативе практически несовместим:

(3) **Мой паспорт не был в сумке* ⇒ *Моего паспорта не было в сумке*.

Однако для примера (4) мы легко домысливаем ситуацию, когда неодушевленный номинативный субъект тоже возможен:

(4) *Этот костюм не был в химчистке*.

4. «ДВУНАПРАВЛЕННОЕ» ЗНАЧЕНИЕ ДИНАМИЧЕСКОГО *БЫТЬ*

После того как стативное *быть* лишилось перцептивного компонента, а динамическое — агентивности, различие двух значений стало менее четким. В Апресян 2012 у *быть* в предложении (5а) и в соответствующем отрицательном (5б), с номинативной конструкцией, усматривается «переместительное» лексическое значение и РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ДВУНАПРАВЛЕННОЕ значение несов. вида — ‘результат достигнут и аннулирован противоположно направленным действием или событием’:

(5) а. Сегодня отец уже *был* на море [≈ ‘уже ходил’];

б. Сегодня отец еще *не был* на море [≈ ‘еще не ходил’].

Возникает вопрос, нельзя ли принять для *был* в (5а) и (5б) другие перефразировки и, соответственно, значение местонахождения, а не перемещения:

(5') а. Сегодня отец уже *был* на море = ‘уже находился (некоторое время)’;

б. Сегодня отец еще *не был* на море = ‘еще не находился (никакое время)’.

Ср. похожие употребления других глаголов несов. вида:

(6) а. Сегодня отец уже *работал* в саду = ‘уже работал (некоторое время)’;

б. Сегодня отец еще *не работал* в саду = ‘еще не работал (никакое время)’.

Однако на самом деле для того, чтобы идентифицировать значение *быть* в (5) как переместительное, действительно есть основания.

На первый взгляд, результативное двунаправленное значение у *быть* вызывает сомнения. Как известно, результативное двунаправленное значение допускают глаголы НСВ, у которых есть парный СВ, — такие как *открывать*, *выезжать*, *зажигать* и под. СВ такого глагола обозначает действие, имеющее результат, и только

поэтому в несов. виде они могут обозначать действие, результат которого аннулирован противоположно направленным действием или событием. Известный пример Ю. Д. Апресяна:

- (7) Машина *выезжала* из гаража [в одном из значений — ‘выехала и вернулась обратно’].

Так что динамическое *быть*, глагол НСВ, может иметь двунаправленное результативное значение лишь при условии, что у него есть парный СВ; иначе говоря, при условии, что это *быть* не принадлежит к классу глаголов *imperfectiva tantum*. Можно думать, парный СВ у динамического глагола НСВ *быть* действительно есть, но только он омонимичен самому глаголу НСВ. Иными словами, я утверждаю, что динамическое *быть*, будучи имперфективным в своем основном значении, **может употребляться также и как глагол совершенного вида**.

Признание перфективности за определенной частью употреблений глагола *быть* позволит оправдать толкование, предложенное Ю. Д. Апресяном для примера (5), согласно которому несов. вид глагола *быть* имеет в нем результативное двунаправленное значение. А заодно получит объяснение ряд других свойств динамического *быть*, на которые до сих пор не обращалось должного внимания.

5. ДИНАМИЧЕСКОЕ БЫТЬ КАК ГЛАГОЛ СОВЕРШЕННОГО ВИДА

Ситуацию можно представить так. Имеется

а) динамическое *быть*, которое представляет собой (иначе, ведет себя как) моментальный глагол СВ, и

б) омонимичный, парный к нему, глагол *быть* НСВ, имеющий только тривиальные значения (как и полагается парному имперфективу от моментального глагола СВ) — и то, как будет видно, не все.

Есть несколько аргументов в пользу того, что динамическое *быть* — это, в своей исходной форме, глагол СВ.

Первый аргумент — двунаправленное результативное значение несов. вида, постулированное для «переместительного» *быть* в Апресян 2012 (т. е. для *быть* в значении реверсивного, иначе — поступательно-возвратного движения).

Такое аспектуальное значение возможно у глагола НСВ при выполнении двух условий.

Первое условие — видовая парность, т. е. наличие видового коррелята сов. вида. В самом деле, только видовая парность делает осмысленным понятие результата. Глаголы *imperfectiva tantum*, такие как *существовать*, *находиться*, *расти*, с идеей результата несовместимы.

Второе условие — принадлежность к классу реверсивных глаголов. Глагол НСВ противопоставлен глаголу СВ тем, что выражает аннулированный результат, ср. *приходил* vs. *пришел*. Реверсивный глагол НСВ — это такой, который предполагает не только глагол СВ, обозначающий результат, но и глагол, обозначающий действие или событие, которое аннулирует результат.

Примеры реверсивных глаголов: *открывать, приходить, заходить, подниматься, спускаться, входить, вставать, ложиться, садиться, брать* (но не *отдавать*), *включать* (и *выключать*), *выезжать*, см. Forsyth 1970: 78—81; Рассудова 1968: 26ff; Гловинская 1982: 122ff; Падучева 1996: 22.

Границы нечеткие; так, *ломать*, в принципе, не реверсивный, ср., однако, *Я пару лет назад ломала руку*. Но глаголы *чинить, покупать* заведомо не реверсивные.

У парных глаголов НСВ на одно аспектуальное значение больше, чем у стативных. Так, у парного глагола *окружать* два значения:

- (8) (i) Немцы тогда *окружали* Орел [постепенно или, уже окружив, стояли; синхронное значение прош. времени];
 (ii) Немцы хоть раз *окружали* Орел? = ‘окружили’; ретроспективное значение НСВ прош.; многократное.

А у того же глагола в стативном употреблении значения (ii), ретроспективного, нет:

- (9) (i) Парк тогда *окружал* усадьбу?
 (ii) ?Парк хоть раз *окружал* усадьбу?

У глагола *быть* есть значение типа (ii), и это значит, что у него есть парный СВ:

- (10) *Я был* у приятеля = в одном из пониманий: ‘пришел и ушел’.

Ср. глагол *плавать*, непарный. В (11a) и (11б) у *плавать* одно и то же значение — континуальное. Оно не результирующее. А раз нет результирующего значения, значит, нет и поступательно-возвратного, которое развивается из значения аннулированного результата.

- (11) а. Он сегодня утром *плавал* в Мертвом море;
 б. Ты хоть раз *плавал* в Мертвом море?

Между тем у *быть* есть значение (ii); это значит, что *быть* парный глагол несов. вида, а не *imperfectivum tantum*.

З а м е ч а н и е. В Гловинская 1982: 131 общефактическое двунаправленное значение признается у глагола *ходить* (как в *Я сегодня ходил купаться*). Ясно, однако, что следует либо признать у глагола *ходить* парный СВ (*сходить*), либо двунаправленное значение у глагола *ходить*, в отличие от *выезжать*, не видовое, а лексическое. У непарного глагола несов. вида, такого как, например, *искать*, результирующего значения не возникнет никогда. Так, *Вы искали в этом лесу грибы?* ни в коем случае не может быть понято в значении ‘находили’, поскольку *найти* не пара к *искать*.

Второй аргумент — динамическое *быть* может обозначать не только реверсивное, но и однонаправленное перемещение. Например, в контексте (12) у *быть* значение динамическое, но не реверсивное; временной адвербиал задает момент прибытия:

- (12) а. Врач *будет* ровно в шесть [*будет* = ‘прибудет’];
 б. Врач *был* ровно в шесть [*был* = ‘прибыл’].

Отсюда отличие *быть*, например, от *сидеть*:

- (13) а. В тот день он *был* дома ровно в шесть;
 б. * В тот день он *сидел* дома ровно в шесть.

Ср. также отличие *быть* от *обедать*:

- (14) а. В тот день мы *обедали* ровно в шесть = ‘в шесть мы начали деятельность, обозначаемую глаголом НСВ’;
 б. В тот день он *был* дома ровно в шесть = ‘в шесть закончилась деятельность, обозначаемая глаголом НСВ’.

Третий аргумент — у динамического *быть*, в отрицательной конструкции, нет формы наст. времени со значением прогрессива, что естественно для глагола СВ; у стативного *быть* она есть:

- (15) а. Коли [генитив] нигде *не было* [стативное *быть*, прош. время];
 б. Коли [генитив] нигде *нет* [стативное *быть*, наст. время].
 (16) а. Коля [номинатив] нигде *не был* [динамическое *быть*, прош. время];
 б. — [динамическое *быть*, наст. время], ср. Коля нигде *не бывает*.

У обычных моментальных глаголов, например *заходить*, форма наст. времени тоже не употребляется в значении прогрессива; но она может употребляться в других значениях, например в узуальном. Видимо, у динамического *(не)быть* парный несов. вид есть — *(не)был*, прош., *(не)буду*, буд., — но только в несинхронных значениях, а формы наст. времени нет, т. е. этой форме не доступны ни к а к и е синхронные значения наст. времени — не только прогрессив, но и узуальное и наст. ист., которое у обычного имперфектива моментального глагола, типа *приходить*, *заходить*, есть.

Четвертый аргумент в пользу того, что *быть* и в современном языке ведет себя в каком-то смысле как *дать*, — это форма буд. времени: у глагола несов. вида форма буд. времени должна была бы иметь вид *буду быть*. По свидетельству Александры Дерганц (personal communication), в словенском языке прошедшее время от глагола *biti* ‘быть’ — *(ja) sem bil*, а будущее — *(ja) bom*. Но дети говорят *(ja) bom bil*, и их приходится поправлять. Так что типологически форма буд. времени, образованная по модели несовершенного вида, не исключена¹.

Пятый аргумент — ограничения сочетаемости динамического *быть* с временными адвербиалами. А именно, динамическое *быть* не может быть употреблено:

- а) в контексте включенного показателя времени и
 б) в контексте показателя времени (точнее — длительности), «сплошь заполненного действием», типа *весь год*, *целый день* (в отличие от просто *год* или *два года*) и под. Это показатели, которые требуют синхронного наблюдателя. Они полностью принадлежат сфере имперфективности.

Т. е. динамическое *быть* недопустимо ровно в тех контекстах, которые требуют глагола со значением состояния или деятельности, каковым является стативное *быть*.

Обычное обстоятельство длительности не является препятствием для событийного *быть*, поскольку в контексте отрицания оно может обозначать не продолжительность состояния наблюдаемого отсутствия, а продолжительность состояния ненаступления события (см. раздел 7.1.3), обозначаемого динамическим (т. е. событийным) *быть*. Так, (17) неоднозначно:

¹ Этот аргумент в пользу интерпретации *быть* как глагола СВ был предложен А. А. Зализняком.

- (17) Я две недели не был дома =
(i) 'отсутствовал'; (ii) 'ни разу не побывал'.

А обстоятельство времени, целиком занятое ситуацией (типа *целый год*), допускает только стативное понимание *быть* и исключает *быть* событийное:

- (18) Я не был дома *весь день* = 'отсутствовал'; ≠ 'ни разу не побывал'.

В (19) значение *быть* однозначно событийное, поскольку постоянное пребывание исключено по прагматическим соображениям:

- (19) Костюм не был в химчистке *два года* [*быть* 2 = 'за два года ни разу не побывал'].

В (20а) непрерывное отсутствие костюма в химчистке выражает генитив (т. е. наблюдатель в Месте), а в (20б) — обстоятельство времени «целиком заполненного»; обе фразы аномальны:

- (20) а. *Костюма не было в химчистке *два года*;
б. *Костюм не был в химчистке *весь год*.

Предложенная формулировка контекстов, допускающих событийное *быть*, объясняет, почему однозначно «переместительную» (иначе — событийную) интерпретацию имеет *быть* в примере (5б) из Апресян 2012. Частица *еще* намечает состояние ненаступления события; отсюда ретроспективная позиция наблюдателя; отсюда же невозможность генитивного субъекта, а значит и стативного *быть*:

- (21) а. Сегодня отец (я) еще не был на море /дома;
б. *Сегодня отца (*меня) еще не было на море /дома.

6. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ

Согласно современным семантическим концепциям, совмещение значений в одном слове должно быть семантически (или типологически) правдоподобно. Переход от значения перемещения к значению состояния — это необычайно широко распространенный семантический сдвиг, ср. англ. *quiescere* или англ. *I've got a good Russian-English dictionary* = 'I have a good dictionary', ≠ 'I got a good dictionary'. О русских глаголах перемещения, таких как *подступать*, *выходить*, *входить*, *проходить*, *следовать*, *нести*, в стативном значении см. Падучева 2004: 389. Ср. также в Гиро-Вебер, Микаэлян 1999 о фр. глаголе *toucher* и его русских эквивалентах *касаться*, *трогать*, которые колеблются между значением перемещения (*коснулся ее руки*) и стативным (*Ветви сирени почти касаются моего балкона*).

Сдвиг в обратную сторону, от состояния к перемещению, тоже достаточно широко распространен. Так, в контексте (22) (пример был предложен, в ходе обсуждения этой проблематики, Эстеном Далем) предлог *to*, выражающий направление, более уместен, чем *in*:

- (22) I have been to Australia.

За латинский пример (23) (из Петрония) я благодарна Герману Сельдеслахтсу:

- (23) fui enim hodie in funus, букв. 'я был вчера на похороны': *venire in* + Accusativ.

Существенно, что основа глагола *быть* совместима с префиксами *при-* и *от-*, которые обозначают направление движения (*прибыть*, *отбыть*, *побывать*) — состояния не имеют направления.

Так что *быть* событийное связано с *быть* стативным лексическим переходом. Значение меняется по двум параметрам: тематический класс — от локализации к перемещению, и таксономическая категория — от пассивного состояния к действию.

Следует отметить, что значение сов. вида ‘стать’ у глагола *быти* признается для русского языка XVI—XVIII веков в статье Живов, Успенский 1997.

Идея о том, что и в современном языке *быть* может употребляться как глагол СВ, была выдвинута в работе Miller 1974, но только для будущего времени. Одним из решающих аргументов была для Дж. Миллера сочетаемость с направлятельными предложениями, как в *Вы будете к нам завтра?* — не говоря о пушкинском *Все флаги в гости будут к нам*. Актант «Куда?» действительно возможен только в будущем времени, и то с пометой «устар.». Однако «Откуда?» и «Кому?», тоже направлятельные валентности, вполне совместимы с современным узусом:

(24) *От дяди Олега мне* ничего не было. (В. Набоков. Дар)

Так что признав перфективное употребление *быть* и у прош. времени, мы одним ударом объясняем массу особенностей его поведения.

Глава 7

ИМПЕРФЕКТИВ ОТРИЦАНИЯ

7.1. О КОРРЕЛЯЦИИ ОТРИЦАНИЯ С НЕСОВЕРШЕННЫМ ВИДОМ ГЛАГОЛА*

7.1.1. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ И КОМПОЗИЦИОННЫЙ ПОДХОД К ИМПЕРФЕКТИВУ ОТРИЦАНИЯ

До последнего времени господствующим в семантике и синтаксисе отрицательного предложения был трансформационный подход. В рамках этого подхода имперфектив, т. е. несовершенный вид, глагола (равно как и генитив имени) в контексте предикатного отрицания считался своего рода следствием, сопровождающим — в обязательном или в необязательном порядке — переход от исходного утвердительного предложения к соответствующему отрицательному. («Соответствующее» отрицательное — это предложение, которое является прагматически естественным общим отрицанием исходного утвердительного.) Так, в Падучева 1974: 149 рассматривается пример: отрицанием для (1а), с перфективом, т. е. совершенным видом глагола, может быть как предложение (1б), с глаголом в имперфективе, так и предложение (1в), с перфективом, которое по смыслу почти неотличимо от (1б).

- (1) а. Иван *взял* с собой плащ или куртку;
- б. Иван ни плаща, ни куртки с собой *не брал*;
- в. Иван ни плаща, ни куртки с собой *не взял*.

Между тем замена перфектива на имперфектив при отрицании обязательна разве что в повелительном наклонении или в модальном контексте (*возьми — не бери; надо взять — не надо брать*).

Более того, в контексте, скажем, примера (2) имперфектив *не принимал* не возможен. Точнее, замена перфектива на имперфектив дала бы тут существенное изменение смысла предложения, после которого оно перестало бы вставляться в свой контекст:

- (2) Вятский губернатор *не принял* меня, а велел сказать, чтоб я явился к нему на другой день в десять часов. (А. И. Герцен. Былое и думы)

Трансформационная модель хорошо вписывалась в традиции русской грамматики (в частности, в подходы к синтаксису, намеченные А. М. Пешковским) и существенно продвинула вперед соответствующую проблематику. Однако ей свойственна ограниченность.

---

* В основу этого раздела положена статья «Имперфектив отрицания в русском языке», опубликованная в журнале «Вопросы языкознания», 2008, № 3, с. 3—21.

Во-первых, помимо семантически общеотрицательных предложений, у которых есть исходное утвердительное, бывают семантически частноотрицательные, например:

(3) Он неделю *не умывался*.

(4) Я три дня *не садился* за стол.

Для них понятие исходного утвердительного не имеет смысла; так, (3) ≠ ‘Неверно, что он неделю умывался’.

Во-вторых, даже для общеотрицательных предложений трансформационный анализ — не конец дела, поскольку он не описывает общих законов семантического взаимодействия отрицания с исходным видовым значением глагола. А без этого нельзя объяснить особенности семантики видовых форм в примерах (1)—(4).

Сейчас эту ограниченность можно преодолеть. Вопрос в том, какие **частные видовые значения** может иметь имперфектив в отрицательном предложении; каковы различия и сходства между перфективом и имперфективом в отрицательном контексте, а отсюда уже — почему иногда происходит мена вида, не только при отрицании, но и при отрицательном ответе на вопрос: — *Взял зонт?* — *Не брал зонта*.

Рассматриваются только парные глаголы (поскольку только для них может идти речь о выборе сов. или несов. вида в контексте предикатного отрицания) и только прошедшее время (по поводу буд. времени см. Замечание в разделе 7.1.2).

От корреляции имперфектива отрицания с генитивом имени (см. пример (29) из раздела 6.2.2) мы здесь отвлекаемся, принимая допущение, что скорее имперфектив влияет на выбор падежа, чем наоборот.

7.1.2. ГРАММАТИЧЕСКАЯ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ

Один из важнейших процессов в лингвистике последних лет — это бурное развитие типологии, в частности, грамматической типологии. В результате, семантика русского вида (и славянского вида в целом), которая еще недавно была предметом нашей национальной гордости и придавала славянским языкам уникальную неповторимость, теперь заняла скромное место в разветвленной системе видовых значений языков мира. Иначе говоря, представилась возможность изучения русского вида в типологической перспективе.

Частные видовые значения русского имперфектива в утвердительном контексте основательно изучены (Маслов 1948; 1984; Рассудова 1968; 1982; Forsyth 1970; Бондарко 1971; Апресян 1980; Гловинская 1982; 2001; Падучева 1986; 1996 и др.).

Уже после первых работ Ю. С. Маслова стало ясно, что в формировании частных видовых значений большую роль играют лексические факторы, и важно отличить собственно грамматическую семантику видовой формы от модификаций, обусловленных лексикой. Под влиянием Г. Рейхенбаха пришло осознание того, что грамматическая аспектуальность — это, прежде всего, точка отсчета, которая порождает перспективу, или ракурс. Параллельно входила в обиход классификация Вендлера, Vendler 1967: было принято, что лексическая аспектуальность — это,

прежде всего, АКЦИОНАЛЬНЫЙ КЛАСС глагола (термин из Tatevosov 2002; см. о классификации Маслова — Вендлера в Падучева 2009а).

В книге Smith 1997 излагается так наз. двухкомпонентная теория вида, где четко противопоставлены два вида аспектуальности — *lexical aspect* и *viewpoint aspect*. Тут требуются уточнения (поскольку факторов не два, а больше), но роль *viewpoint* (т. е. ракурса, иначе — перспективы) как самого важного фактора собственно грамматического значения вида подтверждает идеи, высказывавшиеся ранее по отношению к славянскому виду (Исаченко 1960; Кошмидер 1962; Маслов 1976; Падучева 1986), и потому работы К. Смит привлекают к себе внимание.

Viewpoint aspect охватывает аспектуальные оппозиции, касающиеся различной временной позиции наблюдателя по отношению к одной и той же ситуации. Ср. пару *встать* — *вставать*: перфектив *встал* обозначает ситуацию целиком, на всем ее протяжении, в ретроспективе, или в ретроспективном ракурсе; а имперфектив *встает* (в его главном значении, ПРОГРЕССИВЕ) представляет ту же самую ситуацию в синхронной перспективе, как наблюдаемую в один из моментов ее развития — в одной из ее срединных фаз. Термин МОМЕНТ НАБЛЮДЕНИЯ из Гловинская 1982 соответствует нем. *ВЕТРАСHTZEIT* (Kratzer 1978). Это то же, что точка отсчета по Рейхенбаху: момент наблюдения противопоставлен моменту речи. Момент наблюдения может совпадать с моментом речи, текущим моментом текста или какой-то иной точкой отсчета (Падучева 1986). Отсюда отличие вида, вторичного эгоцентрика (ср. вторичный ДЕЙКСИС по Апресян 1986), от времени, которое является ПЕРВИЧНЫМ ЭГОЦЕНТРИКОМ, поскольку ориентировано, в своем исходном значении, на момент речи (Падучева 1996: 285—296).

У формы СВ ракурс *фи* *кси* *ро* *ван* как ретроспективный — он таков во всех употреблениях. А у формы НСВ ракурс принципиально изменчив: синхронная перспектива является для формы НСВ главной, но не единственной. В центре нашего внимания будет противопоставление синхронного и ретроспективного ракурса, допускаемое формой НСВ. (Перспективный ракурс, составляющий основу семантики НСВ в буд. времени и повелительном наклонении, см. Падучева 2010, тоже семантически значим, но здесь не рассматривается.) Подвижный ракурс имперфектива и служит источником различий и сходств в интерпретации форм СВ и НСВ. Заметим, что в работах самой Карлоты Смит не усматривалось разных ракурсов в семантике имперфектива в русском языке: предполагалось, что ракурс только ретроспективный у СВ и только синхронный у НСВ.

Далее излагается многокомпонентная концепция вида, согласно которой частное видовое значение складывается из нескольких источников. Различаются: а) собственно грамматические значения, б) лексически обусловленные значения, в) синтаксически обусловленные значения, г) значения, обусловленные режимом интерпретации, д) дискурсивные функции.

а. Грамматическая семантика вида

Итак, в русском языке две видовых формы — СВ и НСВ, перфектив и имперфектив, и главное противопоставление, которое выражается грамматической формой

вида, — это перспектива, или ракурс. Перфектив, в своем основном значении, обозначает ситуацию «в ее целостности», целиком — а именно, в ретроспекции. Иначе говоря, перфектив предполагает, и в прош. и в буд. времени, ретроспективный момент наблюдения (ретроспективного наблюдателя), см. пример (1а) ниже. А имперфектив в его основном значении (в наст. времени) выделяет в ситуации ее срединную фазу, т. е. имеет синхронную перспективу (синхронного наблюдателя). Это значение имперфектива синхронное. (Термин «дуративное», см. Плуноян 2000, я не считаю удачным, поскольку он использовался во многих работах, начиная с Timberlake 1985, в другом значении.) Синхронность предполагает длительность. Главная разновидность синхронного значения, для случая динамической ситуации, — это прогрессив (иначе — актуально-длительное значение: *длительное* = длящееся; *актуально* = перед наблюдателем; всегда сингулярное), как в примере (1б). Мена перспективы дает общефактическое значение (в прош. времени — ретроспективное, см. Замечание ниже), как в (1в):

- (1) а. Иван *открыл* окно;
 б. (Когда я вошел,) Иван *открывал* окно;
 в. Иван *открывал* окно.

У формы имперфектива есть несколько собственно грамматических значений: кроме основного, принадлежащего сфере линейной (Плуноян 2011: 382) аспектуальности, имперфектив имеет значения из сферы количественной аспектуальности, в частности значение повторяющегося события (итератив). Совмещение пучка значений (синхронного единичного и нескольких итеративных) типично для имперфектива во многих языках (см. Шлуинский 2006). Совмещение функций прогрессива и итератива в одной форме не удивительно — последовательность повторяющихся событий легко переходит в процесс. Отсюда общая сочетаемость:

- (2) а. Он все время *вскакивал* [итератив];
 б. Он все время *сидел в углу* [процесс].

Из комбинации ракурса и итеративности возникают шесть собственно грамматических значений имперфектива (примеры — из работ Рассудова 1968; Маслов 1984; Гловинская 1982).

• **прогрессив:**

- (3) Когда я вошел в аудиторию, он *открывал* окно.

• **итератив:**

- (4) Почему ты все время *вскакиваешь*?

• **общефактическое кратное** (на базе итератива):

- (5) а. Ты когда-нибудь *открывал* это окно? [‘хоть раз’];
 б. Мы с вами *встречались* [‘возможно, не один раз’].

• **общефактическое сингулярное:**

- (6) а. Ты *открывал* это окно?
 б. Я *встречался* с друзьями.

• **узвальное:**

- (7) Перед началом занятия он *открывает* окно.

• **потенциальное:**

- (8) а. Хороший был слесарь — любые замки *открывал*;
 б. А ты и на гитаре *играешь*?

Различается два ретроспективных (т. е. общефактических) значения — одно возникает в результате мены ракурса на базе прогрессива, сингулярное, другое — на базе итератива, кратное (его называют экспериенциальным, Dahl 1985, и экзистенциальным, Падучева 1996: 43). Кроме того, на базе итератива возникают узуальное значение НСВ (= хабитуалис) и потенциальное (= капацитив).

Синхронное (актуально-длящееся) значение имперфектива бывает только у предельного глагола, как в примере (3); моментальный глагол, например *заметить*, *выиграть*, не обозначает действия, которое можно было бы рассматривать в синхронной перспективе, см. Апресян 1988; Падучева 1996: 475ff. Термины «предельный» и «моментальный» глагол используются здесь как перевод на русский язык вендлеровских терминов «accomplishment» и «achievement». Предельным называется глагол, имеющий видовую пару, в которой НСВ способен употребляться в актуально-длительном значении, ср. Mehlig 1992. Иными словами, предельным является глагол, допускающий, без изменения лексического значения, два ракурса — синхронный и ретроспективный.

Пример (9) показывает, что для моментального глагола возможна только ретроспекция, см. (9б). Предложение (9в), в котором форма наст. времени фиксирует синхронную перспективу, может быть понято только в узуальном значении или в значении предстояния (Падучева 1996: 110ff):

- (9) а. Когда я вошел в аудиторию, он *открывал* окно [предельный глагол; синхронное значение НСВ];
 б. Я *встречался* с приятелями [моментальный глагол; ретроспективное сингулярное значение НСВ];
 в. Я *встречаюсь* с приятелями.

Еще один важный класс — стативные глаголы, см. ниже пример (10). Есть видовые пары, в которых глагол СВ моментальный, а глагол НСВ — стативный, например *понять* — *понимать*, см. Гловинская 1982: 91—101.

Общефактическое сингулярное значение имеет два источника; оно может быть мотивировано: а) прогрессивом — когда контекст создает ретроспекцию, и б) итеративом — когда контекст обеспечивает сингулярность. Так что в семантике русского имперфектива линейная и количественная аспектуальность неотделимы одна от другой. Важные наблюдения над общефактическими значениями русского имперфектива сделаны в Groenn 2004.

б. Лексически обусловленные частные видовые значения имперфектива

1. Значения НСВ, возникающие на базе прогрессива от стативных и моментальных глаголов:

— от постоянных свойств или соотношений; постоянно-непрерывное значение по Бондарко 1971, с. 30:

- (10) Окна гостиницы *выходят* на юг.

— от ОБОБЩЕННЫХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЕЙ (*generic states* по Вендлеру); **континуальное значение**:

- (11) а. Иван *выращивает* новый сорт пшеницы;
б. Его жена *руководит* аспирантом.

— от МОМЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ; **тенденция, интерпретация поступка, предстояние**:

- (12) а. Он *выигрывает*, Мы *опаздываем*;
б. Вы *ошибаетесь*, Ты *рискуешь*;
в. Итак, я *прихожу* к вам завтра в семь;
г. Его *осуждали* на пять лет, но тут вышел указ;
д. В 1980 году *исполнялось* столетие со дня рождения Блока;
е. На следующей неделе он *уходил* в отпуск.

2. Значения, возникающие на базе ретроспекции:

— от НЕПРЕДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ; **общефактическое непредельное значение**:

- (13) ⟨Где мои ключи?⟩ Они *лежали* на столе; Вы *искали* коменданта?

— от ПРЕДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ; **общефактическое результативное**:

- (14) Я их однажды на Фонтанку *подвозил*; Он *показывал* мне ее фотографию.

— от РЕВЕРСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ; **общефактическое реверсивное**: результат был достигнут, но аннулирован противоположно направленным действием /событием:

- (15) К тебе кто-то *приходил* [= ‘пришел и ушел’].

Предельность в общем случае является свойством не глагола, а глагольной группы. Так, неисчисляемая ИГ-накопитель переводит предельный предикат в непредельный (*ловить бабочку* действие — *ловить бабочек* деятельность). То же касается числовых ИГ-накопителей¹, см. обзор по проблеме аспектуальной композиции (работы Х. Феркайля, М. Крифки, Д. Даути, Х. Филип, С. Татевосова и др.) в Raducheva, Pentus 2008. Так что утверждение о том, что предельность свойственна глаголу, т. е. обусловлена лексически, надо понимать расширительно: на самом деле — лексико-синтаксически.

З а м е ч а н и е. Ю. С. Маслов, который ввел термин «общефактическое значение», применял его преимущественно к результативным употреблениям имперфектива, как в (1в). Расширительное употребление термина «общефактическое значение» в Апресян 1980 и Гловинская 1982 привело к идентификации общефактических и ретроспективных значений. Эта идентификация остается в силе, пока мы остаемся в рамках прош. времени: в буд. времени общефактическому значению НСВ соответствует **проспективный** ракурс. Так что если говорить об общефактическом значении в прош. и буд. времени, то актуально-длительное значение НСВ, синхронное, противопоставлено общефактическому не как ретроспективному, а как **несинхронному**, см. Падучева 2010.

¹ Термин «накопитель эффекта» предлагается как перевод для англ. *incremental theme* в Падучева 2004а.

в. Синтаксически обусловленные частные видовые значения имперфектива

Видовое значение называется синтаксически обусловленным, если в его толкование входит упоминание значения, выражаемого именно данным синтаксическим фрагментом предложения.

Дуратив (по Timberlake 1985) — это значение, которое возникает в контексте обстоятельства длительности:

- (16) В этом ущелье с июля по октябрь геологи *искали* алмазы (пример из Гловинская 1982).

Контекст обстоятельства длительности может создавать ретроспективный ракурс, но в контексте обстоятельства ракурс полностью обусловлен семантикой обстоятельства — если обстоятельство таково, что в его семантику входит синхронный наблюдатель, то дуративное значение будет синхронным:

- (17) Шестой уж год я *царствую* спокойно (Пушкин).

Редчайший пример глагола, который допускает дуративное значение, не имея актуально-длительного, — *видеться*:

- (18) i. Они сейчас *видятся* [хабитуалис; сингулярное актуально-длительное значение исключено];
 ii. Они *виделись* в Петербурге [общефактическое результирующее];
 iii. Они *видятся* по субботам [хабитуалис];
 iiiii. Они *виделись* всего несколько минут [дуратив].

Есть масса глаголов, которые в ряде свойств совпадают с *видеться*, но они не имеют дуративного значения:

- (19) а. *Они *встречались* несколько минут;
 б. Они *встречались* на несколько минут [общефактическое].

В Бондарко 1971 особое значение усматривается у имперфектива в контексте **обстоятельства кратности**, поскольку имперфектив тут противопоставлен перфективу:

- (20) а. *целовал* три раза [в жизни];
 б. три раза *поцеловал* [в некоторый момент].

Однако все нужные различительные свойства имперфектива в (20а) (например, временная неопределенность) вытекают из признания значения этого имперфектива ретроспективным (т. е. общефактическим) итеративом. Так что у имперфектива в (20) не усматривается отдельного частного видового значения.

г. Частные видовые значения имперфектива, обусловленные режимом интерпретации

В контексте наст. «исторического», т. е. наст. времени нарративного режима, имперфектив имеет одно особое частное видовое значение, очень близкое к значению перфектива, хотя и не тождественное ему. Это значение не имеет общепринятого названия; следуя Зализняк, Шмелев 2000, его можно назвать событийным:

- (21) В 1994 году Солженицын *возвращается* [$\approx$ *вернулся*] в Москву.

Событийное значение имперфектива в контексте наст. исторического противопоставлено обычному прогрессиву:

(22) Я его *спрашиваю* [событийное значение], а он *молчит* [прогрессив].

д. Дискурсивные функции имперфектива

Помимо ВНУТРИФРАЗОВЫХ функций вида, о которых шла речь до сих пор, у видовой формы есть ДИСКУРСИВНЫЕ функции. Для формы имперфектива первичной дискурсивной функцией является синхронная — в противоположность первичной СЕКВЕНТНОЙ функции перфектива (см. обзор литературы в Падучева 2008б). Дискурсивные функции русского вида вытекают из значения этих форм в независимом высказывании (хотя в других языках, согласно Плуноян 2004, вид может иметь преимущественно дискурсивные функции).

7.1.3. СИНХРОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМПЕРФЕКТИВА ОТРИЦАНИЯ: СОСТОЯНИЕ НЕНАСТУПЛЕНИЯ СОБЫТИЯ

До сих пор не обращалось должного внимания на то, что имперфектив с отрицанием в прош. времени от парных, т. е. не стативных, глаголов употребляется, как правило, не в актуально-длительном значении, которое является синхронным, а в общефактическом, т. е. ретроспективном:

(1) Я *не читал* твою статью.

В самом деле, в примере (2), где интерпретация синхронная, она форсированная — отрицание воспринимается как противопоставительное:

(2) Я *не читал* твою статью, когда ты позвонил [а делал что-то еще].

Синхронная интерпретация отрицательного имперфектива возможна для непарных глаголов, как в (3), (4):

(3) Когда ты позвонил, я *не спал*.

(4) Я тебе что-то говорил, но ты *не реагировал*.

Что же касается парных глаголов, то у них синхронная интерпретация отрицательного имперфектива возможна лишь как следствие некомпозиционного взаимодействия глагола с отрицанием. А именно, сочетание «глагол НСВ + отрицание» может описывать состояние ненаступления события:

(5) После всего он месяц инструменты *не забирает*. [Искусственный декоративный камень (2009—2011)]

(6) — Родственник? — спросил он ⟨...⟩ Я *не отвечал*, но так же прямо смотрел в глаза его превосходительства. (Герцен. Былое и думы)

(7) А вот Марат Сафин ⟨...⟩ после турнира в «Куинс-клубе» *не покидал* Альбион. [«Известия», 2001.06.25]

(8) Он настаивал на том, чтобы тетя ⟨...⟩ *не продавала* дом, окутанный приятными воспоминаниями детства. [«Вечерняя Москва», 2002.01.10]

Состояние ненаступления события — это синтаксически обусловленное частное видовое значение: оно возникает за счет того, что глагол в контексте отрицания переходит в другой акциональный класс: глагол без отрицания обозначает действие

или событие, а в сочетании с отрицанием — состояние несовершения действия /ненаступления события.

Наблюдение о том, что сочетание событийного глагола с отрицанием может обозначать длящееся состояние, было сделано в Рассудова 1982: 67, пример:

(9) Я подошел и остановился в двух шагах. Они *не замечали* меня. (А. Куприн)

Состояние ненаступления события лучше всего видно в контексте обстоятельства длительности. Глагол НСВ с отрицанием в (10а), (10б) не просто указывает на то, что действие не имело места, как в примере (11); в контексте показателя длительности (в (10а,б) — *неделю*) отрицание глагола несов. вида означает, что имеется в виду длящееся состояние:

(10) а. Он *не мылся* неделю;

б. Он *не моется* уже неделю.

(11) Он *не мылся*.

Состояние ненаступления события может занимать определенный временной интервал, и адвербиал указывает длительность этого интервала:

(12) Я *не брал* свои деньги месяц = ‘неверно, что на интервале в месяц я в какой-то момент (хоть раз) взял деньги’.

Как мы видим, тут глагол с отрицанием входит в сферу действия адвербиала, а не глагол с адвербиалом — в сферу действия отрицания. Поэтому форме НСВ (*брал, беру*) самой по себе здесь нельзя приписать ни одного из частных видовых значений, возможных для этого глагола в утвердительном контексте.

Отметим отличие значения ненаступления от других стативных значений имперфектива. В (13а) у имперфектива с отрицанием значение тоже стативное, но это обычное значение тенденции, оно возможно и без отрицания — если из (13а) убрать отрицание, видовое значение останется то же, см. (13б):

(13) а. Теперь я уже *не попадаю* на концерт [= ‘я нахожусь в некоем состоянии — таком что если оно продлится, то не попаду’];

б. Теперь я *попадаю* на концерт [тенденция]. Ср. Я *опаздываю* на концерт.

Между тем состояние ненаступления события порождается контекстом отрицания — если убрать отрицание в (10а,б), эти предложения лишаются смысла — из-за того, что меняется частное видовое значение глагола.

Итак, у отрицательного имперфектива есть одно, контекстно обусловленное и достаточно редкое, синхронное значение. Это значение ненаступления события, как в (9); нагляднее всего оно представлено в предложениях с обстоятельством длительности, частноотрицательных, как (5) или (10). А в основных и самых распространенных употреблениях, как в (1) или (11), отрицательный имперфектив имеет ретроспективную интерпретацию.

Ретроспективные (общефактические) значения НСВ в положительном контексте известны — они описываются через соотношение с СВ, который тоже ретроспективный, поэтому возникает квазисинонимия НСВ и СВ (так называемая конкуренция видов). Сходства и различия между НСВ ретроспективным и СВ подробно описаны в Падучева 1996: 53—65. Можно предположить, что в отрицательном

контексте НСВ ретроспективное семантически соотносится с СВ так же, как в положительном. Если это так, т. е. если ретроспективное значение имперфектива в положительном и отрицательном контексте одно и то же, то выбор вида глагола при отрицании, равно как и семантика видовой формы в отрицательном контексте, определяется теми факторами, которые известны для неотрицательного контекста. Это предположение мы проверим в разделе 7.1.4.

7.1.4. РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ИМПЕРФЕКТИВА ОТРИЦАНИЯ

Итак, обратимся к контекстам, где имперфектив с отрицанием имеет ретроспективное значение, как в (1) из раздела 7.1.3. (В примере (10) из того же раздела предложения частноотрицательные, и они нас в дальнейшем не интересуют.)

Мы посмотрим, каковы отличия ретроспективного имперфектива, НСВ, от перфектива, СВ, в контексте отрицания. После этого возможности замены перфектива на имперфектив при отрицании предложения будут ясны сами собой.

Имеется два основных аспектуально значимых класса глаголов — предельные (accomplishments) и моментальные (achievements).

1. Предельные глаголы

Из предельных глаголов мы рассмотрим только действия. Возьмем глагол СВ *открыть*, который имеет (в системе «Лексикограф», см. Падучева 1996: 53—58) следующее схематическое толкование (сокращение: МН — момент наблюдения):

X открыл Y =

X действовал с Целью: воздействовал на *Y* определенным образом, «деятельность»; это вызвало:
наступило и в МН имеет место новое состояние *Y*-а, соответствующее Цели *X*-а, «результат».

У предельных действий, по определению, форма НСВ имеет актуально-длительное значение: деятельность *X*-а может быть названа тем же глаголом в форме НСВ. Иначе говоря, семантика предельных действий такова, что допустим перенос фокуса внимания с компонента «результат», соответствующий перфективу (*открыл*), на компонент «деятельность», соответствующий имперфективу (*открывал*).

Для глагола НСВ *открывать* схема толкования такова:

X открывает Y =

в МН *X* действует с Целью: воздействует на *Y* определенным образом «деятельность»; если воздействие не прекратится, то:
в момент $t > \text{МН}$ наступит новое состояние *Y*-а, соответствующее Цели *X*-а, «результат».

Компоненты «деятельность» и «результат» — это главные семантические компоненты глагола СВ. В семантику СВ входят также три периферийных компонента, о которых будет сказано ниже.

В классе предельных глаголов есть две разновидности — конативы и неконативы.

1а. Конативы

В Апресян 1980: 64 и Гловинская 1982: 89 был выявлен класс видовых пар, у которых соотношение между СВ и НСВ определяется формулами:

для НСВ: 'действовал с целью',

для СВ — 'действовал с целью' и 'достиг цели'.

Такое соотношение усматривается у глаголов *решить*, *догнать*, *выбрать*, *уговорить*, *объяснить* и многих других.

В Апресян 1980 был обнаружен замечательный факт, что компонент 'действовал с целью', «деятельность», составляет в значении глагола СВ этого класса презумпцию, т. е. при отрицании предложения в целом он не подвергается отрицанию. Ассерцией является только компонент 'достиг цели', т. е. «результат». Глаголы этого типа были позднее названы **конативами**, поскольку деятельность является у этих глаголов попыткой достижения цели (в противоположность другому классу М. Я. Гловинской, **глаголам с накоплением результата**). См. в Томмола 1986: 81 о том, что в русском языке много «парных глаголов, которые в СВ выражают результативность, а в НСВ конативность (*решить/решать*, *защитит/защищать*, *уговорить/уговаривать* и т. д.)».

Презумптивный статус компонента «деятельность» в семантике конативного глагола, естественно, дает себя знать в контексте отрицания. Так что в этом классе между отрицательным перфективом и отрицательным имперфективом имеется отчетливое различие, см. обсуждение этой проблемы в Падучева 1996: 112. Так,

- (1) а. *не решил* = 'пытался решить и не решил';
 б. *не решал* = 'не пытался решить'.

Таким образом, общеотрицательным коррелятом для предложения (2а) может быть только (2б) — для более сильного отрицательного смысла (2в) 'даже не решал' семантика предложения (2а) не дает оснований:

- (2) а. Ваня *решил* задачу;
 б. Ваня *не решил* задачу;
 в. Ваня *не решал* задачу.

Итак, конативы составляют контекст, в котором общее отрицание принципиально **не может** сопровождаться заменой исходного СВ на НСВ. В самом деле, при отрицании глагола СВ конативного класса компонент «деятельность» не отрицается, поскольку в семантике этого глагола он составляет пресуппозицию.

Рассмотрим еще глагол *догнать*. В Smith 1997: 257 он отнесен к моментальным глаголам (achievements). Между тем *догнать* имеет парный имперфектив *догонять*, с нормальным прогрессивом, и по имеющимся определениям должен быть отнесен к подклассу конативов класса предельных глаголов: *не догнал* имеет презумпцию 'догонял', и потому *не догнал* ≠ *не догонял*. Так что отрицание *догнал* не может сопровождаться меной вида.

Проблема альтернативы видов возникает не только при отрицании, но и в вопрос-ответной реакции. Есть контексты, которые отменяют в семантике конатива

презумптивный статус компонента «деятельность», как в примере (4) из Гловинская 2001: 106 или (5) из Падучева 2004: 38:

- (4) Почему же вы *не убедили* его поехать с нами?
 (5) Почему ты *не уговорил* его остаться?

Скорее всего, упрек спрашивающего касается компонента «деятельность»: вопрос о том, почему адресат не пытался убедить. Это значит, что в определенных контекстах компонент «деятельность» лишается своего презумптивного статуса. Но и в этом случае СВ и НСВ не синонимичны. Дело в том, что семантика конативного глагола характеризуется отчетливым членением ситуации на два компонента — попытка и успех. Глагол в НСВ обозначал бы только попытку, и отрицание глагола НСВ понимается как отрицание попытки; чтобы отрицать ситуацию в целом, нужен СВ.

Итак, в случае конатива отрицание не может сопровождаться заменой перфектива на имперфектив: СВ и НСВ и под отрицанием имеют разный смысл, причем различие касается основных компонентов их значения — «деятельность» и «результат».

16. Действия предельные неконативы

Среди предельных глаголов неконативов основной подкласс составляют глаголы с семантикой «постепенного накопления результата» (Гловинская 1982: 78).

У этих глаголов в утвердительном предложении при ретроспективном ракурсе имперфектив, в принципе, может развивать, особенно при поддержке контекста, результативное значение. Так, *читать* в (6а), обычное предельное действие, неконатив, НСВ может пониматься в результативном смысле — в отличие от конативного *решать* в (6б), которое не может:

- (6) а. — Кто *читал* эту статью? — Я *читал* эту статью [может значить ‘и прочитал’];
 б. — Кто *решал* эту задачу? [в контексте единичности вопрос не подразумевает ‘и решил’]

Соответственно, и в отрицательном контексте ретроспективное значение НСВ у обычных предельных действий противопоставлено СВ не так четко, как у конативов; оба компонента могут подвергаться отрицанию — не только результат, но и деятельность. Так, для предложения (7а) самое естественное понимание — такое, при котором оно квазисинонимично (7б):

- (7) а. Я еще *не прочитал* вашу статью;
 б. Я еще *не читал* вашу статью.

Компонент «деятельность» у предельных действий неконативов не составляет презумпции и легко попадает в сферу действия отрицания. Отрицание компонента «результат» оказывается следствием отрицания компонента «деятельность».

Фраза (7а) может быть употреблена в контексте, когда человек и не начинал читать, так что *не прочитал* и *не читал* сближаются по смыслу. Прямой оппозиции видов, когда отрицание СВ предполагает деятельность, которую отрицание НСВ отрицает, в (7), в отличие от (3), нет. В результате, у глаголов накопления результата НСВ ретроспективное почти синонимично СВ.

В Smith 1997: 256 приводится, со ссылкой на Рассудова 1982, следующий пример противопоставления СВ и НСВ в контексте отрицания:

- (8) а. Спортсмен еще *не отдохнул*;
 б. Спортсмен еще *не отдыхал*.

Значения (8а) и (8б) четко различны: фраза (8а) допускает наблюдателя в точке, когда отдых уже начался, но еще не кончился; а (8б) отрицает ситуацию целиком. При этом в Smith 1997 глагол *отдохнуть* причисляется к предельным, что ставит под сомнение только что сформулированное правило. На самом деле, однако, глагол *отдохнуть* предельным не является. Скорее он примыкает к делимитативам. Например, он сочетается с обстоятельствами длительности — что исключено для всех глаголов СВ, кроме делимитативов, см. об этом свойстве Всеволодова 1997: 25. Так что пример (8) не опровергает положения о том, что у обычных предельных глаголов значения НСВ общефактического и СВ сближаются — во всяком случае, по линии достижения результата.

Итак, у предельных действий неконативов семантика сов. вида не наделяет компонент «деятельность» статусом презумпции, которую отрицание не может отрицать; и поскольку отрицание деятельности влечет отрицание результата, отрицание СВ и НСВ оказываются квазисинонимичны:

- (9) Эти люди *не платили* денег за билет, а остались здесь с предыдущего матча.
 [«Известия», 2001.10.24] [*не платили* ≈ *не заплатили*]

Квазисинонимия НСВ общефактического и СВ возникает и в положительном контексте: *платили* может означать ‘заплатили’. Разница между положительным и отрицательным контекстом, однако, есть: имперфект в результативном сингулярном общефактическом, т. е. ретроспективном, значении употребляется в отрицательном контексте значительно шире, чем в утвердительном. Так, в примере (10) имперфектив отрицания квазисинонимичен перфективу, см. (10б); а имперфектив без отрицания не имеет результативного значения — по крайней мере, однонаправленного, см. (10а):

- (10) а. Коля *возвращался* ≠ Коля *вернулся*;
 б. Коля *не возвращался* ≈ Коля *не вернулся*.

Про *вылететь* в Гловинская 1982: 130 справедливо говорится, что его НСВ не имеет общефактического результативного однонаправленного значения ‘вылетел’. Между тем под отрицанием это понимание возможно:

- (11) а. Самолет *вылетал* из Москвы;
 б. Самолет *не вылетал* из Москвы.

Итак, мы вправе заключить, что отрицательный НСВ неконативного предельного глагола в плане результативности сближается с отрицательным сов. видом — аналогично тому, как в утвердительном предложении сближается с сов. видом НСВ общефактический.

2. Моментальные глаголы

Среди моментальных глаголов есть такие, у которых парный НСВ обозначает состояние, наступившее в результате события, т. е. перфектное состояние. Это стatively-моментальные пары типа *понять* — *понимать*, *заслонить* — *заслонять*, на-

полнить — *наполнять*, о которых шла речь в разделе 7.1.1, см. Гловинская 1982; Булыгина, Шмелев, Падучева 1996: 152—160. Их мы рассмотрим в разделе 2б. А вначале о моментальных глаголах, у которых НСВ не обозначает перфектное состояние, т. е. о парах с динамическим НСВ.

2а. Динамические моментальные глаголы

У динамических моментальных глаголов (таких как *приходить*, *находить*, *замечать*, *обращаться*) имперфектив не имеет значения действия в развитии (т. е. действия, длящегося на определенном интервале). Их моментальность состоит в том, что они несовместимы с актуально-длительным значением, поскольку оно требует синхронной перспективы, когда в фокусе внимания деятельность. Это действия с акцентом на результате (Падучева 1996: 109). Нельзя сказать:

- (12) *Он сейчас *приходит*, *находит*, *замечает*, *узнает* меня (в смысле ‘recognize’), *заходит* к приятелю.

При этом не обязательно, чтобы наступление результирующего состояния было действительно моментальным; например, парного НСВ актуально-длительного может не быть потому, что деятельность, приведшая к результату, называется другим глаголом (*идти* для *прийти*; *искать* для *найти* и т. д.).

В утвердительном контексте результативное сингулярное значение возникает у имперфектива моментального глагола при ретроспекции без затруднений:

- (13) а. Кто-нибудь *находил* мои очки? [$\approx$ *нашел*];
б. Я у вас ручку *брала* [$\approx$ *взяла*].

В самом деле, у моментальных глаголов (в широком смысле — *взять*, *подписать*, *подойти* ведут себя как моментальные) компоненты «деятельность» и «достижение результата» не отделены один от другого — так же, как у предельных неконативов: они утверждаются и отрицаются сразу оба. Но если у предельного глагола НСВ ретроспективный и СВ могут различаться по параметру результативность — тем, что у формы НСВ результативность отсутствует и форма НСВ и при ретроспекции сохраняет свое значение срединной фазы, как в примере (10а) (*Коля возвращался*), — то у моментального этой возможности нет (поскольку у него нет актуально-длительного значения). Моментальный глагол в положительном контексте выражает результативность в контексте многократности. При отрицании имперфектива моментального глагола отрицается и деятельность, и результат, так что имперфектив не отличается от перфектива:

- (14) *находил* $\approx$ (хоть раз) *нашел*; не *находил* $\approx$ (ни разу) не *нашел*.

Отрицательный имперфектив моментального глагола может пониматься в сингулярном результативном значении в контексте, где для неотрицательного такое понимание невозможно:

- (15) а. Коля *находил* свой ключ $\neq$ Коля *нашел* свой ключ;
б. Коля *не находил* своего ключа $\approx$ Коля не *нашел* свой ключ.

Итак, в плане результативности СВ и ретроспективный НСВ моментальных глаголов равны. Если между ними ощущается различие, то оно касается периферийных компонентов значения СВ. Остановимся на них подробнее.

Грамматическое значение глагола СВ в утвердительном контексте составляется из нескольких компонентов (Падучева 1996: 54). Кроме компонентов «деятельность» и «результат», основных, см. 1) и 2), у глагола СВ имеются компоненты 3)–5), периферийные. У НСВ общефактического компоненты 3)–5) отсутствуют:

- 1) деятельность;
- 2) результат;
- 3) сохранение итогового состояния в момент наблюдения;
- 4) сингулярность;
- 5) временная определенность.

Ретроспективный имперфектив предельного глагола может отличаться от перфектива нерезультативностью. Но у моментального глагола, у которого нерезультативное понимание НСВ исключено, периферийные компоненты 3)–5) остаются единственным возможным источником различия между СВ и НСВ.

Что касается положительных контекстов, то роль компонентов 3)–5) как источника различия между НСВ общефактическим и СВ была продемонстрирована в Падучева 1996: 53–65. Пример:

- (16) а. Мне *предложили* написать рецензию на эту книгу;
- б. Мне *предлагали* написать рецензию на эту книгу.

Различие между (16а) и (16б) касается компонента 3) «сохранение итогового состояния»: фраза (а) означает, что в момент речи сделанное предложение остается в силе, а (б), скорее всего, что нет — например, я отказался или слишком медлил с ответом. Аналогичные различия могут возникать, в соответствующих контекстах, в парах *вызывать* — *вызвать*, *посылать* — *послать*, *дать* — *давать*, *взять* — *брать*, *получать* — *получить*.

Те же компоненты 3)–5) отличают НСВ моментального глагола от СВ в отрицательном контексте. Ярче всего проявляет себя компонент 5). Так, временная неопределенность отличает НСВ в (17а) от СВ в (17а):

- (17) а. *не получил* стипендию;
- б. *не получал* стипендию.

Фразы (17а) *не получил (стипендию)* и (17б) *не получал (стипендию)* обе обозначают несостоявшееся событие; но в (17а) речь идет о событии, не состоявшемся в некий момент; а в семантике (17б) время не фиксировано. Примеры из Корпуса:

- (18) Ни головная компания, ни ее «дочки» *не подавали* заявление в ГТК. [«Совершенно секретно», 2003.09.01] [≈ ‘не подали’]
- (19) Вернее, он и *не просил* прощения, и давно забыл обо мне. [Запись LiveJournal (2004)] [≈ ‘не попросил’]

Аналогичным образом соотносятся *не предложили* и *не предлагали*, *не показал* и *не показывал*, *не говорил* и *не сказал*, *не вызвал* и *не вызывал* (такси), *не попался* и *не попался*.

З а м е ч а н и е. Как периферийный компонент может оказаться источником аномалии, можно показать на следующем примере. Человек, который отрицает факт убийства

Иваном Грозным своего сына Ивана, должен сказать (а), а не (б) — фраза (б) требует пояснений относительно того, что все-таки имело место:

- (а) Иван Грозный *не убивал* своего сына;
- (б) Иван Грозный *не убил* своего сына.

Однако в контексте (в) (фраза из фельетона Дмитрия Быкова) уместен только СВ — поскольку НСВ ретроспективный принципиально не фиксирует времени несовершения события:

- (в) Прошло 400 лет с тех пор, как Иван Грозный *не убил* (*не убивал) своего сына.

Отличия НСВ общефактического от СВ, как с отрицанием, так и без, возникают за счет того, что обе формы могут обрастать семантическими приращениями. Так, имперфектив, переключая акцент с результата на деятельность, имплицитно понимает события в значении результата сознательного акта выбора (см. Булыгина, Шмелев 1989; Partee 1973):

- (20) а. Я *не выключила* плиту [в одном из пониманий — ‘забыла’];
- б. Я *не выключала* плиту [скорее, сознательный выбор].
- (21) а. Я *не взяла* ключи [в одном из пониманий — ‘забыла’];
- б. Я *не брала* ключи [скорее, сознательный выбор].

Аналогично в примере из Падучева 1996: 56:

- (22) а. Я тебя *не перебил*? [нечаянно];
- б. Я тебя *не перебивал* [сознательно].

Еще один компонент, отличающий ретроспективный имперфектив от перфектива, — «ожидание» (отмечен в Рассудова 1968: 20). Рассказ Гр. Горина «Почему повязка на ноге?» начинается с анекдота:

- (23) Приходит больной к доктору. У больного забинтована нога. — Что у вас болит? — спрашивает доктор. — Голова, — отвечает больной. — А почему повязка на ноге? — Сползла...

Вопрос доктора *А почему повязка на ноге?* в контексте этого рассказа мог бы звучать и как (24а), и как (24б):

- (24) а. А зачем Вы *завязывали* ногу?
- б. А зачем Вы *завязали* ногу?

Но ответ рассказчика анекдота на вопрос «человека без чувства юмора» звучит как (25а) и не мог бы звучать как (25б):

- (25) а. — Да он *не завязывал* ногу! — сказал я. — Он *завязал* голову!
- б. Он *не завязал* ногу.

Почему предложение (25б), с перфективом, неуместно в этом контексте? Потому что перфектив означал бы, что не произошло событие, которое ожидалось. Если глагол обозначает не действие, а происшествие, то речь идет не об ожидании, а о возможности события,

В итоге получается, что ответная реакция на вопрос с моментальным глаголом в СВ нормально будет в имперфективе:

- Он тебя *перебил*? — Нет, он меня *не перебивал*.

26. Моментальные стативные глаголы

Особое поведение в контексте отрицания свойственно моментальным стативным глаголам типа *понять* — *понимать*, у которых НСВ имеет значение ПЕРФЕКТНОГО СОСТОЯНИЯ (класс ‘начать быть в состоянии’ — ‘быть в состоянии’ в Гловинская 1982). У них НСВ не имеет общефактического резульативного значения: *Кто понимал?* не имплицитует *Кто понял?* (в том смысле, в каком *Кто покупал?* имплицитует *Кто купил?*). Соответственно, нет и квазисинонимии НСВ прош. ≈ СВ прош. в речевом режиме: у НСВ этих глаголов нет динамики, направленной на переход в новое состояние.

Различие между моментальными динамическими и моментальными перфектными глаголами показывает пример:

- (26) а. — Ты *взял?* — Нет, я не *брал*. [*брать* — глагол моментальный динамический; СВ и НСВ ретроспективное квазисинонимичны; *не брал* ≈ *не взял*]
 б. — Ты *понял?* — *Нет, я не *понимал*. [*понимать* — глагол моментальный стативный]

В положительном контексте речевого режима сближаются значения форм НСВ прош. ≈ СВ наст. — в силу компонента 3) семантики СВ «сохранение итогового состояния в момент наблюдения», особенно важного для перфектных пар (Падучева 1996: 152):

- (27) *понял* [НСВ прош.] ≈ *понимаю* [СВ наст.].

Соответственно, отрицательное предложение (28а) близко по смыслу к (28б) (в силу перфектного значения НСВ), но не к предложению (28в), которое нас интересует:

- (28) а. Я этого *не понял* [СВ прош.];
 б. Я этого *не понимаю* [НСВ наст.];
 в. Я этого *не понимал* [НСВ прош.].

7.1.5. Итоги

Суммируем сказанное о частных видовых значениях имперфектива в контексте отрицания и отличии имперфектива от перфектива.

У отрицательного имперфектива имеется одно собственное частное видовое значение — состояние ненаступления события; этого значения нет у имперфектива за пределами контекста отрицания. Отличие фразы *Я не потерял надежды*, с перфективом, от *Я не теряю надежды*, с имперфективом, формулируется в терминах акциональных классов: первая просто отрицает наступление события, а вторая описывает длящееся состояние ненаступления.

В остальных контекстах частное видовое значение отрицательного имперфектива может трактоваться как общефактическое, т. е. ретроспективное.

Выделено четыре класса парных глаголов. Отличие имперфектива от перфектива может касаться главных компонентов семантики вида — деятельность и достижение результата — и периферийных.

1а. Предельные конативные. Отрицание при имперфективе отрицает и деятельность и (само собой) результат, а отрицание при перфективе отрицает только результат, деятельность в пресуппозиции. Таким образом, отрицательный имперфектив не совпадает с отрицательным перфективом уже на уровне основных компонентов. Например, *не решал* ≠ *не решил*.

1б. Предельные неконативные. Отрицание при перфективе отрицает обычно не только результат, но и деятельность, так что отрицание при имперфективе, когда отрицается деятельность, и отрицание при перфективе, когда допускается отрицание деятельности, близки по значению. Например: *не читал* ≈ *не прочитал*.

2а. Моментальные динамические. Имперфектив в отрицательном контексте отрицает не только результат, но и деятельность. То же верно для перфектива. Так что имперфектив и перфектив квазисинонимичны — они совпадают в основных компонентах; различие может касаться периферийных, таких как сохранение результата в момент наблюдения. Например: *не предлагали* = *не предложили*.

2б. Моментальные стативные. Форма НСВ прош. неспособна иметь ретроспективное результативное значение, ни в положительном, ни в отрицательном контексте: НСВ ≠ СВ. Например: *не понимал* ≠ *не понял*. Замена СВ на НСВ невозможна.

Мы можем вернуться теперь к примерам (1)—(4) из раздела 7.1.1. В примере (1) глагол *взять* можно считать моментальным динамическим; так что фраза (1б), с имперфективом, и (1в), с перфективом, квазисинонимичны. Оставаясь в пределах предложения, разницы между *ни плаща, ни куртки не взял* и *не брал* увидеть нельзя. Между тем, скажем, в контексте *...и тут же попал под дождь* предпочтение будет отдано перфективу *не взял*, поскольку для продолжения текста существенно сохранение результата.

В примере (2) из раздела 7.1.1 форму СВ *принял* нельзя заменить на НСВ *принимал*, поскольку для несостоявшегося события принципиальна временная определенность: *не принял* обозначает событие, которое произошло в некий определенный момент, и этот момент служит точкой отсчета для обстоятельства *на другой день* в следующем предложении; события *не принял* и *велел* произошли практически в одно и то же время. Пример (2) выявляет очевидную дискурсивную роль видовой формы.

В заключение отметим несколько факторов, способствовавших решению проблемы взаимодействия отрицания с глагольным видом.

Первый фактор — становление **типологии** как новой области лингвистики; рассмотрение вида в типологической перспективе, которое позволило понять диалектику соотношения линейной и количественной аспектуальности в частных значениях русского имперфектива.

Второй фактор — **точка отсчета по Рейхенбаху**, переосмысленная как временная позиция наблюдателя. Наблюдатель позволил идентифицировать природу противопоставления двух значений у НСВ: одно значение синхронное, другое ретроспективное. Одновременно это выявило общность в семантике НСВ общефактического и СВ: в обоих случаях ретроспективный наблюдатель.

Третий фактор — акциональные классы глаголов **Маслова** — **Вендлера** и отделение лексической составляющей в семантике вида от собственно грамматической.

Четвертый фактор — достижения отечественной **лексической семантики**, которые позволили различить (среди парных глаголов, т. е. глаголов, входящих в видовые пары) несколько аспектуально значимых классов: конативы (типа *уговорить*) и действия с накоплением эффекта (типа *открыть*); моментальные динамические (типа *взять* — *брать*) и моментальные перфектные (типа *понять* — *понимать*).

Пятый фактор — вовлечение в сферу аспектологии **дискурсивных функций** вида. Здесь следует отметить компонент «временная определенность» в семантике СВ. Этот компонент составил надежную базу для выявления связей между внутрифразовым значением вида и его дискурсивными функциями.

Предлагаемое описание противопоставления СВ/НСВ в отрицательном контексте, возможно, еще не дает полного свода правил, достаточных для того, чтобы научить иностранца правильно употреблять ретроспективный имперфектив (например, не отвечает на вопрос, почему *Войну и мир* писал Толстой звучит странно, а *Карнавальную ночь* ставил Рязанов — нормально; по поводу этого примера см., впрочем, Israeli 1996). Но оно достаточно для того, чтобы идентифицировать смысловые различия между видовыми формами в предложении с глагольным отрицанием в заранее принятой системе формально опознаваемых признаков.

7.2. ИМПЕРФЕКТИВ ОТРИЦАНИЯ В МОДАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ*

Термин *модальность* будет, в данном разделе, пониматься в узком смысле — как противопоставление «возможность — необходимость», см. Auwera, Plungian 1998. В каждой из этих двух областей можно, следуя этой работе, различить четыре типа контекстов; получаем внутреннюю, внешнюю, деонтическую и эпистемическую возможность и необходимость. Оказалось, что эти контексты чувствительны к выбору видовой формы.

В русском языке парадигматическим выражением возможности является *мочь*; необходимости — *должен*. Мы распределим употребления каждого из этих слов по указанным контекстам, добавив синонимы, если они есть. Набор синонимов для *может* и *должен* в каждом из контекстов свой. Различие между контекстами имеет и другие проявления.

Рассматриваются только такие отрицательно-модальные конструкции, где в утвердительном предложении инфинитив, подчиненный модальному слову, стоит в СВ. Наша задача — выяснить, что происходит при отрицании: остается ли глагол в совершенном виде или необходим /возможен перевод его в НСВ. Далее можно ставить вопрос о том, является ли сопутствующая отрицанию замена СВ на НСВ — там, где она происходит, — семантически мотивированной.

---

* Сокращенный перевод статьи, опубликованной в: W. Abraham, E. Leiss (Eds.) *Modality-Aspect Interfaces* / Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins, 2008, 197—211.

7.2.1. Возможность

1. Внутренняя возможность (≈ способность)

- (1) а. Иван может *переплыть* [СВ] Москва-реку;
 б. Иван не может *переплыть* [СВ] Москва-реку.

Значение способности яснее всего представлено у глаголов действия, когда:

- (2) *могу* + V = ‘сделаю V, если захочу’ (Wierzbicka 1987).

В контексте глагола состояния значение модального глагола меняется:

- (3) *могу* понять (поверить, представить себе, простить) ≠ ‘пойму, если захочу’.

Так, *не могу понять* ≈ ‘не понимаю’.

В контексте внутренней возможности глагол *мочь* может употребляться не только в форме НСВ, как в (1), но и в форме СВ:

- (4) а. Иван *сможет* переплыть Москва-реку;
 б. Иван *не сможет* переплыть Москва-реку.

В контексте деонтической и эпистемической возможности это не так.

2. Внешняя возможность

- (5) а. Ты можешь *доехать* [СВ] до вокзала на этом автобусе;
 б. Ты не можешь *доехать* [СВ] до вокзала на этом автобусе.
 (6) а. До вокзала можно *доехать* [СВ] на этом автобусе;
 б. До вокзала нельзя *доехать* [СВ] на этом автобусе.

Главное отличие внешней возможности от внутренней в том, что внешняя возможность касается ситуации, которая не находится под контролем своего субъекта. Показательно, что синонимом *мочь* (и *не мочь*) тут оказывается слово *можно* (его предикативное отрицание — *нельзя*).

3. Деонтическая возможность (≈ разрешение)

- (7) а. Ты можешь *построить* [СВ] здесь гараж;
 б. Ты не можешь *строить* [НСВ] здесь гараж.
 (8) а. Разрешаю тебе *поставить* [СВ] кресло в мою комнату;
 б. Я не разрешаю тебе *ставить* [НСВ] кресло в мою комнату.
 (9) а. Здесь можно [= ‘разрешено’] *перейти* [СВ] улицу;
 б. Здесь нельзя [= ‘не разрешено’] *переходить* [НСВ] улицу.

Если отрицание внутренней и внешней возможности сохраняло СВ, то в контексте деонтической возможности отрицание требует замены СВ на НСВ. Так, если в (9б) вместо требуемого НСВ поставить СВ, то у *можно* возникнет значение внутренней возможности (см. об этом Рассудова 1968: 78):

- (9б) Здесь нельзя *перейти* улицу [= ‘невозможно’].

Есть косвенные способы обозначить «внутреннюю возможность», ср. *ему можно доверять* = ‘он надежный человек’; или: *ему можно поручить разметку* = ‘он справится’. Похоже, что и здесь отрицание требует замены СВ на НСВ: *нельзя поручить* значит в точности ‘он не справится’, а *нельзя поручить* — может значить то же самое, но может также означать, что *нельзя*, потому что он сейчас в отъезде или занят другим.

4. Эпистемическая возможность

(10) а. Иван мог *ошибиться*; б. Иван не мог *ошибиться*.

(11) а. Иван может *опоздать*; б. Иван не может *опоздать*.

Эпистемическая модальность — это модальность незнания. Значение эпистемической возможности с наибольшей отчетливостью возникает в контексте неполной контролируруемости ситуации. В противном случае эпистемическая модальность плохо отличима от внешней или даже от внутренней, как в (12):

(12) а. Иван может *успеть* ‘can manage’;

б. Иван не может *успеть* ‘cannot manage’.

Благоприятный контекст для эпистемической модальности — прош. время глагола, поскольку в этом случае более очевиден тот факт, что событие уже произошло или не произошло, и только в силу неполноты своих знаний говорящий не может сказать, что именно из двух. Особенно если глагол имеет отрицательную коннотацию. Но и для глаголов с положительной коннотацией или нейтральных эпистемическая возможность остается как допустимая интерпретация:

(13) Он *мог* ее уговорить.

В контексте эпистемического *мочь* отрицание изменяет значение модального глагола. В (14) говорящий находится в состоянии недостатка знаний: он допускает обе возможности. Между тем (15) исключает одну из возможностей; тем самым говорящий находится в состоянии знания. Однако модальность остается эпистемической — знание достигается через инференцию:

(14) Он может *ошибиться* (*обмануть, опоздать, наябедничать, донести, соврать, уклониться, промахнуться*) [= ‘может быть, что он ошибся, обманул и т. д.’];

(15) Он не может *ошибиться, обмануть, опоздать, наябедничать, донести, соврать, уклониться, промахнуться* [= ‘не может быть, что он ошибся, обманул и т. д.’].

В утвердительном предложении инфинитив может быть и несов. вида:

(16) Я могу ошибаться.

Но если в утвердительном предложении СВ, то в контексте эпистемической модальности в отрицательном будет тоже СВ.

Итак, в контексте модальности возможность замена СВ на НСВ при отрицании происходит только в деонтическом контексте.

7.2.2. НЕОБХОДИМОСТЬ

1. Внутренняя необходимость (≈ потребность)

- (1) а. Мне нужно /надо *отдохнуть* [СВ];
б. Мне не нужно /не надо *отдыхать* [НСВ].
- (2) а. Я должен *привыкнуть* [СВ];
б. Я не должен *привыкать* [НСВ].
- (3) а. Мне необходимо это *выяснить* [СВ];
б. Мне нет необходимости это *выяснять* [НСВ].

2. Внешняя необходимость

- (4) а. Автобус должен *отправиться* ночью [СВ];
б. Автобус не должен *отправляться* [НСВ] (*отправиться) ночью.
- (5) а. Его обувь нужно *отремонтировать* [СВ];
б. Его обувь не нужно *ремонтировать* [НСВ].
- (6) а. Это требуется *доказать* [СВ];
б. Этого не требуется *доказывать* [НСВ].

3. Деонтическая необходимость

- (7) а. Ты должен ей *помочь* [СВ];
б. Ты не должен ей *помогать* [НСВ] (*помочь).
- (8) а. Надо /нужно *согласиться, объяснить* [СВ];
б. Не надо /не нужно *соглашаться, объяснять* [НСВ].
- (9) а. Ты обязан за нее *заплатить* [СВ];
б. Ты не обязан за нее *платить* [НСВ].

Интересно, что *должен* и *обязан* ведут себя в аспектуальном отношении одинаково, т. е. оба требуют замены перфекта подчиненного инфинитива на имперфект, хотя взаимодействуют с отрицанием они по-разному — *не должен* понимается как результат Neg-Raising, а у *не обязан* взаимодействие с отрицанием композиционное:

- (10) Ты *не должен* ей потакать = ‘Ты должен ей не потакать’; потакание исключается: *не должен* = ‘должен не’ (аналогично, *не надо* = ‘надо не’);
- (11) Ты *не обязан* ей помогать — помощь не исключена; утверждается только ее не-обязательность:
не обязан ≠ ‘обязан не’; скорее, *не обязан* = ‘можешь не’.

Например:

- (12) Суть Государственного совета определена в его названии — он должен давать советы, к которым президент может, но *не обязан прислушиваться*... [«Коммерсантъ-Власть», 2000.09.12]

4. Эпистемическая необходимость

- (13) а. Он должен успеть на поезд;
 б. Он не должен успеть на поезд.
- (14) а. Он должен был успеть на поезд;
 б. Он не должен был успеть на поезд.

В отрицательном контексте вид инфинитива не меняется — он остается совершенным. Так что эпистемическая необходимость — единственная разновидность необходимости, при которой **не** требуется замена СВ на НСВ под отрицанием.

Связь эпистемической необходимости с сов. видом не случайна — про *не упади* в Булыгина 1980: 341 сказано, что сов. вид в составе отрицательного императива обозначает неконтролируемые события. Несов. вид означал бы, что модальность долженствования находится в распоряжении Агенса, а здесь ее субъект — говорящий.

Эпистемическое значение модального *должен* яснее всего видно в контексте СВ, обозначающего событие, не контролируемое его субъектом.

Вид под отрицанием в контексте разных разновидностей возможности и необходимости можно представить следующей таблицей:

	I. возможность	II. НЕОБХОДИМОСТЬ
1. внутренняя	СВ	НСВ
2. внешняя	СВ	НСВ
3. деонтическая	НСВ	НСВ
4. эпистемическая	СВ	СВ

Итак, в случае модальности возможность замена на имперфектив происходит только в деонтическом контексте, и здесь можно говорить о семантической мотивации выбора вида: несов. вид у глаголов действия обозначает деятельность, и не разрешать (запрещать) естественно именно деятельность, а не достижение результата. Между тем в контексте необходимости замена СВ на НСВ под отрицанием происходит не только при деонтической модальности, но и при всех других, кроме эпистемической. Семантическая обусловленность выбора вида, наблюдаемая на модальности возможность, в случае модальности необходимость ставится под вопрос. Впрочем, и здесь обязательность замены СВ на НСВ в случае деонтической модальности максимальная.

Следует оговорить, что замена СВ на НСВ в контексте деонтической необходимости обязательна только в составе утвердительного речевого акта. В контексте вопроса, как в (15), сохраняется СВ:

- (15) Тебе не нужно *постричься*?

Поиск в Национальном корпусе русского языка в целом подтверждает картину, представленную таблицей. Так, подтверждается изначальная гипотеза о том, что имперфект, вынуждаемый отрицанием, возможен только в контексте деонтической возможности, см. примеры в (16), подтверждающие сохранение СВ в контексте внутренней возможности, примеры в (17) — внешней:

- (16) а. Леха *не мог отомстить* и очень переживал. [«Вечерняя Москва», 2002.02.07];
 б. Всю ночь налимь *не могли уснуть* и лениво шевелились в садке. [Ю. Коваль. Листобой (1972)]
- (17) а. Лет десять — пятнадцать назад такая выставка *не могла пройти* незамеченной. [«Известия», 2002.06.04]
 б. Эта книга *не могла появиться* в годы советской власти — ее герой, он же автор, во время войны с Германией работал на немцев, был на чужбине сыт, обут и одет. [«Известия», 2001.11.11]

Что же касается необходимости, то кое-что заслуживает обсуждения.

Согласно нашей таблице, внешняя необходимость (клетка II.1) требует под отрицанием несовершенного вида инфинитива. Однако тут много исключений: разные показатели внешней необходимости ведут себя не в точности одинаково. В контексте *не надо* и *не нужно* вид практически всегда несовершенный. Между тем при *не должен* инфинитив в СВ не исключен. В примерах из (18) СВ кажется просто ошибкой — лучше употребить НСВ:

- (18) а. Поход на пляж *не должен окончиться* неприятностями. [«Известия», 2001.07.13]
 б. Сухость и формальность этого утверждения *не должны затенить* тот факт, что кое-что экстраординарное было обнаружено. [«Семейный доктор», 2002.03.15]
 в. На работе нормально функционирующей системы смена руководства *не должна сказаться* отрицательно. [«Известия», 2002.11.04]

В (19) возникает коллизия: *не должно* требует инфинитива в несов. виде, а он плохо совместим с генитивом объекта; поэтому употреблен сов. вид:

- (19) Если нам удастся обеспечить понимание этих двух моментов, то формулирование на бумаге соответствующих договоренностей *не должно составить* труда. [«Дипломатический вестник», № 6, 2004]

В (20) СВ инфинитива уместен только при условии, что необходимость трактуется как эпистемическая — что противоречит здравому смыслу, так что в (20), как и в (18), СВ означает просто плохое владение автором русским языком:

- (20) Я полагаю, что афганские беженцы вообще *не должны появиться* на нашей территории. [«Известия», 2001.09.26]

Если трактовка необходимости как эпистемической (когда *должен* означает незнание, совмещенное с уверенностью автора в наступлении некоторого события в будущем) по смыслу допустима, то СВ вполне уместен:

- (21) а. Но и остальные жители села *не должны оказаться* за бортом. [«Аграрный журнал», 2002.02.15]
 б. А это значит, что КППФ и ее немногочисленные политические союзники в сумме (по федеральным округам и партийным спискам) никоим образом *не должны получить* более 150 мандатов. [«Советская Россия», 2003.08.16]
 в. (...) там [в Кремле] уверены, что Лужков как политик *не должен дожидаться* президентских выборов 2000 года. [«Коммерсантъ-Власть», № 21, 1999.06.01]

А в (22), где модальность внешняя, НСВ бесспорно более уместен, чем СВ:

(22) В число присяжных *не должны попасть* судьи, прокуроры, люди с психическими отклонениями и моложе 25 лет. [«Газета», 2003.07.02]

В (23), можно думать, СВ — единственный возможный выбор, поскольку НСВ означал бы многократность:

(23) а. Это *не должно повториться!* [«Вечерняя Москва», 1971.06.21]

б. Трагедии Буденновска, Кизляра и Москвы *не должны повториться*. [«Церковный вестник», 2002.11.10]

Однако в (24) СВ инфинитива в контексте внешней необходимости и единичного события безупречен:

(24) Продумано было все до мельчайших деталей: утром Катя с детьми уедет в Шереметьево, что *не должно вызвать* никаких подозрений, поскольку Катя всегда отправлялась на дачу заранее, чтобы подготовить дом к приезду Мур. [Л. Улицкая. Пиковая дама (1995—2000)]

Отметим, что тенденция употреблять СВ вместо ожидаемого НСВ касается исключительно неагентивных глаголов. С агентивными все в порядке:

(25) Должен *закупить* — не должен *закупать*.

В принципе, внешняя модальность по своим требованиям к контексту близка к эпистемической. Тенденция к замене слабая и семантически не обоснованная.

Подозрительно то, что запрет на СВ в контексте деонтической необходимости действует неукоснительно в контексте *надо*, но отсутствует при других показателях. Так, в (26) глагол употреблен в СВ — хотя НСВ тоже возможен:

(26) а. Но Маша никогда не позволяла обижать этот фикус и *не разрешила* Андрею *вынести* его на кухню: жалела бедную маму, мама, совсем уж старенькая, везла его в подарок через всю Москву, тащила на пятый этаж, так как лифт в те дни ремонтировался. [Василий Гроссман. Все течет (1955—1963)]

б. ⟨...⟩ на VII генетическом конгрессе в Эдинбурге, куда Вавилову *не разрешено* было *поехать* ⟨...⟩ [Даниил Гранин. Зубр (1987)]

в. Всех, кто работал на расчистке пути, окружали сменным конвоем с собаками и целыми сутками держали на работе, *не разрешая* ни *погреться*, ни *поесть* в тепле. [Варлам Шаламов. Колымские рассказы (1954—1961)]

Итак, мы приходим к следующим выводам.

1) Отрицание показателя эпистемической модальности не влияет на вид подчиненного инфинитива. Если в утвердительном предложении был СВ, то и в соответствующем отрицательном будет СВ.

2) Отрицание деонтической необходимости, по крайней мере в контексте *надо*, *нужно*, накладывает жесткое ограничение на вид глагола — он может быть только имперфективом. Естественно возникает предположение о семантической мотивированности этого ограничения. Чтобы подтвердить или опровергнуть семантическую

мотивированность вида инфинитива в контексте деонтической необходимости, хорошо было бы выяснить, есть ли типологические параллели такой корреляции. Они должны были бы быть, если сочетаемостные ограничения в русском языке в самом деле семантически мотивированы.

3) Корреляция эпистемической модальности с совершенным видом глагола не является случайной. Это следствие того, что эпистемическая модальность естественно возникает в контексте неконтролируемых событий, когда в семантике глагола отсутствует тот компонент «деятельность», которую достаточно запретить, чтобы не возникла ситуация в целом. Ср. известную корреляцию отрицательного сов. вида с неконтролируемостью для императива: *не вари каши* — намеренно; *не свари каши* — нечаянно (Булыгина 1980: 341; Зализняк 2006).

Глава 8

ОТРИЦАНИЕ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

8.1. ОТРИЦАНИЕ И АССЕРТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ В ЗНАЧЕНИИ ГЛАГОЛА

Место отрицания в предложении может зависеть от лексической семантики его финитного глагола, а именно, от членения его значения на презумпцию и ассерцию. Дело в том, что семантика глагола с пропозитивным актантом может предопределять АССЕРТИВНЫЙ СТАТУС этого актанта. Это было блестяще продемонстрировано в Fillmore 1971 на примере английских глаголов *criticize* ‘осуждать’ и *accuse* ‘обвинять’. В упрощенном виде идея состояла в следующем. Оба глагола содержат в своей семантике пропозиции ‘Р имеет место’ и ‘Р плохо’; но у глагола со значением ‘осуждать’ пропозиция ‘Р имеет место’ — презумпция, а ‘Р плохо’ — ассерция, а у *обвинять* — наоборот.

Посмотрим, как ведут себя при отрицании русские глаголы *осуждать* и *обвинять*.

- (1) а. не (я *осуждаю* √ Джона за национализм).
- б. не (я *обвиняю* Джона в национализме √).

У глагола *осуждать*, пример (1а), пропозиция ‘Джон националист’ составляет презумпцию и выражена в синтаксически подчиненном компоненте предложения, а ассерция ‘национализм — это плохо’ выражена в главном предложении: *осуждать* ≈ ‘считать, что плохо’. Поэтому общее отрицание для (1а) — это предложение с идеальным предикатным отрицанием, т. е. с отрицанием при финитном глаголе, см. (2). А у глагола *обвинять*, см. (1б), пропозиция ‘Джон националист’, будучи, в соответствии с лексической семантикой глагола, главной ассерцией, выражена в предложении в синтаксически подчиненном его компоненте. Так что естественное отрицание для (1б) — предложение с присловным отрицанием, см. (3).

- (2) не (я *осуждаю* √ Джона за национализм) = Я *не осуждаю* √ Джона за национализм.
- (3) не (я *обвиняю* Джона в национализме √) = Я *обвиняю* Джона *не* в национализме <а в чем-то другом>.

В самом деле, в (1б) Я *обвиняю* Джона в национализме √ фразовое ударение не на глаголе, а на контрастной реме — там оно остается и в отрицательном предложении.

Предикатное отрицание, которое стоит не при слове, несущем главное фразовое ударение, как в (4), является смещенным (см. о смещенном отрицании раздел 5.5):

- (4) Я *не обвиняю* Джона в национализме √ .

Так что пропозициональное дополнение глагола *осуждать* имеет статус презумпции ('Джон — националист' следует как из предложения *Я осуждаю Джона за национализм*, так и из его отрицания), а для глагола *обвинять* это не так.

Ранее различие в ассертивном статусе семантических компонентов было отмечено при сравнении глаголов *бояться* и *надеяться* в Wierzbicka 1969; см. также Зализняк 1983. Об отрицании в предложениях с предикатами восприятия и знания см. в Кобозева 2003.

8.2. ВОЗДЕЙСТВИЕ ОТРИЦАНИЯ НА АКТАНТНУЮ СТРУКТУРУ СЛОВА

Присоединение отрицания может изменить значение слова до такой степени, что у него появится новый семантический актант. Это замечательное явление было продемонстрировано в Апресян 2006: 133—134 на примере глаголов с приставкой *до-* в ее основном значении доведения действия 'до конца или какого-то предела' (типа *добежать*, *дочитать*, *дослушать*). Так, во фразе (1б), в отрицательном контексте, появляется участник Недостача (выражающий меру отстояния от конечного пункта), которого нет и не может быть в положительном контексте, во фразе (1а):

- (1) а. Он дошел до деревни;
 б. Он не дошел *двух километров* до деревни.

Как объяснить этот феномен? Для начала будем исходить (как и все существующие описания) из того, что глаголы с приставкой *до-* имеют единое значение: приставка *до-* превращает глагол НСВ, обозначающий деятельность, возможно не-предельную, в глагол СВ, означающий 'производя некоторую деятельность, дойти до некоторой точки в ее развитии'. Участник, выраженный именной группой с предлогом *до*, обозначает эту точку (например: *Я дочитал вашу рукопись до середины*), а если конечная точка синтаксически не выражена, то подразумевается, 'до естественного конца'. Например: *Я дочитал вашу рукопись* = *дочитал до конца*.

Однако участник Конечная точка, если он выражен предлогом *до*, обозначает и то г деятельности, но не обязательно результат, который совпадал бы с конечной целью Агенса. В самом деле, человек мог дойти (только) до Херсона, имея в виду прийти в Одессу, но мог иметь и менее определенную цель:

- (2) Долго бродил, пока не дошел до какой-то деревни. [«Вестник США» (2003)]

Так что Конечная точка (итог) и Конечная цель (намеченный предел) — это разные сущности. Поэтому надо отбросить предположение о едином значении приставки *до-* и различить две ситуации употребления глаголов с этой приставкой:

- (3) i. Я *дочитал* вашу рукопись [от какой-то страницы, недалеко от конца, до конца];
 ii. Я *дочитал* вашу рукопись до середины [от начала до середины].

Теперь ясно, что предложение, в котором глагол с приставкой *до-* имеет интерпретацию типа (3ii), вообще не имеет хорошего отрицания — как это всегда бывает у глаголов с количественным пределом, см. Падучева 1996: 187.

Отрицание глагола с приставкой *до-* возможно тогда, когда он употребляется в ситуациях типа (4), (5), т. е. когда у деятельности есть конечная цель — неважно, имевшаяся в виду Агенсом или, так сказать, «объективная»:

- (4) Он *дошел* до деревни — Он *не дошел* до деревни.
 (5) Я *дочитал* вашу рукопись — Я *не дочитал* вашу рукопись.

Участник Недостача возникает при условии, что деятельность предполагает шкалу (пространственную, временную или какую-то еще), которая допускает измерение расстояния между той точкой, на которой деятельность прекратилась, и ее предполагаемой конечной целью:

- (6) Я не дочитал *двух страниц* (до конца вашей рукописи).
 (7) Алексей *чуть-чуть* не дошел до лагеря, и мы уже рядом были, но, увы, сердце остановилось. [«Совершенно секретно» (2003)]

Хотя речь шла о деятельности, глагол НСВ, к которому присоединяется приставка *до-*, может обозначать не деятельность, а процесс:

- (8) До переводов «Одного дня» Папа Римский Иоанн XXIII *не дожил* нескольких недель. [А. Архангельский. Послание к Тимофею (2006)]

Возникновение участника Недостача — это не единственное изменение модели управления глагола с приставкой *до-* в отрицательном контексте. Второе изменение состоит в том, что участник, оформленный предлогом *до*, который в исходном утвердительном предложении обозначает Конечную точку деятельности, в отрицательном контексте может обозначать только ее естественный предел, Конечную цель, как в примерах (4), (5).

Участник Недостача возникает также в отрицательном предложении с глаголом *хватить* в значении ‘быть достаточным’, см. Рахилина 2010: 318. Сравним предложения (9) и (10):

- (9) Мне хватило *двух минут*, чтобы высказать все, что я о нем думаю.
 (10) Мне не хватило *двух минут*, чтобы высказать все, что я о нем думаю.
 (11) Мне не хватило *двух минут*, чтобы высказать ему все, что я о нем думаю.

Предложение (9) означает ‘у меня в распоряжении было две минуты’ [презумпция], ‘и этого было достаточно, чтобы высказать ему все, что я о нем думаю’ [ассерция]. Его стандартное (т. е. *presupposition preserving*) отрицание должно иметь смысл ‘у меня в распоряжении было две минуты’ [презумпция], ‘и этого было недостаточно, чтобы высказать ему все, что я о нем думаю’ [ассерция], который может быть выражен предложением (11). Так что предложение (11) является отрицанием (9). А (10) не является. Предложение (10) означает совсем другое: ‘чтобы высказать ему все, что я о нем думаю, мне нужно было на две минуты больше, чем у меня было’. А дело в том, что в (10) *двух минут* выражает участника Недостача — которого нет ни в утвердительном предложении (9), ни в соответствующем общеотрицательном (11). Он появляется в (10) в результате особого взаимодействия отрицания с лексическим значением глагола — аналогичного тому, которое имеет место в глаголах на *до-*.

Что касается взаимодействия внутрисловного отрицания с актантной структурой глагола, то более известно обратное соотношение: у глагола с отрицательным

компонентом в значении часто отсутствует валентность, которая есть у соответствующего неотрицательного. Ср. известный пример **промахнуться в зайца*, при нормальном *попасть в зайца*, из Мельчук, Холодович 1970, и о глаголах ликвидации результата (*навьючить верблюда тюками* — **развьючить верблюда от тюков*) в Апресян 1974: 290—292, 304—305.

8.3. Местоимения с отрицательной поляризацией*

Данный раздел посвящен местоимениям на *бы то ни было*, т. е. конструкции вида «W *бы то ни было*», в которой переменным элементом W могут быть почти все вопросительные местоимения — *какой, кто, что, чей* (но не *который* и не *каков*) — и вопросительные же местоименные наречия — *где, куда, когда, зачем, почему, как*.

8.3.1. Внутрисловное отрицание: отрицание как компонент значения слова

Особенностью местоимений на *бы то ни было* является то, что они употребляются преимущественно в контексте отрицания, причем не только синтаксически автономного отрицания *не*, как в примере (1), но и внутрисловного отрицания, входящего в семантическую декомпозицию слова, как в примерах (2)—(4) (из Падучева 1974: 100; 1985: 216—219). Подчеркнуты слова с внутрисловным отрицанием:

- (1) Не стану давать тебе *какие бы то ни было* указания.
- (2) Он поселился вдали от *какого бы то ни было* жилья.
- (3) Ему чужды *какие бы то ни было* колебания.
- (4) Он отказался от *какой бы то ни было* помощи.

Как легко видеть, при замене *вдали* на *рядом* или *чужды* на *свойственны* и *отказался* на *согласился* местоименный оборот *какой бы то ни было* перестает быть уместным. Таким образом, местоимения на *бы то ни было* представляют интерес не только сами по себе, но и потому, что позволяют очертить класс слов с синтаксически релевантным смысловым компонентом «отрицание»: лексически выраженное отрицание в этих словах дает о себе знать на синтаксическом уровне — имеет синтаксические рефлексy.

Местоимения на *бы то ни было* принадлежат к разряду слов с отрицательной поляризацией (см. о них, например, Haspelmath 1997; Hoeksema 2000; Богуславский 2001; Татевосов 2002). Это слова, которые сами по себе, быть может, и лишены отрицательного значения, но употребляются преимущественно в контексте вышестоящего отрицания, ср. анализ сочетания *пальцем не пошевелит* в Апресян 1978. Словами с отрицательной поляризацией являются *какой-либо* и другие местоимения на *-либо* (см. Pereltsvaig 2000). Другие примеры: сочетание

* Статья, опубликованная в журнале Вопросы языкознания, 2011, №1, с. 3—18.

так уж, которое уместно только в отрицательном контексте (*Не скажу, чтобы он мне так уж нравился*, см. Кобозева 1976), *такой уж, очень-то, настолько, столь, больно* в значении ‘особенно’ (*не больно надо*). Более точное определение отрицательной поляризации и контекстов с отрицательной полярностью будет дано в разделе 8.3.6.

Смысл кванторных слов и выражений трудно описывать непосредственно, с помощью эксплицитных перефразировок, как это принято в современной лексической семантике. Так что речь будет идти о квазисинонимических соотношениях местоимений на *бы то ни было* с кванторными словами и выражениями с более известным смыслом. Образцом будет адъективное *какой бы то ни было*. Прочим местоимениям на *бы то ни было* посвящен отдельный раздел 8.3.4.

Местоимения на *бы то ни было* во многих случаях взаимозаменяемы с местоимениями на *-либо*:

(2') Он поселился вдали от *какого-либо* жилья.

(3') Ему чужды *какие-либо* колебания.

(4') Он отказался от *какой-либо* помощи.

Во многих, однако не во всех. Например, в (5), (6) *какой-либо* неуместно:

(5) Немедленно прекратите *какие бы то ни было* (*какие-либо) поисковые работы.

(6) После этого он утратил *какой бы то ни было* (*какой-либо) интерес к происходящему.

С другой стороны, в предложениях (5), (6) возможна замена *какой бы то ни было* на *всякий* или *все*; например:

(5') Немедленно прекратите *всякие* /*все* поисковые работы.

(6') После этого он утратил *всякий* /*весь* интерес к происходящему.

Однако и эта замена возможна не всегда; так, в (1) *какой бы то ни было* можно заменить не на *всякий*, а только на *никакой*:

(1') Я не стану давать тебе *никаких* указаний.

Итак, местоимения на *бы то ни было* естественно сопоставляются с тремя типами местоимений. Это:

— неопределенные местоимения на *-либо* (*какой-либо, кто-либо, когда-либо, ...*);

— отрицательные местоимения на *ни-* (*никакой, никто, ...*);

— местоимения всеобщности *всякий, все, любой*.

Из неопределенных остаются еще местоимения на *-нибудь*: Грамматика 80 и словари, в том числе словарь Ушакова, трактуют *-нибудь* и *-либо* как синонимы. И в самом деле, во многих контекстах *-нибудь* может быть заменено на *-либо* без существенного изменения смысла:

(а) Если *что-нибудь* /*что-либо* случится не по нем, он вступает в бой;

(б) Разве есть смысл *что-нибудь* /*что-либо* менять?

Такая синонимия возможна не всегда; но пока мы находимся в рамках контекста отрицания, местоимения на *-нибудь* можно исключить из рассмотрения, поскольку в контексте семантически вышестоящего отрицания *какой-нибудь* (в отличие от *какой-либо*) с абсолютной обязательностью заменяется на *никакой*:

(7) НЕВЕРНО, ЧТО (какой-нибудь виновник найдется) = никакого виновника не найдется;

НЕВЕРНО, ЧТО (он видел там кого-нибудь) = он не видел там никого.

В самом деле, если *не* и местоимение на *-нибудь* встречаются в пределах одной предикации, это значит, что *не* ниже *-нибудь*. Так, в контексте фразы *Если кто-нибудь не понял, я объясню* отрицание «нижестоящее», т. е. отрицание находится в сфере действия квантора существования, формула $\exists x \neg P(x)$, а не $\neg \exists x P(x)$. Условия употребления местоимений на *-нибудь* описаны в Падучева 1985 и 2007: для *-нибудь* нужен контекст снятой утвердительности.

Местоимения на *-либо* рассматривались в статье Ж. Веренка (Veugens 1964), который показал, что они могут переводиться на французский язык с помощью «полу-негативов», типа *rien, jamais, personne*. В принципе, русским местоимениям на *-либо* и *-нибудь* соответствуют французские местоимения серии *quelqu'un*. Веренк отмечает, однако, что в контексте отрицания перевод *-либо* как *quelqu'un* мало удовлетворителен, а в контексте сравнительного оборота просто невозможен:

(8) У него не было никаких причин *что-либо* менять — Il n'y avait aucune raison de *rien* changer.

(9) внимательнее, чем *когда-либо* прежде — avec plus d'attention qu'il avait *jamais* fait.

В контексте сопредикатного отрицания в русском языке на месте *-нибудь* должно быть отрицательное *ни-*; отрицательно поляризованное *-либо* в контексте сопредикатного отрицания иногда допустимо, см. (10)—(12), иногда — нет, см. (13):

(10) Они не встречали *какого-либо* / *никакого* сопротивления на своем пути.

(11) Это не связано с *какими-либо* / *ни с какими* конкретными задачами.

(12) Не существует *каких-либо* / *никаких* доказательств.

(13) а. Я не люблю **кого-либо* / *никого*;

б. Он не убедил **кого-либо* / *никого*.

В контексте инфинитивной конструкции допустимы и *ни-*, и *-либо*:

(14) а. Я не намерен *что-либо* менять $\approx$ б. Я не намерен *ничего* менять.

А в контексте отрицания в подчиняющей клаузе употребляется только отрицательно поляризованное *-либо*. Так, в (15) *когда-либо* нельзя заменить на *никогда*, хотя во французском переводе следует употребить *jamais*:

(15) Неизвестно, была ли эта повесть *когда-либо* (**никогда*) закончена.

Другие примеры отрицательно поляризованного *-либо* в контексте отрицания в подчиняющей предикации:

(16) не думаю, чтобы он *что-либо* изменил;

не видно, чтобы он *куда-либо* ходил;

не нашел нужным *кого-либо* предупредить.

Итак, местоимения на *-либо* употребляются как местоимения с отрицательной поляризацией в контексте сопредикатного отрицания, где они могут быть взаимозаменяемы с местоимениями на *ни-*, примеры (10)—(12), а также в контексте отрицания (синтаксически автономного и внутрисловного) в подчиняющей предикации,

примеры (8), (14)—(16), и сравнительного оборота, пример (9), где отрицательные местоимения невозможны.

Отрицательные местоимения не реагируют на внутрисловное и несопредикатное отрицание, т. е. возможны строго в контексте сопредикатного автономного отрицания. Так что местоимения на *бы то ни было* в отрицательном контексте охватывают области, распределенные между *никакой*, *какой-либо* и *всякий*. Местоимение на *бы то ни было* употребляется и за пределами отрицательных контекстов; эти употребления будут рассмотрены отдельно в разделе 8.3.6.

Задача дальнейшего двоения. Одна сторона — синтаксическая: выяснить условия взаимозаменяемости местоимений на *бы то ни было* с местоимениями *какой-либо*, *всякий* и *никакой*. Другая сторона — лексическая: понять, что дает сочетаемость с кванторными словами для семантического анализа слов с внутрисловным отрицанием, поскольку разные слова лицензируют разные виды местоимений¹.

В последующем изложении широко используются примеры из Национального корпуса русского языка; если адекватность предложения не вызывает сомнения, ссылка на источник может быть опущена.

8.3.2. СИНТАКСИЧЕСКИ АВТОНОМНОЕ ОТРИЦАНИЕ

В контексте сопредикатного синтаксически автономного отрицания (т. е. отрицания *не* при предикате той же клаузы) *какой бы то ни было* взаимозаменяемо с *какой-либо* и с *никакой*:

- (1) Для исполнения приговора не требуется *каких бы то ни было* дополнительных процедур и формальностей [*каких-либо*; *никаких*].
- (2) Гессен не был виновен в *каких бы то ни было* [*в каких-либо*, *ни в каких*] преступлениях.

Если есть эмфаза, то скорее будет употреблено *никакой*, чем *какой-либо*. Дело в том, что *какой-либо* характеризуется фразовой безударностью, см. Veugens 1964:

- (3) Я никогда не думал так и столько о *какой бы то ни было* [*ни о какой*; *о какой-либо* женщине].

Сочетаемость *какой бы то ни было* с сопредикатным отрицанием не абсолютная; едва ли можно сказать *Какой бы то ни было школьник не решит эту задачу*; надо — *Никакой школьник...*

В случае отрицания в подчиняющей предикации *какой бы то ни было* взаимозаменяемо с *какой-либо*, но не с *никакой* (полужирным выделено главное слово предикации, в которую входит местоимение).

- (4) Я не считаю уместным давать *какие бы то ни было* указания [*какие-либо*; *никакие].
- (5) Вместе с тем у нее не было никаких причин скрывать от меня *что бы то ни было* [*что-либо*; *ничего].

¹ Список глаголов с внутрисловным отрицанием был составлен С. А. Григорьевой.

- (6) Насупившийся, переполненный эмоциями Дашевский не был расположен выслушивать *какие бы то ни было* [*какие-либо*; *никакие] оправдания.
- (7) Не приводится субстантивных доказательств *каких бы то ни было* [*каких-либо*; *никаких] связей прежнего иракского режима с организацией бен Ладена.

Слова *мочь, хотеть, собираться, вправе* и ряд других ведут себя как не составляющие отдельной предикации, т. е. при них возможно не только местоимение на *-либо*, но и отрицательное (а иногда только отрицательное — *Он не хочет ничего слышать*):

- (8) Он не хочет *что бы то ни было* [*что-либо*; *ничего*] предпринимать.
- (9) Правительство совершенно не собирается идти на *какие бы то ни было* [*на какие-либо, ни на какие*] уступки и просто тянет время.
- (10) Тут мы не вправе вступать в *какую бы то ни было* полемику [*в какую-либо; ни в какую*].

Отрицание в составе предикатива *неприятны* в примере (11) не контрадикторное, а контрарное (см. о контрарном отрицании главу 3; подробно о русском контрарном отрицании — Рожнова 2009). В наших терминах контрарное отрицание не является синтаксически автономным, и потому не удивительна невозможность употребления отрицательного местоимения *никакой* (невозможность *какой-либо* и допустимость *любой* требуют дополнительного исследования):

- (11) Он вдруг понял, что ей неприятны *какие бы то ни было* подробности его домашней жизни [**никакие*].

В примере (12), где отрицание можно счесть контрадикторным (*неуместны* = ‘неверно, что уместны’), т. е. приравнять к синтаксически автономному, действует общее правило:

- (12) Здесь *какие бы то ни было* эмоции неуместны [*какие-либо; никакие*].

8.3.3. Внутрисловное отрицание

Местоимения на *бы то ни было* допустимы в контексте широкого круга слов с внутрисловным отрицанием. Возникает вопрос, в каких из этих контекстов допустимы также *какой-либо* и *всякий, все, любой*. Можно думать, это позволит выявить различия в значении как кванторных слов, так и слов, которые обеспечивают для них необходимый контекст.

Среди слов, имеющих отрицательный компонент в семантической декомпозиции и лицензирующих *какой бы то ни было*, выделяются следующие две группы.

Группа 1 — это глаголы, семантика которых включает не просто отрицание, а отрицание существования, такие как *отсутствовать, быть лишенным, отрицать, воздерживаться, исключать*. Эти глаголы допускают *какой-либо* в составе именной группы в своей предикации; *всякий* возможно только в значении минимальной степени (ср. Fauconnier 1975; Partee 2004), а *все* невозможно вовсе. Примеры (в скобках указаны возможные и невозможные эквиваленты для *какой бы то ни было*).

X отсутствует (в определенном контексте) = ‘X не существует’:

- (1) Направление сетевых изданий зачастую почти неуловимо, ... отсутствует *какая бы то ни было* внутренняя цензура [*какая-либо; всякая* в значении ‘даже малейшая’].

X лишен P = ‘(стало) у X-а не существует P’:

- (2) После выхода из больницы он был лишен *каких бы то ни было* средств к существованию [*каких-либо, *всяких*].
 (3) На самом деле нынешний мир под управлением США абсолютно лишен *каких бы то ни было* моральных предрассудков [*каких-либо, *всяких*].

Есть такие употребления *отсутствовать, лишен*, где они не выражают несуществования множества (*У него отсутствуют все рефлексии, кроме глотательного; Он лишен всех (своих) орденов*). Тогда они относятся к группе 2.

X отрицает P = ‘X говорит, что не существует (каких-либо) P’:

- (4) Естественно, коммерсанты категорически отрицают *какую бы то ни было* связь между двумя фирмами [*какую-либо; всякую* в значении ‘даже малейшую’].
 (5) Но Александр Борисович отрицает *какие бы то ни было* мстительные мотивы в своем выборе [*какие-либо, *всякие, *все*].
 (6) Он отрицает существование *каких бы то ни было* планов на этот счет [*каких-либо, *всяких, *всех*].
 (7) Тогда руководители NASA также сначала отрицали наличие *каких бы то ни было* серьезных технологических проблем [*каких-либо, *всяких, *всех*].

Сочетание вида «X отрицает существование P» имеет то же толкование: ‘X говорит, что не существует (каких-либо) P’. Так что в (4), (5) идея ‘существование, наличие’ входит только в толкование глагола, а в (6), (7) она дублируется в именной группе.

X исключает P = ‘X не допускает существования P’:

- (8) Сознание обывателя (...) исключает *какую бы то ни было* [какую-либо, всякую] симпатию к олигархам вообще и к Михаилу Ходорковскому в частности [*всякую* означает степень: ‘даже малейшую’ — поскольку не существует множества разнообразных симпатий].

X воздерживается от P = ‘X прилагает усилия к тому, чтобы не делать P’:

- (9) Я предпочитаю воздерживаться от *какого бы то ни было* [какого-либо, всякого] вмешательства [*всякого* означает степень: ‘даже малейшего’];
 (10) Он воздержался от *каких бы то ни было* комментариев [*каких-либо, ?всяких*].

Итак, при глаголах группы 1 допустимость *какой-либо* обоснована компонентом ‘существование’ в толковании глагола.

Значение слова *всякий* зависит от грамматического числа имени.

В Богуславская 2004 толкование *всякий* дается для мн. числа: *всякие X-ы* = ‘все или многие, о множестве объектов (X-ов), обладающих разнообразными свойствами’, ср. *Он видал всякие виды* = ‘разнообразные’ (см. также Bronnikov 2005). Но в контексте несуществования множества неуместна пресуппозиция разнообразия элементов в этом множестве. Поэтому не вполне уместно *всякие* в примерах (11), (12) — а также (10) выше:

- (11) На правой ладони отсутствовали *всякие* признаки ожога. [Л. Юзефович. Дом свиданий (2001)]
- (12) Но демократы в лице Егора Гайдара выступили со своим вариантом кодекса, где отсутствовали *всякие* ограничения и контроль за использованием земли. [«Московский комсомолец», 2003.01.10]

Как мы видим, *какие бы то ни было*, которое выражает идею о том, что свойства элементов несуществующего множества несущественны, более уместно, чем *всякие*. В каких-то контекстах компонент ‘разнообразие свойств’ в семантике *всякие* подавляется — возникает форсированное употребление, при котором *всякие* = ‘какие-либо’, ‘какие бы то ни было’, см. ниже пример (18).

Для ед. числа толкование более сложное. При абстрактном имени ед. число *всякий* в отрицательном контексте выражает крайнюю точку шкалы степени: в контексте отрицания существования *всякая связь* означает ‘даже малейшая связь’. Еще примеры:

- (13) В них отсутствует *всякий* намек на романтизм. [«Семейный доктор», 2002.06.15]
- (14) Отсутствовало *всякое* желание этим заниматься. [«Нева», 2004]

Ср. значение *всякий* 3 в МАС с примером *отсутствие всякой определенной идеи; всякий X* в ед. числе означает ‘X с любыми свойствами’, ‘X независимо от свойств’; отсюда *победит всякого* = ‘даже самого сильного’.

Слово *все* уместно в предположении существования и известности множества — например, когда *отсутствовать* означает отсутствие в данном месте, см. (15), и неуместно в контексте отсутствия предположения об известности множества, см. (16).

- (15) В тексте отсутствуют *все* возможные запятые в причастных и деепричастных оборотах. [«Известия», 2003.07.24]
- (16) ?Он воздержался от *всех* комментариев.

Впрочем, бывает и нерелевантное *все*:

- (16') Люди, и без того жившие на грани нищеты, оказались лишены *каких бы то ни было* [каких-либо, **всяких, всех*] средств к существованию.

Примыкают к группе 1 «отрицательные предлоги» — *без, против, в стороне, вне*. В контексте «отрицательных» предлогов *какой бы то ни было* заменимо на *какой-либо*, а также на *всякий* в значении *какой-либо*:

- (17) Это движение, началось как-то самопроизвольно, почти стихийно, снизу, без *какого бы то ни было* давления со стороны администрации [без *какого-либо, без* *всякого*].
- (18) Мы были категорически против *каких бы то ни было* поспешных действий [*каких-либо, всяких*; возможно также *любых*, поскольку речь идет о действиях в будущем].

Однако в (19) *всякий* употреблено в своем исходном значении — допускается существование разных философий:

- (19) Эмпирическая психология... должна быть вне *какой бы то ни было* философии [*вне* *какой-либо, вне* *всякой*].

В контексте (20) *всякий* и *все* будет иметь разное значение — *все* предполагает более определенное множество интриг:

(20) Она была в стороне от *каких бы то ни было* интриг [*каких-либо, всяких, всех*].

Группа 2 — это глаголы типа *прекратить, утратить, отнять*. Они содержат презумпцию изначального существования множества — которое потом подверглось какому-то воздействию (и, возможно, перестало существовать). Эти глаголы не допускают *какой-либо*, выражающего нереперентность, и допускают *всякий / все*. Семантически объяснимо и то, что допустимо *всякий, все* (поскольку существует множество), и то, что неуместно *какой-либо*, которое возникало в контексте слов группы 1 благодаря компоненту «несуществование» в их семантике. (В примерах ниже звездочка при *какой-либо* может быть оспорена; важно, что *какой-либо*, даже если синтаксически возможно, не синонимично *какой бы то ни было*.)

Глаголов группы 2 много; толкования не приводятся.

(21) Немедленно прекратите *какие бы то ни было* [**какие-либо, всякие*] поисковые работы.

(22) Запрещаются *какие бы то ни было* [**какие-либо, все*] компьютерные игры.

(23) Отменены *какие бы то ни было* [**какие-либо, все*] телесные наказания.

(24) ⟨...⟩ образованцы, отвергавшие *какие бы то ни было* традиции [**какие-либо, всякие*].

(25) Его принцип отвергает *какое бы то ни было* облучение мозга [**какое-либо, всякое*].

(26) Он говорил об упразднении *каких бы то ни было* [**каких-либо, всяких / всех*] званий.

(27) В своих идеях и принципах он остался примером человека, противостоящего *какому бы то ни было* подавлению большинством [**какому-либо, всякому*].

(28) все видели желание власти уйти от *какой бы то ни было* ответственности [**от какой-либо, от всякой*].

(29) чтобы в будущем быть избавленным от *каких бы то ни было* «дилемм» [**каких-либо, всяких*].

Как и в группе 1, в контексте абстракций у *всякий* возникает значение степени:

(30) Когда отец Мухина после речи пополнился на сто пятьдесят граммов водки, то утратил *какой бы то ни было* интерес к происходящему [**какой-либо; всякий = 'даже малейший'*];

(31) Нетерпимое отношение к генетически модифицированному продовольствию может привести к тому, что Европа потеряет *какое бы то ни было* влияние в этой сфере, а правила игры будут определять США и страны Азии [**какое-либо, всякое*];

(32) отнял *какую бы то ни было* [**какую-либо, всякую*] способность к сопротивлению.

Если множество мыслится как пополняемое, возможно *любой*:

(33) Говоря, например, о картине Александра Иванова «Явление Христа народу», он восхищается ею прежде всего как народной картиной... начисто отвергая *какие бы то ни было* мистико-религиозные ее толкования [**какие-либо, любые*].

У глагола *отказаться* возможно дополнение с презумпцией изначального существования множества, как в примере (34а); тогда он принадлежит к группе 2. И без нее, как в (34б); тогда он принадлежит к группе 1:

- (34) а. Он отказывался от *каких бы то ни было* предложений [**каких-либо, всех*];
 б. Он отказался от *какой бы то ни было* помощи [*от какой-либо, от всякой*].

Интересен пример (35), где *какой бы то ни было* взаимозаменяемо с *любой*, но не с *все*, которое несло бы пресуппозицию существования, отсутствующую в исходном предложении:

- (35) Кстати, не случайно первым указом преемника было освобождение Ельцина и его семьи от ответственности за *какие бы то ни было* преступления, совершенные в бытность на посту президента [**какие-либо, любые*].

Отдельно рассмотрим случай, когда внутрисловное отрицание находится не в той же предикации, что кванторное слово, а в подчиняющей. Тогда в контексте тех же глаголов группы 2 становится возможно *какой-либо*, а *всякий, все*, наоборот, выпадают — инфинитив выражает ирреальную ситуацию, и презумпции существования множества участников больше нет:

- (36) Категорически запрещалось вступать с ними в *какие бы то ни было* разговоры [*какие-либо, *всякие, *все*].

И вообще, в контексте глагола с имплицитным отрицанием, подчиняющего инфинитив или клаузу, возможно *какой-либо*, см. (37). Напротив, *всякий, все* оказываются в этом контексте неуместным. В самом деле, инфинитив порождает отдельную ситуацию, нереальную, и множество ее участников не задано заранее:

- (37) Мысли отказываются остановиться на *каком бы то ни было* предмете [*каком-либо, *всяком*].
 (38) Ум мой бессознательно отказывался выводить *какие бы то ни было* заключения из того, что я видел [*какие-либо, *всякие*].
 (39) Павел Алексеевич уже перестал ждать *какого бы то ни было* ответа [*какого-либо, *всякого*].
 (40) Главный принцип вашей студии — избегать прямого цитирования *какого бы то ни было* стиля [*какого-либо, *всякого*].
 (41) Она передумала задавать им *какие бы то ни было* вопросы [*какие-либо, *всякие*].
 (42) Сомневаюсь, что она знает *какие бы то ни было* детали [*какие-либо, *всякие; все* возможно, но не синонимично с *какие бы то ни было*].

То же в контексте кратких прилагательных и предикативов, подчиняющих инфинитив или отглагольное имя с внутрисловным отрицанием:

- (43) Выстраивать на столь дрянном фундаменте *какие бы то ни было* имперские конструкции крайне опрометчиво (т. е. ‘не стоит’) [*какие-либо, *всякие*].
 (44) Одним словом, мне невыразимо тяжело было иметь с ним *какие бы то ни было* отношения [*какие-либо, *всякие*]; NB невозможность заменить в этом примере слово *тяжело*, с внутрисловным отрицанием, на *легко*.
 (45) Мне стыдно было напрашиваться на *какое бы то ни было* внимание к себе после более чем двух десятилетий молчания [*какое-либо* = ‘даже малейшее’].

Если инфинитив не порождает нереальную ситуацию и несуществование множества, то *все* возможно; например: *Детям запрещается посещать все мероприятия, проводимые после 22 часов.*

Итак, отрицание в подчиняющей предикации, внутрисловное или автономное, — это основной контекст для местоимений на *-либо*.

Важную роль играет синтаксис. Так, в (46а) отрицание входит в состав имени, и является внутрисловным, отсюда местоимение на *-либо*; а в (46б) оно интерпретируется как предикатное; отсюда отрицательное местоимение, см. раздел 8.3.2:

- (46) а. Налицо неподвластность человеческого тела *каким бы то ни было* манипуляциям [*каким-либо*];
 б. Человеческое тело неподвластно *никаким* манипуляциям.

Итак, мы выявили:

1) Лексический фактор, определяющий возможность замены *какой бы то ни было* на *какой-либо* и *всякий*: есть глаголы типа *отсутствовать*, с семантикой отрицания существования и с формулой замены [*какой-либо*; *всякий], и глаголы типа *прекратить*, с презумпцией изначального существования множества, которое впоследствии перестало существовать, и с формулой замены [**какой-либо*; *всякий* / *все*].

2) Синтаксический: внутрисловное отрицание в подчиняющей предикации возвращает к формуле [*какой-либо*; *всякий].

Посмотрим на получившуюся картину с логической точки зрения. Предложения (а)—(в) значат приблизительно одно и то же:

- (а) Я воздержался от *каких бы то ни было* комментариев;
 (б) Я воздержался от *каких-либо* комментариев;
 (в) Я воздержался от *всяких* комментариев.

Возникает вопрос, почему оказываются взаимозаменяемыми слова типа *всякий*, выражающие всеобщность, и типа *какой-либо*, выражающие существование. Объясняет эту синонимию логическая эквивалентность:

$$\neg \exists x P(x) \equiv \forall x \neg P(x).$$

Предложение (б), с *какой-либо*, соответствует формуле $\neg \exists x P(x)$: отрицание в составе лексемы *P* подчиняет квантор $\exists$, выражаемый местоимением *какой-либо* в составе подчиненной этому глаголу именной группы *x*. А предложение (в), с *всякий*, соответствует формуле $\forall x \neg P(x)$: квантор логически выше отрицания в составе лексемы *P*: от *всяких комментариев я воздержался* (= не дал их).

Какой из формул соответствует предложение (а) с *какой бы то ни было*? Если принять, что оно соответствует формуле $\neg \exists x P(x)$, то мы должны заключить, что местоимения на *бы то ни было* — это неопределенные местоимения с отрицательной поляризацией, т. е. уместные в контексте семантически подчиняющего отрицания. В самом деле, местоимения на *бы то ни было* по употреблению в отрицательных контекстах сходны с местоимениями на *-либо* (которые уже были признаны таковыми). Единственное сочетаемостное различие между *-либо* и *бы то ни было* — невозможность употребления *-либо* в контексте внутрисловного отрицания в глаголах типа *прекратить*, см. примеры (21)—(31).

З а м е ч а н и е. Есть определенные преимущества в том, чтобы признать предложение (а) соответствующим формуле $\forall x \neg P(x)$ и интерпретировать *какой бы то ни было* иначе — как местоимение всеобщности, модифицированное контекстом синтаксически подчиняющего отрицания (в синтаксической структуре предложения отрицание входит в состав глагола, а кванторное прилагательное стоит при подчиненном ему имени). В самом деле, *какой бы то ни было* семантически похоже именно на потенциально ударное *всякий*, с его идеей разнообразия свойств у элементов множества, а не на безударное *какой-либо*, принципиально лишенное этой идеи. Однако трактовка отрицательных местоимений как отрицательных неопределенных закреплена влиятельной книгой М. Хаспельмата (и всей последующей литературой), а всеобщностная трактовка отрицательных местоимений не имеет традиции (ср., впрочем, предложения по поводу *всегда* и *никогда*, *всякий* и *никакой* в Падучева 1974: 108 и в Татевосов 2002).

8.3.4. СУБСТАНТИВЫ И АДВЕРБИАЛЫ

Субстантивные местоимения на *бы то ни было* обычно не употребляются в контексте сопредикатного отрицания (примеры Я. Г. Тестельца):

- (1) а. Не сохранили *каких бы то ни было* записей vs. *Не сохранили *чего бы то ни было*; надо: *не сохранили ничего*;
 б. У нас нет *каких бы то ни было* иллюзий vs. *У нас нет *чего бы то ни было*; надо: *нет ничего*.

Хотя нельзя сказать, что они в этом контексте полностью невозможны, ср. *Я не выказал чем бы то ни было своего отрицательного к ним отношения*. Как было сказано в разделе 8.3.2, и у *какой бы то ни было* возможность употребления в контексте сопредикатного отрицания не абсолютная — не это главная функция местоимений на *бы то ни было*.

Субстантивные местоимения редко употребляются в контексте сопредикатности глаголу группы 1 (ср. *отсутствует что бы то ни было*) или группы 2 (*запретил что бы то ни было*). Основные употребления — в контексте внутрисловного (или автономного) отрицания в подчиняющей предикации, где местоимение на *бы то ни было* имеет в качестве заместителя местоимение на *-либо*:

- (2) фанатики, ослепленные той истиной, ⟨...⟩ которая мешает им видеть *что бы то ни было* помимо ее. [Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)] [*что-либо*]
 (3) Обсуждать *что бы то ни было* всерьез становится практически невозможно [*что-либо*].
 (4) Я перестал понимать *что бы то ни было*; перестаешь удивляться *чему бы то ни было*.

В (5) единственный конкурент для *что бы то ни было* — это *что-либо*; однако *что бы то ни было* дает акцент на разнообразии элементов множества, который *что-либо* выразить не может:

- (5) В палате было человек двенадцать, потолок протекал, между кроватями сновала какая-то кошка, но оттуда, «с воли», запрещалось передавать *что бы то ни было*, даже носки — под страхом инфекции! [Сати Спивакова. Не всё (2002)]

В (6) по этой причине никакая замена для местоимения на *бы то ни было* невозможна:

- (6) Темнота и облачность перестали быть препятствием для обнаружения ракет *где бы то ни было*.

Примеры с неглагольным внутрисловным отрицанием:

- (7) Тебя вообще мало касается *что бы то ни было*, связанное со мной. [Владимир Спектр. Face Control (2002)]; она редко вообще произносила *что бы то ни было*; вряд ли я исправлю *что бы то ни было*.

Примеры с адвербиальным местоимением:

- (8) Совсем не то, когда бездетной женщине в дом попадет *почему бы то ни было* чужой ребенок. [А. И. Герцен. Былое и думы] [= 'по какой-либо причине']
 (9) Не понимал, что мне не «там» плохо, а вообще. *Где бы то ни было*. [И. Грекова. Перелом (1987)] [= 'везде']
 (10) Постепенно она перестала к разнообразным и странным событиям *как бы то ни было* относиться, а лишь наблюдала и иногда соучаствовала. [Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света (2000)] [= *как-либо*]
 (11) Не хочется {...} *как бы то ни было* его к себе привязывать. [Отзыв на сайте о летнем лагере (2003)]

8.3.5. КОММЕНТАРИИ К ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ КОНТЕКСТАМ

Законы взаимодействия слов, действующие в рассматриваемой области, являются в своей основе семантическими: на возможность употребления местоимения влияет отрицательный смысл, а не поверхностное отрицание. Так, в примерах (1а), (2а) есть нужный отрицательный компонент, а в (1б), (2б) двойное отрицание дает положительный смысл; отсюда невозможность местоимений на *-либо* и *бы то ни было*:

- (1) а. Он врет, что читал *что-либо* /*что бы то ни было*;
 б. Он не врет, что читал **что-либо* /**что бы то ни было*.
 (2) а. Способность этого человека к *какой бы то ни было* деятельности не очевидна;
 б. Способность этого человека к **какой бы то ни было* /**какой-либо* деятельности не вызывает сомнений.

Примеры (3) и (4) выявляют релевантный отрицательный компонент в составе слов *мало* и *конец* — замена на антоним делает *какой бы то ни было* неуместным:

- (3) а. Мало кто имел *какое бы то ни было* представление о предмете;
 б. *Многие имели *какое бы то ни было* представление о предмете.
 (4) а. Это конец *какой бы то ни было* свободной экономики;
 б. *Это начало *какой бы то ни было* свободной экономики.

Известно, что семантическое разложение слова *только* выявляет в нем компонент отрицание. И действительно, *только* лицензирует *какой бы то ни было*:

- (5) Только Иван выразил *какую бы то ни было* готовность помочь.

Естественным контекстом для *бы то ни было* является риторический вопрос — такой, который содержит внутрисловное отрицание:

- (6) Если разговор слышал Матвей, то зачем ему сообщать об этом вам — под каким бы то ни было соусом [*под каким-либо, *под всяким*].

Особую проблему составляет контрарное отрицание в составе предикатива, см. пример (7а) (аналогичный примеру (11) из раздела 8.3.2):

- (7) а. Абсолютно недопустимо решение *каких бы то ни было* проблем с помощью террора;
б. Абсолютно никакие проблемы нельзя решить с помощью террора.

В контексте (7а) невозможна замена *бы то ни было* ни на *какой-либо* (поскольку *какой-либо* не передает идеи качественного разнообразия элементов квантифицируемого множества), ни на *всякий*. Так что самая близкая возможность выразить этот смысл без *бы то ни было* — предложение (7б), где отрицание контрадикторное.

Есть слова с отрицательным компонентом в семантике, которые на первый взгляд не лицензируют *бы то ни было*; ср. *скрыть, забыть, нарушить, опровергнуть, отменить*. Однако:

- (8) Ему удалось скрыть *какие бы то ни было* следы своего пребывания на даче; Она начисто забыла *какие бы то ни было* подробности; ликвидированы, удалены, уничтожены, истреблены *какие бы то ни было* свидетельства; пропали, исчезли, иссякли, исчерпались *какие бы то ни было* возможности.

В разделе 8.3.3 мы выявили (опираясь на данные Корпуса) две группы глаголов с отрицательным компонентом, которые лицензируют *бы то ни было* и предсказуемым образом сочетаются или не сочетаются с другими неопределенными местоимениями. Всякое ли слово с отрицательным компонентом в семантическом разложении лицензирует местоимение на *бы то ни было* — этот вопрос остается пока открытым. Я. Г. Тестелец предложил в качестве примера глагол *провалить*:

- (9) *Этот студент провалит *какой бы то ни было* экзамен; надо: *любой* экзамен.

8.3.6. НЕОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Итак, мы выяснили, что местоимения на *бы то ни было* (как и на *-либо*) являются единицами с отрицательной поляризацией. Про единицы такого рода в самых разных языках известно, что они допустимы не только в контексте отрицания, но и в каких-то других контекстах. Это верно и для *какой бы то ни было*. Имеется несколько типов неотрицательных контекстов, допускающих *какой бы то ни было*.

1. Условное предложение и равнозначное ему дееспричастие:

- (1) Если в тело человека проник *какой бы то ни было* [*какой-либо, какой-нибудь, *всякий*] микроб, организм выставляет на защиту всю свою систему иммунитета;
(2) Причем в случае, если возникнут *какие бы то ни было* экономические проблемы, виноват будет Кудрин [*те или иные, какие либо*];
(3) Решая *какую бы то ни было* частную задачу, надо думать о языке в целом [*какую-либо, какую-нибудь, *всякую*].

2. Союзы *прежде чем, перед тем, как*:

- (4) В любой другой науке, даже в физике, прежде чем встанет вопрос о *каком бы то ни было* математическом доказательстве, содержательное утверждение данной науки должно быть представлено в математической форме.
- (5) Перед тем как изложить на бумаге свои воспоминания о *ком бы то ни было*, Репин рассказывал о них нескольким людям.

3. Обособление. В (ба), где *какой бы то ни было* означает ‘любой’, отрицательный компонент в составе глагола *отметать* не оказывает влияния на выбор кванторного оборота — *какой бы то ни было* возможно и в (бб), и объясняется обособлением:

- (6) а. безрелигиозный максимализм, в *какой бы то ни было* форме, отметает проблему воспитания в политике и в социальном строительстве;
 б. безрелигиозный максимализм, в *какой бы то ни было* форме, ведет к деградации общества.

4. Контекст семантически вышестоящей всеобщности [*какой-либо, *всякий*]:

- (7) Я всю косметику с *каким бы то ни было* ароматом убрала.
- (8) Албанские экстремисты стремятся уничтожить всё, что в Косово и Метохии имеет *какие бы то ни было* сербские признаки.
- (9) Это влияет на любые инициативы сдвига в *какую бы то ни было* сторону.
- (10) Так вот, в те страны, где они <террористы>, по *каким бы то ни было* причинам, найдут пристанище, в эти страны они принесут с собой идеологию нетерпимости, насилия [*в те страны* = ‘во все те страны’].
- (11) Конечно, жалею, как и следует жалеть всякого человека, который *почему бы то ни было* гибнет. [Д. В. Григорович. В ожидании паромы (1857)]
- (12) Она лучше, во стократ лучше, когда страдает *чем бы то ни было*: я забываю тогда, что она чиновница, забываю, что она без ума от повести «Фрегат Надежда», — я люблю ее в эти минуты. [А. А. Григорьев. Человек будущего (1845)] [*чем-либо*]

5. Сравнительный оборот:

- (13) принес вреда больше, чем *какой бы то ни было* террорист [**какой-либо, любой*];
- (14) Проведение в жизнь директив является поэтому сейчас более необходимым, чем *когда бы то ни было* [*когда-либо*];
- (15) В любом случае ей с ребенком лучше находиться дома, чем *где бы то ни было*. [Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света] = ‘чем в *любом* другом месте’

6. Целевой оборот [*какой-либо, *всякий*]:

- (16) Чтобы требовать от людей неукоснительного соблюдения *каких бы то ни было* правил, нужно, на самом деле, всего две вещи: создать условия для их выполнения и назначить жесткие санкции за их нарушение.

7. Отрицание дизъюнкции, см. (17а). Контекст без дизъюнкции дает синтаксическое отрицание и отрицательное местоимение, а не местоимение на *бы то ни было*, см. (17б).

(17) а. Там нет ни трудностей, ни *каких бы то ни было* [каких-либо, *всяких] интересных задач.

б. Там нет *никаких* интересных задач.

8. Вопрос [какой-либо; *всякий]:

(18) Задавал ли он тебе *какие бы то ни было* каверзные вопросы?

В Haspelmath 1997 в числе контекстов, лицензирующих negative polarity items, включена конструкция *слишком ... , чтобы*. Этот контекст допускает и *бы то ни было*:

(19) Адам слишком устал, чтобы читать *какую бы то ни было* газету.

Можно думать, в толкование этой конструкции входит отрицание.

Итак, местоимения на *бы то ни было*, как все отрицательно поляризованные единицы, не ограничены одними лишь отрицательными контекстами. В то же время они не употребляются в таких контекстах, типичных для снятой утвердительности, как общий вопрос, будущее время, установки на будущее (просьбы, опасения, пожелания); императив; модальность возможности и необходимости, эпистемическая модальность, сослагательное наклонение, неуверенность, предположительность, нереальность.

Контексты отрицательной полярности в разных языках имеют некоторую общность. Это наталкивает на поиски семантических объяснений этой общности контекстов. Семантический подход к описанию контекстов отрицательной полярности был разработан в рамках формальной семантики (Ladusaw 1980). Контекст определяется через сферу действия семантического оператора. Различается два типа монотонных операторов — «выводящие вверх» (upward-entailing) и «выводящие вниз» (downward-entailing). Отрицание является оператором, выводящим вниз. Утверждается, что, кроме отрицания, отрицательно поляризованные единицы могут появляться в сфере действия других операторов, выводящих вниз.

При нашем подходе это обобщение не дает проникновения в суть обсуждаемых явлений, так что я ограничиваюсь дескриптивной адекватностью — прямым перечнем контекстов отрицательной полярности в русском языке. В разных языках контексты с отрицательной полярностью различны, см. Haspelmath 1997: 37. Ср. отмеченные в начале статьи расхождения в наборе контекстов отрицательной полярности между русским и французским; большие расхождения между русским и испанским найдены в Рожнова 2009. Очевидно, здесь не следует искать абсолютной семантической мотивации.

8.3.7. ПРИМЕРЫ НЕНОРМАТИВНЫХ УПОТРЕБЛЕНИЙ

Местоимения на *бы то ни было* и на *-либо* книжные, трудные и часто употребляются неправильно. Так, фраза (1) неприемлема в современном языке:

(1) Юрий *почему бы то ни было* попадает в Нижний Новгород, где Минин призвал народ к освобождению отечества от поляков. [В. Н. Майков. Романы Вальтера Скотта... (1847)]

Сейчас надо было бы сказать ‘по той или иной причине’, ‘по какой-то причине’, но не ‘по какой-либо причине’. Т. е. причина неизвестна, но референтна, она не находится в сфере действия отрицания или иного оператора, порождающего отрицательную полярность. Другой пример.

- (2) Он был с ней в постоянной переписке и много раз просил у нее позволения приехать к ней за границу, чтобы жить рядом и помогать ей в *чем бы то ни было*. [В. Я. Брюсов. Через пятнадцать лет (1909)]

Вместо *в чем бы то ни было* надо сказать *во всем, в чем можно*; здесь *чтобы* не имеет того значения цели, которое оправдывает *бы то ни было* в примере (16) из раздела 8.3.6.

В (3) вместо *чего бы то ни было* надо сказать *чего-нибудь* (не *чего-либо!*) или просто опустить детерминатив. Побудительная модальность создает контекст снятой утвердительности, достаточный для местоимений на *-нибудь*, но не для местоимений с отрицательной поляризацией:

- (3) *Потратьте эти деньги на модернизацию *чего бы то ни было*. [А. Климов, В. Лукин. Беседа А. Климова с В. Лукиным в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (2003)]

В (4) говорящему, очевидно, была существенна идея разнообразия элементов множества; однако ни отрицания, ни каких-либо других «лицензоров» *бы то ни было* контекст не содержит; нужно сказать *разного рода страхов*:

- (4) *Вместе с тем систематическое исследование *каких бы то ни было* страхов всегда сопряжено с целым рядом трудностей. [«Вопросы психологии», 2004.12.14]

В (5) уместно не *что бы то ни было*, а *что угодно* (по Хаспельмату — местоимение свободного выбора):

- (5) — Но, бог мой, — сказал он, — конечно, я выслушаю, *что бы то ни было*. [А. С. Грин. Блистающий мир (1923)]

В примере (6) уместно не *чем бы то ни было*, а *чем-либо*:

- (6) Она лучше, во стократ лучше, когда страдает *чем бы то ни было*: я забываю тогда, что она чиновница, забываю, что она без ума от повести «Фрегат Надежда», — я люблю ее в эти минуты. [А. А. Григорьев. Человек будущего (1845)]

В (7) нет ни контекста отрицательной полярности, лицензирующего *какой бы то ни было* и *какой-либо*, ни контекста снятой утвердительности, достаточного для местоимений на *-нибудь*. Действия понимаются как референтные неопределенные, и лучше всего употребить *какой-то* или *тот или иной*:

- (7) ⟨не должно быть⟩ подозрений, что судью привлекают только потому, что он высказал свое критическое отношение к **каким бы то ни было* действиям самой государственной власти. [«Отечественные записки», 2003]

Итак, местоимения на *бы то ни было* охватывают зону, покрываемую, с одной стороны, местоимениями на *-либо*, а с другой — местоимениями *всякий, любой, все и никакой*. Так что местоимения на *бы то ни было* сочетают значение общности

и существования: в контексте отрицания, в силу подвижности его сферы действия, это различие в каком-то смысле нейтрализуется.

Примеры (8)—(12) показывают, что в сравнительной конструкции в русском языке возможны все местоимения, кроме местоимений на *ни-*.

- (8) Это было гораздо интереснее, чем *всякие* непонятные вещи. [А. В. Драбкина. Волшебные яблоки (1975)]
- (9) Сын, он описан мною в очерке «Артист лопаты», был хуже, чем *всякий* блатарь. [Варлам Шаламов. О Колыме (1970—979)] = *хуже всякого* блатаря
- (10) Мне досталось больше, чем *кому-либо*: книжки мои были вычеркнуты из планов издательств. [Аркадий Мильчин. В лаборатории редактора Лидии Чуковской // «Октябрь», № 8, 2001]
- (11) Он сумел это сделать быстрее, чем *кто-либо* ожидал. [Даниил Гранин. Зубр (1987)]
- (12) Картошка — более русский продукт, чем *какая-нибудь* сосиска в тесте. [«Бизнес-журнал», 2004.01.30]

Анализ местоимений на *бы то ни было* подтверждает тезис из Татевосов 2002 о том, что отдельная семантическая карта для экзистенциальных местоимений представляет в искаженном свете семантические отношения в сфере кванторных значений. В Татевосов 2002 этот вывод сделан на примере слова *любой*. Но тот же вывод может быть сделан на примере местоимений на *бы то ни было*, которые тоже выражают как универсальные, так и экзистенциальные значения.

Концептуальный аппарат, использованный в нашем анализе, не выходит за пределы операторов, предусмотренных классической математической логикой. В Haspelmath 1997 доказывается типологическая обоснованность особого типа местоимений — *free choice*. Однако в прототипических контекстах свободного выбора (таких как *Можешь взять любое яблоко*) местоимение на *бы то ни было* не употребляется, а возникает только в контекстах, где, по словам М. Хаспельмата (Haspelmath 1997: 93), *any* свободного выбора и *any* отрицательной поляризации неразличимы, например: *Bob is unlikely to kick anyone* ‘маловероятно, чтобы Боб кого бы то ни было ударил’. В свете нашего анализа это *бы то ни было* с отрицательной поляризацией в контексте отрицания в вышестоящей предикации.

8.4. ИДИОМАТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИМЕННЫЕ ГРУППЫ

В сочетании с некоторым классом прилагательных и наречий частица *не* имеет идиоматическое значение — не чистое отрицание, а «противоположность с оттенком умеренности» (Апресян 1974: 292—294; Богуславский 1985: 25): *небольшой, немалый, неплохой, немного, нередко, не близко, не слабо, не слишком*.

Сюда же относятся *не жажду, не в восторге* в значении ‘не особенно хочу’, ‘не слишком нравится’ (Апресян 2006: 139) и клишированные *understatements* (литоты): *не порадовал ≈ огорчил, не завидую ≈ сочувствую*. А *не сомневаюсь* и *уверен* почти синонимы, см. Экскурс 1 к главе 5.

Отрицание может нестандартным образом влиять на значение глагола. Так, *не* при глаголе *хотеть* в сочетании с глаголами *знать*, *думать*, *верить* может придавать глаголу *хотеть* (и тем более *желать*) усилительное значение неприятия (Апресян 2006: 138; см. о том, что контрарное отрицание свойственно предикатам со значением чувства, в Богуславский 1985: 35):

(1) *Не хочу* знать, кто и зачем его сюда привел.

Идиоматическим можно считать отрицание в примере (2), см. Апресян 2006: 141, который естественно интерпретировать не как смещение, т. е. не в синтаксическом смысле, как подъем отрицания (см. раздел 8.5), а скорее как «возможность спуска»:

(2) Я не привык разговаривать в таком тоне ≈ Я привык разговаривать не в таком тоне.

Отрицание в контекстах типа (3) тоже трактовалось как идиоматическое (Есперсен 1958; Апресян 1974: 81—82). В самом деле, вместо предполагаемого смысла (4), предложение (3) имеет смысл (5):

(3) Мешок *не весит* 50 кг.

(4) НЕ (мешок весит 50 кг).

(5) Мешок весит меньше 50 кг.

Почему ‘меньше’, а не ‘меньше или больше’, которое было бы стандартным отрицанием для ‘вес мешка равен 50 кг’? Однако в Богуславский 1985: 27 идиоматичность отвергается — показано, что предложение (3) является отрицанием не предложения (6), с нормальным фразовым акцентом на конечной именной группе, а предложения (7), с ударением на глаголе:

(6) Мешок весит 50 кг↘.

(7) Мешок весит↘ 50 кг.

Отрицанием (6) было бы *Мешок весит не 50↘ кг*. А предложение (7) означает ‘мешок весит 50 кг или больше’, и его отрицание, естественным образом, означает ‘мешок весит меньше 50 кг’. Так что интерпретация (4) предложения (3) вполне композиционна — она порождается регулярными правилами, учитывающими фразовый акцент. Остается, правда, вопрос, почему сдвиг фразового акцента с обстоятельства на глагол сопровождается в этом контексте таким изменением значения утвердительного предложения; но он касается семантики коммуникативной структуры, а не отрицания.

8.5. Глаголы, допускающие «подъем отрицания» — NEG-RAISING

Существует квазисинонимическое соотношение между отрицательными предложениями разной синтаксической структуры, см. Klima 1964; Падучева 1974: 146; Horn 1989: 308—330 и др. Это соотношение описывается метафорой «**подъема**» **отрицания** (Neg-raising, Neg-transportation) из подчиненной (зависимой) клаузы в подчиняющую (главную). (Отличие «подъема» отрицания от смещения отрицания, рассмотренного в разделах 5.5, 5.6, состоит в том, что смещение происходит в пределах одной клаузы.)

См. пример (1).

- (1) а. Я думаю, что он это сделает;
 б. Я думаю, что он этого *не сделает*;
 в. Я *не думаю*, что он это сделает =
 (i) ‘не (я думаю, что он это сделает)’;
 (ii) ‘я думаю, что не (он это делает)’.

Предложение (1б) однозначно. А предложению (1в) может быть приписана двоякая деривационная история: оно может пониматься как общеотрицательное предложение, соответствующее предложению (1а), интерпретация (i), и как результат «синтаксического» подъема отрицания в предложении (1б), интерпретация (ii). При этом интерпретации (i) и (ii) трудноразличимы.

Смещенное отрицание — это синтаксическая конструкция. А подъем отрицания — это явление из области лексической семантики: квазисинонимия возникает при небольшом числе предикатов, причем в разных языках разных. При русском слове *должен* предикатное отрицание понимается практически только как результат «подъема», см. (2); ближайшим по смыслу общеотрицательным предложением для *Ты должен оглянуться* будет (2б):

- (2) а. Ты *не должен* оглядываться = ‘ты должен не оглядываться’;
 б. Тебе *не обязательно* оглядываться.

См. об этом подробнее в Иорданская 1985, где, в частности, приводится пример квазисинонимии:

- (3) Врач *не советует* Тане менять климат = Врач *советует* Тане *не менять* климат.

Слова, которые являются переводными эквивалентами друг друга в разных языках, могут различаться возможностью и обязательностью подъема отрицания. Так, в русском языке *не велит* значит только ‘требует, чтобы не’, но не ‘не требует’, как, например, английское *demand*.

Обычно квазисинонимия при подъеме отрицания требует снятой утвердительности (т. е. неохарактеризованности по параметру истинность /ложность) в подчиненной предикации. Напротив, предикаты, которые имеют фактивную презумпцию, т. е. презумпцию истинности относительно своего пропозиционального дополнения, категорически не допускают подъема отрицания. Так, предложения (4а) и (4б) с предикатом *жаль*, который является фактивным (т. е. подчиняет пропозицию с презумптивным статусом: *жаль /не жаль, что он уехал* ⊃ ‘он уехал’), не только не синонимичны, но имеют противоположный смысл:

- (4) а. Мне *жаль*, что он *не* зашел;
 б. Мне *не жаль*, что он зашел.

Глаголы *бояться* и *надеяться* не являются фактивными; однако они также несут презумпцию относительно подчиненного актанта — презумпцию желательности события в случае *надеяться* (*я надеюсь /не надеюсь, что он уедет* ⊃ ‘я хочу, чтобы он уехал’) и нежелательности в случае *бояться* (*я боюсь /не боюсь, что он уедет* ⊃ ‘я не хочу, чтобы он уехал’). Поэтому они совершенно законно не допус-

кают подъема отрицания; так, предложения (5а) и (5б) не равны по смыслу — так же, как (4а) и (4б):

- (5) а. Я *надеюсь*, что он *не* уедет;
 б. Я *не надеюсь*, что он уедет.

Семантические условия, обеспечивающие возможность подъема отрицания, изучены не до конца, см. Horn 1989: 308.

8.6. Частицы-двойственники

8.6.1. Двойственность

Двойственными называют слова, которые заменяют одно другое при тех или иных преобразованиях предложения, см. Падучева 2000. Так, слова *справа* и *слева* будут двойственными в высказываниях, отражающих разные позиции наблюдателя в одной и той же ситуации. Разные преобразования могут порождать разные пары «двойственников». Нас будет интересовать двойственность по отношению к преобразованиям, связанным с отрицанием, а именно:

а) двойственность по отношению к переходу от данного предложения к соответствующему общеотрицательному, см. главу 5;

б) двойственность по отношению к изменению сферы действия отрицания: в частности, при подъеме отрицания, см. раздел 8.5.

Несколько пар адвербиалов, двойственных по отношению к преобразованиям, касающимся отрицания:

- а. *уже* и *еще*;
 б. *еще раз* и *больше* (<*не*>;
 в. *тоже* и *в отличие от*;
 г. *снова* и *на этот раз*.

Рассмотрим отношение двойственности на примере частиц *уже* и *еще*, см. Paduceva 2007. Замена на двойственника происходит при переводе предикативного отрицания в отрицательную частицу и просто при переходе от утвердительного предложения к прагматически соответствующему общеотрицательному:

- (1) НЕВЕРНО, что (мосты *уже* сняли) = Мосты *еще* не сняли.

Как можно объяснить это явление? Слегка огрубляя картину, можно сказать, что частицы *еще* и *уже*, в одном из употреблений, описывают состояние ожидания:

- (2) а. Ребенок *уже* спит ≈
 ‘ребенок спит’ [ассерция] & ‘ребенок должен спать’ [презумпция];
 б. Ребенок *еще* спит ≈
 ‘ребенок спит’ [ассерция] & ‘ребенок должен не спать’ [презумпция].

Поведение этих частиц под отрицанием определяется двумя обстоятельствами.

Во-первых, значение данных частиц составляет в семантическом представлении предложения презумпцию, а отрицание в общеотрицательном предложении присо-

единяется к слову, которое выражает ассерцию. Так что эти слова не могут присоединять отрицание³.

Во-вторых, презумпция, выражающая значение частиц *еще* и *уже*, — это пропозиция, которая имеет своим аргументом синтаксически главную пропозицию предложения, обычно — глагольную. Поэтому если присоединить отрицание к глаголу, то презумпция, которая строится на основе пропозиции, тоже изменится на противоположную.

В принципе, прагматически нормальным отрицанием предложения будет предложение, которое отрицает его ассерцию и сохраняет пресуппозицию. Поэтому в данном случае (т. е. в случае предложения с частицами *еще* или *уже*), присоединив к глаголу отрицание, надо заменить одну частицу на другую, поскольку они, так сказать, антонимичны. Пример:

- (3) а. НЕВЕРНО, что (ребенок *уже* спит) =
 ‘ребенок не спит’ & ‘ожидалось, что) ребенок должен был спать’
 = Ребенок *еще не* спит;
 б. НЕВЕРНО, что (ребенок *еще* спит) =
 ‘ребенок не спит’ & ‘ожидалось, что) должен не спать’ = Ребенок *уже не* спит.

Итак, мы объяснили, почему при построении общеотрицательного предложения с частицами *уже* и *еще* нужно, присоединив отрицание к глаголу, частицу заменить на двойственную.

Пример (4) показывает, что замена частицы *уже* на двойственную нужна и при подъеме (и, соответственно, «спуске») отрицания.

- (4) Не думаю, что мосты *уже* сняли ≈ Думаю, что мосты *еще* не сняли.
 В самом деле, *уже* несет презумпцию долженствования (ожидания); поэтому:
 (4') Не думаю, чтобы мосты *уже* сняли =
 ‘думаю, что мосты не сняли & должны снять’ = Думаю, что мосты *еще* не сняли.

Для сочетания *еще раз* двойственным будет *больше (не)*:

- (5) НЕВЕРНО, что (эту передачу повторили *еще раз*) = Эту передачу *больше не* повторяли.
 (5') Не думаю, что эту передачу повторили *еще раз* ≈ Думаю, что эту передачу *больше не* повторяли.

Для частицы *тоже* двойственным будет выражение *в отличие от*. Пример:

- (6) Ваня *тоже* понял ≈ ‘Ваня понял’ [ассерция] & ‘другие поняли’ [презумпция].

Значение *тоже* представляет собой презумпцию, которая строится на базе ассерции с подчиняющим глаголом; при отрицании предложения с *тоже* и при подъеме отрицания надо заменить *тоже* на антонимичное двойственное выражение:

- (6') НЕВЕРНО, что (Ваня *тоже* понял) = Ваня, *в отличие от других*, не понял.
 (6'') Не думаю, что Ваня *тоже* понял ≈ Думаю, что Ваня, *в отличие от других*, не понял.

³ В отличие, например, от частицы *только*, которая сама ассертивна, присоединяет отрицание и делает пресуппозицией предикативный остаток предложения, см. раздел 4.4.

Наречие *снова* ведет себя аналогично, но не тождественно. Если смысл *еще*, *уже* и *тоже* является пресуппозицией, которая должна остаться неизменной при отрицании, то семантика у *снова* ассертивная. Частица *снова* порождает в семантике своего предложения ассерцию, уводя в пресуппозицию глагольный компонент:

- (7) Он *снова* выиграл ≈
 ‘он раньше выигрывал’ [презумпция] & ‘он на этот раз выиграл’ [ассерция].

Отрицание предложения с наречием *снова* осложняется тем, что *снова*, будучи ассертивным, по неизвестным нам причинам не может присоединять отрицательную частицу (это отличает *снова*, например, от *только*). Построить общеотрицательное предложение, однако, можно. Для этого достаточно *снова* заменить на двойственника — каковым для *снова* является *на этот раз*:

- (7') НЕВЕРНО, что (он *снова* выиграл) =
 ‘он раньше выигрывал, но на этот раз не выиграл’ = *На этот раз* он не выиграл.
 (7'') Не думаю, что он *снова* выиграл ≈ Думаю, что *на этот раз* он не выиграл.

В самом деле, если заменить *снова* на *на этот раз*, презумпция ‘он раньше выигрывал’ остается таковой и под отрицанием. Так что предложения *Он снова выиграл* и *На этот раз он не выиграл* связаны как утверждение и отрицание. Тем самым мы убеждаемся в том, что *на этот раз* является двойственником для *снова*.

Значение *снова* в отрицательном контексте заслуживает, однако, комментария. Дело в том, что *уже*, *еще* и *тоже* занимают всегда одну и ту же позицию в тема-рема-тической структуре предложения и, соответственно, предложения с этими частицами имеют одно отрицание. Между тем *снова* может занимать разные позиции — и, соответственно, отрицание при глаголе будет иметь разные сферы действия.

Так, предложения (8а) и (8б) имеют разный смысл — в (8а) предикатное отрицание входит в сферу действия адвербиала, а (8б) понимается с глобальным отрицанием:

- (8) а. Хорошо бы он *снова* не выиграл = ‘в прошлый раз он не выиграл; хорошо бы он и *на этот раз не выиграл*’ [= ‘хорошо бы вышло так, что он *снова* не выиграл’]: узкая сфера действия отрицания — отрицание входит в сферу действия адвербиала];
 б. Хорошо бы он не выиграл *снова* = ‘в прошлый раз он выиграл; хорошо бы он *на этот раз не выиграл*’ [= ‘хорошо бы не вышло так, что он *снова* выиграл’]: глобальное отрицание, т. е. широкая сфера действия].

Второе понимание, с глобальным отрицанием, как в (8б), обычно требует контекстной поддержки; так, в песне Окуджавы *чтоб ошибившись раз, не ошибиться снова* презумпция — ‘в прошлый раз ошиблись’ — выражена эксплицитно.

Двойственник *на этот раз* позволяет выразить глобальную интерпретацию отрицания более однозначно. Предложение (8в) однозначно понимается с широкой сферой действия (т. е. соответствует интерпретации (8б)):

- (8) в. Хорошо бы *на этот раз* он не выиграл = ‘в прошлый раз он выиграл; хорошо бы он *на этот раз не выиграл*’ [глобальное отрицание глагольно-адвербиального сочетания *снова выиграл*].

Отметим, что глобальность отрицания в (8в) достигается за счет того, что семантический компонент ‘в прошлый раз выиграл’ загоняется в презумпцию — отчасти с помощью линейно-акцентной структуры. В принципе, русский язык (в отличие, например, от английского) не любит глобального понимания отрицания, стоящего при глаголе. Рассмотренные примеры подтверждают вывод раздела 5.4, что глобальное понимание отрицания возникает, в основном, в контексте снятой утвердительности.

Приведенными примерами не исчерпывается набор двойственников, которые обслуживают важную операцию построения для данного предложения «прагматически адекватного» общеотрицательного. Например, есть еще пара *хотя бы* (в значении минимального элемента на шкале, см. Апресян В. 2000) — *даже*:

- (9) — Прочти *хотя бы* предисловие! — Не прочту *даже* предисловия.
 (10) — Надеюсь, он *хотя бы* улыбнется. — Я думаю, он *даже* не улыбнется.
 (11) Он *даже* не поздоровался = НЕ (Он *хотя бы* поздоровался) [презумпция: ‘это мало’].

Для перехода от вопроса к ответу нужен другой двойственник; *хотя бы*, которое употреблено в вопросе, в утвердительном ответе заменяется на *по крайней мере*:

- (12) а. Он нашел *хотя бы* (*по крайней мере) двух желающих?
 б. Он нашел *по крайней мере* (*хотя бы) двух желающих.

Пример ошибочного употребления *хотя бы* (в СМИ): *Ее преимущества не хватило хотя бы на одни выборы.*

8.6.2. Двойственность и глобальное отрицание

Вся проблематика глобального отрицания (см. раздел 4.6) навеяна замечательной статьей Богуславский 2002, где разбирается слово *уже* в следующем отрывке из пушкинского «Медного всадника»:

- (1) Он также думал, что погода
 Не унималась; что река
 Все прибывала; что едва ли
 С Невы мостов *уже* не сняли
 И что с Парашей будет он
 Дни на два — на три разлучен.

Выделенное (мною. — Е. П.) курсивом *уже* действительно останавливает внимание: так, конечно, сказать можно, но сейчас проще было бы выразить тот же смысл, сказав не *уже не сняли*, а *еще не сняли*. Синонимия *еще* и *уже* в этом отрывке является следствием двух языковых явлений, о которых шла речь. Одно явление — двойственность, другое — снятая утвердительность и глобальное отрицание, см. раздел 4.6.

Почему противоположные по значению частицы *еще* и *уже* оказываются у Пушкина синонимичными? Рассмотрим более простой пример:

- (2) а. Разве мосты *еще* не сняли?
 б. Разве мосты *уже* не сняли?

Как мы знаем, *разве* создает контекст снятой утвердительности; и потому в предложении (2б) отрицание может быть понято как глобальное, т. е. имеющее широкую сферу действия — отрицание включает в свою СД частицу:

- (2б) Разве мосты *уже* не сняли = ‘Разве не верно, что мосты *уже* сняли’
[*уже* входит в сферу действия отрицания].

Если в (2б) заменить адвербиал на двойственный (т. е. *уже* на *еще*), мы получим предложение (2а), в котором отрицание понимается как имеющее узкую сферу действия; однако (2а) синонимично (2б):

- (2а) Разве мосты *еще* не сняли = ‘Разве верно, что мосты *еще* не сняли’ = ‘Разве еще верно, что мосты не сняли’ [отрицание находится в сфере действия *еще*].

Так что *уже* в отрывке из Пушкина синонимично *еще*, потому что *едва ли* создает ему контекст снятой утвердительности.

В Богуславский 2002 рассматривается, помимо контекста *разве*, еще несколько контекстов, где допустимо как обычное, так и глобальное понимание отрицания, так что *не (уже P)* значит то же, что *еще (не P)*.

- Контекст некатегоричного двойного отрицания:

- (3) Трудно себе представить, чтобы к 10 часам вечера они *еще /уже* не выпили все шампанское =
(i) еще (не выпили) [предикатное отрицание] =
‘ожидалось, что выпьют’ [презумпция] & ‘не выпили’ [ассерция];
(ii) не (уже выпили) [глобальное отрицание] =
‘ожидалось, что выпьют’ [презумпция] & ‘не выпили’ [ассерция].

На самом деле, для глобального понимания отрицания достаточно одного *чтобы*:

- (4) Проследи, чтобы они к 10 часам вечера *еще /уже* не выпили все шампанское.

Контекст *трудно себе представить* тоже лицензирует глобальное понимание отрицания — как и разные другие отрицания в подчиняющем предложении (примеры из Богуславский 2002):

- (5) Я не уверен, что она *уже не* разболтала.
(6) В медицине не существует метода лечения, который бы *уже не* был нами испробован.

• Контекст *если только* тоже допускает глобальную интерпретацию отрицания — *не* как бы «приклеивается» к *если только* и получает ту же сферу действия, что союз (ср. ‘не’, приклеенное к ‘если только’ в англ. unless):

- (7) если только мосты *еще /уже* не сняли =
(i) если только мосты *еще* не сняли = еще (не сняли) [предикатное отрицание];
(ii) если только мосты *уже* не сняли = не (уже сняли) [глобальное отрицание].

Глобальная интерпретация отрицания возможна также в контексте *если бы*, так что *если бы уже не* понимается как ‘если бы не уже’:

- (8) я бы даже не сразу узнала Тусю, если бы *уже не* видела ее раньше на этой кровати. [Л. К. Чуковская. Памяти Тамары Григорьевны Габбе (1944—1960) // «Знамя», 2001]

На самом деле, глобальная интерпретация отрицания в контексте *уже не* возможна почти во всех контекстах снятой утвердительности. Иногда только она и возможна:

(9) Как бы он *уже не* потратил все деньги!

Итак, частицы *еще* и *уже* ведут себя в контексте снятой утвердительности так же, как обычные адвербиалы, т. е. допускают как широкую, так и узкую сферу действия отрицания (см. об этих сферах действия подробнее в разделе 5.4):

- (10) а. Хорошо бы он *не надел второпях* мою шляпу
[глобальное отрицание, т. е. широкая сфера действия отрицания: ‘я боюсь, что он будет торопиться и наденет’];
б. Хорошо бы он *второпях не надел* свою шляпу
[предикатное отрицание в сфере действия адвербиала, т. е. узкая сфера действия отрицания: ‘я надеюсь, что, поскольку он будет торопиться, он не наденет’].

Отчетливо различны широкая и узкая сфера действия предикатного отрицания в контексте наречия *снова*. См. примеры из Национального корпуса русского языка. В (11) отрицание в составе глагольно-адвербиального комплекса имеет узкую сферу действия, в (12)—(14), в контексте снятой утвердительности, — широкую; слова, порождающие контекст снятой утвердительности, подчеркнуты.

- (11) На следующий день он мне *снова* не позвонил. [Форум на eva.ru, 2005]
(12) Однако его не покидала тревога — как бы легкомысленный зять не набедокурил *снова*. [Рубин Евгений. Пан или пропал. Жизнеописание (1999—2000)]
(13) Если после столкновения футболист через секунду не вскочил и *снова* не бросился в бой — значит, у него действительно очень серьезная травма. [«64 — Шахматное обозрение», 2004]
(14) Мы уже не стали продолжать, чтобы *снова* не прозвучало то, что прозвучало. [Телевизионная дискуссия о конфликте между Ф. Киркоровым и И. Ароян в программе «Основной инстинкт», Первый канал // (2004.06.25)]

Итак, снятая утвердительность объясняет синонимию *уже* и *еще*: *еще* соответствует узкой сфере действия отрицания, а *уже* — широкой, которая возможна только в контексте снятой утвердительности; в примере (2) этот контекст порождается словом *разве*, у Пушкина — словом *едва ли*.

Остается, однако, еще одна загадка. Почему Пушкин выбрал вариант с *уже* — при том, что вариант с *еще* воспринимается, по крайней мере с современной точки зрения, как более гладкий? Ведь, как мы знаем, глобальных интерпретаций отрицания русский язык скорее избегает.

Можно думать, за эту фразу Пушкина несет ответственность еще одна пара адвербиалов-двойственников — *едва ли не* и *скорее всего*. Дело в том, что сочетание *едва ли уже не сняли* выражает смысл ‘скорее всего, уже сняли’. Национальный корпус дает представительный набор примеров, где оборот *едва ли уже не* употребляется как understatement для ‘скорее всего уже’, ‘наверно уже’. Несколько примеров с *едва ли уже не* (большая часть относится к XIX веку):

- (15) Работа идет у меня очень хорошо, и *едва ли уже не* целая половина действия оркестрована. [П. И. Чайковский (1883)]
(16) может случиться и *едва ли уже не* случилось, что ... [Ф. Ф. Беллинсгаузен (1831)]

- (17) для наших печерских рудников, открытых еще в 1491 году, но *едва ли уже не* бесполезных, за неимением людей искусных в горном деле. [Н. М. Карамзин (1821—1823)]

В таком случае глобальное понимание отрицания в *едва ли... уже не* у Пушкина обусловлено не просто контекстом снятой утвердительности, а специальной конструкцией, которая в современном языке перестала быть употребительной.

Понятие двойственности — это пережиток синтаксического подхода к семантике, основанного на синтаксических трансформациях и взаимозаменяемости. А какова семантическая основа двойственности?

Двойственники возникают на базе адвербиалов, значением которых является пресуппозиция (или которые, как *снова*, не могут присоединять к себе отрицание). В семантической структуре адвербиал имеет аргументом предикацию с финитным глаголом. Так что пресуппозиция строится на основе того глагола, при котором стоит адвербиал. Если глагол положительный, то и пресуппозиция положительная. Но если к глаголу присоединить отрицание, то пресуппозиция, порождаемая адвербиалом, станет отрицательной. Т. е. присоединение отрицания к глаголу будет отрицать не только глагольную пропозицию, но и пресуппозицию, выражаемую адвербиалом. Между тем пресуппозиция должна при отрицании остаться неизменной, и для этого адвербиал надо заменить на антоним.

8.6.3. Двойственность и смежные явления

Отношение типа двойничества может иметь место между союзами.

Пример 1: *поскольку* и *хотя*. Отрицанием для предложения (1а) будет (1б), а не (2), которое получается присоединением отрицания к финитному глаголу в (1а):

- (1) а. *Поскольку* погода была хорошая, он пошел гулять;
 б. *Хотя* погода была хорошая, он не пошел гулять.
 (2) *Поскольку* погода была хорошая, он не пошел гулять.

Почему? Дело в том, что в (1а) содержится не только частное утверждение о причинной (т. е. каузальной) связи между двумя конкретными событиями: «хорошая погода» и «выход на прогулку» (ассерция), но и общее суждение об условной связи между хорошей погодой и гулянием: «Обычно, если погода хорошая, гуляют» (презумпция). Предложение (1б), отрицая ассерцию исходного, сохраняет общую презумпцию о наличии связи между хорошей погодой и гулянием, а в (2) предикатное отрицание отрицает причинную связь, т. е. ассерцию предложения (1а), но презумпцию предложения (1а) заменяет на противоположную. Поэтому (2) не является стандартным отрицанием (1а) — отрицанием, сохраняющим презумпцию.

Пример 2: *если* и *даже если*. Отрицанием для (3а) будет (3б), а не (4):

- (3) а. *Если* позовет, приду;
 б. *Даже если* позовет, не приду.
 (4) *Если* позовет, не приду.

Дело в том, что *если* фактически понимается обычно как ‘если и только если’, т. е. с приращением ‘а если нет, то нет’, см. Падучева 1985: 44. Эта импликатура выражается частицей *даже* в (3б), а в (4) утрачивается.

8.7. ОТРИЦАНИЕ С НЕСТАНДАРТНОЙ СФЕРОЙ ДЕЙСТВИЯ

Как было убедительно продемонстрировано в Богуславский 1996: 116, взаимодействие отрицания с его сферой действия не всегда может быть описано на синтаксическом уровне. Так, пример (1) показывает, что в отрицательном предложении с узуальным значением несов. вида отрицание входит в сферу действия оператора узуальности, который описывает аспектуальную семантику глагола. Т. е. предложение понимается с интерпретацией (i), а не (ii):

- (1) Коля *не опаздывает* на лекции =
 (i) узуально (не (Коля опоздал на лекцию));
 (ii) не (узуально (Коля опоздал на лекцию)).

Это удивительный факт, поскольку в других случаях глагольная пропозиция входит в сферу действия отрицания вместе со своим аспектуальным значением.

Узуальность играет роль в примере из Богуславский 1985: 57, где речь идет о частицах *почти* и *практически*, которые могут иметь в контексте *не* при глаголе особое значение: если *P* означает повторяющуюся ситуацию, то *почти /практически не-P* означает ‘почти всегда не-P’, т. е. ‘обычно не-P’ (а не ‘недалеко от P’):

- (2) В таких партиях он *почти /практически* не проигрывает.

Частица *не* имеет более широкую сферу действия, чем внутрисловное отрицание: *не проигрывает* в контексте *почти /практически* нельзя заменить на близкое по смыслу *выигрывает*. Дело в том, что это особое значение возникает у *почти /практически* в контексте *не*-частицы, но не в контексте внутрисловного отрицания. Так что *почти* в контексте *почти выигрывает* можно понять только как ‘недалек от выигрыша’, но не как ‘обычно не проигрывает’.

Глава 9

ОТРИЦАНИЕ И МАЛЫЙ СИНТАКСИС

9.1. ПРОТИВОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ

Противопоставительное отрицание выражается конструкцией *не ... а*. Поведение частицы *не* в составе этой конструкции исследовано в Богуславский 1985: 129—137. Оно существенно отличается от поведения обычного контрадикторного отрицания. Известны, в частности, следующие особенности противопоставительного отрицания.

- **воздействие на презумпцию**

В контексте конструкции *не ... а* презумпция теряет свой статус неотрицаемости:

- (1) Передо мной появился *не холостяк*, а молоденькая девушка [в семантике слова холостяк компонент ‘мужчина’ — презумпция].

- **воздействие на другие неассертивные компоненты**

- (2) Иван *не прилетел* на свадьбу дочери, а приехал на поезде [обычно *не прилетел* $\supset$ ‘не прибыл’].

- **разрушение идиоматических сочетаний**

- (3) Я *не сомневаюсь*, а просто хочу иметь полную информацию [обычно *не сомневаюсь* $\approx$ ‘уверен’].

- **отмена морфологических ограничений сочетаемости**

Глагол несовершенного вида в контексте отрицания осмысливается обычно не в актуально-длительном, а в общефактическом значении, см. раздел 7.1. Между тем в составе конструкции *не ... а* это ограничение снимается, ср. (4а) и (4б):

- (4) а. *Когда ты вошел, я *не обедал*;
б. Когда ты вошел, я *не обедал*, а читал газету.

Понимание глагола с отрицанием в актуально-длительном значении затруднено также в контексте некоторых обстоятельств, см. Богуславский 1985: 68. В составе конструкции *не ... а* это ограничение снимается:

- (5) а. Он сейчас *не спит на диване* [только узуальное значение несовершенного вида: ‘обычно спит’];
б. Он сейчас *не спит на диване*, а сидит за компьютером.

Обязательность генитива объекта (см. раздел 6.2) при отрицании у глагола *иметь* (как и ряда других) отменяется, если отрицание противопоставительное:

- (6) а. *Это сочетание *не имеет смысл*;
б. Это сочетание *не имеет смысл*, а приобретает его в определенном контексте.

Конструкция с генитивом субъекта невозможна, если отрицание противопоставительное; так, в (7а) обычное отрицание, и конструкция с генитивным субъектом возможна и даже предпочтительна; а в контексте противопоставления возможен только номинатив:

- (7) а. В этих условиях *кристаллов* не образуется;
 б. В этих условиях *кристаллы* не образуются, а разрушаются.

• **воздействие на поведение частиц**

Частица *почти* не имеет обычного отрицания, но имеет противопоставительное. Значение частицы *почти* членится на презумпцию и ассерцию:

- (8) Он *почти* закончил диссертацию =
 ‘не сделал всё’ [презумпция] & ‘осталось немного’ [ассерция].

Однако *почти*, в отличие от *только*, см. раздел 4.3, не допускает стандартного отрицания — фраза (9), которая отрицает ассерцию, требует мощного контекста:

- (9) — Иван почти закончил диссертацию. — Да нет, не почти. <Ему еще много осталось>.

Презумпция в семантике *почти* не может быть доказана тестом на отрицание. Но носитель ассерции подвергается гипотаксической проекции (см. Падучева 2011а):

- (10) а. Иван *почти* закончил диссертацию [говорящий считает, что осталось немного];
 б. Иван считает, что он *почти* закончил диссертацию [Иван считает, что осталось немного].

В то же время *почти* допускает противопоставительное отрицание, которое отрицает презумпцию. Так, в (11), (12) презумпция отрицается, и ассерция тем самым лишается смысла:

- (11) Так думают почти все люди, может, даже и *не почти*, а все без исключения люди. [Л. И. Шестов. На весах Иова (1929)]
 (12) Так я жил для других, и *не почти*, а совсем погубил свою жизнь. [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том второй (1867—1869)]

Противопоставительное отрицание обладает и другими разрушительными свойствами, см. об этом подробно в Богуславский 1985.

9.2. ОТРИЦАНИЕ В ВОПРОСИТЕЛЬНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Отрицание в составе вопросительного предложения часто лишает его иллюкутивной функции вопроса и сообщает какую-то иную, см. Булыгина, Шмелев 1997: 261, 283—298. Так, в контексте вопроса (1а) утвердительная реакция (1б) неадекватна, да и отрицательная (1в) не лучше:

- (1) а. Вы не могли бы сказать, который час?
 б. Мог бы.
 в. Нет, не мог бы.

Дело в том, что (1а) — это не вопрос, а просьба, и адекватной реакцией на нее было бы не *Да-Нет*-ответ на главную клаузу предложения, а ответ на частный вопрос, заключенный в придаточной. Отрицательная реакция (1в) неадекватна потому, что отказ выполнить просьбу, в принципе, предполагает мотивировку.

О том, что вопросительное предложение может выражать косвенный речевой акт просьбы, есть известная статья Searle 1975. В Булыгина, Шмелев 1997 обращается внимание на то, что в русском языке этот косвенный речевой акт чаще всего выражается отрицательным вопросительным предложением. Так, (2а) неоднозначно, это может быть и вопрос; а (2б) — почти однозначная просьба. Аналогично в примере (3) (из Булыгина, Шмелев 1997: 287).

- (2) а. *Есть ли у вас англо-русский словарь?*
 б. *Нет ли у вас англо-русского словаря?*
 (3) а. *А вы ноктюРН сыграть могли бы?*
 б. *А вы не могли бы сыграть ноктюРН?*

Однако (4) — это однозначно вопрос, а не просьба:

- (4) *Нет ли у вас в чём-нибудь недостатка?* [И. Грекова. На испытаниях (1967)]

В (5) интерпретацию просьбы поддерживает контекст:

- (5) *У меня немного кружится голова, нет ли у вас воды?* [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 3 (1943—1958)]

Есть разные разновидности побудительных речевых актов, и отрицательно-вопросительная конструкция может иметь разные интерпретации. Формула *вы не могли бы* уместна в речевом акте предложения, см. (6), но, как отмечается в Булыгина, Шмелев 1997, не уощения, см. (7).

- (6) *У меня есть к вам предложение — вы не могли бы принять участие в премьерe фортепианного квинтета Альфреда Шнитке и затем записать это произведение?* [Юрий Башмет. Вокзал мечты (2003)]
 (7) *Вы не могли бы попробовать торт?*

Отрицательно-вопросительная форма побуждения, столь характерная для русского языка, типологически не так уж широко распространена. Так, английскому языку она не свойственна. Знаменитый пример из Searle 1975, с которого началось изучение косвенных речевых актов, *Вы не могли бы передать мне соль?*, в английском оригинале не содержит отрицания: *Can you pass the salt?* В Есперсен 1958: 374—375 отмечается, что *Won't you pass me the salt?* «звучало бы грубо, так как предполагало бы нежелание со стороны того, к кому это предположение обращено». По свидетельству Есперсена, есть разница между датским языком, которому свойственна отрицательно-вопросительная форма побуждения, и голландским, который ее, скорее, не имеет.

Можно было бы пытаться уловить семантическую мотивировку для этой отрицательной конструкции, поскольку отрицательная и неотрицательная форма не полностью синонимичны, особенно в модальном контексте. Ср.:

- (8) а. *Вы не хотите* закусить? б. *Вы хотите* закусить?
 (9) а. *Вы не хотите* посмотреть мои картины?
 б. *Вы хотите* посмотреть мои картины?

Кажется, что в (8) неотрицательная форма вопроса более уместна, чем в (9), поскольку она в большей степени предполагает положительный ответ (см. об утвердительном предположении вопроса в разделе 6.2.7). Однако поскольку русское отрицание не сохраняется при переводе на другие языки, едва ли тут возможен полный успех.

Если отрицательно-вопросительное предложение имеет экспрессивную коммуникативную структуру с препозицией ремы (конструкция *не... ли*), это будет другой тип речевого акта — предположение или догадка:

- (10) — Василиса, голубушка, что же вы кофе не выпили? Уж не отравы ли боитесь? — пошутил он. — А хотя бы и так, — буркнула Василиса. [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого (2000)]
- (11) И вдруг догадка ожгла Крымова — не Греков ли стрелял в него ночью? [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]

Особое значение имеет отрицание при императиве, который выражает определенный речевой акт: просьбу, требование и т. п. Предложение (12а) означает ‘прошу /требую /..., чтобы ты открыл дверь’; а (12б) означает не ‘не прошу /не требую /..., чтобы ты открыл дверь’, а ‘прошу /требую /..., чтобы ты не открывал дверь’:

- (12) а. Открой дверь! б. Не открывай дверь!

Отрицание превращает речевой акт побуждения к действию в акт прогитива.

В Lyons 1977: 771 ставится вопрос об особом значении отрицания в контексте перформативного глагола. По Лайонзу, высказывание *Я обещаю вернуться*, с перформативным глаголом, при отрицании дает *Я не обещаю вернуться*, которое он трактует как новый речевой акт — воздержание от обещания, non-commitment. Но такой речевой акт не вошел в обиход в современной теории речевых актов. И формулу *Я не обещаю...* естественно скорее трактовать как выражающую отказ от совершения речевого акта обещания. Можно думать, глаголы в перформативном употреблении не допускают при себе отрицания — аналогично тому, как, например, не допускают отрицания глаголы во вводном употреблении, см. Апресян 1978.

В контексте отрицания перформативов можно рассмотреть также пример из Апресян 2006: 139. У глагола *жаловаться* в 1-м лице отрицание может распространяться не только на внутреннее состояние, плохое, но и снимать компонент говорения; поэтому *Не жалуюсь* в ответ на *Как дела?* означает ‘все в норме’.

9.3. КОНСТРУКЦИИ С ИМПЛИЦИТНЫМ ОТРИЦАНИЕМ

Имеются разнообразные языковые средства выражения идеи о том, что данное утверждение надо понимать в значении, противоположном тому, которое передается буквальным смыслом слов, — так сказать, иронически. Примеры (из Шмелев 1958).

- (1) *Есть* из-за чего расстраиваться!
- (2) *Нашел* о чем говорить /кого приглашать!
- (3) *Стоило* из-за него божью птицу губить! (А. П. Чехов)
- (4) *Охота* была ему жениться!

- (5) *Очень нужно* мне за ним следить!
- (6) *Нужны* мне ваши деньги!
- (7) *Много* ты понимаешь!
- (8) *Только* этого не доставало!
- (9) *Хорош* друг! *Велика* важность!
- (10) *Стану* я пса кормить! (И. С. Тургенев); *Стала бы* я стараться, если бы знала!
- (11) *Будет* он молчать!

Употребление в отрицательном смысле чаще всего закрепляется за словами, выражающими отчетливо положительный признак. Такие слова, как *есть*, *стоило*, *очень нужно*, *охота*, *много*, *хорош*, *велик*, легче всего приобретают противоположный смысл ‘вовсе нет’, ‘совершенно не стоило’, ‘совсем не нужно’; *Тебя тут не хватало!* значит ‘ты тут лишний, не нужен’, и т. д. Слова *стану*, *буду*, выражающие намерение, при экспрессии (NB субъектно-предикатную инверсию: *стану я*) означают ‘совершенно не намерен’. Показательно слово *найти* в (2), значение которого в отрицательном контексте выветривается до несуществования, см. об этом раздел 6.2.1.

Форма будущего времени у конативных (см. раздел 7.1) глаголов *дождаться*, *поймать*, *догнать*, выражающая возможность успеха, в конвенционально-ироническом высказывании означает неверие в успешность попытки, точнее — убеждение в неуспешности:

- (12) От вас *дождешься!* Таких *поймаешь!*
- (13) Тебя *догонишь!* = ‘тебя не догонишь’ = ‘тебя нельзя догнать’.

Императив *дожидайся* может сам по себе выражать отрицание:

- (14) Поехала (поедет) она с тобой, *дожидайся!*

В Князев 2007: 91 отмечается, что в создании эффекта экспрессивно-иронического отрицания участвует несов. вид глагола. Так, в перечне ниже примеры (а) допускают буквальное утвердительное понимание, а примеры (б) понимаются скорее с имплицитным отрицанием:

- (а) Есть о чем рассказать; (б) Есть о чем рассказывать!
- (а) Есть за что полюбить; (б) Есть за что любить!
- (а) Есть о ком подумать; (б) Есть о ком думать!
- (а) Есть чему поучиться; (б) Есть чему учиться!

Имплицитное отрицание выражает конструкция «*так ... и*»:

- (15) *Так* он тебе *и* сказал (скажет)!
- (16) *Так* я ему *и* поверил (поверю)!
- (17) *Так* они *и* дали (дадут) тебе эту премию!
- (18) *Так* я *и* пошел (пойду)!
- (19) *Так* я вас *и* побоялась (побоюсь)!

Один из способов выразить отрицательное суждение — риторический вопрос. Он приблизительно равнозначен утверждению того предложения, которое получится, если вопросительное местоимение заменить на отрицательное (и, разумеется, добавить обязательное, согласно разделу 5.8, в русском языке *не* к сказуемому):

(20) *Кто* может объять необъятное! ≈ ‘Никто не может объять необъятного’.

(21) И *какой* же русский не любит быстрой езды! ≈
‘никакой не не любит’ = ‘всякий любит’.

На модели вопросительного предложения основан целый ряд конвенциональных способов выражения эмфатического отвержения высказывания собеседника:

(22) Да *кому* он нужен?

(23) Ну *что* ему делается?

(24) Да *кто* его презирает!

(25) До шуток *ли* ему теперь!

Высказывания этого типа выражают отрицательную реакцию на предшествующее высказывание, и этим они отличаются от риторических вопросов, которые не требуют диалогического контекста. Частица *только* в предложении (26) показывает, что оно не может быть понято как обычный вопрос:

(26) Зачем *только* держат на службе такую разгильдяйку? [Д. Донцова. Доллары царя Гороха (2004)]

Конструкция с *какой*, *какое* служит для выражения возражения; примеры из Шмелев 1958; Шведова 1960; Падучева 1996: 304—307:

(27) *Какой* он там ученый! *Какие* мы друзья! *Какой* же я посторонний! *Какая* уж там ирония! *Какой* тут отдых, когда дел столько? *Какие* там щи, если раков будем варить!

Отдельная конструкция — с *какое*:

(28) *Какое* — поздновато? Март на дворе. [А. Берсенева. Возраст третьей любви (2005)]

На базе вопросительных местоимений со значением направления и места строятся ответные реакции, выражающие значение недостижимости или невозможности, см. конструкции «*куда* + датив», «*где* + датив» и просто «*откуда*»:

(29) а. *Куда* тебе, заморышу, братья за такое дело! [Ю. К. Олеша. В цирке (1928)]

б. *Куда* ему людей тянуть, он сам еле тянется. [В. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]

в. — Вот, хотела капусту посадить ⟨...⟩, да *куда* мне, шов болит, голова кружится, того и гляди, в борозду сунусь. [В. Астафьев. Пролетный гусь (2000)]

(30) Кто ж виноват, я уж не знаю. В а р в а р а. *Где* тебе знать! [А. Н. Островский. Гроза (1860)]

(31) а. *Откуда* я возьму такие деньги? = ‘неоткуда взять’;

б. *Откуда* я знаю? = ‘не знаю’.

Имплицитное отрицание может строиться на базе местоимения *что*, как в вопросительной, так и в «восклицательной» конструкции:

(32) а. А мне $\searrow$ -то *что*? = ‘мне до этого дела нет’;

б. Ему-то *что* $\searrow$! = ‘ему ничего плохого не будет’.

Оборот *можно подумать* выражает имплицитное отрицание подчиненной предикации (Апресян 2006: 140):

- (33) *Можно подумать*, что ты этим довольна = ‘я думаю, что на самом деле ты этим не довольна’.

Имплицитное отрицание может выражаться ирреальной модальностью:

- (34) *Чтобы* я стала еще с ним связываться! Нашему теляти да волка *поймати*!

Отрицание (тоже с модальным оттенком) может выражаться императивом от глагола *пойти* в составе конструкции с двойными глаголами, см. Weiss 2013:

- (35) *Пойди, докажи* ей что-нибудь! [= ‘Ей нельзя ничего доказать’].

- (36) И вряд ли он держит ее силой. Таковую егозу *поди удержи*. [В. Солдатенко. Ева (2010)]

Конструкция со словом *охота* в примере (37) (иная, чем в (4), NB *же*) выражает не отрицание, а осуждение; со словом *надо* в примере (38) — не столько отрицание, сколько сожаление:

- (37) *Охота же* вам *было* жениться!

- (38) *Надо же* было мне опоздать!

Приведенный перечень конструкций с имплицитным отрицанием достаточно представительен, хотя, конечно, не является исчерпывающим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отрицание — удивительно всеобъемлющая и всепроникающая категория. Поэтому книга оказалась посвящена не только отрицательному предложению, но и, отчасти, описанию языка сквозь призму отрицания. Здесь имеется в виду, прежде всего, та важная роль, которую играет в современной семантике понятие презумпции. Презумпции — незаменимый инструмент исследований в лексической семантике, в семантике пропозициональных актантов, в семантике коммуникативной структуры, в теории референции. Презумпции заложили основы теории отрицательного предложения. А их путь в лингвистику проходил через отрицание.

В книге отражены синтаксические, морфосинтаксические и лексические аспекты структуры отрицательного предложения.

Проведено четкое различие между синтаксическим понятием «предикатное отрицание» (англ. sentential negation), т. е. отрицание при главном предикате, и семантическим понятием «общее отрицание». Показано, что общеотрицательное предложение вполне может иметь синтаксическую структуру с присловным отрицанием (англ. constituent negation). В самом общем высказывании отрицание может быть не при глаголе, а, например, при наречии — *Судьба не всегда бывает к нам благосклонна*; или при существительном — *Не боги горшки обжигают*. И наоборот, предложение с отрицанием при глаголе может быть частноотрицательным: *Я неделю не выходил из дому*.

Выделены основные синтаксические типы предикатного отрицания. Кроме обычного предикатного отрицания, рассмотрены структуры с глобальным отрицанием, смещенным и кумулятивным. На фоне общепринятого понятия стандартного отрицания, сохраняющего презумпции, уделено внимание конструкции с «радикальным» отрицанием, которое на первый взгляд отрицает презумпцию. Отмечено различие между синтаксическим смещением отрицания на главный предикат и подъемом отрицания за границы клаузы (Neg-transportation) как лексически ограниченным феноменом.

Из морфосинтаксических проблем большое внимание уделено генитивной конструкции отрицания. Эта конструкция есть во всех славянских языках, но везде со своими особенностями. В русском языке генитивная конструкция связана с самыми общими аспектами референциальной и лексической семантики предложения. Большой прогресс достигнут в области генитива субъекта. Показано, как на протяжении трех последних десятилетий сменилось несколько подходов к генитиву субъекта — дескриптивный, трансформационный, композиционный и типологический. Каждый из них вносил в концепцию отрицательного предложения что-то свое, опираясь на достижения в рамках предшествующего.

Изучение генитивной конструкции субъекта начиналось в рамках синтаксиса и нормы: речь шла о том, как можно сказать и как нельзя — традиционная грамматика сводила дело к ограничениям сочетаемости. Этот подход можно назвать дескриптивным. В рамках дескриптивного подхода был выявлен целый ряд закономерностей: ограничения на глагол и на именную группу субъекта; ограничения, касающиеся общей структуры предложения, в том числе — локативной именной группы.

Важным шагом вперед был семантический подход. Чтобы обосновать этот подход в применении к генитивной конструкции, нужно было доказать, что ограничения сочетаемости мотивированы семантикой.

Изначально семантический подход к проблеме генитивного субъекта (в классической работе Babby 1980) давал упрощенную модель: отрицательное предложение с генитивным субъектом — это предложение с экзистенциальной семантикой в глаголе и, соответственно, с нереферентным субъектом. Он совмещался со «стихийно трансформационной» трактовкой генитивной конструкции как результата замены номинатива на генитив при отрицании. В Апресян 1985 было сделано в принципе вполне справедливое заключение, что «способность менять именительный падеж на родительный в контексте отрицания в общем случае не выводится непосредственно из лексических значений слов». Последующее развитие семантического подхода к генитивной конструкции включало отказ от понимания «генитивности» как способности менять падеж субъекта. Это развитие шло по нескольким линиям.

Прежде всего, было обращено внимание на то, что генитивными, т. е. участвующими в генитивной конструкции, являются слова не только со значением существования, но и со значением восприятия. Это означало отмену жесткого ограничения на статус именной группы субъекта в генитивной конструкции: предикат восприятия совместим с конкретно-референтным субъектом, в том числе — собственным именем, отсюда законное *Не видно Маши* или *Маши дома не оказалось*.

Внимание к глаголам восприятия позволило объяснить генитив субъекта при глаголах, семантика которых включает компонент восприятия постольку, поскольку предполагает наблюдателя, как в *Не белело парусов*, *Не звенело голосов*.

Вообще, речь пошла не о классах глаголов, а о семантических компонентах их значения. Было установлено, что для выбора конструкции важен ассертивный статус экзистенциального компонента в данном употреблении глагола в предложении. Так, генитивная конструкция неуместна в контексте **Такой мысли не возникает неожиданно*, поскольку экзистенциальный компонент оказывается тут в положении презумпции, ср. вполне допустимое *Такой мысли не возникает*, где экзистенциальный компонент является ассертивным.

Внимание к семантическим компонентам объясняется также тем, что глагол переходит из одного тематического класса в другой при сдвиге акцента с одного компонента на другой в его семантике; например, такой сдвиг переводит перемещение в появление на сцене. Обнаружилась глубинная связь, в лексике и в грамматике, между бытием и восприятием: эти компоненты связаны отношением регулярной многозначности, например, у глагола *появиться* ('начать быть' и 'начать быть видимым') и у многих других.

Важным шагом было установление того, что выбор конструкции отрицания не всегда предсказывается семантикой отрицаемого глагола однозначно. Глаголы существования и восприятия, бытийные и перцептивные, ведут себя существенно по-разному: бытийный дает обязательный генитив (ср. *Сомнений не возникло* и **Сомнения не возникли*), а перцептивный — возможность выбора (ср. *Рост не наблюдается* и *Роста не наблюдается*; *Письмо не пришло* и *Письма не пришло*, о том, что глагол *прийти* предполагает наблюдателя, см. Падучева 2004: 376).

Особенно ярко семантика генитивной конструкции проявилась в контексте глаголов локализации и положения в пространстве, которые не являются генитивными, т. е. не принадлежат ни к одной из двух генитивных групп: они всего лишь совместимы с генитивной конструкцией. Семантика этих глаголов сама по себе не включает перцептивного компонента, так что он вносится в отрицательное предложение конструкцией. В этих контекстах выбор между генитивной и номинативной конструкцией отрицания зависит от концептуализации ситуации говорящим: говорящий имеет возможность выбора между просто отсутствием и наблюдаемым отсутствием.

Композиционный подход позволил решить проблему генитивного субъекта глагола *быть*, а попутно объяснить генитив при глаголах положения в пространстве (*стоять*, *лежать*, *сидеть*, *висеть*) и перемещения в наблюдаемое пространство (*прийти*, как в *Письма не пришло*). Тем самым было установлено отличие глаголов *белеть*, *звенеть*, которые действительно включают наблюдателя и являются генитивными, от стативного *быть* и других стативных глаголов, у которых наблюдатель может появляться только в отрицательном контексте.

Составить полный список глаголов, допускающих генитивный субъект, принципиально нельзя — из-за не полностью предсказуемых возможностей форсированного употребления генитива, ср. у Беллы Ахмадуллиной ... *Он заметал ее следы. О, как он притворился ловко, что здесь не падало слезы, не облакачивалось локтя.* Более трех тысяч глаголов представлены как бытийные в словаре Шведова 2007, но далеко не все они генитивные. Да и в книге Арутюнова, Ширяев 1983 деление бытийных глаголов на «лексикализованные» и «делексикализованные» натолкнулось на серьезные препятствия.

Дело осложняется тем, что генитивным может быть субъект переходного глагола в пассиве. Так, глаголы создания в пассиве ведут себя как глаголы бытийной группы (*Гостиницы не построено* ⊃ ‘ее нет’). То же верно про глаголы обладания (*На такое время не отпущено* (А. Найман) ⊃ ‘его нет’). А у переходных глаголов семантика генитивности более размытая.

Итак, при установке на трансформацию отрицания смысл отрицательного предложения с генитивной конструкцией — это ‘НЕ + смысл исходного утвердительно-го’. Т. е. все компоненты смысла, которые есть в отрицательном предложении, есть уже в утвердительном, а генитивная конструкция только маркирует эти компоненты. На самом же деле смысл отрицательного предложения складывается не из двух частей, а из трех: ‘НЕ + смысл исходного утвердительно-го + смысл конструкции’. Говорящий выбирает генитивную конструкцию, если он хочет сопоставить ситуации определенный концепт. Семантика генитивной конструкции, бытийная или пер-

цептивная, может накладываться на смысл отрицаемого глагола, а может добавлять в значение предложения новый компонент.

Так возник третий подход — композиционный, который показал, что семантика генитивной конструкции в определенных контекстах, в частности в контексте локативного *быть*, может выражать присутствие в ситуации наблюдателя. Ограниченность трансформационного подхода стала очевидна: в отрицательном предложении может присутствовать перцептивный компонент, которого исходное неотрицательное не включает.

Наконец, рассмотрение русского языка в типологической перспективе сделало возможным типологический подход к генитивной конструкции — позволило представить наблюдателя в генитивной конструкции как грамматический способ выражения значения эвиденциальности (засвидетельствованности). В самом деле, наблюдаемое отсутствие — это отсутствие, которое кем-то засвидетельствовано. Правда, это противопоставление касается ограниченного контекста — глагола *быть* и небольшого числа стативных и моментальных глаголов, которые допускают генитивную конструкцию с конкретно-референтным субъектом. Разумеется, эвиденциальность не является в русском языке грамматической категорией: маркировка присутствия наблюдателя, даже при отрицании в составе этого ограниченного класса глаголов, не является обязательной.

История изучения генитивного субъекта наглядно показывает, как способствовали проникновению в суть этой конструкции достижения лингвистической семантики последних десятилетий. Вот некоторые вехи.

Прогресс в области референциальной семантики, понятие презумпции и противопоставление презумпция/ассерция позволили представить традиционно выдвигающийся фактор определенности именной группы субъекта как презумпцию существования обозначаемой Вещи. Так была обоснована связь семантики генитивного субъекта, не референтного, т. е. лишённого презумпции существования, с семантикой бытийного предложения, которое утверждает существование.

Понятие наблюдателя по Ю. Д. Апресяну подготовило объяснение генитивного субъекта у глагола *быть*, главного камня преткновения на пути семантического подхода к генитивной конструкции.

Новые перспективы в изучении генитивного субъекта открыло обращение к понятию диатезы. Безличный глагол генитивной конструкции, равно как и сам генитив, лишает субъекта его агентивных свойств, превращая Вещь в чистый объект восприятия. Тем самым актантная структура глагола подготавливает почву для воспринимающего субъекта — наблюдателя. См. в Экскурсе 3 главы 6 о том, что генитивная конструкция не единственное свидетельство того, что участник Агенса, попадая в сферу наблюдения или в сферу чужого сознания, отчасти утрачивает свою агентивность.

Существенным фактором проникновения в структуру отрицательного предложения является прогресс в лексической семантике, которая осознала многозначность как одну из своих центральных проблем. Оказалось, что два класса генитивных глаголов, бытийные и перцептивные, связаны отношением регулярной многозначности

‘существовать’ — ‘быть видимым’. Особая (не метонимическая и не метафорическая: возможно, эпистемическая) природа этой многозначности объяснила зыбкость границы между классами бытия и восприятия.

Особый раздел книги посвящен генитиву объекта. Проблема хотя и сдвинулась с мертвой точки при переходе от трансформационного подхода к композиционному, но здесь семантическая мотивация не всегда столь же очевидна. Кроме того, в генитиве объекта агрессия новой нормы ведет к семантически непредсказуемым последствиям, которых нет в генитиве субъекта.

Что касается проблемы вида глагола в отрицательном предложении, то она, как и генитив субъекта, прошла путь от трансформационной трактовки к композиционной с успехом и тоже пожалала некоторые плоды от рассмотрения русского языка в типологической перспективе, см. главу 7.

В современной лингвистике все большее место занимает типология. Например, сейчас, постулируя лексическую многозначность какого-то слова, естественно поставить вопрос о том, насколько естественно в типологическом плане совмещение в одном слове таких двух значений. Переход глагола движения в стативный — это регулярная многозначность, которая демонстрируется на тысячах глаголов. Между тем развитие значения в обратном направлении — явление более редкое. Таково сочетание стативного и переместительного значения у локативного *быть* (которые обсуждались в Апресян 1992 и Падучева 1992). В книге совмещение этих двух значений ‘быть’ в одном слове подтверждается примерами из нескольких других языков. Тем самым постулируемая лексическая многозначность получает типологическое обоснование как семантический переход, см. в Зализняк 2001; 2013 о семантическом переходе как воспроизводимом семантическом отношении, связывающем два языковых значения в пределах одной формы — в синхронии (полисемия) и в диахронии (семантическая эволюция), и Базу данных по семантическим переходам в языках мира в Интернете, <http://semshifts.iling-ran.ru> (авторы — М. С. Булах, И. А. Грунтов, Д. С. Ганенков, Анна Зализняк, Т. А. Майсак, М. М. Руссо). О семантических переходах см. также Рахилина, Резникова, Карпова 2010.

Отдельным важным фактором прогресса в изучении структуры отрицательного предложения является, конечно, Национальный корпус русского языка. Он открыл принципиально новые перспективы для выявления связей между грамматической структурой отрицательного предложения и его лексическим составом. Совершенно неожиданно он позволил обнаружить широкое распространение конструкции с радикальным отрицанием (как бы отрицающим презумпцию) — которая поначалу казалась экзотической.

При ориентации на глобальные проблемы некоторые частные аспекты структуры отрицательного предложения остались не затронуты или охвачены не в полной мере.

Не описан генитив отрицания в конструкциях с зависимым инфинитивом. В пушкинском *Два века ссорить не хочу* безусловный аккузатив, а в *не хочу придавать значения* такой же прочный генитив, как в *не придаю значения*. Большой материал, представленный в Ицкович 1982: 44—50, требует систематизации. Но пока кажется, что это чисто дескриптивная задача — тут не видно никаких семантических

прозрений. Кроме того, норма так стремительно движется в сторону аккузатива, что могла с 80-х годов измениться.

Есть, правда, одно частное соображение на этот счет — в связи с местоимениями отрицательной поляризации, типа *какой бы то ни было*. Как показано в разделе 8.3, они уместны в контексте отрицания в подчиняющей клаузе, но не при предикате того же предложения, где должно быть употреблено отрицательное местоимение, см. (1):

(1) не сделал *никаких* /**каких бы то ни было* замечаний.

Но в контексте зависимого инфинитива, где возможны оба местоимения, отрицательное местоимение требует генитива, см. (2), а отрицательно поляризованное остается в винительном падеже, см. (3):

(2) не стал делать *никаких* /**каких бы то ни было* замечаний.

(3) не стал делать *какие бы то ни было* замечания.

Отрицанию в контексте кванторных слов было отведено много места в Падучева 1974. В данной книге эта тема затронута лишь по аналогии с другими конструкциями, где синтаксическая иерархия не соответствует семантической, см. раздел 5.6. Отрицательные местоимения изучены недостаточно: дипломная работа Рожнова 2009 — чуть ли не единственное серьезное исследование в этой области. Вообще, проблеме взаимодействия глагольного отрицания с референциальными свойствами актантов пока не уделено должного внимания. Приведу лишь один пример на эту тему из Богуславский 1996: 129—137, касающийся внутрисловного отрицания.

Хотя глаголы *перестать* и *бросить* близки по смыслу, предложения (4а) и (4б) описывают совершенно разные ситуации:

(4) а. Американские девушки *перестали* курить;

б. Американские девушки *бросили* курить.

В предложении (4а) сравниваются два временного среза (см. термин *stage* в Carlson 1980) класса американских девушек: американские девушки в прошлом (они курили) и американские девушки в настоящем (они не курят). Между тем предложение (4б) гласит, что те самые девушки, которые в прошлом курили, в некоторый момент, быть может для каждой девушки свой, приняли (и осуществили) свое решение перестать курить. Все предикаты, входящие в семантическое разложение глагола *перестать*, касаются временных срезов класса, тогда как глагол *бросить* характеризует конкретный индивид. Так что множество референциальных проблем, связанных с отрицанием, еще ждет решения.

Не вошло в книгу отрицательное слово *нет*, со всеми тонкостями его употребления в диалогических реакциях, особенно интересными в типологическом аспекте (этому посвящена большая литература, см., в частности, Добрушина 2003; Dobrovolskij, Levontina 2012). Да и *нет* в эллиптических конструкциях (*Тебе весело, а мне нет*) должно было бы найти себе место в полном описании русского отрицательного предложения.

Более существенного упрека следует ожидать со стороны частноотрицательных предложений. Глава о частноотрицательных предложениях, в сущности, не написа-

на: о них идет речь только в контексте семантического противопоставления частноотрицательных и общеотрицательных предложений. Большой материал на эту тему представлен в Грамматика 1980, т. 2: 401—411, но он нуждается в систематизации, а понятийный аппарат для нее пока не разработан. Общеотрицательные предложения имеют давнюю традицию изучения — в рамках трансформационной грамматики, с последующим от нее отталкиванием. Для частноотрицательных такой традиции нет. Не исключено, что отрицательные местоимения, не требующие отрицательного согласования (о которых шла речь в разделе 7.3, ср. он удостоился премии *ни за что*, они вернулись *ни с чем*, жалость тут *ни при чём*, оружие было теперь *ни к чему* и под.), которые составляют вполне заметный феномен в русском отрицательном предложении, найдут себе место среди частноотрицательных конструкций.

Отдельная увлекательная область — предложения, которые не имеют соответствующего общеотрицательного. Известна несовместимость отрицания с глаголами во вводном употреблении (Апресян 1978), в перформативном (Lyons 1977: 771) и в интродуктивном (Янко 2001: 141). В книге намечены другие источники — как лексические (наличие модификатора в семантической структуре глагола, см. раздел 6.1.1), так и синтаксические (конъюнкция в сфере действия отрицания, раздел 4.3). Но это не все.

Русское отрицательное предложение ждет новых исследователей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука. 1974. (Переизд.: *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 1. М., 1995.)
- Апресян 1978 — *Апресян Ю. Д.* Языковая аномалия и логическое противоречие // *Tekst. Język. Poetyka. Wrocław etc.: Ossolineum*, 1978. С. 129—151.
- Апресян 1980 — *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» // *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 1. Wien, 1980.
- Апресян 1985 — *Апресян Ю. Д.* Синтаксические признаки лексем // *Russian Linguistics*. Vol. 9. № 2—3. 1985. P. 289—317.
- Апресян 1986 — *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5—33.
- Апресян 1988 — *Апресян Ю. Д.* Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // *Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование*. М.: Наука, 1988. С. 57—78.
- Апресян 1989 — *Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л.* Конструкции типа негде спать: синтаксис, семантика, лексикография // Семиотика и информатика. Вып. 29. М., 1989. С. 34—92.
- Апресян 1992 — *Апресян Ю. Д.* Лексикографические портреты (на материале глагола БЫТЬ) // НТИ. Сер. 2. № 3. (Переизд.: *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 503—537.)
- Апресян 2003 — *Апресян Ю. Д.* Лингвистическая терминология Словаря // *Апресян Ю. Д. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3. М.: Языки славянских культур, 2003. С. XVIII—XLIX.
- Апресян 2005 — *Апресян Ю. Д.* О московской семантической школе // *Вопросы языкознания*. 2005. № 1. С. 3—30.
- Апресян 2006 — *Апресян Ю. Д.* Правила взаимодействия значений // *Апресян Ю. Д.* (отв. ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 110—145.
- Апресян 2012 — *Апресян Ю. Д.* Грамматика глагола в активном словаре русского языка // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь И. А. Мельчука*. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 42—59.
- Апресян и др. 2010 — Конструкция типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография // *Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З.* Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 59—112.
- Апресян В. 2006 — *Апресян В. Ю.* Уступительность как системообразующий смысл // *Вопросы языкознания*. 2006. № 2. С. 3—27.

- Апресян В. 2010 — *Апресян В. Ю.* Семантическая структура слова и его взаимодействие с отрицанием // Международная конф. «Диалог», 26—30 мая 2010.
- Апресян В. 2013 — *Апресян В. Ю.* Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента. Международная конф. «Диалог», 29 мая — 2 июня 2013. С. 44—57.
- Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
- Арутюнова, Ширяев 1983 — *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение: Бытийный тип. М.: Рус. яз., 1983.
- Барентсен 1980 — *Барентсен А.* Об особенностях употребления союза *пока* при глаголах ожидания // *Studies in Slavic and general linguistics*, 1. Rodopi. 1980. P. 17—68.
- Беляева 2008 — *Беляева А. В.* Объектный генитив отрицания при глаголах обладания и восприятия // *Рахилина Е. В.* (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке. Исследования по теории грамматики. Вып. 5. М.: Пробел-2000, 2008. С. 57—77.
- Богуславская 2004 — *Богуславская О. Ю.* Всякий 2, всяческий, всевозможный, разнообразный 2, разный 2, различный 2 // *Апресян Ю. Д.* (ред.) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М.; Вена: Языки славянской культуры, 2004.
- Богуславский 1985 — *Богуславский И. М.* Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985.
- Богуславский 1996 — *Богуславский И. М.* Сфера действия лексических единиц. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Богуславский 1998 — *Богуславский И. М.* Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Языки русской культуры; Рус. словари, 1998.
- Богуславский 2001 — *Богуславский И. М.* Модальность, сравнительность и отрицание // Русский язык в научном освещении. 2001. 1(1).
- Богуславский 2002 — *Богуславский И. М.* «Сандхи» в синтаксисе // Вопросы языкознания. 2002. № 5. С. 19—37.
- Бондарко 1971 — *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Борщев, Парти 1998 — *Борщев В. Б., Парти Б. Х.* Бытийные предложения и отрицание в русском языке: семантика и коммуникативная структура // Диалог 98: Компьютерная лингвистика и ее применения / Под ред. А. С. Нариньяни. Казань: Хетер, 1998. С. 173—182.
- Борщев, Парти 2002 — *Борщев В. Б., Парти Б. Х.* О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика. Вып. 37. М.: ВИНТИ, 2002. С. 59—77.
- Булаховский 1953 — *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. Т. 2. Киев, 1963.
- Булаховский 1954 — *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954.
- Булыгина 1980 — *Булыгина Т. В.* Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований, 1980. С. 320—355.
- Булыгина 1982 — *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // *Селиверстова О. Н.* (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7—85.
- Булыгина, Шмелев 1989 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.

- Булыгина, Шмелев 1993 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Гипотеза как мыслительный и речевой акт // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.
- Бэбби 1985 — Babby L. Word order, case and negation in Russian existential sentences // Chvany C. V., Brecht K. D. (eds.). Morphosyntax in Slavic. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1980. P. 221—234. (Русск. пер.: Бэбби Л. Порядок слов, падеж и отрицание в бытийных предложениях русского языка // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. С. 464—474.)
- Всеволодова 1997 — Всеволодова М. В. Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова // Труды аспектологического семинара филологич. фак-та МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 1. М., 1997.
- Гиро-Вебер, Микаэлян 1999 — Гиро-Вебер М., Микаэлян И. Семантика глаголов прикосновения во французском и русском языках // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 18—34.
- Гловинская 1982 — Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 2001 — Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Грайс 1985 — Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217—237.
- Грамматика 1980 — Русская грамматика / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2.
- Демьянова 2008 — Демьянова Е. А. Экспериментальное знание: контексты глаголов восприятия // Рахилина Е. В. (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке. Исследования по теории грамматики. Вып. 5. М.: Пробел-2000, 2008. С. 48—56.
- Десятова 2008 — Десятова А. В. Генитив отрицания при посессивных глаголах // Рахилина Е. В. (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке. Исследования по теории грамматики. Вып. 5. М.: Пробел-2000, 2008. С. 32—42.
- Добрушина 2003 — Добрушина Е. Р. Что значит НЕТ // Киселева К., Пайар Д. (сост.). Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. М.: Азбуковник, 2003. С. 146—193.
- Дымарский 2001 — Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX—XX вв. М.: УРСС, 2001.
- Есперсен 1958 — Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. (Англ. ориг.: Jespersen O. The Philosophy of Grammar. London, 1924.)
- Живов, Успенский 1997 — Успенский Б. А. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI—XVIII веков // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. III. Grammatica sub specie theologiae. 1997. С. 363—388.
- Зализняк 1983 — Зализняк Анна А. Семантика глагола бояться в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 1.
- Зализняк 1990 — Зализняк Анна А. Считать и думать: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1990. С. 187—194.
- Зализняк 2001 — Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13—25.

- Зализняк 2003 — *Зализняк Анна А. Счастье и наслаждение* в русской языковой картине мира // *Русский язык в научном освещении*. 2003. № 5. С. 85—105.
- Зализняк 2006 — *Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления*. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Зализняк 2013 — *Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии* // *Вопросы языкознания*. 2013. № 2. С. 32—51.
- Зализняк, Микаэлян 2005 — *Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. Русский союз а как лингвоспецифичное слово* // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Труды Междунар. конф. Диалог'2005. Звенигород, 1—6 июня 2005. М., 2005. С. 153—159.
- Зализняк, Шмелев 2000 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Лекции по русской аспектологии*. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Зализняк, Шмелев 2012 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Лексика радости* // *Зализняк Анна А., Левонтин И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира*. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 462—470.
- Зельдович 1998 — *Зельдович Г. М. О типах семантической информации: слабые смыслы* // *Известия РАН*. 2. Сер. лит. и яз. 1998.
- Иорданская 1985 — *Иорданская Л. Н. Семантико-синтаксические особенности сочетания частицы не с иллокутивно-коммуникативными глаголами в русском языке* // *Russian linguistics*. 1985. Vol. 9. № 2—3. P. 241—255.
- Исаченко 1960 — *Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким*. Ч. 2. Братислава, 1960.
- Ицкович 1974 — *Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы*. 1—3 // *Синтаксис и норма*. М.: Наука, 1974. С. 43—106.
- Ицкович 1982 — *Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы*. М.: Наука, 1982.
- Квятковский 1966 — *Квятковский А. Поэтический словарь*. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966.
- Кибрик 2000 — *Кибрик А. Е. Внешний посессор как результат расщепления валентности* // *Иомдин Л. Л., Крысин Л. П.* (ред.). *Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к семидесятилетию Ю. Д. Апресяна*. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 434—446.
- Князев 2007 — *Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе*. М.: ЯСК, 2007.
- Кобозева 1976 — *Кобозева И. М. Отрицание и пресуппозиции (в связи с правилом перенесения отрицания в русском языке)*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1976.
- Кобозева 2003 — *Кобозева И. М. Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения и знания. Логический анализ языка. Избранное 1988—1995*. М.: Индрик, 2003.
- Кошмидер 1962 — *Кошмидер Э. Турецкий глагол и славянский глагольный вид. Вопросы глагольного вида*. М., 1962.
- Крысько 1997 — *Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность*. М.: Индрик, 1997.
- Кустова 1998 — *Кустова Г. И. Производные значения с эксперпенциальной составляющей* // *Семиотика и информатика*. Вып. 36. М.: Языки русской культуры; Рус. словари, 1998. С. 19—40.

- Кустова 2004 — *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки русской культуры, 2004.
- Левонтина 2003 — *Левонтина И. Б.* **ВОВРЕМЯ, СВОЕВРЕМЕННО** // *Апресян Ю. Д. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3. М.: Языки русской культуры, 2003.
- Летучий 2008 — *Летучий А. Б.* Генитив, классы глаголов и пресуппозиции // *Рахилина Е. В.* (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке. Исследования по теории грамматики. Вып. 5. М.: Пробел-2000, 2008. С. 78—96.
- Макарцев 2009 — *Макарцев М. М.* Категория эвиденциальности в балканских языках: современный взгляд на проблему // *Славяноведение*. 2. 2009. С. 74—90.
- МАС — *Словарь русского языка: В 4 т. / Ред. А. П. Евгеньева.* М.: Рус. яз., 1981.
- Маслов 1948 — *Маслов Ю. С.* Вид и лексическое значение глагола в русском языке // *ИАН СЛЯ*. 1948. Т. 7. № 4.
- Маслов 1976 — *Маслов Ю. С.* [Рец. на:] *S. G. Andersson.* Aktionalität im Deutschen // *Вопросы языкознания*. 1976. № 2.
- Маслов 1984 — *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Мельчук 1974 — *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Ч. 1. М., 1974.
- Мельчук 1998 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена: Языки русской культуры; *Wiener slawistischer Almanach*, 1998. Sdb. 38/2.
- Мельчук, Холодович 1970 — *Мельчук И. А., Холодович А. А.* К теории грамматического залога // *Народы Азии и Африки*. 1970. № 4. С. 111—124.
- Падучева 1969 — *Падучева Е. В.* Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. Вып. 12. 1969. С. 5—35.
- Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка М.: Наука, 1974 (2-е изд. УРСС, 2007).
- Падучева 1977 — *Падучева Е. В.* Понятие презумпции и его лингвистические применения // *Семиотика и информатика*. Вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977. (<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/presumption-77.pdf>)
- Падучева 1981 — *Падучева Е. В.* Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении // *НТИ*. Сер. 2. 1981. № 11. (http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/prezumpcii_1981.pdf)
- Падучева 1982 — *Падучева Е. В.* Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // *Семиотика и информатика*. Вып. 18. М.: ВИНТИ, 1982. (Переизд.: *Падучева Е. В.* Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009.)
- Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985 (6-е изд. ЛКИ, 2010). (<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/paducheva1985.pdf>)
- Падучева 1986 — *Падучева Е. В.* Семантика вида и точка отсчета // *ИАН СЛЯ*. 1986. 45 (5). С. 413—424.
- Падучева 1990 — *Падучева Е. В.* Отрицание, Отрицательные слова // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: СЭ, 1990. С. 354—355.
- Падучева 1991 — *Падучева Е. В.* Говорящий: субъект речи и субъект сознания // *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М.: Наука, 1991. С. 164—169.

- Падучева 1992 — Падучева Е. В. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ // *Russian linguistics*. 1992. Vol. 16. № 1. P. 53—63.
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. (<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantIssl1996.pdf>)
- Падучева 1996а — Падучева Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Problemi di morphosintassi delle lingue slave*. V. 5. *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave*. Padova: Unipress, 1996.
- Падучева 1997 — Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // *Вопросы языкознания*. 1997. № 2. С. 101—116.
- Падучева 1997а — Падучева Е. В. Об эгоцентрической семантике союзов А и ИО // *Славянские сочинительные союзы*. М.: Институт славяноведения, 1997. (Переизд.: Падучева Е. В. Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009.)
- Падучева 1998 — Падучева Е. В. К семантике пропозициональных предикатов: знание, фактивность и косвенный вопрос // *Известия РАН. Сер. литературы и языка*. Т. 57. № 2. 1998. С. 19—26.
- Падучева 2000 — Падучева Е. В. Наблюдатель как Эксперимент за кадром // *Иомдин Л. Л., Крысин Л. П.* (ред.). Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к семидесятилетию Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 185—201.
- Падучева 2001 — Падучева Е. В. Русский литературный язык до и после Пушкина // *Gerhard Ressel* (ed.). *A. S. Pushkin und die kulturelle identität Russlands*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. S. 97—108.
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. (<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf>)
- Падучева 2004а — Падучева Е. В. Эффект снятой утвердительности // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Труды междунар. конф. Диалог 2004. «Верхневолжский», 2—7 июня 2004. М.: Наука, 2004. С. 479—486. (http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/dialog_2004_Paducheva.pdf)
- Падучева 2004б — Падучева Е. В. Накопитель эффекта и русская аспектология // *Вопросы языкознания*. 2004. № 5. С. 46—57.
- Падучева 2005 — Падучева Е. В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // *Русский язык в научном освещении*. 2005/2 (10). М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 17—42. (<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/rjns2005.pdf>)
- Падучева 2006 — Падучева Е. В. Генитив дополнения в отрицательном предложении // *Вопросы языкознания*. 2006. № 6. С. 21—44.
- Падучева 2007 — Падучева Е. В. Генитив отрицания и наблюдатель в глаголах типа *звенеть* и *пахнуть* // *Язык как материя смысла*. К 90-летию акад. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007. С. 164—171.
- Падучева 2007а — Падучева Е. В. *Какой-нибудь* и *любой*: контекст снятой утвердительности // *Язык и действительность*. Сб. науч. трудов памяти В. Г. Гака. М.: Комкнига, 2007.
- Падучева 2008а — Падучева Е. В. Послесловие. Генитив отрицания: морфология, семантика, синтаксис // *Рахилина Е. В.* (ред.). *Объектный генитив при отрицании в русском языке*. Исследования по теории грамматики. Вып. 5. М.: Пробел-2000, 2008. С. 123—147.

- Падучева 2008б — *Падучева Е. В.* Дискурсивные слова и категории: режимы интерпретации // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 56—86.
- Падучева 2009 — *Падучева Е. В.* Understatement и смещенное отрицание // «Слово — чистое веселье»: Сб. статей в честь А. Б. Пеньковского. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 445—454.
- Падучева 2009а — *Падучева Е. В.* Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову—Вендлеру // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 3—21. (http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/Maslov_Vendler_final.pdf)
- Падучева 2010 — *Падучева Е. В.* Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя // ИАН СЛЯ. 2010. Т. 69. № 3. С. 16—20. (<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/symmetr-2010.pdf>)
- Падучева 2011а — *Падучева Е. В.* Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3—18. (<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/egocentrals.pdf>)
- Падучева 2011б — *Падучева Е. В.* ИмPLICITное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 3—18. (http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/vnutrilex_neg-VJa.pdf)
- Падучева 2011в — *Падучева Е. В.* «Мало ли кто» и другие маргинальные предикативные конструкции // Конф. «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы». СПб., 24—26 марта 2011.
- Падучева 2012 — *Отрицание* // Проект корпусного описания грамматики современного русского языка Русграм (<http://rusgram.ru>), 2012.
- Падучева 2012а — *Презумпция* // Проект корпусного описания грамматики современного русского языка Русграм (<http://rusgram.ru>), 2012.
- Падучева 2013 — *Модальность* // Проект корпусного описания грамматики современного русского языка Русграм (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи, 2013.
- Паперно 2012 — *Паперно Д. А.* Отрицательные конструкции финно-угорских языков как проблема теории языка // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2012. С. 356—381.
- Пекелис 2008 — *Пекелис О. Е.* Семантика причинности и коммуникативная структура: потому что и поскольку // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 66—84.
- Пеньковский 2004 — *Пеньковский А. Б.* Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Пешковский 1938 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938 (7-е изд. М., 1956; 8-е изд. М., 2001).
- Плунгян 2000 — *Плунгян В. А.* Общая морфология. М.: УРСС, 2000.
- Плунгян 2004 — *Плунгян В. А.* К дискурсивному описанию аспектуальных показателей // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского. М., 2004.
- Плунгян 2011 — *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Равич 1971 — *Равич Р. Д.* О выборе падежа прямого дополнения при переходных глаголах с отрицанием в русском языке // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 254—265.

- Рассудова 1968 — *Рассудова О. П.* Употребление видов глагола в русском языке. М., Изд-во МГУ, 1968.
- Рассудова 1982 — *Рассудова О. П.* Употребление видов глагола в современном русском языке. 2-е изд. М.: Изд-во «Русский язык», 1982.
- Рахилина 2008 — *Рахилина Е. В.* Предисловие // Объектный генитив при отрицании в русском языке. М.: Пробел-2000, 2008. С. 10—31.
- Рахилина 2010 — *Рахилина Е. В.* (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010.
- Рахилина, Резникова, Карпова 2010 — *Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Карпова О. С.* Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрэндинг // *Рахилина Е. В.* (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010.
- Рожнова 2009 — *Рожнова М. А.* Синтаксические свойства отрицательных местоимений в испанском и русском языках. Дипломная работа. РГГУ. 2009.
- Санников 1989 — *Санников А. З.* Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М.: Наука, 1989.
- Санников 1999 — *Санников А. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Санников 2001 — *Санников А. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Селиверстова 1977 — *Селиверстова О. Н.* Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке // Категории бытия и обладания в языке. М.: Наука, 1977.
- Татевосов 2002 — *Татевосов С. Г.* Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Тестелец 2001 — *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Томмола 1986 — *Томмола Х.* Аспектуальность в финском и русском языках // *Neuvostoliitto instituutin vuosikirja* (Helsinki). 1986. № 28.
- Томсон 1903 — *Томсон А. И.* Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке // *Русский филологический вестник XLIX*. Варшава, 1903. С. 192—234.
- Успенский 1960 — *Успенский В. А.* Предисловие «От редактора перевода» // *Черч А.* Введение в математическую логику. М., 1960.
- Филипенко 2003 — *Филипенко М. В.* Семантика наречий и адвербиальных выражений. М.: Азбуковник, 2003.
- Храковский 2007 — *Храковский В. С.* Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // *Храковский В. С.* (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сб. статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 600—632.
- Шатуновский 1996 — *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и нерелевантные слова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Шведова 1960 — *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Наука, 1960.
- Шведова 2007 — *Русский семантический словарь / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. IV. Глагол.* М.: Азбуковник, 2007.
- Шлуинский 2006 — *Шлуинский А. Б.* К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // *Вопросы языкознания*, 2006. № 1. С. 46—75.

- Шмелев 1958 — Шмелев Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1958. № 6. С. 63—75.
- Шмелев 1996 — Шмелев А. Д. Референциальные механизмы русского языка. Тампере, 1996.
- Черч 1960 — Черч А. Введение в математическую логику. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960.
- Янко 2001 — Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Aelbrecht, Haegeman, Nye 2012 — Aelbrecht L., Haegeman L., Nye R. (eds.). Main clause phenomena: New horizons. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2012.
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Y. Evidentiality, Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Auwera, Plungian 1998 — Auwera J. Van der, Plungian V. A. Modality's semantic map // Plank F. (ed.). Linguistic typology. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 79—124.
- Babby 1980 — Babby L. H. Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor: Caroma Publishers, 1980.
- Babby 2001 — Babby L. H. The genitive of negation: a unified analysis // Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Bloomington Meeting 2000 (FASL 9). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2001. P. 39—55.
- Bach 1986 — Bach E. The algebra of events // Linguistics and philosophy. 1986. V. 9. P. 5—16.
- Beaver 1997 — Beaver D. Presupposition // Benthem van J., Meulen ter A. (eds.). The Handbook of Logic and Language. Amsterdam: Elsevier, 1997. P. 939—1008.
- Beaver, Geurts 2011 — Beaver D., Geurts B. Presupposition // Zalta E. (ed.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2011. (<https://webpace.utexas.edu/dib97/sep-v3.2.pdf>)
- Boguslawski 1981 — Boguslawski A. On describing accomplished facts with imperfective verbs // The Slavic verb. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1981. P. 34—40.
- Borovikoff 1997 — Borovikoff N. L. Negated adjunct phrases are REALLY the Genitive of negation // Lindseth M., Franks S. (eds.). Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics. Ann Arbor: Michigan Slavic publications, 1997. P. 67—85.
- Borschev et al. 2005 — Borschev V., Paducheva E., Partee B., Testelets Y., Yanovich I. Sentential and constituent negation in Russian BE-sentences revisited // Formal approaches to Slavic linguistics: The Princeton meeting 2005 (FASL 14). Ann Arbor: Michigan Slavic publications, 2005.
- Borschev, Partee 1998 — Borschev V., Partee B. H. Formal and lexical semantics and the genitive in negated existential sentences in Russian // Formal Approaches to Slavic Linguistics 6: The Connecticut Meeting 1997. Ann Arbor: Michigan Slavic publications, 1998. P. 75—96.
- Borschev, Partee 2002a — Borschev V., Partee B. H. The Russian Genitive of negation in existential sentences // Prague linguistic circle papers. 2002. V. 4. P. 185—250.
- Borschev, Partee 2002b — Borschev V., Partee B. H. The Russian genitive of negation: Theme-Rheme structure or perspective structure? // Journal of Slavic Linguistics. 2002. 10. P. 105—144.
- Bronnikov 2006 — Bronnikov G. The Russian vsjakij // Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Princeton Meeting 2005 (FASL 14). Ann Arbor: Michigan Slavic publications, 2006. P. 66—82.

- Bybee et al. 1994 — *Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W.* The Evolution of Grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Carlson 1980 — *Carlson G. N.* Reference to Kinds in English. New York: Garland Publishing Co., 1980.
- Carston 1998 — *Carston R.* Negation, 'presupposition' and the semantics-pragmatics distinction // *Journal of Linguistics*. 1998. V. 34. P. 309—350.
- Chvany 1975 — *Chvany C. V.* On the Syntax of BE-Sentences in Russian. Cambridge (Mass.): Slavica Publishers, 1975.
- Cohen, Krifka 2011 — *Cohen A., Krifka M.* Superlative Quantifiers as Modifiers of Meta-Speech Acts // *Partee B., Glanzberg M., Skilters J.* (eds.). The Baltic International Yearbook of Cognition, Logic and Communication. Vol. 6. Manhattan (KS): New Prairie Press, 2011. P. 1—56.
- Dahl 1985 — *Dahl Ö.* Tense and aspect systems. Basil Blackwell Ltd., 1985.
- Dobrovol'skij, Levontina 2012 — *Dobrovol'skij D., Levontina I.* Russian *NET* vs. German *NEIN* 'NO': a semiotic approach // *Russian linguistics*. 2012. 36. P. 213—219.
- Donnellan 1966 — *Donnellan K. S.* Reference and definite descriptions // *The Philosophical Review*. Vol. 75. № 3. 1966. P. 281—304. (Рус. пер.: Доннеллан К. С. Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции) / Ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Радуга, 1982. С. 134—160.)
- Dowty 1979 — *Dowty D. R.* Word meaning and Montague grammar. The semantics of verbs and times in Generative Semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht: Reidel, 1979.
- Fauconnier 1975 — *Fauconnier G.* Pragmatic scales and logical structures // *Linguistic inquiry*. 1975. V. 6. P. 353—375.
- Fillmore 1968 — *Fillmore Ch. J.* Lexical entries for verbs // *Foundations of Language*. 1968. Vol. 4. № 4. P. 373—393.
- Fillmore 1969 — *Fillmore Ch. J.* Types for lexical information // *Kiefer F.* (ed.). *Studies in Syntax and Semantics*. Dordrecht, 1969.
- Fillmore 1971 — *Fillmore Ch. J.* Verbs of Judging: An Exercise in Semantic Description // *Fillmore C. J., Langendoen D. T.* (eds.). *Studies in Linguistic Semantics*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1971.
- Firbas 1975 — *Firbas J.* On «existence|appearance on the scene» in functional sentence perspective // *Prague studies in English*. 1975. Vol. XVI.
- Fontanille 1989 — *Fontanille J.* Les espaces subjectifs. Introduction à la sémiotique de l'observateur (discours, peinture, cinéma). Paris: Hachette, 1989.
- Forsyth 1970 — *Forsyth J.* A grammar of aspect. Cambridge, 1970.
- Fowler, Yadroff 1993 — *Fowler G., Yadroff M.* The Argument Status of Accusative Measure Nominals in Russian // *Journal of Slavic Linguistics*. 1993. 1(2). P. 251—279.
- Fraassen 1968 — *Fraassen van C.* Presupposition, Implication, and Self-Reference // *Journal of Philosophy*. 1968. 65 (5). P. 136—152.
- Franks, Dziverek 1993 — *Franks S., Dziverek K.* Negated adjunct phrases are really partitive // *Journal of Slavic linguistics*. 1993. 1 (2). P. 280—305.
- Frege 1892/1977 — *Frege G.* Sinn und Bedeutung // *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. 1892. № 100. S. 25—50. (Русск. пер.: Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977. С. 181—210.)

- Friedman 2005 — *Friedman V.* Admirativity: Between modality and evidentiality // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Vol. 58. No. 1. P. 26–37.
- Friedman 2012 — *Friedman V.* Perhaps Mirativity is Phlogiston, but Admirativity is Perfect: On Balkan Evidential Strategies // *Linguistic Typology*. 2012. Vol. 16. № 3. P. 505–527.
- Geis, Zwicky 1971 — *Geis M. L., Zwicky A. M.* On invited inferences // *Linguistic Inquiry*. 1971. 2 (4). P. 561–566. (<http://www.jstor.org/stable/4177664>)
- Giannakidou 2002 — *Giannakidou A.* Licensing and Sensitivity in Polarity Items: From Downward Entailment to (Non)Veridicality // *Chicago Linguistic Society*. 2002. 39.
- Grice 1975 — *Grice H. P.* Logic and conversation // *Syntax and Semantics*. Vol. 3. *Speech Acts*. N. Y.: Academic Press, 1975. (Русск. пер.: *Грауц Г. П.* Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.)
- Groenn 2004 — *Groenn A.* The semantics and pragmatics of the Russian factual imperfective. University of Oslo, 2004.
- Guiraud-Weber 1984 — *Guiraud-Weber M.* Les propositions sans nominatif en russe moderne. Paris, 1984.
- Guiraud-Weber 2002 — *Guiraud-Weber M.* Le marquage différentiel de l'objet en russe moderne: quoi de neuf? // *Essais sur le discours de l'Europe éclatée*. 2002. № 20.
- Guiraud-Weber 2003 — *Guiraud-Weber M.* Еще раз о русском генитиве отрицания: взгляд со стороны // *Russian linguistics*. 2003. P. 363–384.
- Hajičova 1975 — *Hajičova E.* Negace a presupozice ve významové stavbě věty. Praha: Academia, 1975.
- Haspelmath 1997 — *Haspelmath M.* Indefinite pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Heim 1983 — *Heim I.* On the projection problem for presuppositions // *Barlow M., Flickinger D., Westcoat M.* (eds.). Second Annual West Coast Conference on Formal Linguistics. Stanford University, 1983. P. 114–126.
- Hoeksema 2000 — *Hoeksema J.* Negative polarity items: triggering, scope and Ccommand // *Horn L., Kato Y.* (eds.). *Negation and Polarity. Semantic and Syntactic Perspectives*. Oxford University Press. 2000. P. 123–154. (<http://odur.let.rug.nl/~hoeksema/tsc.pdf>)
- Horn 1989 — *Horn L. R.* A natural history of negation. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Hunyadi 1981 — *Hunyadi L.* Отрицание и конструкции с числительными в современном русском языке // *Annales Instituti philologiae slavicae universitatis debreceniensis de Lodovico Kossuth nominatae*. Debrecen, 1981. P. 51–56.
- Israeli 1996 — *Israeli A.* Discourse analysis of Russian aspect: accent on creativity // *JSL*. 1996. 4.
- Jackendoff 1972 — *Jackendoff R. S.* Semantic interpretation in generative grammar. Cambridge: MIT Press, 1972.
- Jackendoff 1990 — *Jackendoff R. S.* Semantic Structures. Cambridge: MIT Press, 1990.
- Jakobson 1955 — *Jakobson R.* On linguistic aspects of translation // *Brower R. A.* On translation. Cambridge (Mass.), 1955.
- Jakobson 1957 — *Jakobson R.* Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1957. (Русск. пер.: *Якобсон Р.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // *Принципы типологического анализа языков различного строя* / Отв. ред. О. Г. Ревзина. М.: Наука, 1972. С. 95–113.)

- Jespersen 1924/1958 — *Jespersen O.* The Philosophy of Grammar. London, 1924. (Русск. пер.: *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.)
- Karttunen 1971 — *Karttunen L.* Implicative Verbs // *Language*. 1971. 47. P. 340—358. (Франц. пер.: *Karttunen L.* La logique des constructions anglaises à complément prédicatif // *Langages*. 1973. № 30. P. 56—80; Русск. пер.: *Карттунен Л.* Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 303—332.)
- Karttunen 1973 — *Karttunen L.* Presuppositions of Compound Sentences // *Linguistic Inquiry*. 1973. V. 4. P. 167—193.
- Karttunen 1974 — *Karttunen L.* Presuppositions and linguistic context // *Theoretical Linguistics*. 1974. V. 1. P. 181—194.
- Karttunen 2012 — *Karttunen L.* Simple and Phrasal Implicatives. In *Proceedings of *SEM: The First Joint Conference on Lexical and Computational Semantics*. Montréal, Canada. June 7—8, 2012. P. 124—131.
- Karttunen, Peters 1979 — *Karttunen L., Peters S.* Conventional implicatures // *Oh C., Dinneen D.* (eds.). *Syntax and semantics*. Vol. 11: Presuppositions. New York, 1979. P. 1—56.
- Karttunen, Zeenan 2005 — *Karttunen L., Zeenan A.* Veridicity // *Katz G., Pustejovsky J., Schilder F.* (eds.). *Annotating, Extracting and Reasoning about Time and Events*. Dagstuhl Seminar Proceedings. Dagstuhl (Germany), 2005.
- Keenan 1976 — *Keenan E. L.* Towards a Universal Definition of «Subject» // *Li Ch. N.* (ed.). *Subject and Topic*. N. Y.: Academic Press, 1976. P. 303—333. (Русск. пер.: *Кинэн Э. Л.* К универсальному определению подлежащего // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике / Сост. и ред. А. Е. Кибрик. М.: Прогресс, 1982. С. 236—276.)
- Kempson 1975 — *Kempson R. M.* Presupposition and the delimitation of semantics. Cambridge: Univ. Press, 1975.
- Kiparsky, Kiparsky 1970 — *Kiparsky P., Kiparsky C.* Fact // *Bierwisch M., Heidolph K. E.* (eds.). *Progress in Linguistics*. The Hague: Mouton, 1970. P. 143—173. (Reprinted in: *Jakobovits L., Steinberg D.* (eds.). *Semantics: An Interdisciplinary Reader*. Cambridge University Press, 1971.)
- Kiss 1995 — *Kiss È. K.* Definiteness effect revisited // *Kenesei I.* (ed.). *Levels and Structures*. Szeged, 1995. (Approaches to Hungarian. Vol. 5.)
- Klima 1964 — *Klima E.* Negation in English // *Fodor J., Katz J.* (eds.). *The Structure of Language*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1964. P. 246—323.
- Klenin 1978 — *Klenin E.* Quantification, partitivity and the Genitive of negation in Russian // *Comrie B.* (ed.). *Classification of Grammatical Categories*. Urbana: Linguistics Research, 1978. P. 163—182.
- Klima 1964 — *Klima E. S.* Negation in English // *Fodor J. A., Katz J.* (eds.). *The structure of language*. Englewood Cliffs (NJ), N. Y.: Prentice-Hall, 1964. P. 246—325.
- Kratzer 1978 — *Kratzer A.* Semantik der Rede. Kontexttheorie, Modalwörter, Konditionalsätze. Scriptor, 1978.
- Ladusaw 1980 — *Ladusaw W.* On the notion 'affective' in the analysis of negative polarity items // *Journal of linguistic research*. 1980. 1 (2). P. 1—16.
- Lazard 1999 — *Lazard G.* Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? // *Linguistic Typology*. 1999. 3. P. 91—109.

- Letučij 2008 — *Letučij A.* Сравнительные конструкции, ирреалис и эвиденциальность // Wiener Slavistischer Almanach. Sbd. 72. 2008. P. 215—238.
- Levin 1993 — *Levin B.* English Verb Classes and Alternations: A preliminary investigation. Chicago: Chicago UP, 1993.
- Levin, Rappaport 1995 — *Levin B., Rappaport Hovav M.* Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1995.
- Levin, Rappaport 2005 — *Levin B., Rappaport Hovav M.* Argument realization. Cambridge University Press, 2005.
- Lyons 1968/1978 — *Lyons J.* Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1968. (Русск. пер.: *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику М.: Прогресс, 1978.)
- Lyons 1977 — *Lyons J.* Semantics. Vol. 1—2. London: Cambridge University Press, 1977.
- Mehlig 1992 — *Мелиг Х. П.* Предельность и неопредельность в пространстве и во времени // *Reuther Th.* (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1991. Referate des XVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Klagenfurt. München: Otto Sagner, 1992. S. 242—250. (Slavistische Beiträge. Bd 292.)
- Miestamo 2005 — *Miestamo M.* Standard Negation. The Negation of the declarative verbal main clauses in a typological perspective. (Empirical approaches to language typology. 31.) Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005.
- Miller 1974 — *Miller J.* «Future tense» in Russian // Russian Linguistics. Vol. I. 1974. № 3—4. P. 255—270.
- Moore 1993 — *Moore G. E.* Selected Writings. Moore's Paradox. London: Routledge, 1993. P. 207—212.
- Mustajoki 1985 — *Mustajoki A.* Падеж дополнения в русских отрицательных предложениях I: изыскание новых методов в изучении старой проблемы // *Slavica Helsingiensia*. 2. Helsinki, 1985.
- Mustajoki, Heino 1991 — *Mustajoki A., Heino H.* Case selection for the direct object in Russian negative clauses // *Slavica Helsingiensia*. 9. Helsinki, 1991.
- Nunberg, Zaenen 1992 — *Nunberg G., Zaenen A.* Systematic polysemy in lexicology and lexicography // *Euralex'1992*. P. II. 1992.
- Paducheva 2008 — *Paducheva E. V.* Negation, suspended assertion and duality. The Third International Conference on Cognitive Science. Moscow, 20—25.06.2008. V. 1. 2008. P. 122—123.
- Paducheva, Pentus 2008 — *Paducheva E., Pentus M.* Formal and informal semantics of telicity // S. Rothstein (ed.). Theoretical and Crosslinguistic Approaches to the Semantics of Aspect. Amsterdam, 2008.
- Padučeva 2013 — *Padučeva Ye. V.* Русский глагол БЫТЬ: употребления в значении совершенного вида // Семантический спектр славянского вида. IV Конференция Комиссии по аспектологии Международного Комитета Славистов. Гётеборгский университет, 10—14 июня 2013 г.
- Partee 1973 — *Partee B.* Some structural analogies between tenses and pronouns in English // The Journal of Philosophy. 1973. 70.
- Partee 1996 — *Partee B. H.* The development of formal semantics in linguistic theory // *Lappin S.* (ed.). The Handbook of Contemporary Semantic Theory. Oxford: Blackwell, 1996. P. 11—38. (http://bhpartee.narod.ru/Partee_1996DevelofFormalSemantics.pdf)

- Partee 2004 — *Partee B. H.* The airport squib: *Any, almost, and superlatives* // *Compositionality in Formal Semantics: Selected Papers by B. H. Partee*. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. P. 231—240.
- Partee, Borschev 2002 — *Partee B. H., Borschev V. B.* Genitive of Negation and Scope of Negation in Russian Existential Sentences // *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: the Second Ann Arbor Meeting 2001 (FASL 10)*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2002. P. 181—200.
- Partee, Borschev 2004 — *Partee B. H., Borschev V. B.* The semantics of Russian Genitive of Negation: The nature and role of Perspectival Structure // *Watanabe K., Young R. B.* (eds.). *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT)*. 14. Ithaca (NY): CLC Publications, 2004. P. 212—234.
- Partee, Borschev 2004a — *Partee B. H., Borschev V. B.* The Russian Genitive of Negation: Integration of Lexical & Compositional Semantics. Project proposal for NSF Grant BCS-0418311, awarded for 2004–2008.
- Partee, Borschev 2007 — *Partee B. H., Borschev V.* Existential sentences, BE, and the Genitive of Negation in Russian // *Comorovski I., Heusinger von K.* (eds.). *Existence: Semantics and Syntax*. Dordrecht: Springer, 2007. P. 147—190.
- Partee et al. 2012 — *Partee B. H., Borschev V., Paducheva E. V., Testelefs Y., Yanovich I.* The Role of verb semantics in genitive alternations: Genitive of Negation and Genitive of Intensionality // *A. Grønn A., Pazel'skaya A.* (eds.). *The Russian Verb*. Oslo Studies in Language. 4(1). 2012. P. 1—29. <http://www.journals.uio.no/osla>
- Perelmutter 2005 — *Perelmutter R.* Case choice in Russian genitive / nominative absence constructions // *Russian linguistics*. 2005. P. 319—346.
- Pereltsvaig 2000 — *Pereltsvaig A.* Monotonicity-based vs. veridicality-based approaches to negative polarity: evidence from Russian // *King T. H., Sekerina I. A.* (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Philadelphia Meeting 1999*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2000. P. 328—346.
- Pesetsky 2002 — *Pesetsky D.* Summary of unaccusativity and related issues // *Class handout, course 24.902*. Cambridge: MIT, 2002.
- Portner, Partee 2002 — *Portner P., Partee B. H.* (eds.). *Formal Semantics: The Essential Readings*. Oxford: Blackwell Publishers, 2002.
- Potts 2005 — *Potts Ch.* The Logic of Conventional Implicatures. Oxford Studies in Theoretical Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Potts 2007 — *Potts Ch.* Conventional implicatures, a distinguished class of meanings // *The Oxford Handbook of Linguistic Interfaces*. 2007. P. 475—501.
- Potts 2008 — *Potts Ch.* Indirect answers and cooperation: On Asher and Lascarides's 'Making the right commitments in dialogue'. Commentary paper for the University of Michigan Linguistics and Philosophy Workshop on Implicatures. 2008. Nov. 21—23.
- Pustejovsky 1991 — *Pustejovsky J.* The generative lexicon // *Computational Linguistics*. 1991. Vol. 17.
- Quine 1953 — *Quine W. O.* *From a Logical Point of View*. Cambridge (Mass.): Harvard UP, 1953.
- Quine 1961 — *Quine W. O.* *Logic as a source of syntactical insight* // *Structure of language and its mathematical aspects*. Providence, 1961.
- Rappaport 1985 — *Rappaport G.* Aspect and modality in contexts of negation // *Flier M., Timberlake A.* (eds.). *The scope of Slavic aspect*. Columbus (Ohio), 1985.

- Reichenbach 1947 — *Reichenbach H.* Elements of Symbolic Logic. N. Y.: The MacMillan Co., 1947.
- Restan 1960 — *Restan P. A.* The objective case in negative clauses in Russian: the Genitive or the Accusative? // *Scando-Slavica* 6. 1960. P. 92—111.
- Rihbani 1920 — *Rihbani A. M.* The Syrian Christ. London: A. Melrose, 1920.
- Roberts 2006 — *Roberts C.* Only, presupposition and implicature // *Journal of Semantics*. 2006. (<http://ling.osu.edu/~croberts/only.pdf>)
- Roberts 2012 — *Roberts C.* Questions in discourse. NASSLLI, Austin. 2012. (<http://nasslli2012.com/courses/questions-in-discourse>)
- Roberts et al. 2012 — *Roberts C., Tonhauser J., Beaver D., Simons M.* Towards a taxonomy of projective content. 2012. (<http://nasslli2012.com/files/courses/tonhauser-et-al-taxonomy-of-projective-content.pdf>)
- Russell 1940 — *Russell B.* An inquiry into meaning and truth. L., 1940.
- Schenner 2012 — *Schenner M.* Structures for Interpreting Evidentials. International workshop «The nature of evidentiality». Leiden, The Netherlands, 14—16 June 2012. (<http://media.leidenuniv.nl/legacy/schenner-mathias.pdf>)
- Schmerling 1971 — *Schmerling S. F.* Presupposition and the notion of normal stress // *CLS—VII*. Chicago, 1971.
- Searle 1975 — *Searle J. R.* Indirect speech acts // *Syntax and Semantics*. Vol. 3. N. Y.: Acad. Press, 1975. P. 59—82. (Русск. пер.: *Серл Дж.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 195—222.)
- Sgall, Hajičova 1977 — *Sgall P., Hajičova E.* Focus on focus. I // *Prague bull. math. linguistics*. 1977. V. 28. P. 5—54.
- Smith 1997 — *Smith C. S.* The parameter of aspect. 2nd ed. Dordrecht, 1977.
- Stalnaker 1972 — *Stalnaker R.* Pragmatics // *Davidson D., Harman G.* (eds.). *Semantics of Natural Language*. Dordrecht: D. Reidel, 1972. P. 380—397.
- Stalnaker 1974 — *Stalnaker R.* Pragmatic presupposition // *Stalnaker R.* (ed.). *Context and Content*. Oxford University Press, 1974.
- Stalnaker 1974a — *Stalnaker R.* Pragmatic presuppositions // *Munitz M., Unger P.* (eds.). *Semantics and Philosophy*. New York: University Press, 1974. P. 197—214.
- Strawson 1952 — *Strawson P. F.* Introduction to logical theory. L., 1952.
- Strawson 1964 — *Strawson P. F.* Identifying reference and truth values // «*Theoria*». XXX. 1964. P. 96—118.
- Szabolcsi 1986 — *Szabolcsi A.* From the definiteness effect to lexical integrity // *Abraham W., de Meij S.* (eds). *Topic, Focus and Configurationality*. Amsterdam, 1986.
- Talmy 2000 — *Talmy L.* Toward a Cognitive Semantics. Vol. 2. Concept Structuring Systems. Cambridge (Mass.); London: A Bradford Book — The MIT Press. 2000.
- Tatevosov 2002 — *Tatevosov S. G.* The parameter of actionality // *Linguistic typology*. 2002. V. 6.
- Timberlake 1975/1986 — *Timberlake A.* Hierarchies in the Genitive of Negation // *Slavic and East European Journal*. 1975. V. 19. P. 123—138. (Reprinted in: *Brecht R. D., Levine J. S.* (eds). *Case in Slavic*, Columbus: Slavica Publishers, 1986. P. 338—360.)
- Timberlake 1985 — *Timberlake A.* The temporal schemata of Russian predicates // *Flier M. S., Brecht R.D.* (eds). *Issues in Russian morphosyntax*. Columbus (Ohio), 1985.
- Timberlake 2004 — *Timberlake A.* A reference grammar of Russian. Cambridge UP, 2004.

- van Fraassen 1968 — *van Fraassen B. C.* Presupposition, Implication and Self-Reference. *Journal of Philosophy*. 1968. 65 (5). P. 136—152.
- Vendler 1967 — *Vendler Z.* *Linguistics in Philosophy*. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1967.
- Vendler 1980 — *Vendler Z.* Telling the facts // *Kiefer F., Searle J.* (eds.). *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht, 1980. (Русск. пер.: *Вендлер З.* Факты в языке // *Философия. Логика. Язык*. М.: Прогресс, 1987.)
- Veurenc 1964 — *Veurenc J.* кто-нибудь et кто-либо formes concurrentes? // *Revue des études slaves*. 1964. V. 40. P. 224—233.
- Weinreich 1963/1970 — *Weinreich U.* On the Semantic Structure of Language // *Greenberg J.* (ed.). *Universals of Language*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1963. P. 114—171. (Переизд.: *Weinreich U.* *On Semantics*. [Philadelphia:] Univ. of Pennsylvania Press, 1980. P. 37—96; Русск. пер.: *Вейнрейх У.* О семантической структуре языка / Пер. И. А. Мельчука // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. V: Языковые универсалии / Ред. В. А. Звегинцев. М.: Прогресс, 1970. С. 163—249.)
- Weiss 2013 — *Weiss D.* Russian Double Verbs in the 1st PL Imperative // *Proceedings of the 6th International Conference on Meaning-Text Theory Prague*. August 30—31, 2013. P. 222—232.
- Wierzbicka 1969 — *Wierzbicka A.* *Dociekania semantyczne*. Wrocław etc.: Ossolineum, 1969.
- Wierzbicka 1980 — *Wierzbicka A.* *Lingua mentalis*. Sydney etc.: Acad. Press, 1980.
- Wierzbicka 1980a — *Wierzbicka A.* The Case for Surface Case. *Ann Arbor: Caroma*, 1980.
- Wierzbicka 1987 — *Wierzbicka A.* The semantics of modality. *Folia Linguistica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae*. 1987. Tomus XXI/1. P. 25—43.
- Wierzbicka 1988 — *Wierzbicka A.* *The Semantics of Grammar*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988.
- Wierzbicka 1996 — *Wierzbicka A.* *Semantics: Primes and Universals*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1996.
- Wierzbicka 2006 — *Wierzbicka A.* *English: meaning and culture*. Oxford University Press, 2006.
- Zalizniak 1992 — *Zalizniak Anna.* *Issledovanija po semantike predikatov vnutrennego sostojanija*. [Investigations into the semantics of inner state predicates.] München: Otto Sagner, 1992.
- Zalizniak et al. 2013 — *Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Rousseau M.* Database of semantic shifts in the languages of the world. Available online at: <http://semshifts.iling-ran.ru>.
- Zwarts 1998 — *Zwarts F.* Three types of polarity items // *Hamm F., Hinrichs E.* (eds.). *Plurality and Quantification*. Dordrecht: Kluwer, 1998. P. 177—238.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

(составитель — Н. М. Стойнова)

- адвербиал 23, **45**, **46–54**, **54–56**, 70, 80, 157, 162, 189, 190, 201, **232–233**, 241–248, **273–274**
адвербиала сфера действия 201
актантная структура 11, 66, 86, 88, 105, 127, 128–135, 175, **220–222**, 259, *см. также* модель управления
акциональный класс предиката (= таксономическая категория) 131, 132, 180, **193–211**
– действие с акцентом на результате 206
– деятельность 66, 98, 173, 180, 190, 198, 220, 221
– обобщенная деятельность (= generic state) 198
– постоянное свойство /соотношение 197
– процесс 131, 132, 221
– свойство 131–132, 150
– состояние 66, 87, 145, 150, 191
аллегария 31–32
аспектуальная композиция 198
аспектуальность **194–200**, 210
– грамматическая vs. лексическая 194–200
– количественная 196, 197, 210
– линейная 196, 210
ассертив вторичный 39, 40
ассертивный статус пропозиции 21–41
– ассерция (= ассертив) 21–41, 219–220
– имплицитив 31, 63, 86, 87, 105, 168, *см. также* импликация
– импликация 32, **38**, 39, 59, **63**, 64, 65, 68, 69, 138, 154, 180, 248
– инференция 11, 32, 38, 89–90, 93, 130, 138, 143, 145, 151, 169–170, 213
– презумпция (= пресуппозиция) 11–13, 16, 20, **21–41**, 44–47, 60–70, 87–92, 94, 96, 99, 105, 116, 120, 138, 140, 143, 144, 160, 168, 170–173, 203–205, 219, 221, 229, 231, 240–245, 249–250, 256, 259–260
– слабый компонент 48
биимпликация 31, *см. также* глагол биимплицитивный
– отрицательная 31
бытийное предложение 85, **104–105**, **114–128**, *ср.* локативное предложение
бытийный глагол 87, 91, 105, 123, 128, *см.* тематический класс предиката
вершина
– семантическая 25, 43, 44–46
– синтаксическая 42, 56–57, 266, 269, 274
видовая пара 100, 188, 197, 203
возможность 73, 211
– внешняя 211
– внутренняя 211

- деонтическая 211, **212**, 215
- эпистемическая 211, 212, **213**, 215, 236
- возникновения глагол 123, *см.* тематический класс предиката
- вопрос 250–252
  - общий 72
- восполняющее значение творительного падежа 134
- восприятия глагол (= перцептивный глагол) 30, 88, 90, 105, 123, 125, 128, 129, 139–141, 143–145, 150–153, 158, 160, 168, 170, 175, 220, 257–258, 260, *см.* тематический класс предиката
- вторичный дейксис 183, 195, *см. также* эгоцентризм
- выявления глагол 123, *см.* тематический класс предиката
- генитивная конструкция 82–192
  - бытийная 104–128, 132–135, 143, 160, 168, 169–172, 258–259
  - квази-партитивная **161**, 163
  - с локативным значением 88, 104–109, 114–116, 123, 126, 128, 172, 178, 180, 186
  - с собственно экзистенциальным значением **86–94**, 105, 121, 180, 186, 257
  - со значением наличия 123
  - со значением предназначения 121, 159
- генитивный глагол 82–192
- гипотаксический контекст 37, 112, 182, 250
- глагол
  - биимпlicativeный 30–31, *см. также* биимпликация
  - интенциональный 145
  - конативный (= конатив) 203–205, 210, 253
  - моментальный (= achievement) 184, 188, 190, 197, 198, 202, **205–211**, 259
  - неопредельный 198, 220
  - предельный 197–198, 202–207, 210
  - реверсивный 188–189, 198
  - с накоплением результата 203
  - стативный 13, 92, 107–109, 114, 128, 144, 171, 172, 175, 180, 184, 186, 200–201, 209–210, 258–260
  - фазовый 23–24, 37, 154, 272
  - фактивный 23, 28, **30–32**, 36, 37, 40, 62–63, 66, 240, *см. также* презумпция фактивная
  - феноменологический глагол 124
- данное vs. новое 36
- движения глагол 123, 141, 150, 174, 181, 260, *см.* тематический класс предиката
- двойственные слова (= двойственники) 11, 26, **241–248**
- действие с акцентом на результате 206, *см.* акциональный класс предиката
- денотативный статус (= референциальный статус) 11, 67, 138
- дескрипция определенная 23
- дизъюнкция 32, 50, 77
- запланированность 91–92
- знания глагол 28, 30, 36, 141, 145, 150, 152–153, **158–160**, 220, *см.* тематический класс предиката
- импlicative 31, 63, 86, 87, 105, 168, *см.* ассертивный статус пропозиции
- импликатура 32, **38**, 39, 59, **63**, 64, 65, 68, 69, 138, 154, 180, 248, *см.* ассертивный статус пропозиции
  - дискурса 38, 69, 76
  - идентифицирующая 63, 65, 68, 69
  - конвенциональная 38

- импликация 20, **30–32**, 48, 105, 158, *см. также* имплицитив
интерпретации глагол 68, *см. тематический класс предиката*
интродуктивное предложение 117–118, 131
инференция 11, 32, 38, 89–90, 93, 130, 138, 143, 145, 151, 169–170, 213
– несуществования 89–94, 145
– отсутствия 89, 151
исчезновения глагол 123, *см. тематический класс предиката*
исчерпывающего перечисления интерпретация 121
- категориальная предпосылка** 24
каузатор 60–63, 66, 69–71, 131, 134, *см. семантическая роль*
кванторное слово **56–60**, 79, 99, 138, 146, 147, 172, 223, 226, 230, 232, 261, 272, 274
классификация предикатов 12, 15, 31, 131, 132, 139, 158, 180, 193–211, 257
– акциональная, *см. акциональный класс предиката*
– Маслова – Вендлера 194, 195, 211
– тематическая, *см. тематический класс предиката*
- коммуникативная ситуация 182
– каноническая vs. неканоническая 182
коммуникативная структура (= тема-рематическая структура) 24, 44, 56, 240, 244
– интродуктивная 131, *см. также* интродуктивное предложение, интродуктивный фразовый акцент
- коммуникативный провал 25
композиционность 240
контекст
– гипотаксический 37, 112, 182
– снятой утвердительности 244–247, 274
- контроль 179, 212
концептуализация 109, 110, 174, 258
конъюнкция 26–27, 46, 50
косвенная vs. прямая номинация 68, 79, 92
- личная сфера говорящего 106, 112, 140, 148, 153, 155, 159
локативное предложение 109, 114–128, *ср. бытийное предложение*
- местонахождения глагол** 88, 138, *см. тематический класс предиката*
модальность 25, 32–34, 50, 52, 58, 64, 65, 73, 97, 211–218, 236, 237, 254
– возможность 73, 211–213, 236, *см. возможность*
– деонтическая 211–218
– нейтральная 32, 33, *см. снятая утвердительность*
– необходимость 214–218
– утвердительная 32, 50
– эпистемическая 211–218, 236
- модель управления 133, 221, *см. также* актантная структура
модификатор 46–48, 50–54, 70, 96–98, 262
момент наблюдения 107, 108, 110, 175, 178, 179, 195, 196, 202, 207, 209, 210
момент речи 111, 178, 195, 207
- наблюдаемое отсутствие** **104–114**, 123, 125, 133, 135, 138, 145, 152, 154, 158–160, 173, 178, **181–186**, 190, 258, 259
наблюдатель 11–14, 85–89, 92, 97–100, 104, **104–114**, **123–135**, 138–141
– проспективный 108
– ретроспективный 107–110, 178, 191, 195, 196, 199
– синхронный 107–110, 127, 175, 186, 190, 199

- наблюдателя личная сфера 106, 112, 113
 наличия глагол 123, *см.* тематический класс предиката
 нарратив 182
 ненаступления события состояние 190–191, **200–202**, 209
 необходимость 214–218
   – внешняя 214
   – внутренняя 214
   – деонтическая 214
   – эпистемическая 215
 нереальность 236
 несовершенного вида значение (= несовершенного вида значение частное, = имперфектива значение) 193–218
   – актуально-длительное (= прогрессив) 108, 109, 114, 173, 175, 178, **196**, 198–200, 206, 249
   – конативное 203
   – континуальное 189, 198
   – многократное (= повторяющегося события, итератив) 189, 196, 197, 199, 217
   – общефактическое неопределенное (= нерезультативное) 198, 207
   – общефактическое реверсивное 188–189, **198**
   – общефактическое результативное 198
   – совершенное 205, 206, 209
   – постоянно-непрерывное 197
   – потенциальное (= капацитив) 197
   – предстояние 198
   – ретроспективное (= общефактическое) **200–209**
   – сингулярное 205–207
   – синхронное vs. несинхронное 109, 173, 190, 196–198, 199, **200–202**, 210
   – событийное 107, 191, 192, 200
   – тенденция 198, 201
   – узуальное (= хабитуалис) 143, 146, 190, 196, 197, 199, 248–249
 несовершенного вида значение обусловленное
   – лексически 195
   – режимом интерпретации 196
   – синтаксически 195
обладания глагол 138, 139, 141, 150, **152**, 157–158, 160, 258, *см.* тематический класс предиката
 обнаружения глагол 123, *см.* тематический класс предиката
 обобщенная деятельность 198, *см.* акциональный класс предиката
 обстоятельство времени 19, 53, 108, 110, 132, 161–163, 191
   – включенное 108, 190
   – объемлющее 108
 обстоятельство времени, «сплошь заполненного действием» 190, 191
 обстоятельство длительности 43, 163, 190, 201, 205
   – кратности 199
 общее отрицание **18–21**, **41–81**, 122, 265, *см.* отрицание
 общие фоновые знания (= общий фонд знаний; известность) 27, 29
 одушевленность 84, 94–95, 165, 167, 171
 ожидание, ожидания семантика 52, 78, 85, 94, 96–98, 158, 208, 241–242
 определенность vs. неопределенность 11, 17, 59, 110–111, 118, 125, 138, 140, 143–152, 158–160, 165–170, 175, 199, 259

определенность слабая 147

отрицание

- внешнее 33–35, 63
- внутрисловное 17, 32, 221, **222–234**, 248, 261
- глобальное 11, 12, 33, 42, **46–60**, 70, 80, 99, 156, 160, 243–247, 256
  - в контексте снятой утвердительности 245
- контрадикторное **19**, 226, 234, 249
- контрарное **19**, 226, 234, 239
- кумулятивное 42, 71–74
- общее **18–21**, **41–81**, 122, 265
- предикатное (= сентенциальное отрицание) **41**, 219, 231, 240, 256, **265–266**
- присловное 41–43, **44–45**, 53, 56, 58–60, 219, 256, 265–266
- противопоставительное 43, 45, 200, **249–250**
- радикальное (= имплицативное) 43–44, **60–71**, 256
- смещенное 74–81, 147, 156
- сопредикатное 224–225, 232, 219, 240, 256
- стандартное 35, 44, 62–70, 248
- фразовое 41, 266, 269
- частное **18–21**, 41, 44, 52, 55, 57, 59, 115, 122, 265–266

отрицания сфера действия 18–19, **21–40**, 45, 52, 56, 66, 69, 70, 72, **146–148**, 162, 201, 204, 237–238, 241, 243, 245–246, **248–249**, 264, 265–269, 263–274

- узкая 53, 245–246, 248–249
- широкая 45, 53, 58–60, 70, 243–246, 248–249, 265

отрицательная поляризация (= полярность) 11, 222–238, 265

отрицательное местоимение 58, 71–73, 231, 235, 261

- предикативное 71

отрицательное согласование 71, 273

парадокс Мура 184

перемещения глагол 88, 138, 153, 158, 160, 191, 258, *см.* тематический класс предиката

перспектива 109, 146, 194–197, 206, *см.* ракурс; точка отсчета; позиция наблюдателя

- синхронная 109, 195–197, 206

перцептивный глагол (= восприятия глагол) 86, 105–106, 125, 129, 258–259

подъем отрицания 43, 239–242, 256, 272

положения в пространстве глагол 258, *см.* тематический класс предиката

постоянное свойство /соотношение 197, *см.* акциональный класс предиката

появления глагол 89, 105, 123, 129, *см.* тематический класс предиката

предложение отрицательное 18–20, 41–81

- общеотрицательное **18**, 40, **43–45**, 53, 54, 58, 72, 115, 162, 163, 221, 240–245, 256, 269
- частноотрицательное **18–20**, 41–43, 49–54, 58–59, 80, 121, 162–163, 194, 201–202, 256, 261–262, 265

презумпций подавление 33–35

презумпция (= пресуппозиция) 21–40

- известности адресату 28
- (не)желательности 240
- прагматическая 27–30
- семантическая 22, 27–29, 68
- существования и единственности **23**
- фактивная **23**, 28, 32–36, 38, 61, 240

пресуппозиция *см.* презумпция

- принцип общих фоновых знаний 27
- проекция 39–40, 112, 183, 250
- гипотаксическая 112, 250
- пропозиция 70–71, 96–97, 112, 126, 162, 172, 219, 242, 247–248, 265, 272
- проявления глагол 88, 123, **129–135**, см. тематический класс предиката
- обонятельного 132
  - тактильного 131
- ракурс 194–199, 204, см. также позиция наблюдателя; точка отсчета; перспектива
- несинхронный 198
  - проспективный 108, 195, 198
  - ретроспективный 195, 199, 204
  - синхронный 195
- расщепление событийной каузативной конструкции 61
- режим интерпретации 112, 178, 185, 195, **199**
- нарративный 178, 182, 183, 199
  - речевой 111, 178, 209
- рематический модификатор 46–47
- рематичное слово 32, 270
- ретроспекция 110, 196–198, 206, см. также ракурс ретроспективный
- референтность vs. нереферентность 12, 59, 71, 84, 95, 120, 139–143, 148–151, 154, 157, 160, 170–171, 229
- референциальный (= денотативный) статус 11, 118, 139, 141–142, 149–150, 158
- референциальный потенциал имени 12, 139, **149–150**, 156
- референция атрибутивная 91, 140
- речевой акт 16, 25, 27, 99, 182, 183, 251–252
- ирония 75
  - уловка 56, 81
  - экивок 34, 76
- речи глагол 30, 155, см. тематический класс предиката
- свойство 131–132, 150, см. акциональный класс предиката
- семантика
- лексическая 211
  - сильная 22
  - слабая 22
- семантическая конфигурация 106
- семантическая роль
- Агнс 61, 66, 68, 69, 94, 151, 179, 215, 220, 221, 259
  - Источник 133–134
  - Каузатор 60–63, 66, 69–71, 131, 134
  - Конечная точка 219–221
  - Место 85–86, 111–113, 116–122, **126–128**, 133, 135, 164, 167, 170, 174, 181
  - Мишень 61
  - Недостача 220–221
  - Пациенс 131, 179
  - Перцепт 130–132
  - Результат 151
  - Субъект сознания 85, 87–94, 106, 113, 123, 170, 172, 175, 179, 185
  - Эксперимент 86, 88, 105, 129, 131, 175
  - Эффект 61–63

- семантический компонент
– модифицирующий (= модификатор) 46
– слабый 48
- семантический переход (= семантический сдвиг, сдвиг значения, лексический переход) 20, 38, 79, 89, 105–106, 130, 138, 170, 174, 185, 191–192, 260
- синтаксические рефлексы отрицания 17, 222
- скрэмлиг 163
- слабой степени семантика 48
- следствие **22**, 31, 34, 50, 63, 65, 98, 185
– логическое 22
– семантическое 22, 144, 185
- снятая утвердительность (= модальность нейтральная) 11, 14, 29, 31–34, 46, 49–60, 64–67, 72, 156, 224, 236–237, 240, 244–247
- совершенного вида секвентная функция 200
- совершенного вида семантические компоненты 207–211
- создания глагол 138–141, 150–154, 160, 258, *см.* тематический класс предиката
- состояние 66, 87, 145, 150, 191, *см.* акциональный класс предиката
– ненаступления события 190–191, **200–202**, 209
– перфектное 205–206
- союз 23, 32, 37–38, 44, 49, 58, 64, 68, 76, 80, 179, 235, 245, 247, 271–272, 274
- сравнительный оборот 224
- структура перспективы 126
- субъект сознания 85, 87–94, 106, 113, 123, 170, 172, 175, 179, 185
- существования предложение (= экзистенциальное предложение, = бытийное предложение)
117
- таксономическая категория предиката *см.* акциональный класс предиката
- тема-рематическая структура предложения 157
- тематический класс имени 12, 139, **149**
– животное 149
– лицо 90, 95, 125, 155, 158, 171, 180
– масса /множество /вещество (= mass term) 90, 95, 126, 134, 142–143, 158–161, 171
– свойство 150
– состояние 150
– транспортное средство 92
– часть тела 157
– человек 149
- тематический класс предиката 12, 15, 139, 158, 192, 257
– бытийный глагол 87, 91, 105, 123, 128
– глагол возникновения 123
– глагол восприятия (= перцептивный глагол) 30, 86, 88, 90, 105, 123, 125, 128, 129, 139–141, 143–145, 150–153, 158, 160, 168, 170, 175, 220, 257–259, 260
– глагол выявления 123
– глагол движения 123, 141, 150, 174, 181, 260
– глагол знания 28, 30, 36, 141, 145, 150, 152–153, **158–160**, 220
– глагол интерпретации 68
– глагол исчезновения 123
– глагол местонахождения (= локализации) 88, 138, 180, 258
– глагол мнения 220
– глагол наличия 123

- глагол обладания 138, 139, 141, 150, **152**, 157–158, 160, 258
  - глагол обнаружения 123
  - глагол перемещения 88, 138, 153, 158, 160, 191, 258
  - глагол положения в пространстве 258
  - глагол появления 89, 105, 123, 129
  - глагол проявления 88, 123, **129–135**
  - глагол речи 30, 155
  - глагол создания 138–141, 150–154, 160, 258
  - глагол физического воздействия 153
  - глагол эмоции 30, 62, 66, 155, 158
  - типология 17, 33, 183, 185, 194, **210**
  - точка отсчета 7.1 (= позиция наблюдателя) 107, 111, **194–195**, 210, *см. также* перспектива
  - триггер презумпции (= триггер пресуппозиции) 23, 25, 34, **37–38**, 40
  - уловка 55, 81, *см. речевой акт*
  - утвердительное предположение отрицательного вопроса 156, 252
  - утверждение сильное /слабое 55, 56, 75–77, 81
  - ф**изического воздействия глагол 153, *см. тематический класс предиката*
  - форсированное (= вынужденное) употребление 200, 228
    - генитивной конструкции **84**, 86, **97–100**, 258
  - фразовая безударность 36, 46, *см. также* фразовый акцент
  - фразовый акцент 25, 36, 46, 52, 62, 64, 96, 239, 270
    - главный 36
    - интродуктивный 36, 37
    - рематический 25, 36
  - функции вида 193–211
    - внутрифразовые 200
    - дискурсивные 195, 200, 210, 211
  - эвиденциальность 177–189, 259
    - непрямая 178
    - прямая 177, 178, 182
  - эгоцентрик 182–183, 195
    - вторичный (= мягкий) 37, 183, 185, 195, *см. также* вторичный дейксис
    - первичный 183, 195
  - экзистенциальное предложение (= предложение существования, = бытийное предложение) 122, 186
  - экивок, *см. речевой акт*
  - эмоции глагол 30, 62, 66, 155, 158, *см. тематический класс предиката*
  - эпистемическое обязательство 184
-
- accomplishment ($\approx$ глагол предельный) 197
  - achievement ($\approx$ глагол моментальный) 197
  - adverbial modifier 46
  - at issue component (= ассерция) 25, 39
  - availability 121
  - background knowledge 27
  - Betrachtzeit (= момент наблюдения) 195

- Common Ground condition (= принцип общих фоновых знаний) 27
constituent negation ($\approx$ присловное отрицание) 41
conversational implicature (= импликатура дискурса) 38, 69
definiteness effect 96
downward /upward entailment 237
external negation 33
free choice pronouns (= местоимения свободного выбора) 239
generic state (= обобщенная деятельность) 198
imperfectiva tantum 188
incremental theme (= накопитель эффекта) 198
invited inference 38
lexical aspect 195, *см. также* viewpoint aspect
mass term (= имя вещества, имя массы) 95, 126, 171
Neg-Raising (= Neg-transportation) 240, 257
negative polarity (= отрицательная поляризация, отрицательная полярность) 237
non-specific indefiniteness (= нереферентность) 33, 71, 116
non-veridicality (= снятая утвердительность, = suspended assertion, = neutralization of assertiveness) 32
presupposition trigger (= триггер презумпции) 23
presupposition-denying negation – 34, 35, (= отрицание внешнее)
presupposition-preserving negation – 34, 35, 221 (= отрицание стандартное)
sentential negation ($\approx$ предикатное отрицание) 41, 41, 256
specific indefiniteness (= неопределенность) 33, 71, 116
stage 262
understatement ($\approx$ литота) 12, 46, 81, 238–239, 247
viewpoint (= ракурс) 195
viewpoint aspect 195, *см. также* lexical aspect

ЛЕКСИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

(составитель — С. А. Крылов)

- а 179, 180, 270, 280, 282
белеть 88, 100, 124, 125, 129–131, 138, 170,
173, 175, 183, 257–258
блестеть 88, 103, 130, 173
бояться 51, 220, 240, 279
братъ 189, 193f, 201, 206–211
бы 34, 37, 47, 50f, 54f, 156
бы то ни было 222–223, 225–226, 231–238
бывать 100, 127, 164, 190
быстро 23, 47, 55, 274
быть 13, 72, 87, 88, 92, 94, 100, 104–129,
138f, 144, 146, 159, 161f, 165f, 172–176,
178–181, 184, 186–192, 253, 258ff, 277,
279, 281, 289
взять 149f, 153, 193f, 206–211
видеть 30, 88, 99, 137f, 143ff, 151, 153, 158,
184
видно, виднеется 85, 88–90, 94, 100–101, 105,
125, 128, 140, 169, 257
висеть 98, 103, 124, 173, 180, 258
возвращаться 103, 199, 205f
воздержаться 17, 227f, 231
возникать 96, 101, 166, 257
возникнуть 42, 82, 86f, 101, 104, 115, 123, 129,
143, 155, 161, 164ff, 168f, 258
все, всё 41–42, 44, 55, 57–59, 75, 147, 156, 223,
226–231, 235, 237, 274
вскоре 45, 50f, 55, 274
встретиться 86, 88, 90, 95, 101, 123, 169
всякий 73, 223, 225–232, 234–238, 273, 278
выезжать 103, 187–189
гореть 83, 98, 103, 124
гремять 103, 130, 132–133
громко 23, 47, 50–51, 56
даже 21, 26, 37, 158, 244, 248
дать 152, 156, 190, 207
долго 41, 43, 54, 80
должен 32, 211, 214–217, 240
доноситься 88–89, 96, 101, 105, 123, 125, 169
думать 31–32, 239–240, 279
едва ли 244–247, 274
если (бы) 16, 24, 32, 37–38, 46–47, 49, 50, 55,
58–59, 68, 76, 156, 223f, 234, 245–248, 274
ещё (не) 26, 29, 92, 158, 187, 191, 241–246, 270f
жалеть 22–24, 27–28, 30, 44
забыть 28, 30f, 154, 161, 234
заметить 87, 94, 101, 144, 162, 169, 197
заметно 88, 94, 101, 125, 169
замечать(ся) 101, 151, 169–170, 201, 206
запрещаться 229–232
звенеть 8, 103, 128, 131–135, 257f, 282
знать 19, 21, 28, 30, 35–37, 56, 81, 141, 145,
147, 151–152, 159, 230, 239
и 26, 37f, 158, 162f, 271
идти 92–93, 101, 206
искать 145, 189, 198f, 206
исчезнуть 85, 92, 106, 155, 161, 165f, 168, 234
какой бы то ни было 222–223, 225–237, 261
какой-либо 222–237
какой-нибудь 33, 223–224, 234, 238, 282
лежать 88, 101, 108, 139, 173, 198, 258
ли 73, 236, 251, 253, 270
лишен 17, 226–228
любить 19, 45, 148, 155, 159–160
любой 223, 226, 228–230, 234–235, 237f, 282
мало (кто) 60, 72–73, 233
много 17, 60, 122, 147, 253
можно 20, 147, 212–213
мочь 46, 211–214, 216, 226
мягко говоря 76–79
наблюдаться 87–88, 101, 105, 123, 128, 130,
138, 143, 169–170, 258
надо 214–218, 234, 255
найти 101, 123, 124, 148, 152, 154, 159, 161,
165, 189, 206, 253
найтись 86, 88, 95, 101, 105, 123, 125, 129, 165,
169
написать 140–141, 153, 159
напрасно 43, 48–51, 53
наступить 87, 92, 101, 165–166, 169, 172

- находиться 84, 88, 92, 101, 115, 117, 123, 165–167, 173, 188
начаться 92, 165–166, 172
не- 12, 17, 72–73, 277
нельзя 17, 147, 212–213, 234
немедленно 45, 50–51, 274
нет 17, 50, 72–73, 79, 100, 112–116, 120, 123, 124, 126, 142, 151, 163, 173, 174, 185, 190, 232, 236, 261, 279, 286
ни 17, 72, 84, 98–99, 146–147, 163, 165, 167
ни- 17, 42, 71–72, 223–224, 238, 273
никакой 71, 84, 99, 148, 154, 165–167, 172, 223–226, 232, 234, 236, 237, 261
никогда 17, 71, 127, 172–173, 224, 232
никто 17, 42, 58, 71–72, 223–224
ничто 42, 71–72, 99, 147, 224–226, 232
но 179, 180, 184, 282
нужно 94, 101, 159, 214–216, 218, 235
обнаружи(ва)ться 83, 93–94, 100–101, 105, 123, 125, 138, 165, 169
обрадовать 30, 61–62, 65–66, 155
огорчить 30, 61, 66, 68, 238
один 71–72, 84, 99, 146, 161, 165, 167
ожидаться 93, 94, 101, 105, 123, 169
оказаться 85, 88, 93–94, 101, 105, 123, 125, 129, 143, 169, 257
опозорить 60, 64, 69–70
оскорбить 63, 67, 155, 158
остаться 89, 94f, 101, 134f, 142, 164, 169, 171
отдыхать 98, 103, 205, 214
открывать 187, 189, 196–197, 202
открыть 153, 173, 196, 202, 211
отрицать 31–32, 226–227
отсутствовать 226–228, 231–232
охота 252f, 255
пахнуть 8, 128, 130, 132–135, 282
перестать 23, 38, 230, 232–233, 261
пока 49, 50, 58, 156, 274, 278
показаться 102, 112, 172, 175
показывать 30, 141, 198, 207
получить 139, 141–142, 146, 152–153, 207
помнить 30, 152–154, 161
понимать 30, 152, 197, 205, 209–211
понять 197, 205, 209–211
попасть 41, 102, 181, 210, 217, 222
попасться 88, 102, 123, 207
порадовать 62–64, 71, 238
построить 87, 91, 102, 139, 154, 158, 169, 258
поступить 102, 126, 165, 171
потерять 154, 156, 161, 209, 229
почему бы то ни было 222–233, 235–236
появиться 85, 86, 92, 94, 102, 105–106, 123, 125, 129, 165, 169, 171, 216, 257
прийти 82, 88–89, 91–92, 102, 129, 139, 142, 153, 165–166, 170, 206, 258
присутствовать 84, 88, 92, 165
приходить 102, 137, 165, 189, 190, 198, 206
произойти 85, 87, 94, 99, 102, 165
пройти 95, 102, 163, 216
разве 49–50, 223, 244–246, 274
резко 45–49, 274
решать 146, 203–204, 210
решить 146–147, 203, 210
сидеть 98, 102, 104, 161, 189, 196, 258
скоро 49, 81, 273, 274
слышаться 102, 105, 123, 130, 137
слышно 94, 102, 125, 169
снова 26, 241, 243, 246–247
сожалеть 29–30, 35, 37
сохраниться 91, 102, 134, 135, 169
сразу 41, 53, 55, 80
стоять 98, 102–103, 127, 173, 180, 258
существовать 87, 93, 96, 120, 147, 170, 188, 245
считать 24, 31, 156, 184, 279
тоже 26, 38, 241–243
только 28, 233, 243, 250, 254
точно 54, 56, 80–81
требоваться 87, 94, 102, 123, 214
тщательно 45–46, 50–51, 274
угovorить 148, 203, 204, 211, 213
уже (не) 14, 26, 187, 201, 241–247, 271
уронить 34, 37, 62, 65, 67
хотеть 145, 226, 239, 260
читать 137, 148, 151–152, 188, 200, 204, 210
что 21–22, 24–25, 27–29, 31–33, 35–37, 42, 44, 69, 73, 253–254
чтобы 17, 49, 50–52, 58–59, 70, 235, 245–246, 254, 274
чувствовать(ся) 88–90, 102, 105, 123, 125, 128–130, 143, 151, 169
-либо 223–226, 231–238, 235, 237, 291
-нибудь 33, 71–72, 223–224, 237, 291

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. А. Зализняк, Е. В. Падучева

Об инициальном отрицании в древнерусском и старославянском

1. Постановка задачи

Отрицание в древнерусском и старославянском языке часто стояло в начале предложения (или клаузы) — как бы независимо от того, с каким словом оно связано по смыслу и синтаксически. Вот несколько евангельских и иных примеров¹:

- (1) а. Господи, не яростию твоею обличи мене!
б. Слышасте, тако речено бысть древнимъ: не въ лъжю кльнешися.
в. Не и мытаре ли тако творать?
г. Не даите пакости дѣяти ..., да не клати вась начнуть.

Возникает ощущение, что древнерусский порядок слов был сходен с санскритским, с его господством инициального отрицания, например:

- (2) Na bhartṣhīnā vyavasāmi jīvitum ‘лишенная мужа, я не хочу жить’ (букв. «не лишенная мужа хочу жить»).

В работе ставится задача описать различие между древнерусской и современной стратегией расстановки слов в отрицательном предложении.

Здесь существенно то, что некоторые из древних стратегий продолжали существовать вплоть до XIX века. Вот, например, как пишет Гоголь²:

- (3) Не унынью должны мы предаваться при всякой внезапной утрате, но оглянуться строго на самих себя, помышляя уже не о черноте других и не о черноте всего мира, но о своей собственной черноте. [Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1843—1847)]

Скорее всего, мы бы сейчас, чтобы выразить эту мысль, поставили отрицание при глаголе. А слово, перед которым у Гоголя стоит отрицание и которое воспринимается как выделенное фразовым ударением, убрали из начальной позиции:

- (3') Не предаваться унынью должны мы при всякой внезапной утрате, но оглянуться...

---

¹ Примеры здесь и далее даются в нормализованной и несколько упрощенной древнерусской (или, соответственно, старославянской) орфографии; в частности, раскрывается большинство сокращений, добавляется современная пунктуация и др.

² Этот пример, как и ряд других, — из Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorgo.ru/>).

Можно думать, что и предложение (1а) звучит необычно с точки зрения современного языка не потому, что в нем отрицание стоит в начале, а потому, что в нем необычна эмфатическая препозиция слова — носителя фразового ударения; достаточно поставить ударную именную группу в конец, чтобы фраза стала нормальной:

не яростию твоею обличи мене! = не обличи мене яростию > твоею.

Ср. еще пример (4) — из Радищева. Речь идет о том, что сохранит память о человеке в потомстве. Порядок слов в предложениях (а) и (б), с начальным *не*, вполне нормативен с современной точки зрения — это обычная экспрессивная препозиция ремы (об экспрессивной препозиции ремы в современном русском языке см. Ковтунова 1976: 95ff).

(4) (Но гробницы великолепные? Суть знаки несомненные человеческия гордыни, но знаки желанія его жити вечно. Но се ли вечность, которая человек толико жаждущ?) (а) *Не* столп, воздвигнутый над тлением твоим, сохранит память твою в дальнейшее потомство. (б) *Не* камень со иссечением имени твоего пренесет славу твою в будущие столетия. (в) Слово твое, живущее присно и вовеки в творениях твоих, слово российского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит в уста народных за необозримый горизонт столетий. [А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779—1790)]

В самом деле, отрицаемая составляющая могла бы находиться и в конечной позиции:

- (а) = ‘сохранит память твою в дальнейшее потомство *не* столп, воздвигнутый над тлением твоим’;
- (б) = ‘пренесет славу твою в будущие столетия *не* камень с иссечением имени твоего’.

Аналогичная экспрессивная препозиция ремы имеет место и в предложении (в), не отрицательном. С этой интерпретацией инициальное отрицание в примере (4) вполне вписывается в современные нормы.

Однако за рамками современного языка предположение о том, что инициальное отрицание возникает в контексте экспрессивной препозиции акцентоносителя, не проходит. Так, в евангельском тексте (5) порядок слов никакой экспрессии не выражает:

(5) *не прѣлюбы сътвориши* (Матф. 19.18).

Более общая гипотеза относительно древнерусского (и старославянского) состоит в том, что отрицательная частица имела такой синтаксический статус, который позволял ей быть синтаксически связанной не со словом, а с составляющей предложения. Иначе говоря, важно было не то, перед каким словом стоит отрицание: сфера действия отрицания в отрицаемом предложении определялась его членением на составляющие. А именно, отрицание перед начальным словом составляющей распространялось на всю составляющую; если вершиной составляющей был финитный глагол, то на всю клаузу.

Ниже рассматриваются стратегии размещения отрицания в древнерусском (и старославянском), под действием которых оно так часто оказывалось инициальным.

2. ОБЩЕЕ

Чтобы объяснить отличия древнерусского местоположения отрицания от современного, необходимо в общих чертах охарактеризовать ситуацию с местом отрицания в современном языке. Для начала уточним некоторые понятия.

В современной лингвистике, как и в логике предикатов, принимается положение о том, что отрицание воздействует всегда на пропозицию. Иначе сказать, **сферой действия** отрицания всегда является пропозиция, а не отдельное слово. С семантической точки зрения различается **общее** (полное) и **частное** (неполное) отрицание. Соответственно, предложения делятся на **общеотрицательные** и **частноотрицательные** (термины — из Пешковский 1956/2001). Отрицание является общим, если предложение имеет перефразировку с оборотом НЕВЕРНО, что (it is not the case that), который стоит в начале предложения. Иначе говоря, предложение общеотрицательное, если сферой действия отрицания в нем является все предложение (см. Падучева 1974/2007) — естественно, «за вычетом» отрицания (аналогичное определение в Jackendoff 1990). Отрицание частное, если какой-то фрагмент смысла предложения не входит в сферу действия отрицания. Например, в предложении (6) общее отрицание, а в (7) — частное (здесь и далее НЕ — сокращение для НЕВЕРНО, что /НЕ ИМЕЕТ МЕСТА то, что):

(6) *Они не ссорятся из-за пустяков* = НЕ [Они ссорятся из-за пустяков].

(7) *Дети не спят из-за шума* = из-за шума НЕ [дети спят].

С другой стороны, с синтаксической точки зрения различается **предикатное** отрицание (т. е. отрицание при финитном глаголе или предикативе, иначе — **фразовое**, см. Падучева 1974/2007, или **сентенциальное**), как в (8а), и **присловное**, как в (8б):

(8) а. *Иван не попал на выставку*,

б. *Не все попали на выставку*.

Лингвисты долгое время не могли отказаться от идеи о том, что предложение с предикатным отрицанием является семантически общеотрицательным, а предложение с присловным отрицанием — семантически частноотрицательным. Однако этого совпадения нет — имеются все четыре возможности.

Семантически общеотрицательные предложения с предикатным отрицанием:

Коля не придет = ‘НЕ [Коля придет]’;

Иван не повез жену в больницу = ‘НЕ [Иван повез жену в больницу]’.

Семантически общеотрицательные предложения с присловным отрицанием:

Это был не портрет = ‘НЕ [Это был портрет]’;

Он решил не все задачи = ‘НЕ [Он решил все задачи]’;

Я не всегда буду с вами = ‘НЕ [Я всегда буду с вами]’.

Семантически частноотрицательные предложения с предикатным отрицанием:

Мы с вами долго не увидимся = ‘долго НЕ (БУДЕТ ИМЕТЬ МЕСТО) [мы с вами увиделись]’.

Семантически частноотрицательные предложения с присловным отрицанием:

Иногда он отвечает не сразу = ‘иногда НЕ [он отвечает сразу]’.

Термины «предикатное отрицание» и «присловное отрицание» приблизительно соответствуют английским *sentential negation* и *constituent negation*. Несколько уточнений по поводу этого соответствия.

В русском языке естественно говорить о «присловном» отрицании, а не об «отрицании в составляющей» (*constituent negation*), поскольку русские синтаксисты традиционно оперируют словами, а не составляющими, как английские (во всякой составляющей есть вершина, которая является ее «представителем»). Что же касается соответствия «*sentential negation* — предикатное отрицание», то тут дело осложняется тем, что в самой англоязычной лингвистической литературе термин *sentential negation* понимается по-разному. В русской лингвистической терминологии удалось установить различие между семантически общеотрицательным предложением и предложением с предикатным отрицанием, т. е. отрицанием при сказуемом, которое является синтаксической вершиной предложения, но не обязательно выражает общее отрицание, т. е. такое, сферой действия которого является все предложение. Между тем английский термин *sentential negation* употребляется в обоих смыслах — семантическом и синтаксическом.

В классической статье о семантике отрицания Klima 1964 термин *sentential negation* понимается как общее отрицание в семантическом смысле. В предложениях *No one objected* ‘никто не возражал’, *John ate nothing* ‘Джон ничего не съел’, *Not everyone agreed* ‘не все согласились’, Клима, основываясь только на разного рода синтаксических тестах, пронизательно усматривает семантическое общее отрицание. А Есперсен (см. Jespersen 1924/1958), который ориентируется строго на форму, трактует подобные примеры как содержащие *constituent negation* (= ‘*special negation*’), поскольку отрицание в них стоит не при предикативной вершине предложения, а входит в состав именной группы.

Исходя из этого, употребление термина «сентенциальное отрицание» в русскоязычной лингвистической литературе можно считать безопасным только в синтаксическом смысле — в качестве синонима для термина предикатное или, что то же, фразовое отрицание. Но не как синоним для семантически ориентированного термина «общее отрицание».

В Večerka 1996, важнейшей монографии о синтаксисе старославянского простого предложения, различаются *Satznegation* и *Satzgliedernegation* — что, очевидно, соответствует английским «*sentential negation*» и «*constituent negation*», причем *Satznegation* определяется именно как предикатное (= фразовое) отрицание, т. е. термин понимается в синтаксическом смысле. Утверждается (Večerka 1996: 132), что *Satzgliedernegation*, т. е. «конституентное» (а в наших терминах — присловное) отрицание является способом выражения семантически частного отрицания, тогда как *Satznegation*, т. е. фразовое отрицание, выражает как общее, так и частное отрицание. На самом деле, однако, *Satzgliedernegation* тоже неоднозначно, т. е. может выражать как семантически общее, так и частное отрицание, см. примеры выше.

3. РАЗБОР ПРИМЕРОВ

Рассмотрим ряд контекстов употребления отрицания в нескольких древнерусских и старославянских источниках.

По большей части инициальное *не* встречается в составе тех или иных оборотов; см. примеры (1а), (1б), а также:

- (9) а. не обычаи имь есть обрати плещи когда побѣжени боудѣтъ (Флавий, 413а) ‘нет у них обычая обращаться спиной в случае поражения’;
 б. и нравъ ихъ вѣдѣшеть, яко не добро разидѣтса (Флавий, 420а) ‘и нрав их знал, что они добром не разойдутся’.

Во всех этих примерах отрицание (занимающее инициальное положение в своей клаузе) относится по смыслу не к слову, перед которым стоит, как было бы естественно его понять в современном русском языке, а к той составляющей, вершиной которой является ближайший глагол (в наших примерах отрицание и глагол-вершина подчеркнуты).

Обратимся теперь к *не* в составе оборотов.

Оборот *да не*

Примеры ниже подтверждают предположение о том, что в древнерусском и старославянском языке отрицание синтаксически связано не со словом, а с составляющей. С точки зрения современного синтаксиса естественно связывать отрицание с вершиной составляющей, т. е. с глаголом:

- (10) а. не осждаите, да не осждени бждете (Матф. 7.1) = ... да не [осждени бждете]
 ‘... да не будете осуждены’;
 б. і запрѣти имь, да не ѣвѣ его сътворать (Матф. 12.16) = ... да не [ѣвѣ его сътворать]
 ‘... да не сделают его явным’;
 в. да не како ослабѣжтъ на пжти (Матф. 15.32) = да не [како ослабѣжтъ на пжти]
 ‘да не ослабеют как-нибудь в пути’.

В таком случае, можно сказать, что с точки зрения современного языка необычным в древнерусском является не место отрицания, а порядок слов в глагольной группе — если переставить подчиненную глаголу группу (или группы), то отрицание окажется перед глаголом:

- (11) а. глаголахъ же: нь не въ праздникъ, да не мльва бждеть въ людехъ (Матф. 26.05) ‘... чтобы не было ропота в людях’;
 б. поповство должно ѣсть много въздѣржаниѣ имѣти, да не с грѣхы входить въ сѣи олтарь (ЖАЮ, 48г) ‘... чтобы не входил в святой алтарь с грехами’;
 в. не мози створити кго дѣла на хлапѣ оца моего, да не како и тебе самого начнетъ оукарати. (ЖАЮ, 17а) ‘... чтобы не начал как-нибудь укорять и тебя самого’;

г. не мози не вѣровати, да не въ винж въпадеши (Супр., II-2) ‘... да не впадешь вину’;

д. да не таковыхъ хлѣбъ въкоусать (Феод., 52г) ‘да не вкусят такихъ хлебов’.

Между отрицанием и глаголом может находиться не только подчиненная глаголу предложная или косвенно-падежная группа, но и подлежащее:

(12) а. дале сего не исходи, да не по правдѣ бѣжи гнѣвъ нѣкакъ на тобѣ будеть (ЖАЮ, 15в) ‘... чтобы не был как-нибудь по справедливости божий гнев на тебе’;

б. нѣ блюда, чадо, да не богатство и слава мира сего възврати та въспаъ (Феод., 33г) ‘... чтобы богатство и слава мира сего не возвратили тебя вспаъ’.

В начальной позиции, а значит, перед глаголом, к которому, с нашей точки зрения, синтаксически относится отрицание, может быть сравнительный оборот, деепричастный оборот, *dativus absolutus*:

(13) а. да не яко зьлодѣи зьлѣ оумьреши (Супр., 52) ‘... чтобы ты не умер злой смертью как злодей’;

б. стрѣги яко да не въшьдѣ змии лоукавыи плѣнить кого ѿ оученикъ его (Феод., 57а) ‘следя за тем, чтобы лукавый змей не пленил, войдя, кого-либо из учеников его’;

в. да не пастоухоу оубо ѿшьдѣшо да опоустѣють пажить юже бѣ благослови (Феод., 28г) ‘чтобы не случилось так, что когда пастух уйдет, то опустеет пажить, которую Бог благословил’.

Возникает вопрос, каков был бы порядок слов в предложении, если бы не отрицание. Иными словами, не обусловлена ли препозиция подчиненных глаголу составляющих наличием в предложении отрицания. (Так, в современном языке отрицание может вызывать существенную перестановку слов, ср. *В аптеке были покупатели — Покупателей в аптеке не было.*)

Препозиция подчиненных глаголу групп вполне возможна и в неотрицательных предложениях; см. в примерах ниже препозитивные сравнительные обороты, препозитивные падежные и предложно-падежные группы, деепричастия и адвербиалы вне контекста отрицания:

(14) а. бѣахъ бо яко кон’и рѣжжште о добротѣ къа (Супр., 2) ‘ржали как кони на красоту ее’;

б. яко стрѣлы млладеништѣ быша раны ихъ (Супр., 57) ‘как стрелы млладенцев были наносимые ими раны’;

в. и кд’нооумень ми бжди, или зьлѣ оумьреши (Супр., 33) ‘и будь со мною единокорен или умрешь злой смертью’;

г. съ нами ед’нако бжди, да и честь великж отъ мене възьмеши (Супр., 30) ‘будь с нами заодно и получишь от меня великую честь’;

д. яже въ толикж напастѣ въпадоста (Супр., III-047) ‘которые в такое бедствие впади’;

е. и своима роукама измьлѣ, пакы проскоуры твораше (Феод., 29б) ‘и своими руками измолвил, снова делал просвиры’.

Итак, основной вывод таков. В древнерусском и старославянском отрицание, которое относится к глагольной предикации в целом, стоит не перед глаголом как синтаксической вершиной группы (что обычно для современного языка), а перед всей глагольной группой, т. е. глаголом и его подчиненными. А поскольку эти подчиненные имеют тенденцию быть в препозиции по отношению к глаголу, отрицание в общеотрицательном предложении часто оказывается оторванным от глагола.

Оборот *аще не*

Отрицание в составе оборота *аще не* тоже распространяется на всю предикацию, т. е. является фразовым:

- (15) а. ну, помни же себя, что нѣтъ тебя ни со што, аще не господь что сотворит по милости своей (Аввакум, 108) ‘ну, помни же о себе, что нет тебя нисколько, если только Господь что-то не сотворит по милости своей’;
 б. аще не господь помога^а бы, вмалѣ вселися бы во ^а душа моя (Аввакум, 53) ‘если бы не помогал Господь, скоро вселилась бы в ад душа моя’;
 в. не имамъ съде ваште пати хлѣбъ і рыбоу дъвож, аще оубо не мы шьдъше во вьса люди сиѣ коупимъ брашъна (Лук. 9.13) ‘... если мы не пойдем купить (букв. “не мы, пойдя, купим”) пищи для всех этих людей’.

Книжный оборот *аще не* встречается (практически только в цитатах или их перифразах) и в более поздних текстах, с таким же отделением отрицания от синтаксической вершины составляющей:

- (16) а. Всеу трудишися скудельный человек, аще не Бог созиждет дом твой! [И. Н. Скобелев. Рассказы русского инвалида (1838—1844)];
 б. хотя страшно, а надобно сказать: лучше бы было, аще не бы родился человек тот. (архиепископ Платон (Левшин). Слово на день рождества Пресвятыя Богородицы (1777))

Оборот *не ... ли*

Структура отрицательно-вопросительного предложения с *не... ли* в древнерусском языке вполне аналогична современной. Дело в том, что частица *ли* ведет себя как энклитика и подчиняется закону Ваккернагеля, сохраняя это свое свойство вплоть до современного состояния русского языка. Поэтому первое слово составляющей (с которой соотносится *не*) — каким бы оно ни было — ставится перед *ли*, т. е. оказывается как бы внутри оборота *не... ли*:

- (17) а. господи, господи, не в твое ли има пророчествовахомъ? (Матф. 7.22);
 б. не дьвѣ ли пѣтици на (а)ссарии вѣнимѣ есте (Матф. 10.29);
 в. не добро ли сѣма сѣлъ еси на селѣ твоємъ (Матф. 13.27);
 г. не въ моихъ ли роукахъ дѣѣ ваѣша соуть (Флавий 461в).

Строго говоря, частицы *не* и *ли* не образуют никакого специального синтаксического единства, а подчиняются каждая своим законам: *не* — проклитика, так что

инициальное отрицание стоит в начале (глагольной) составляющей, на которую воздействует; а *ли*, как энклитика, ставится после первого акцентно самостоятельного слова этой же составляющей.

По смыслу, однако, *ли* ≈ ‘разве’ и включает в свою сферу действия отрицание. Так, если обозначить оператор вопроса *ли* как *ли*, то сферы действия семантических операторов в предложении (17а) можно представить так:

ли [не [в твое имѧ пророчествовахомъ]].

При этом, в соответствии с общими синтаксическими правилами поведения клитик, проклитика *не* и энклитика *ли* могут объединяться, образуя проклитико-энклитический комплекс (Зализняк 2008, § 1.39—41), как, например:

(18) *нели ѿѣ ѡси ты* (Чуд., 51а) ‘не царь ли ты?’

Оборот *не ... ли*, со свойственным ему специфическим воздействием на порядок слов, остался почти неизменным в современном языке (см. Падучева 2012). Отметим, однако, ряд отличий. Одно касается биноминативного предложения. В современном языке вопрос в биноминативном предложении требует субъектно-предикатной инверсии. Так, вопросительное предложение (19б) соответствует утвердительному (19а) — перед *ли* ставится составляющая, несущая фразовый акцент, т. е. сказуемое:

(19) а. Это утопия? ; б. Не утопия ли это?

Подлежащее будет препозитивным в вопросе только в том случае, если в соответствующем утвердительном предложении оно рематично:

(20) а. Зачинщик он? ; б. Не он ли зачинщик?

Между тем в древнерусском и старославянском при переходе от утверждения к вопросу инверсии не происходит. Так, исходным утвердительным предложением для (21а) будет (21б), где *съ* ‘он’ — обычное подлежащее-тема:

(21) а. *не съ ли есть тектоновъ сынъ?* (Матф. 13.55) ‘не плотников ли он сын?’
(букв. «не этот ли плотников сын?»);
б. *съ есть тектоновъ сынъ ‘он плотников сын’.*

[Русский перевод предложения (21а) требует инверсии; «расщепление» именной группы *плотников сын* такое же, как в примерах (17а)—(17г), *он* уходит из конечной позиции, видимо, из-за своей безударности.]

Трудно сказать, когда произошло это изменение, но в XIX веке инверсия заведомо уже была так же обязательна, как в современном языке:

(22) а. — Пойдите-ка! — сказал я. — Днепровская? ... *Не жена ли она Алексея Семеновича Днепровского?* [М. Н. Загоскин. Искуситель (1838)]
б. *Не выходец ли ты с того света?* [А. А. Бестужев-Марлинский. Вадимов (1834)]

Другое отличие демонстрирует пример (23), который показывает, что *не* могло иметь в своей сфере действия *ю* ‘уже’. Между тем в современном языке структурному фрагменту *не [ю ...]* соответствует сочетание *еще не*:

(23) *не ю ли разоумѣваате, ѣко всѣко еже входить въ оуста, въ чрѣво вмѣщаетъ сѧ і афедрономъ исходить* (Матф. 15.17) = ‘ли [не [ю разоумѣваате, ѣко всѣко

еже входить въ уста...]] ‘неужели вы еще не понимаете, что всё, входящее в уста, попадает в чрево и выходит через афедрон?’

Способность *не* подчинять *уже* проявляется и вне оборота *не ... ли*:

(24) ономоу не оу еще явивъшу еуанглия ‘когда он (Климент) еще не показал евангелия (Феод., 48б), *букв.* «тому не уже еще показавшему евангелия».

В современном языке сочетание *не уже* невозможно. Пример (25) интересен тем, что Н. К. Гудзий, цитируя в своей книге древнерусский текст, производит в нем проясняющую замену, которая выводит частицу *уже* из сферы действия отрицания, заменяя *не уже* на *еще не* (см. о механизме этого рода замен в общем виде в Богуславский 2002; Paducheva 2008):

(25) Близо к народным причитаниям-заплачкам звучит его просьба, обращенная им к своим убийцам: «Не пожьнете мене, от жития не созьрела, — умоляет он, — не пожьнете класа (колоса), *не уже (еще не)* созьреша, но млеко беззлобия носяща!» [Н. К. Гудзий. История древней русской литературы (XI—XV вв.) (1938)]

Рассмотрим еще пример:

(26) не и мытаре ли тако творать (Матф. 5.47) ‘ли [не [и мытаре тако творать]]’ ‘не так же ли и мытари поступают?’

Исходное предложение отличается от его перевода на современный язык порядком слов. Дело в том, что в старославянском можно было употребить оборот *не ... ли* в контексте предложения с препозитивной ремой: *и мытаре тако творать* (NB рематизирующую частицу *и*). Между тем в современном языке оборот *не ... ли* может быть использован только в предложениях с более обычным порядком слов, например: *Так же поступают и мытари* > или *Так же и мытари поступают*. Получаем: *Не так же ли поступают и мытари?* или *Не так же ли и мытари поступают?*

Отрицание может включать в свою сферу действия союзы

Отрицание в составе оборота *не ... ли* может иметь в своей сфере действия сочинительный союз. В примерах ниже отрицание в составе первого из сочиненных предложений включает в свою сферу действия сочинительный союз *и* и вводимое им предложение — что совершенно исключено в современном языке:

(27) а. господи, господи, не въ твое ли има пророчествахомъ и твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ? (Матф. 7.22) = господи, господи, ли [не [въ твое има пророчествахомъ и твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ]] ‘разве неверно, что мы от твоего имени пророчествовали и твоим именемъ бесов изгоняли?’;
б. не мати ли его нарицаеть сѧ Мариѣ и братръ его иѣковъ и осифъ? (Матф. 13.55) = ли [не [мати его нарицаеть сѧ Мариѣ и братръ его иѣковъ и осифъ]] ‘разве неверно, что мать его зовется Мария и братья его (звуются) Иаков и Иосиф?’

То же касается оборота *еще не* — отрицание в составе первого из сочиненных членов включает в свою сферу действия сочинительный союз *и*:

- (28) аще не прѣвѣ съважетъ крѣпкааго і тогда домъ его расхытитъ (Матф. 12.29) = аще не [прѣвѣ съважетъ крѣпкааго і тогда домъ его расхытитъ] ‘разве не так он поступит, что сперва свяжет сильного и тогда дом его расхитит’.

То же верно для оборота *да не* — в сфере действия отрицания, синтаксически относящегося к глаголу, входит связанный с этим глаголом сочинительный союз *или* и, соответственно, вводимая им сочиненная пропозиция:

- (29) оубоявса ѿ немъ, да не ѡтравать его **или** оубиють прельстѣвше (Флавий 355а) ‘испугавшись за него, как бы его не отравили или, обманув, не убили’.

Сочетания с фазовыми глаголами

В древнерусском языке в сочетаниях *не* с фазовым глаголом нельзя отличить, является ли сферой действия отрицания вся глагольная группа, возглавляемая фазовым (или модальным) глаголом, или только группа подчиненного ему инфинитива. Так, в (30а) и (30б) дело только в порядке слов, и отрицание воспринимается как синтаксически связанное с фазовым глаголом и распространенное на всю группу. А в (30в) и (30г) наблюдается подъем отрицания с инфинитива на главный предикат, который противоречит нормам современного языка — по смыслу отрицание относится к инфинитиву:

- (30) а. не даите пакости дѣяти ѡтрокомъ ни своимъ ни чюжимъ, ни в селѣ^х ни в житѣ^х, да не клати ва^с начнутъ (Мономах, 80б) ‘... да не начнут вас проклинать’;
 б. и ѡселѣ не имоуть ти никоѣн же пакости створити лоукавии бѣси, не бо видѣти ихъ имаши (Феод., 44в) ‘... ибо не будешь (даже) их видеть’;
 в. и не поча по тому чинити, яко же люди хотяху (Увар., 34б) = и поча не [по тому чинити, яко же люди хотяху] ‘и начал поступать не так, как хотели люди’;
 г. А будетъ которой судья не учнетъ ѣздить въ приказъ своимъ упрямствомъ... (Улож., гл. 10, § 24) ‘а если какой-либо судья начнет не ездить в приказ, по своему упрямству...’

Остатки такого употребления сохраняются и в более позднее время:

- (31) Почтенный гостинодворец тужит: «Сын мой, Пронька, стакався с веселыми людьми — перегудниками, не почал меня, отца своего, слушать». [Б. В. Шергин. Слово о Москве (1930—1960)]

Современное *не велел* в значении ‘велел не’, т. е. ‘запретил’, представляет собой реликт именно такого словоупотребления. Интересно, что отрицание в (30в,г) стоит перед финитным глаголом как раз там, где оно к этому глаголу не относится.

Предложения с кванторными словами

Как и в современном языке, отрицание при кванторном слове — это общее отрицание:

- (32) а. и коуманъ оубоасѣ, да не вси людѣе оустремѣтѣсѣ на нь (Флавий, 396б) ‘и Куман побоялся, как бы на него не устремились все люди’;

- б. не бо николи же на ребрѣхъ своихъ ляжашеть (Феод., 38б) ‘ибо никогда на ребра свои не ложился’ (т. е. вообще не лежал);
 в. еще не мноси бѣша видѣли и повѣдали (Флавий, 424в) ‘если бы не то, что многие видели и рассказали’.

Древнерусский и старославянский, в отличие от современного русского, не требовал обязательного отрицательного согласования, т. е. допускалось отсутствие *не* при глаголе в контексте *ни*-местоимения или *ни*-наречия:

- (33) добии же христосовѣ кодрать, нако никакоже чоуѣ мжкъ. поучааше кажштаѣ сѧ (Супр., 56) ‘доблестный же Христов (воин) Кодрат, как бы несколько (не) чувствуя мук, поучал кающихся’.

Сочетание *не всѧкии* могло пониматься как ‘никакой’, ‘никто’ (см. об этом Веѣрка 1996: 133):

- (34) не сѣ ли естъ казавии мнѣ прежде блюстисѧ александра, и не всѧкому приближѧтисѧ къ тѣлоу моемѸ, не сѣи ли мене водѧше до ѡдра, и безпечалное житие мнѣ подаваше, и сонѣ хранаше (Флавий, 378в) ‘не он ли говорил мне прежде, (что следует мне) остерегаться Александра и никому не приближаться к телу моему...’

Предложения с адвербиалами

В современном языке адвербиал может выступать как оператор, который семантически подчиняет глагольную предикацию, причем отрицание перед адвербиалом понимается как отрицающее только этот оператор — глагольная предикация составляет неотрицаемую пресуппозицию. Так, в (35) отрицается только *скоро*; не подвергается отрицанию тот факт, что наши предки ели:

- (35) Не скоро ели предки наши = ‘ели наши предки не быстро’.

Между тем в древнерусском отрицание свободно понимается как имеющее **широкую сферу действия** (термин из Богуславский 1985: 54), т. е. включает и адвербиал, и семантически подчиненную глагольную предикацию. В примерах ниже в сферу действия отрицания входит составляющая, которая включает глагол и все его синтаксические подчиненные, включая адвербиал:

- (36) а. еще же ктѣ ѿ мѣншихъ съгрѣшити, не скоро пострѣкѧтесѧ на нѧ (Флавий, 408б) ‘... не набрасывайтесь сразу же на них’;
 б. еще не скоро вратѣте ми женѣ, раздроушю стѣны и внидоу (Флавий, 432б) ‘если вы немедленно не вернете мне жену, разрушу стены и войду’;
 в. блюдоуци, да не паки отбѣжити отъ неѧ (Феод., 29а) ‘следя за тем, чтобы он не убежал от нее опять’.

Так, в (36б) угроза вступает в силу, если не выполняются два условия — возвращение жены, и притом немедленное; глагольная предикация не составляет пресуппозиции.

В современном языке принципиальным для возможности отрицания глагольно-адвербиального комплекса как целого является **контекст снятой утвердительно-**

сти (Weinreich 1963/1970; Падучева 2005), который порождают, в частности, союзы типа *если, пока, чтобы* или частицы *разве, едва ли* и проч. Так, сочетания *резко не затормозил, тщательно не оделся, немедленно не уйдем, периодически не вспыхивали, клятвенно не пообещал, вскоре не сделался негодяем, неустанно не взывал* возможны только в таком контексте. В примерах (36а—в) мы имеем именно этот контекст. И тогда различие сводится, опять-таки, к тому, что в древнерусском отрицание стоит перед всей своей сферой действия, а в современном языке — перед синтаксически главным словом, ср. не скоро вратите и немедленно не вернете или да не паки отъбѣжить и чтобы опять не убежал.

Типологическое разнообразие стратегий размещения отрицания

В современных языках действуют две основные стратегии размещения отрицания:

— **синтаксическая**, когда отрицание ставится при синтаксической вершине предложения, а именно при финитном глаголе; и

— **семантико-просодическая**, когда отрицание ставится при семантически главном операторе; например, при кванторном слове, ср. *не все пришли* = не [ВСЕ [пришли]]; при адverbиале, ср. *он шел не быстро* = не [БЫСТРО [он шел]]; при союзе, ср. *не потому*; или при слове, несущем главное фразовое ударение; ср. *он любит не тебя* = не [та, кого он любит, есть ты].

Языки могут расходиться в возможностях выбора той или иной стратегии. Например, русский часто предпочитает семантико-просодическую стратегию там, где английский выбирает синтаксическую. Так, О. Есперсен (Jespersen 1924/1958) допускает для предложения (39), с отрицанием при сказуемом главного предложения, такое понимание, при котором его следует перевести на русский язык предложением (40), с отрицанием при подчинительном союзе:

(39) I didn't call because I wanted to see her (but for some other reason).

(40) Я позвонил не потому, что хотел увидеть ее (а по какой-то другой причине) ≠ Я не позвонил потому, что хотел увидеть ее.

В старославянском и древнерусском, равно как и в санскрите, действовала третья стратегия — **инициальная**: отрицание ставилось перед началом всей той группы слов, которая составляет сферу действия отрицания. При этом экспрессивная препозиция подчиненных, но просодически выделенных слов способствовала отделению отрицательной частицы от синтаксической вершины предложения*.

* Благодарим Лидию Николаевну Иорданскую и Игоря Александровича Мельчука за множество полезных замечаний.

Источники

- Аввакум — «Житие» Аввакума. По изд.: Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.
- Флавий — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. I—II. М., 2004, на основе списка последней трети XV века.
- ЖАЮ — *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М. 2000.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1—3. Л., 1926—1928.
- Лук. — Евангелие от Луки (цитируется по Мариинскому евангелию).
- Мономах — Сочинения Владимира Мономаха (по Лавр.).
- Матф. — Евангелие от Матфея (цитируется по Мариинскому евангелию).
- Супр. — *Северьянов С.* Супрасльская рукопись. Памятн. старосл. языка II, 1, СПб., 1904.
- Феод. — Житие Феодосия. По изд.: Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.
- Увар. — Московский летописный свод конца XV века. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М., 1949.
- Улож. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. М., 1649.
- Чуд. — Чудовский Новый Завет. По изд.: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси. (Фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского). М., 1892.

ЛИТЕРАТУРА

- Богуславский 1985 — *Богуславский И. М.* Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985.
- Богуславский 2002 — *Богуславский И. М.* «Сандхи» в синтаксисе. Вопросы языкознания. № 5. 2002. С. 19—37.
- Есперсен 1958 — *Есперсен О.* Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. Англ. ориг.: *Jespersen O.* The Philosophy of Grammar. London, 1924.
- Зализняк 2008 — *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Падучева 1974/2007 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М., 1974. 2-е изд. — УРСС, 2007.
- Падучева 2005 — *Падучева Е. В.* Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание. Русский язык в научном освещении. № 2 (10). 2005. С. 17—42. (<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/rjns2005.pdf>)
- Падучева 2012 — *Падучева Е. В.* Порядок слов и фразовая просодия // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь И. А. Мельчука. М.: ЯСК, 2012. С. 473—485.
- Пешковский 1956 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. — 8-е изд. М., 2001.

- Jackendoff 1990 — *Jackendoff R. S. Semantic Structures*. Cambridge etc.: MIT Press, 1990.
- Jespersen 1924 — *Jespersen O. The Philosophy of Grammar*. London, 1924. Рус. пер.: *Есперсен О. Философия грамматики*. М., 1958.
- Klima 1964 — *Klima E. Negation in English* // Fodor J., Katz J. (eds.) *The Structure of Language*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1964. P. 246—323.
- Paducheva 2008 — *Paducheva E. Negation, suspended assertion and duality*. The Third International Conference on Cognitive Science. Moscow, 20—25.06.2008, v. 1, 122—123.
- Večerka 1996 — *Večerka R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax*. III. Die Satztypen: der einfache Satz. Weicher — Freiburg I. Br. 1996.
- Weinreich 1963/1970 — *Weinreich U. On the semantic structure of language* // *Universals of Language* / Ed. J. Greenberg. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1963. P. 114—171. Русский перевод: *Вейнрейх У. О семантической структуре языка* // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 5. Языковые универсалии / Ред. В. А. Звегинцев. М.: Прогресс, 1970. С. 163—249.

Елена Викторовна Падучева

РУССКОЕ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Корректор О. Круподер
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 06.12.2013. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Times.
Усл. печ. л. 24,5. Тираж 400. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
№ госрегистрации 1027701010435.
Phone: **8-495-959-52-60**. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>